

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

ISSN 2587-8123 (Print)

ISSN 2658-5995 (Online)

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024

Том 23. № 1

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2024

Volume 23. No. 1

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024

Том 23. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2024

Volume 23. No. 1

THE LOWERVOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2024. Vol. 23. No. 1

Academic Periodical

First published in 1998

4 issues a year from 2024

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included in the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);

V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);

N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);

E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);

A.N. Dyachenko (Volgograd);

N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);

V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Board by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal’s development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Cand. Sc., Prof. *I.I. Marchenko* (Krasnodar); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc. *A.M. Oblomskiy* (Moscow); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*, *N.M. Vishnyakova*,

M.V. Gayval, *I.V. Smetanina*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Jan. 19, 2024.

Date of publication: Apr. 9, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 19.2. Published pages 20.6.

Number of copies 500 (1st printing 1–27 copies).

Order 15. «C» 3.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024. Т. 23. № 1

Научный журнал

Основан в 1998 году

С 2024 г. выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зилвинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); канд. ист. наук, проф. *И.И. Мар-*

ченко (г. Краснодар); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мо-*

нахов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргу-*

нова (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский*

(г. Казань); д-р ист. наук *А.М. Обломский* (г. Москва);

д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН *Н.В. Полосьмак*

(г. Новосибирск); канд. ист. наук *Б.А. Раев* (г. Рос-

тов-на-Дону); д-р ист. наук *Н.Н. Серегин* (г. Барна-

ул); д-р ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн, Герма-

ния); д-р ист. наук, проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэди-

сон, США); д-р ист. наук, проф. *И.Н. Храпунов*

(г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*,

Н.М. Вишнякова, *М.В. Гайваль*, *И.В. Сметанина*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 19.01 2024 г.

Дата выхода в свет: 09.04 2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,2.

Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).

Заказ 15. «С» 3.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Карапетян М.К., Куфтерин В.В., Чаплыгин М.С.*
Новые палеоантропологические материалы
из Каранаевского могильника
срубной культуры 5
- Хохлов А.А., Китов Е.П., Мышкин В.Н.*
К проблеме связей
социальной элиты кочевников Южного Приуралья
по данным краниологии
из Филипповских курганов 27
- Кропотов В.В.* Фибулы
Усть-Каменского могильника
на Нижнем Днепре 46
- Антипенко А.В., Мульд С.А.* Химический состав
металлических находок
из позднескифского могильника Левадки 66
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Алтай
в претюркское время: исторические судьбы
носителей дялянской традиции
обрядовой практики 84
- Хомякова О.А.* Браслеты с расширенными концами,
изготовленные из драгоценных металлов
в позднеримское время
и эпоху Великого переселения народов:
дунайско-днепровско-прибалтийские параллели 102
- Колоколов А.М.* Этнокультурная ситуация
на территории Верхнего Поочья
в «предроменский» период
(2-я пол. VII – VIII в.) 136
- Дружинина И.А., Дружинина О.А., Гольева А.А.,
Чхаидзе В.Н.* Комплексное изучение погребений
из Среднего Зеленчукского храма
на городище Нижний Архыз:
результаты анализа микробиоморфных спектров
и валового фосфора 157

ПУБЛИКАЦИИ

- Храпунов И.Н.* Склепы III в. н.э.
из могильника Опушки 174

CONTENTS

ARTICLES

- Karapetian M.K., Kufterin V.V., Chaplygin M.S.*
Human Skeletal Remains Newly Excavated
at Karanayevsky Kurgan Cemetery
of the Srubnaya Culture 5
- Khokhlov A.A., Kitov E.P., Myshkin V.N.*
Revisiting the Issue of Connections
Among the Nomads Social Elite
from the Southern Urals According to Craniology Data
from the Filippovka Kurgans 27
- Kropotov V.V.* Fibulae
from the Ust-Kamensky Cemetery
in the Lower Dnieper Region 46
- Antipenko A.V., Mul'd S.A.* Chemical Composition
of the Metal Ware Found
in the Late Scythian Cemetery of Levadki 66
- Seregin N.N., Matrenin S.S.* Altai
in the Pre-Turkic Period: Historical Fate
of the Nomads of the Dyalyan Tradition
of Ritual Practice 84
- Khomiakova O.A.* Bracelets with Widened Ends
Made from Precious Metals
of the Late Roman
and the Great Migration Period:
Danube-Dnieper-Baltic Parallels 102
- Kolokolov A.M.* Ethnocultural Situation
on the Territory of the Upper Oka
in the "Pre-Romen" Period
(Late 7th to 8th Centuries) 136
- Druzhinina I.A., Druzhinina O.A., Golyeva A.A.,
Chkhaidze V.N.* Application of Microbiomorphic
and Total Phosphorus Analyses
to the Archaeological Study
of the Sredny Zelenchuk Temple,
Nizhny Arkhyz Hillfort 157

PUBLICATIONS

- Khrapunov I.N.* Third Century AD Burial Vaults
from the Cemetery of Opushki 174

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.1>

UDC 903.531:572.7:611.7

LBC 63.4(2):28.71

Submitted: 20.03.2023

Accepted: 13.11.2023

HUMAN SKELETAL REMAINS NEWLY EXCAVATED AT KARANAYEVSKY KURGAN CEMETERY OF THE SRUBNAYA CULTURE¹

Marina K. Karapetian

Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Kufterin

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Mikhail S. Chaplygin

Sterlitamak Museum of Local Lore, Sterlitamak, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This paper presents results of an anthropological and paleopathological studies of newly excavated materials from the Karanayevsky cemetery located in the Southwestern Bashkortostan and attributed to Srubnaya culture. The goal of this study was to introduce new data from kurgan 2, as well as to compare this sample with the samples from other Karanayevsky kurgans, and with synchronous population characteristics of the region. Discussion involves skeletal material from 12 individual burials (nine children and three adults). *Methods.* Sex, age and the state of preservation/completeness of the remains were assessed. We performed a morphometric study, an analysis of dental morphology, description of pathologies and individual characteristics, taking into consideration the recommendations in the specific literature. The Spearman's rank correlation coefficient was used to test for the relationship between skeletal preservation, sex, age, and grave construction. A single cranium from the kurgan was compared with the pooled samples from the region using Heincke's method. The Fisher's exact test was used to assess the possible statistical differences in frequencies of dental non-metric traits between the Karanayevsky kurgan 2 sample and the pooled Srubnaya samples of the Pre-Urals. *Analysis.* The skeleton preservation appears to be related to the age of the buried, but to a greater extent varies depending on the depth of the grave. The female skull from kurgan 2 shows characteristics of European ancestry and has mesomorphic morphology with a medium or slightly weakened horizontal and vertical profiling. It shows similarity to the pooled Srubnaya craniological series from the forest-steppe subareas. The dental morphology observed in the sample corresponds to the archaic gracile variant of European ancestry. Osteometric data characterize adult individuals as representatives of the mesomorphic, moderately massive group with reduced or medium limb length. Like in other groups of the region, the sample is defined by the predominance of dental calculus and dental chips, some markers of physiological and mechanical stress and the absence of indicators of specific infections. *Results.* In general, the Karanayevsky kurgan 2 skeletal sample corresponds to the characteristics of other Karanayevsky cemetery samples, and is consistent with the results on the synchronous sites of the Pre-Urals and Trans-Urals.

Key words: Bronze Age, Southern Pre-Urals, biological anthropology, craniometrics, dental anthropology, osteometrics, paleopathology.

Citation. Karapetian M.K., Kufterin V.V., Chaplygin M.S., 2024. Novye paleoantropologicheskie materialy iz Karanaevskogo mogil'nika srubnoy kul'tury [Human Skeletal Remains Newly Excavated at Karanayevsky Kurgan Cemetery of the Srubnaya Culture]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 5-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.1>

НОВЫЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ КАРАНАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Марина Кареновна Карапетян

НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Владимир Владимирович Куфтерин

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Михаил Сергеевич Чаплыгин

Стерлитамакский историко-краеведческий музей, г. Стерлитамак, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Представлены результаты антропологического и палеопатологического исследования новых материалов из Каранаевского могильника срубной культуры на юго-западе Башкортостана. Помимо введения в оборот данных по раскопанному кургану 2 преследовалась цель сопоставления полученной выборки с другими курганами могильника, а также характеристиками синхронного населения региона. Обсуждается материал из 12 индивидуальных захоронений (девять детских и три взрослых скелета). *Методы.* Останки изучались на предмет оценки пола, возраста, степени сохранности и комплектности. Проведено морфометрическое исследование, анализ морфологии зубов, определение патологий и индивидуальных особенностей с учетом рекомендаций специальной литературы. Взаимосвязь между сохранностью скелетов, половозрастными характеристиками и конструктивными особенностями погребений изучалась с применением корреляции Спирмена. Единичный краниологический материал из кургана сопоставлен с серийным по региону с использованием метода Гейнке. Достоверность различий частот одонтоскопических признаков в выборке и сборной серии срубников Приуралья оценивалась с помощью точного критерия Фишера. *Анализ.* Сохранность скелетов оказывается связанной с возрастом погребенных, но в большей степени изменяется в зависимости от глубины могильной ямы. Женский череп из кургана 2 мезоморфный, европеоидный, со средним или несколько ослабленным горизонтальным и вертикальным профилем. Аналогии ему усматриваются в краниологических сериях лесостепных субареалов срубной культуры. Особенности зубов позволяют отнести выборку к архаичному грацильному европеоидному одонто типу. Остеологические данные характеризуют взрослых индивидов как представителей мезоморфной, среднemasсивной группы с пониженной или средней длиной конечностей. Как и для других групп региона, для выборки характерна распространенность зубного камня и травм зубов, некоторых маркеров физиологического и механического стресса при отсутствии индикаторов специфических инфекций. *Результаты.* В целом характеристики рассматриваемой выборки соответствуют данным, полученным при исследовании других курганов Каранаевского могильника, и согласуются с результатами изучения синхронных комплексов Приуралья и Зауралья.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южное Приуралье, биологическая антропология, краниометрия, одонтология, остеометрия, палеопатология.

Цитирование. Карапетян М. К., Куфтерин В. В., Чаплыгин М. С., 2024. Новые палеоантропологические материалы из Каранаевского могильника срубной культуры // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 5–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.1>

Введение

В 2022 г. археологическая экспедиция Стерлитамакского историко-краеведческого музея под руководством одного из авторов возобновила исследования Каранаевского могильника срубной культуры в Южной Башкирии (Стерлибашевский район Республики Башкортостан). В группе первоначально на-

считывалось 13 курганных насыпей, одна из которых была раскопана в 1970 г., четыре – в период между 2008 и 2014 гг., а другие оставались не исследованными [Морозов, Пшеничнюк, 1976; Чаплыгин, Куфтерин, 2010]. Текущими раскопками по Открытому листу М.С. Чаплыгина был вскрыт курган 2 диаметром 16 м и высотой 0,34 м. Ранее по образцу из двойного погр. 5 Каранаевского кургана 7

методом молекулярных часов была получена медианная дата 3450 BP [Kocher et al., 2021, fig. S1] – XV в. до н.э., что соответствует отнесению материалов могильника к развитому этапу срубной культуры Южного Приуралья [Чаплыгин, Куфтерин, 2010].

Результаты изучения скелетных останков, полученных при исследовании Каранаевских курганов, представлены в археологических отчетах (за исключением утраченных материалов из раскопок 1970 г.) и частично опубликованы в сводных работах по срубной культуре Приуралья [Куфтерин, Карапетян, 2021; Куфтерин, Нечвалода, 2021; Karapetian et al., 2021]. Настоящая работа, преследуя цель оперативного введения в научный оборот новых палеоантропологических материалов, предполагает сопоставление выборки, полученной в результате раскопок кургана 2, с данными по другим курганам могильника и, шире, с антропологическими и палеопатологическими характеристиками синхронного населения региона в целом. Примечательно в этой связи, что впервые из раскопок Каранаевского могильника получен единичный краниологический материал, пригодный для полноценного краниометрического исследования – полностью сохранившийся череп из погребения 4.

Материал и методы

Скелетная выборка, полученная в результате раскопок кургана 2 Каранаевского могильника, включает материал из 12 индивидуальных захоронений. Девять погребений содержали скелетные останки детей различных возрастов, три – взрослых (старше 18 лет) индивидов.

Формализованная оценка комплектности скелетов проводилась с использованием индекса сохранности PI (“preservation index”), предложенного в работе Ф. Уокера с соавторами [Walker et al., 1988]. Поскольку сохранность прямо скоррелирована с комплектностью (но не наоборот), а преднамеренные изменения комплектности скелетов по материалам раскопок кургана не зафиксированы, давалась и категориальная оценка степени сохранности костной ткани [Куфтерин и др., 2022]. Общая оценка возрастной и половой принадлежности скелетных останков взрослых

индивидов производилась с использованием комплекса стандартных макроморфологических методик [Buikstra, Ubelaker, 1994, p. 15–38]. Регистрация признаков зубной и скелетной зрелости у детей осуществлялась с применением авторского протокола [Карапетян, Куфтерин, 2020] и последующей оценкой зубного [AlQahtani et al., 2010] и скелетного [Schaefer et al., 2009] возрастов. Взаимосвязь между комплектностью и сохранностью скелетов, биологическим возрастом индивидов и конструктивными особенностями могильной ямы (средняя глубина от материковой поверхности, наличие или отсутствие перекрытия) тестировалась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена r_s ($p < 0,05$).

Измерения черепов и их фрагментов, а также костей посткраниального скелета проводились по системе Мартина [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966] в рамках краниологического бланка Института антропологии МГУ и остеологического бланка Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Для ориентировочной оценки морфологической близости черепа из погр. 4 к краниологическим сериям локальных вариантов срубной культуры Волго-Уралья [Хохлов, 2017, с. 120–124], а также срубно-алакульского типа памятников и алакульской культуры [Китов, 2011] использован метод Гейнке. Рассчитывалась взвешенная сумма отклонений величин 16 краниометрических признаков от средних по сериям, отнесенных к соответствующим дисперсиям (эмпирическим либо стандартным) [Рогинский, Левин, 1978, с. 355–357; Филипченко, 1978, с. 117–120]. Для корректного применения метода Гейнке, заметно скоррелированные признаки ($r \geq 0,5$), например (№ по Мартину), 9 и 43, 48 и 55, 43 и 45, совместно не использовались [Евтеев, 2014; Пежемский, Федорчук, 2020].

Индивидуальная вариабельность посткраниальных размеров эмпирически оценивалась как на фоне средних по суммарной серии из памятников поздней бронзы региона², так и в общемировом масштабе изменчивости остеометрических показателей и индексов, согласно существующим рубрикам [Мамонова, 1986; St. Noyme, İşcan, 1989]. Для практически полностью комплектного посткраниума из погр. 6 дополнительно рассчи-

таны генерализованные параметры условной величины (УПВС 1) [Пежемский, 2011, с. 19] и объема скелета (УПОС) [Дебец, Дурново, 1971, с. 32].

Одонтологическое исследование проведено по сокращенной программе [Зубов, 1973, с. 72], включавшей измерение двух основных диаметров моляров и расчет величины среднего модуля их рядов, а также оценку 9 описательных признаков для обеих сторон челюстей [Зубов, 1968]. Для проверки достоверности различий частот одонтоскопических признаков в изученной выборке и сборной серии срубной культуры Южного Приуралья [Куфтерин, Нечвалода, 2021] использовался двусторонний точный критерий Фишера ($p < 0,05$).

Определение индивидуальных особенностей скелетов и патологий, включая элементарную дифференциальную диагностику, проводилось с использованием рекомендаций специальной литературы [Mann, Hunt, 2005; Lewis, 2018]. Градации развития ряда остеоскопических и палеопатологических признаков приведены в соответствии с протоколами, представленными в сводке «Историческая экология человека» [Бужилова, 1998; Медникова, 1998].

Анализ

Половозрастная структура выборки и особенности сохранности скелетных останков. В кургане 2 содержались захоронения взрослых обоого пола и детей в возрасте от 2–3 до 12 лет (табл. 1). Индекс сохранности по выборке варьирует в диапазоне от 0 (целые длинные кости отсутствуют) до 1 (полностью комплектный скелет). По категориальной оценке сохранность костной ткани также изменяется от «плохой» до «хорошей». Плохо сохранившиеся останки детей из погр. 7, 8 и 9 планиграфически приурочены к юго-восточному сектору кургана (рис. 1). В северо-восточном и юго-западном секторах обнаружено по четыре захоронения (три детских и одно взрослое в первом случае, два детских и два взрослых – во втором). Центральным являлось детское захоронение – погребение 12. В трех случаях (погр. 1, 5 и 7) над могильной ямой имелось каменное перекрытие. По углубленности в материк погребения можно разделить на три группы: слабо углубленные

(средняя глубина в материке 10–17 см – погр. 1, 3, 5, 7, 9 и 12), средней глубины (погр. 11 – 29 см) и глубокие (больше 40 см – погр. 2, 4, 6 и 10). Детское погр. 8 было совершено в погребенной почве.

Судя по результатам корреляционного анализа, степень сохранности костной ткани ожидаемо прямо и в высшей степени достоверно связана с индексом сохранности – комплектностью скелетов ($r_s = 0,91$; $p = 0,000$). Сам индекс сохранности достоверно связан корреляцией средней силы с возрастом погребенных ($r_s = 0,61$; $p = 0,037$), но в большей степени изменяется в зависимости от глубины могильной ямы ($r_s = 0,87$; $p = 0,000$). То же, естественно, касается категориальных оценок сохранности: связь показателя с глубиной могильной ямы сильная ($r_s = 0,73$; $p = 0,007$), с возрастом погребенных – средняя ($r_s = 0,63$; $p = 0,028$). Наличие перекрытий обнаружило лишь одну статистически достоверную связь средней силы (причем обратную) – с глубиной могильной ямы ($r_s = -0,59$; $p = 0,045$). В исследованном кургане каменные перекрытия характерны для менее глубоких могил.

Характеристика краниологического материала. Женский череп из погр. 4 (рис. 2) имеет большой продольный (178 мм), средний поперечный (137 мм) и средний, на границе с большими величинами, высотный диаметр от базиса (130 мм). По указателям черепная коробка мезокранная (77,0), орто- и метриокранная (73,0 и 94,9) – среднелинная и средневвысокая, овоидных очертаний. Лоб широкий абсолютно (наименьшая ширина – 97 мм) и относительно (70,8 – мезазем), в профиль прямой (угол от назиона – 87° , от глабеллы – 81°). Надпереносье (балл 2,5), надбровные дуги (балл 1) и сосцевидный отросток (балл 1) выражены слабо. Затылочный бугор средневыступающий (балл 2). Лицевой отдел средней или большой ширины (скуловой диаметр – 127? мм) и средней или малой высоты (верхняя высота – 64 мм), мезенный (50,4) и мезопрозопный (85,8). Горизонтальная профилировка на верхнем уровне умеренная (назо-малярный угол – $143,7^\circ$), на нижнем – довольно хорошая (зиго-максиллярный угол – $129,5^\circ$). Вертикальный профиль мезогнатный (81°). Грушевидное отверстие средней или малой высоты (48 мм) и довольно широкое

(26 мм), с острым нижним краем. Нос по указателю хамеринный (54,2), хорошо выступающий (27°). Симотическая высота большая (3,6 мм), хорда – очень малая (4,6 мм), величина симотического указателя, соответственно, находится за верхней границей размаха изменчивости (85,7). Дакриальные размеры (указатель – 66,3, высота – 11,0 мм, хорда – 16,6 мм) также свидетельствуют об очень хорошем выступании переносья. Орбиты широкие (максилло-фронтальная ширина – 42 мм, дакриальная – 39 мм), скорее низкие абсолютно (33 мм) и средневысокие по указателям (78,6 и 84,6).

В целом череп из погр. 4 представляет мезоморфный европеоидный комплекс со средним или несколько ослабленным по европеоидному масштабу горизонтальным и вертикальным профилем. Аналогии ему усматриваются в женских краниологических сериях лесостепных субареалов срубной культуры [Хохлов, 2017, с. 120–124]. Судя по величинам квадратов уклонений от средних по сериям (формула Гейнке), каранаевский череп, вероятнее всего, входил в группу, морфологически близкую представителям самаро-соксской, а также поволжской и приуральской лесостепных локально-территориальных групп срубного населения (табл. 2). Наиболее заметны его отличия от долихокраних, резко профилированных по горизонтали и сравнительно высоколицых черепов немногочисленных представителей степного субареала срубной культуры, особенно его поволжской части. Морфологическое сходство черепа из погр. 4 с немногочисленными сериями срубно-алакульского культурного типа и алакульской культуры Южного Урала не очевидно.

На мужском черепе из погр. 5 в силу сохранности можно осуществить лишь небольшую часть измерений мозговой коробки. Она овоидной формы, долихокраних (73,3), с очень большим продольным (191 мм) и средним поперечным (140? мм) диаметрами, среднешироким лбом (наименьшая ширина – 94 мм, указатель – 67,1) и очень хорошо выраженным рельефом (надпереносье – балл 5, надбровные дуги – балл 2, затылочный бугор – балл 4, сосцевидный отросток – балл 2,5). Мужской череп из погр. 6 сильно

фрагментирован, не подлежит реставрации и морфометрическому исследованию.

Одонтологическая характеристика.

Абсолютные размеры моляров в изученной выборке небольшие, заметно ниже средних значений в общемировом масштабе (табл. 3). Средние модули ряда верхних и нижних моляров у индивидов, захороненных в кургане 2, составляют величину менее 10,0. Микродонтизм в исследованной выборке выражен гораздо отчетливее, чем в суммарной серии срубной культуры Южного Приуралья [Куфтерин, Нечвалода, 2021, с. 10], и представляет для ряда верхних моляров мировой минимум показателя [Зубов, 1973, с. 79]. По частотам встречаемости основных одонтологических признаков достоверных различий со сборной серией приуральских срубников не выявляется [Куфтерин, Нечвалода, 2021, с. 71]. Относительно последней в исследуемой выборке по эмпирической оценке несколько повышена частота эмалевых затеков и дистального гребня тригониды (для левого квадранта нижней челюсти), однако различия не достигают уровня статистической значимости (табл. 4). Отсутствие шестибугорковых и высокая частота четырехбугорковых форм нижних моляров, отсутствие лопатообразных резцов (три наблюдения), наряду с повышенной встречаемостью дистального гребня позволяют рассматривать захороненных в кургане 2 (равно как и срубников Приуралья в целом) в качестве представителей архаичного грацильного европеоидного одонтологического типа.

Морфология посткраниальных скелетов.

Продольные размеры всех имеющихся длинных костей двух мужских (погр. 5 и 6) и одного женского (погр. 4) скелетов заметно ниже средних величин в суммарной серии эпохи поздней бронзы региона (табл. 5). В общемировом масштабе изменчивости длины всех костей обоих мужских скелетов, за исключением правой бедренной скелета из погр. 6 оказываются средними. Последний скелетный элемент характеризуется малой длиной [Пежемский, 2011, с. 17]. Женский скелет характеризуется плечевыми костями малой или средней длины и среднелинными ключицами [Мамонова, 1986]. Значительными величинами периметров длинных костей как в син-

хронном региональном, так и в общемировом масштабе выделяется скелет из погребения 5. Периметры длинных костей другого мужского и женского скелетов близки к средним величинам. Диафизы всех имеющихся плечевых костей, за исключением сильноуплощенной левой плечевой из погр. 6, уплощены средне. На бедренных костях женского скелета и левой бедренной мужского из погр. 6 отсутствует пилластр. В верхней части наиболее уплощена левая бедренная кость индивида из погр. 6 (гиперплатимерия). Верхняя часть диафизов всех имеющихся больших берцовых костей расширена (в наименьшей степени правой у индивида из погр. 6 – верхняя граница мезокнемии).

По величинам брахиального индекса комплекты женский (погр. 4) и мужской (погр. 6) скелеты различаются: для первого характерна мезатикеркия, для второго – брахикеркия (укороченное предплечье). Величина крурального индекса скелета из погр. 6 оказывается выше общемировых средних для костей правой стороны и ниже – для костей левой [St. Noome, İscan, 1989, p. 66]. Величина интермембрального индекса для этого скелета несколько выше средних величин, что свидетельствует об удлинненности верхних конечностей относительно нижних. Условный показатель величины скелета из погр. 6 средний в общемировом масштабе [Пежемский, 2011, с. 19] и пониженный на фоне синхронных сравнительных данных (так же, как и условный показатель объема). Длина тела, рассчитанная с использованием формул К. Пирсона и А. Ли для среднерослого мезоморфного населения [Алексеев, 1966, с. 226] по имеющимся длинным костям, оказалась следующей: погр. 4 – 153,9 см (суммарная длина правых плечевой и лучевой), погр. 5 – 166,1 см (наибольшая длина правой лучевой), погр. 6 – 163,1 см (наибольшая длина левой бедренной). Таким образом, взрослые индивиды из Каранавского кургана 2 в свете остеологических данных являются представителями скорее мезоморфной, среднemasивной группы с пониженной или средней длиной конечностей. Для индивида из погр. 5 характерна повышенная массивность ряда длинных костей.

Патологии и индивидуальные особенности. За исключением плохо сохранившихся детских скелетов из погр. 7, 8 и 9 для пол-

ноценного обследования на предмет наличия патологических изменений и других особенностей доступны останки девяти индивидов (табл. 6). У детей из погр. 8 и 9 оказалось возможным отметить лишь отдельные признаки на зубах.

Среди особенностей зубной системы по распространенности преобладают отложения зубного камня, в основном небольшие, которые имеются у всех индивидов и как на молочных, так и на постоянных зубах. Незначительные или, напротив, очень крупные сколы эмали (рис. 3) обнаруживаются у всех взрослых и у четырех детей. В трех случаях они наблюдаются на молочных зубах (погр. 2, 11 и 12). Слабовыраженная линейная гипоплазия эмали, в основном в виде одиночных дефектов, отмечается у пяти детей и занимает третье место в ранговой последовательности зубных особенностей исследуемой выборки. На черепях взрослых индивидов из погр. 4 и 5 присутствуют пародонтические изменения в области альвеол, во втором случае в сочетании с прижизненной утратой ряда зубов. У женщины из погр. 4 имеются интерпроксимальные бороздки в области левых первых моляров, обычно рассматривающиеся как последствия удаления пищевых волокон из ротовой полости.

Поротические изменения во внутренней области орбит (*cribra orbitalia*) в слабовыраженной или остаточной форме присутствуют на взрослом женском (погр. 4) и трех детских черепях. В двух случаях (погр. 10 и 11) эта особенность сочетается с так называемой *cribra femoralis* – поротическими изменениями в проксимальной части бедренной кости, иногда рассматриваемыми как часть «крибозного синдрома» [Miquel-Feucht et al., 1999, p. 17–18]. Вне связи с *cribra orbitalia* данный признак присутствует на трех детских скелетах (погр. 1–3).

Судя по распределению остеологических индикаторов, наиболее интенсивные нагрузки в исследованной выборке приходились на мускулатуру груди и верхней конечности, а также осевой скелет. В частности, на трех детских и одном взрослом (погр. 6) скелетах наблюдаются кортикальные дефекты проксимального конца плечевых костей (в основном правосторонние) в области прикрепления боль-

шой круглой и большой грудной мышц. На левой плечевой кости женского скелета из погр. 4 в этом же месте имеется энтезопатия. Среди прочих элементов гипертрофирован рельеф правой плечевой кости мужского скелета из погр. 5. Кортикальные дефекты дистального конца бедренной и проксимального – большеберцовой костей встречены реже (один и три случая соответственно). У детей из погр. 3 и 10 кортикальные дефекты присутствуют сразу на нескольких длинных костях. На дистальных эпифизах бедренных костей скелета из погр. 2 возможно наблюдаются проявления ювенильного рассекающего остеохондрита. На межпозвоночных поверхностях позвонков грудного и поясничного отделов скелетов индивидов возмужалого возраста из погр. 4 и 5 имеются узлы Шморля, причем как наиболее распространенной центральной, так и задней локализации. Особенно выразительный случай представляют следы передней грыжи межпозвоночного диска с сопутствующими реактивными изменениями на частично сакрализованном L5 женщины из погр. 4 (рис. 4). Можно предполагать ее травматическое происхождение на фоне двустороннего спондилолиза L2 и возможное наличие спондилолистеза (смещения по отношению к нижележащему позвонку). Наконец, на этом же скелете имеются энтезопатии в области прикрепления крестцово-подвздошных связок и дорзальная лобковая ямка на тазовых костях – возможные индикаторы перенесенных беременностей и родов [Kelley, 1979].

Проявления воспалительных процессов в виде субпериостального костеобразования, несомненно патологической природы, регистрируются в двух случаях – на диафизах большеберцовых костей детей из погр. 1 и 3. В последнем случае периостит большеберцовой кости сочетается с аналогичными изменениями на заднелатеральной поверхности лопатки (рис. 5).

В исследованной выборке повышена частота встречаемости третьего вертела бедренных костей – та или иная морфа этой особенности присутствует почти у половины погребенных (погр. 1, 3, 6, 10 и 12). Межмышечковое отверстие плечевых костей наблюдалось несколько реже – есть у индивидов из погр. 4, 10 и 11. В последних случаях проявление

признака двустороннее. Наконец, на правой плечевой кости скелета из погр. 6 присутствует надмышечковый отросток (*processus epicondyloideus*) – крайне редкая особенность, частота встречаемости которой в большинстве групп не превышает 0,1–2,0 % случаев [Алексеев, 1966, с. 82; Case, Burnett, 2000].

Обсуждение результатов и заключение

Несмотря на большое количество детских захоронений, Каранаевский курган 2, ввиду наличия погребений взрослых мужчин, не представлял собой детско-женское курган-кладбище, аналогичное кургану 8 этого же могильника [Чаплыгин, Куфтерин, 2010], кургану 1 Николаевского или кургану 13 Чумаровского I могильников в Приуралье [Исмагил и др., 2009, с. 120–122; Стародубцев, 2017]. Половозрастная структура выборки погребенных из кургана 2 близка к таковой из кургана 7 Каранаевского могильника, в котором также содержались мужское и женское взрослые захоронения, а остальные могилы принадлежали детям и подросткам [Чаплыгин, Куфтерин, 2010]. Между курганами 2 и 7 обсуждаемого памятника прослеживается и определенное планиграфическое сходство в расположении погребений на подкурганной площадке – приуроченность взрослых захоронений не к условному центру, а к периферии курганной насыпи.

Анализ взаимосвязи между комплектностью и сохранностью скелетов, с одной стороны, и биологическим возрастом погребенных и конструктивными особенностями могильной ямы – с другой, продемонстрировал, что степень устойчивости костей к диагенетическим процессам в данном тафономическом контексте обусловлена в большей степени глубиной могилы [Nakahashi, Nagai, 1986–1987; Stojanowski et al., 2002], а не возрастной или половой принадлежностью останков [Bello et al., 2006]. В известной степени полученный результат соответствует ранее высказанному с опорой на эмпирические оценки мнению авторов о том, что сохранность и комплектность детских костяков по материалам срубных могильников Приуралья принципиально не отличалась от таковой у взрослых [Куфтерин, Карапетян, 2021]. В то же время очевидно,

что вопрос о связи сохранности скелетного материала с комплексом внешних и внутренних факторов применительно к эпохе поздней бронзы региона нуждается в специальном рассмотрении на большом массиве данных.

По результатам изучения стилистических особенностей орнамента и технико-технологического анализа керамики из Каранаевского могильника была установлена относительная однородность носителей гончарных традиций – населения, оставившего памятник [Мухаметдинов, 2015а; 2015б]. Керамическая коллекция из раскопок Каранаевских курганов отражает традиции мастеров, вышедших «из однородной культурной среды срубных племен развитого этапа» [Мухаметдинов, 2015б, с. 33]. В то же время наличие некоторых алакульских черт как в форме и орнаментации посуды, так и в погребальном обряде (каменные перекрытия) ранее отмечалось по материалам Каранаевского кургана 8 [Чаплыгин, Куфтерин, 2010; Мухаметдинов, 2015а]. Керамическая коллекция из обсуждаемого кургана 2 обнаруживает еще более явные алакульские особенности³. Напомним, что женский череп из погр. 4 продемонстрировал наибольшее сходство с лесостепными локально-территориальными группами срубного населения и заметные отличия от срубно-алакульских, алакульских и срубных краниологических серий степного ареала. Этот результат, с одной стороны, вполне ожидаем, с другой – идет вразрез с наличием алакульских особенностей в материалах исследуемого кургана. Акцентировать это несоответствие преждевременно, во-первых, в силу единичности имеющихся краниологических данных по могильнику и, во-вторых, по причине значительной гетерогенности населения региона эпохи бронзы, отражающейся как на уровне отдельных могильников, так и на уровне археологических культур [Китов, 2011].

Рассмотрение структуры зубных патологических индикаторов демонстрирует, что их распределение в изученной выборке соответствует ранговой последовательности для населения эпохи бронзы Приуралья и Зауралья в целом [Karapetian et al., 2021] – при практически полном отсутствии кариеса доминируют зубной камень, непреднамеренные травмы зубов и гипоплазия эмали. Как и в других

срубных и срубно-алакульских сериях региона, в группе из кургана 2 преобладают некоторые маркеры физиологического (*cribra orbitalia*) и механического (кортикальные дефекты и энтезопатии на длинных костях, грыжи межпозвоночного диска) стресса при полном отсутствии остеологически выявляемых специфических инфекций [Куфтерин, Нечвалода, 2016; Куфтерин, Карапетян, 2021; Карапетян, Шарапова, 2022]. Некоторое своеобразие исследуемой небольшой выборки заключается в отсутствии следов распространенных категорий травматических повреждений, прямо не ассоциированных с механическим стрессом (переломов конечностей, ребер и носовых костей). Примечателен факт высокой концентрации в группе некоторых индивидуальных особенностей, наследственная обусловленность которых не исключена или весьма вероятна (в частности, третьего вертела бедренных костей). Аналогичная ситуация наблюдалась, например, в кургане 1 Селивановского II могильника в Зауралье, захоронения в котором могли принадлежать индивидам, связанным определенной степенью биологического родства [Куфтерин, Нечвалода, 2016]. Интересно, что такой редкий признак, как надмышечковый отросток плечевой кости, обнаруженный на скелете из погр. 6, ранее уже отмечался в материалах могильника – он имеется у индивида 15–16 лет из Каранаевского кургана 8⁴.

Таким образом, новые палеоантропологические материалы из кургана 2 Каранаевского могильника хорошо укладываются в картину, реконструируемую как по данным, полученным в результате исследования других курганов этого погребального памятника, так и по результатам изучения синхронных комплексов Приуралья и Зауралья. В перспективе интересно проследить корреляцию между степенью сохранности скелетных останков, их половозрастными характеристиками и конструктивными особенностями погребений, отмеченную на представленном материале, на более обширных данных по эпохе бронзы региона. Обобщение и развернутая публикация всех антропологических материалов из Каранаевских курганов будет возможна после археологического доисследования могильника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания № АААА-А19-119013090163-2 НИИ и Музея антропологии МГУ «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)» (М.К. Карпетян) и в соответствии с планами научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН – «Тема 5. Кросс-культурные и междисциплинарные исследования исторических и современных обществ» (В.В. Куфтерин).

The study was conducted in accordance with Russian state assignment (Grant) No. АААА-А19-119013090163-2 of the Research Institute and Museum of Anthropology MSU (M.K. Karapetian) and the research plans of the N.N. Miklukho-Maklai Institute

of Ethnology and Anthropology RAS – “Theme No. 5. Cross-cultural and interdisciplinary studies of archaic and modern societies” (V.V. Kufferin).

² Благодарим А.П. Григорьева (Самарский государственный социально-педагогический университет) за возможность представления неопубликованных остеометрических данных.

³ Благодарим В.И. Мухаметдинова (Институт истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий) за возможность ознакомления с неопубликованными результатами изучения керамической коллекции из раскопок кургана 2 Каранаевского могильника.

⁴ Неопубликованные материалы В.В. Куфтерина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Половозрастные характеристики, сохранность и комплектность скелетов из кургана 2 Каранавского могильника

Table 1. Age and sex composition, completeness and preservation index of skeletons from kurgan 2 of Karanayevsky cemetery

№ погребения	Пол	Возраст (лет)	Комплектность (ИС *)	Сохранность (категориальная оценка)
1	?	около 12	0,71	хорошая
2	?	8–9	0,93	хорошая
3	?	8–9	0,21	средняя
4	♀	20–30	0,86	хорошая
5	♂	50+	0,36	плохая / средняя
6	♂	18–22	0,79	хорошая
7	?	5–7?	0,14	плохая
8	?	2–3	0,00	плохая
9	?	5–6	0,21	плохая
10	?	около 12	1,00	хорошая
11	?	около 10	0,79	хорошая
12	?	8–9	0,57	средняя

Примечание. * – индекс сохранности – отношение имеющегося количества длинных костей к их максимальному количеству, равному 14 (парные ключицы, плечевые, лучевые, локтевые, бедренные, большеберцовые и малоберцовые) [Walker et al., 1988].

Таблица 2. Величина различия черепа из кургана 2 (погр. 4) Каранавского могильника с некоторыми краниологическими сериями эпохи бронзы Волго-Уральского региона (метод Гейнке)

Table 2. Variation in cranial morphology between the Karanayevsky kurgan 2 (grave no. 4) and Bronze Age cranial samples from the Volga-Ural region (Heincke’s method)

Сопоставляемые серии	N _{min}	N _{max}	Источник данных	$\sqrt{\frac{\sum d^2}{\sigma^2 n}}$
Поволжская степная группа срубной культуры	1	7	[Хохлов, 2017, с. 328–329, табл. Б. 54]	3,82
Поволжская лесостепная группа срубной культуры *	19	32	[Хохлов, 2017, с. 361–363, табл. Б. 65]	0,93
Самаро-Сокская группа срубной культуры	29	54	[Хохлов, 2017, с. 355–357, табл. Б. 60]	0,92
Приуральская лесостепная группа срубной культуры *	4	16	[Хохлов, 2017, с. 361–363, табл. Б. 65]	0,98
Приуральская степная группа срубной культуры	2	8	[Хохлов, 2017, с. 361–363, табл. Б. 65]	1,69
Памятники срубно-алакульского типа *	2	9	[Китов, 2011, с. 12, табл. 2]	1,24
Алакульская культура степной полосы *	2	10	[Китов, 2011, с. 12, табл. 2]	1,14

Примечания. Сравнимые признаки (№ по Мартину или иное условное обозначение): 1, 8, 17, 9, 45, 48, 54, 51, 52, 77, $\angle zm'$, SC(57), SS, 32, 72, 75(1). * – вместо эмпирических использовались стандартные дисперсии признаков [Алексеев, Дебец, 1964, с. 123–127, табл. 12–14].

Таблица 3. Размеры коронок и величины среднего модуля ряда постоянных верхних и нижних моляров в выборке из кургана 2 Каранаяевского могильника

Table 3. Crown dimensions of maxillary and mandibular permanent molars and average modules of their rows in Karanayevsky kurgan 2 sample

Признак	Правая			Левая		
	n	\bar{x}	sd	n	\bar{x}	sd
MD M ¹	6	10,27	0,24	6	10,42	0,53
VL M ¹	6	10,88	0,44	6	11,07	0,46
MD M ²	3	9,33	–	2	9,35	–
VL M ²	3	10,0	–	2	10,35	–
MD M ³	1	7,60	–	–	–	–
VL M ³	1	9,70	–	–	–	–
MD M ₁	7	10,60	0,63	7	10,66	0,57
VL M ₁	7	9,80	0,64	7	10,06	0,45
MD M ₂	6	10,13	0,57	5	10,02	0,80
VL M ₂	5	8,96	0,36	5	9,24	0,44
MD M ₃	1	8,80	–	1	8,50	–
VL M ₃	1	8,20	–	1	8,50	–
Модуль M ¹⁻³ *	9,63			–		
Модуль M ₁₋₃ *	9,39			9,50		

Примечание. * – рассчитано по средним арифметическим.

Таблица 4. Частоты основных одонтоскопических признаков в выборке из кургана 2 Каранаяевского могильника в сравнении с данными по сборной серии срубной культуры Южного Приуралья

Table 4. Dental non-metric trait frequencies in Karanayevsky kurgan 2 sample and statistical comparison with the pooled Srubnaya cranial sample of the Southern Urals

Признак	Каранаяево, курган 2		Срубная к-ра *	p **
	правая	левая	правая	
Лопатообразность I ¹ (Σ 2–3)	0,0 (0/1)	0,0 (0/1)	6,3 (1/16)	–
Лопатообразность I ² (Σ 2–3)	–	0,0 (0/1)	21,1 (4/19)	–
Бугорок Карабелли на M ¹ (Σ 2–5)	33,3 (2/6)	0,0 (0/6)	31,7 (26/82)	1,000
Редукция гипоконуса на M ² (Σ 3+, 3)	100,0 (4/4)	50,0 (1/2)	51,9 (28/54)	0,120
Эмалевый затек на M ² (Σ 5–6)	50,0 (1/2)	0,0 (0/2)	14,7 (5/34)	0,310
Эмалевый затек на M ₂ (Σ 5–6)	40,0 (2/5)	0,0 (0/3)	14,3 (7/49)	0,190
Шестибугорковые M ₁	0,0 (0/9)	0,0 (0/8)	3,7 (3/81)	–
Четырехбугорковые M ₁	33,3 (3/9)	37,5 (3/8)	22,2 (18/81)	0,431
Четырехбугорковые M ₂	100,0 (7/7)	100,0 (5/5)	91,8 (56/61)	1,000
Узор Y на M ₁	100,0 (9/9)	87,5 (7/8)	87,7 (71/81)	0,590
Узор Y на M ₂	57,1 (4/7)	40,0 (2/5)	30,0 (18/60)	0,206
Узор Y на M ₃	0,0 (0/1)	0,0 (0/1)	31,6 (12/38)	–
Дистальный гребень тригониды на M ₁	12,5 (1/8)	57,1 (4/7)	24,2 (16/66)	0,673
Коленчатая складка метакониды на M ₁	14,3 (1/7)	0,0 (0/6)	23,2 (16/69)	1,000
tam ₁ на M ₁	0,0 (0/9)	0,0 (0/8)	4,9 (4/82)	–
2 med (II) M ₁	0,0 (0/6)	20,0 (1/5)	19,6 (10/51)	–

Примечания. Частота признаков в процентах, в скобках число случаев / число наблюдений. * – источник данных: [Куфтерин, Нечвалода, 2021, с. 71, табл. 2]; ** – уровень значимости двустороннего точного критерия Фишера при сравнении данных по правой стороне.

Таблица 5. Остеометрические характеристики посткраниальных скелетов из кургана 2 Каранаяевского могильника на фоне данных по суммарным сериям позднего бронзового века Волго-Уральского региона

Table 5. Individual postcranial measurements for skeletons from Karanayevsky kurgan 2 and the pooled Late Bronze Age sample from the Volga-Ural region as comparative data

Признак (№ по Мартину)	♂					♀		
	погр. 5		погр. 6		ПБВ суммарно * x̄(n)	погр. 4		ПБВ суммарно x̄(n)
	пр.	лев.	пр.	лев.		пр.	лев.	
Hum. 1	–	–	326	320	335,8 (72)	292	290	308,7 (56)
Hum. 3	–	–	50	48,5	52,8 (58)	45	45	46,8 (39)
Hum. 4	67	67	66	66	65,9 (76)	60	61	57,2 (58)
Hum. 5	28!	–	23	24	24,6 (73)	20,5	21	21,0 (57)
Hum. 6	22!	–	18	17,5	18,8 (74)	16	16	15,7 (57)
Hum. 7	69	68	66	64	67,9 (75)	58	58	57,8 (61)
Hum. 7a	80!	–	70	67	72,1 (63)	61	61	61,2 (46)
Hum. 6:5	78,6	–	78,3	72,9	76,6 (64)	78,0	76,2	75,1 (53)
Rad. 1	245	240	243	–	256,3 (72)	224	224	233,0 (46)
Rad. 2	228	227	227	–	239,1 (63)	209	209	223,7 (35)
Rad. 3	46!	46!	41	–	44,6 (65)	38	38	38,6 (41)
Uln. 1	265	–	264	268	276,2 (65)	242	247	252,1 (40)
Uln. 2	234	236	230	233?	242,8 (57)	213	214	223,5 (33)
Uln. 3	40	41	39	38	40,9 (56)	35	37	36,0 (40)
Cl. 1	–	–	–	–	152,8 (52)	137	139	138,3 (30)
Cl. 6	38	–	–	–	39,9 (52)	34	34,5	33,1 (35)
Fem. 1	–	–	427	435	462,4 (76)	–	–	423,5 (62)
Fem. 21	–	–	82	82	84,1 (56)	–	–	73,3 (38)
Fem. 6	31	31	30	29,5	30,1 (76)	26	24,5	25,4 (63)
Fem. 7	29	30	29	30	29,2 (75)	29	28	25,7 (63)
Fem. 6:7	106,9	103,3	103,4	98,3	103,4 (65)	89,7	87,5	98,8 (62)
Fem. 9	–	–	34	34	36,1 (77)	32	32	31,8 (66)
Fem. 10	–	–	26	25	27,4 (76)	24	25	23,5 (66)
Fem. 10:9	–	–	76,5	73,5	75,7 (66)	75,0	78,1	74,2 (63)
Fem. 8	97	97	90	91	92,9 (75)	82	81	79,7 (65)
Tib. 1	–	–	362	355	377,7 (77)	–	–	346,9 (60)
Tib. 3	–	–	77	76	78,9 (63)	–	–	68,4 (36)
Tib. 6	–	–	53	53	54,5 (65)	50	–	47,9 (45)
Tib. 8	32	34	32	32	30,8 (67)	27	27	25,7 (50)
Tib. 9	24	24	24	23	22,8 (67)	21	20	19,5 (50)
Tib. 8a	–	–	36	33	35,7 (79)	30,5	30	30,1 (63)
Tib. 9a	–	–	25	24	25,2 (79)	23	24	21,0 (63)
Tib. 9a:8a	–	–	69,4	72,7	71,2 (68)	75,4	80,0	69,8 (59)
Tib. 10	91!	92!	85	84	85,3 (68)	77	76	72,2 (48)
Tib. 10b	79	77	79	78	77,5 (79)	68	68?	67,1 (61)
R1:H1	–	–	74,5	–	76,2 (65)	76,7	77,2	74,8 (39)
T1:F2	–	–	85,4	82,2	82,0 (59)	–	–	82,6 (38)
(R1+H1):(T1+F2)	–	–	72,4	–	70,0 (50)	–	–	70,5 (24)
H1+R1+F1+T1	–	–	1 358	–	1 432,3 (57)	–	–	1 315,8 (33)
(F8 ² F1)+ (T10b ² T1)+ (H7 ² H1)	–	–	7 138	7 073	7 846,7 (63)	–	–	5 353,6 (42)

Примечание. * – суммарная серия позднего бронзового века Волго-Уральского региона (срубная культура). Неопубликованные данные А.П. Григорьева (Самарский государственный социально-педагогический университет).

Таблица 6. Индивидуальное описание патологий и других особенностей скелетов из кургана 2 Каранавевского могильника

Table 6. Presence and description of pathologies and non-metric traits for each individual from Karanayevsky kurgan 2

№ погребения	Патологии и особенности
1	ЛГЭЗ * на постоянных верхних и нижнем резцах и нижнем клыке (4/11 **). Небольшие отложения зубного камня. <i>Cribra femoralis</i> справа и третий вертел бедренной кости слева. Субпериостальное костеобразование на диафизе левой большеберцовой кости
2	ЛГЭЗ на постоянном нижнем клыке (1/11). Небольшие / умеренно выраженные отложения зубного камня на молочных и постоянных зубах. Сколы эмали на молочных нижних первых молярах (2/9). Двусторонняя слабовыраженная <i>cribra femoralis</i> . <i>Osteochondritis dissecans</i> (?) на дистальных эпифизах бедренных костей
3	ЛГЭЗ на постоянных нижнем резце и первых верхнем и нижнем молярах (3/3). Небольшие отложения зубного камня. Сколы эмали на нижнем центральном резце (1/3). Кортикальные дефекты проксимальной части диафиза плечевой кости справа и проксимальной части большеберцовых костей. Двусторонние слабовыраженная <i>cribra femoralis</i> и третий вертел бедренной кости. Субпериостальное костеобразование на заднелатеральной поверхности правой лопатки и переднемедиальном крае левой большеберцовой кости
4	Умеренно выраженные отложения зубного камня. Сколы эмали (7/17). Пародонтопатия. Интерпроксимальные бороздки на мезиальных поверхностях нижнего и верхнего первых моляров слева. Надглазничные (справа – неполное) и умноженные подглазничные отверстия. Эпиптерная и астериальная кости слева. Шовные кости в чешуйчатом (справа) и ламбовидном (двусторонние) швах. Остаточная <i>cribra orbitalia</i> (балл 1) слева. Двойная верхняя суставная поверхность атланта справа. Энтезопатия в области прикрепления большой круглой мышцы на плечевой кости слева и межмышечное отверстие справа. Двусторонние энтезопатии в области прикрепления крестцово-подвздошных связок и дорзальная лобковая ямка справа на тазовых костях. Латеральные фасетки переднего края дистального эпифиза большеберцовых костей. Двусторонний малоберцовый бугорок пяточной кости. Передняя грыжа межпозвоночного диска с сопутствующими реактивными изменениями частично сакрализованного L5 на фоне двустороннего спондилолиза L2 (спондилолистез?). Узлы Шморля на межпозвоночных поверхностях L1–3 и проявления травматизации фиброзного кольца на L2–5. Компрессионный перелом верхней замыкательной пластинки на Th3–5 в сочетании с узлами Шморля на Th3–6 и Th10–12. На Th12 очень крупные хрящевые узлы центральной и задней локализации. На всех позвонках грудного отдела (12) – начальные остеоартрозные изменения
5	Умеренно выраженные отложения зубного камня. Сколы эмали (11/19), в том числе крупные на трех первых молярах. Пародонтопатия. ПРУЗ *** (min 4). Выраженная стертость (балл 4–5) ряда зубов (9/19). Остеоартроз височно-нижнечелюстного сустава слева (балл 2). Гипертрофия элементов костного рельефа (балл 3): дельтовидной бугристости плечевой справа, межкостного края лучевой и локтевой справа, заднего края локтевой справа и гребня супинатора слева, линии камбаловидной мышцы, переднего и межкостного края большеберцовой слева. ДДИ **** в области акромиально-ключичного (балл 2) и крестцово-подвздошного (балл 2) суставов слева. ДДИ в области коленного сустава с присутствием полированных областей (балл 4) – сторона не определяется (лев.?). ДДИ на фрагментах тел позвонков шейного (3) и грудного (3) отделов. Остеоартроз дугоотростчатых суставов в шейном отделе позвоночника (балл 3)
6	Небольшие отложения зубного камня. Небольшой скол эмали (1/19). Выраженная стертость (балл 4) нижних резцов. Блоковая ость и челюстно-подъязычный канал справа. Двусторонние теменные отверстия. Ямка реберно-ключичной связки слева. Надмышечковый отросток справа и двусторонний кортикальный дефект (сильнее справа) проксимальной части диафиза плечевой кости. Третий вертел и слабовыраженная подвертельная ямка бедренной кости справа и слева. Латеральная фасетка переднего края дистального эпифиза справа и «бороздчатость» диафизов большеберцовых костей (сильнее справа). Двойная передняя суставная таранная поверхность слева и двусторонний малоберцовый бугорок пяточной кости. Небольшие ДДИ в области суставной поверхности бугорка I ребра справа. Задние грыжи Шморля на межпозвоночных поверхностях L4, Th11 и Th12. Центральные узлы Шморля на межпозвоночных поверхностях L1–3, L5 и Th5–10

Примечания. * – линейная гипоплазия эмали зубов; ** – количество случаев (проявлений признака) / количество наблюдений (зубов данной генерации); *** – прижизненная утрата зубов; **** – дегенеративно-дистрофические изменения.

Окончание таблицы 6

End of Table 6

№ погребения	Патологии и особенности
7	Не регистрируются
8	ЛГЭЗ вторых молочных моляров (3/6). Небольшие отложения зубного камня. «Физиологический периостит» или посмертные изменения надкостницы на фрагментах диафизов длинных костей
9	Небольшие отложения зубного камня. Другие признаки не регистрируются
10	ЛГЭЗ на постоянных нижних резце и клыке (2/9). Небольшие отложения зубного камня. <i>Cribra orbitalia</i> (балл 1) справа. Кортикальный дефект проксимальной части диафиза справа и двустороннее межмышцелковое отверстие плечевой кости (справа небольшое). Двусторонняя <i>cribra femoralis</i> , третий вертел и кортикальный дефект дистальной части диафиза бедренной кости справа. Слабовыраженные кортикальные дефекты проксимальной части и латеральные фасетки переднего края дистального эпифиза большеберцовых костей
11	Небольшие отложения зубного камня. Скол эмали на втором верхнем молочном моляре (1/2). Остаточная <i>cribra orbitalia</i> (балл 1) слева. Кортикальный дефект проксимальной части диафиза справа и двустороннее межмышцелковое отверстие плечевой кости. Двусторонняя <i>cribra femoralis</i> и подвертельная ямка бедренной кости. Кортикальные дефекты проксимальной части и «бороздчатость» диафизов большеберцовых костей. Медиальное искривление проксимальной части диафиза левой малоберцовой кости
12	Небольшие отложения зубного камня. Сколы эмали на молочных молярах (4/5). <i>Cribra orbitalia</i> (балл 1) справа. <i>Cribra femoralis</i> и подвертельная ямка слева, двусторонний третий вертел бедренной кости. Кортикальные дефекты проксимальной части большеберцовых костей

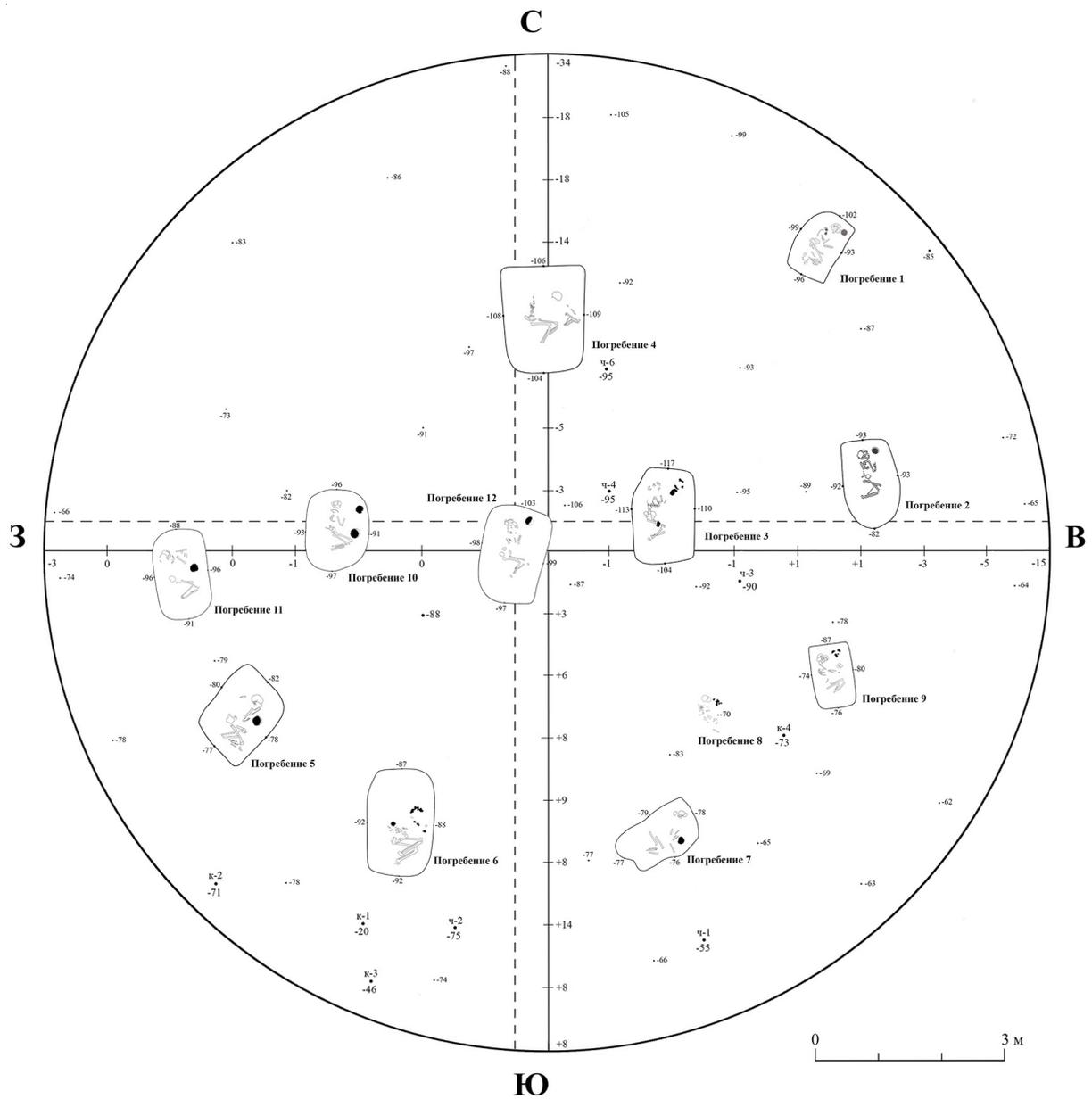

Рис. 1. План кургана 2 Каранаяевского могильника по М.С. Чаплыгину
Fig. 1. Plan of the Karanayevsky kurgan no. 2 after Mikhail S. Chaplygin

Рис. 2. Череп женщины возмужалого возраста из погребения 4. Фронтальная и латеральная нормы (фото М.К. Карапетян; обработка В.В. Куфтерина)

Fig. 2. Young adult female cranium from grave no. 4. Anterior and lateral views (photo by Marina K. Karapetian; image processing by Vladimir V. Kufterin)

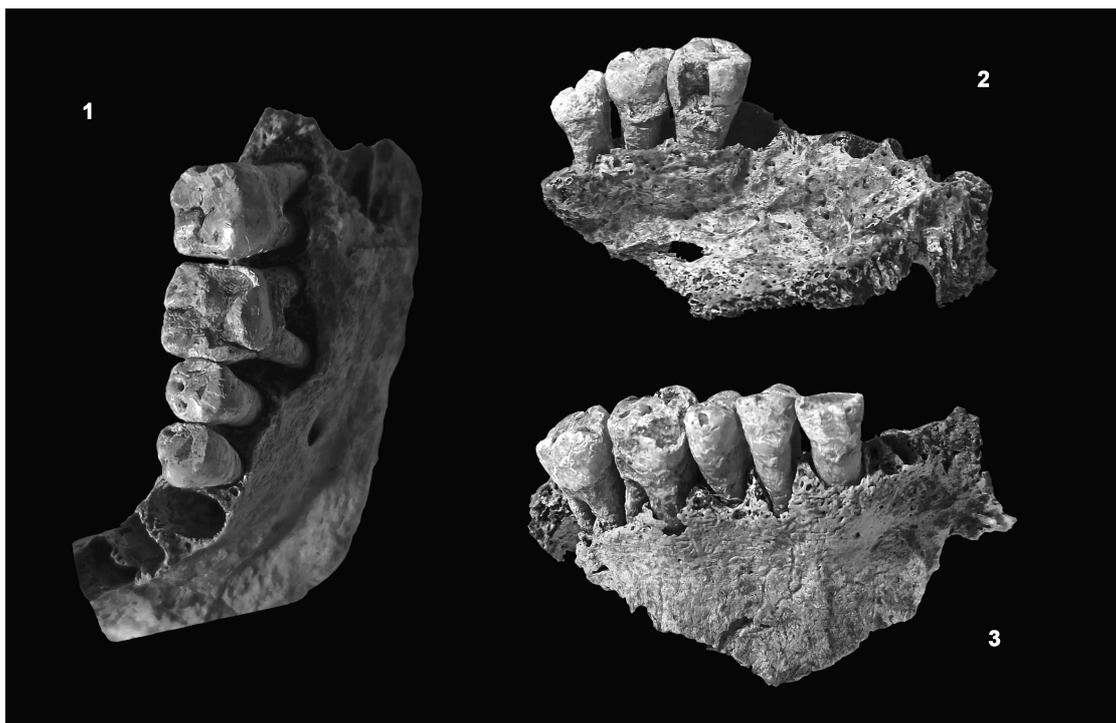

Рис. 3. Примеры прижизненных травм зубов у пожилого мужчины из погребения 5 (фото М.К. Карапетян; обработка В.В. Куфтерина):

- 1 – сколы эмали на буккальной и окклюзионной поверхностях левого M_1 ;
- 2 – крупный скол части лингвальной поверхности правого M^1 ;
- 3 – скол эмали на буккальной и окклюзионной поверхностях левого M^1

Fig. 3. Dental traumas in an old adult male from grave no. 5 (photo by Marina K. Karapetian; image processing by Vladimir V. Kufterin):

- 1 – enamel chips on buccal and occlusal surfaces of the left mandibular first molar;
- 2 – large chip of a lingual surface of the right maxillary first molar;
- 3 – an enamel chip on the buccal and occlusal surfaces of the left maxillary first molar

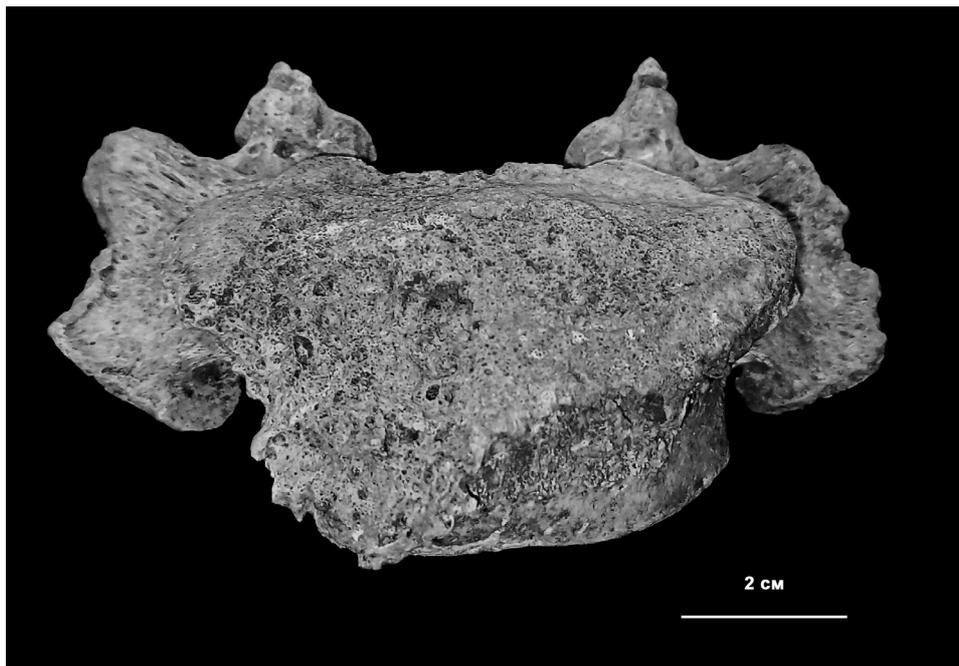

Рис. 4. Следы передней грыжи межпозвоночного диска с сопутствующими реактивными изменениями на частично сакрализованном L5 женщины возмужалого возраста из погребения 4 (фото М.К. Карапетян; обработка В.В. Куфтерина)

Fig. 4. Anterior disc herniation with corresponding reactive changes on partially sacralized L5 of a young adult female from grave no. 4 (photo by Marina K. Karapetian; image processing by Vladimir V. Kufterin)

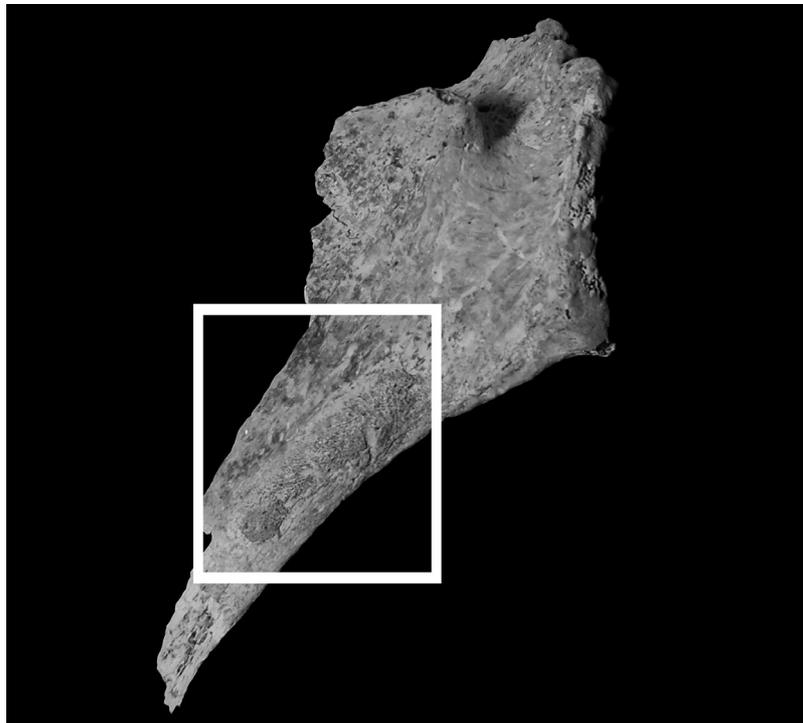

Рис. 5. Субпериостальное костеобразование на заднелатеральной поверхности правой лопатки ребенка в возрасте 8–9 лет из погребения 3 (фото М.К. Карапетян; обработка В.В. Куфтерина)

Fig. 5. Active subperiosteal new bone formation on the lateral and dorsal surfaces of the right scapula of an 8- to 9-year-old child from grave no. 3 (photo by Marina K. Karapetian; image processing by Vladimir V. Kufterin)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 251 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 128 с.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. С. 87–146.
- Дебец Г. Ф., Дурново Ю. А., 1971. Физическое развитие людей эпохи энеолита в Южной Туркмении // Советская этнография. № 1. С. 26–35.
- Евтеев А. А., 2014. Анализ корреляционной структуры измерительных признаков лицевого черепа как основа оптимизации краниометрической программы // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. № 4. С. 18–30.
- Зубов А. А., 1968. Одонтология. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 200 с.
- Зубов А. А., 1973. Этническая одонтология. М. : Наука. 204 с.
- Исмагил Р., Морозов Ю. А., Чаплыгин М. С., 2009. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа : ДизайнПолиграфСервис. 240 с.
- Карапетян М. К., Куфтерин В. В., 2020. К разработке программы палеоантропологического исследования // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. № 1. С. 72–86. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.1.072-086>
- Карапетян М. К., Шарапова С. В., 2022. Патологические изменения на скелетах из Неплюевского могильника эпохи поздней бронзы (курган 1) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 100–119. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.6>
- Китов Е. П., 2011. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.
- Куфтерин В. В., Карапетян М. К., 2021. Палеопатологические индикаторы «качества жизни» детей срубного времени Южного Приуралья // Уральский исторический вестник. № 1 (70). С. 150–159. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-150-159](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-150-159)
- Куфтерин В. В., Нечвалода А. И., 2016. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского II могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (35). С. 79–89. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089>
- Куфтерин В. В., Нечвалода А. И., 2021. Одонтологическая характеристика населения срубной культуры Южного Приуралья // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. № 1. С. 66–79. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2021.1.066-079>
- Куфтерин В. В., Сатаев Р. М., Дубова Н. А., 2022. О качестве палеоантропологической выборки и «посмертном отборе» (по материалам Гонур-депе) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (56). С. 148–157. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-12>
- Мамонова Н. Н., 1986. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М. : Наука. С. 21–33.
- Медникова М. Б., 1998. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. С. 151–165.
- Морозов Ю. А., Пшеничнюк А. Х., 1976. Новые погребальные памятники срубной культуры в Южной Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 3–17.
- Мухаметдинов В. И., 2015а. Методы стилистического анализа орнамента на археологической керамике в рамках историко-культурного подхода // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М. : ИА РАН. С. 59–69.
- Мухаметдинов В. И., 2015б. Техно-технологический анализ керамики из Каранаевского-1 курганного могильника // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Уфа : РИЦ БашГУ. С. 27–40.
- Пежемский Д. В., 2011. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М. 24 с.

- Пежемский Д. В., Федорчук О. А., 2020. К проблеме корреляционных взаимосвязей общих размеров черепа человека // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. № 2. С. 126–137. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.126-137>
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г., 1978. Антропология. М. : Высш. шк. 528 с.
- Стародубцев М. В., 2017. Научный отчет об итогах археологических исследований курганного могильника Чумарово-1 в Стерлитамакском районе Республики Башкортостан в 2016 г. // Архив МАУК «Стерлитамакский историко-краеведческий музей». Б/н. Т. I. 108 с.
- Филипченко Ю. А., 1978. Изменчивость и методы ее изучения. М. : Наука. 240 с.
- Хохлов А. А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара : СГСПУ. 374 с.
- Чаплыгин М. С., Куфтерин В. В., 2010. Каранаевский могильник срубной культуры на юго-западе Башкортостана // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа : Изд-во БГПУ. С. 176–178.
- AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M., 2010. Brief Communication : The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 142. P. 481–490. DOI: <http://doi.org/10.1002/ajpa.21258>
- Bello S. M., Thomann A., Signoli M., Dutour O., Andrews P., 2006. Age and Sex bias in the Reconstruction of Past Population Structures // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 129. P. 24–38. DOI: <http://doi.org/10.1002/ajpa.20243>
- Buikstra J. E., Ubelaker D. H. (Eds.), 1994. Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Fayetteville : Arkansas Archaeological Survey. vi + 264 p.
- Case D. T., Burnett S. E., 2000. Frequency and Form of the Supracondylar Process Among Ancient Nubians // Journal of Paleopathology. Vol. 12 (3). P. 17–27.
- Hoyme L. E. St., İşcan M. Y., 1989. Determination of Sex and Race: Accuracy and Assumptions // Reconstruction of Life from the Skeleton / İşcan M. Y., Kennedy K. A. R. (Eds.). N. Y. : Alan R. Liss, Inc. P. 53–93.
- Karapetian M. K., Kufterin V. V., Chaplygin M. S., Starodubtsev M. V., Bakhshiev I. I., 2021. Exploring Dietary Practices in Non-Adults of the Late Bronze Age Southern Urals: A Perspective from Dental Attributes // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 31 (6). P. 1046–1056. DOI : <http://doi.org/10.1002/oa.3017>
- Kelley M. A., 1979. Parturition and Pelvic Changes // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 51. P. 541–546.
- Kocher A., Papac L., Barquera R., Key F. M., Spyrou M. A. et al., 2021. Ten Millennia of Hepatitis B Virus Evolution // Science. Vol. 374 (6564). P. 182–188. DOI: <http://doi.org/10.1126/science.abi5658>
- Lewis M., 2018. Paleopathology of Children: Identification of Pathological Conditions in the Human Skeletal Remains of Non-Adults. London : Academic Press. xi+288 p.
- Mann R. W., Hunt D. R., 2005. Photographic Regional Atlas of Bone Disease: A Guide to Pathologic and Normal Variation in the Human Skeleton. Springfield : Charles C. Thomas Publ. xiv+298 p.
- Miquel-Feucht M. J., Polo-Cerdá M., Villalaín-Blanco J. D., 1999. Anthropological and Paleopathological Studies of a Mass Execution During the War of Independence in Valencia, Spain (1808–1812) // Journal of Paleopathology. Vol. 11 (3). P. 15–23.
- Nakahashi T., Nagai M., 1986–1987. Preservation of Human Bone in Prehistoric and Historic Sites of Western Japan // Asian Perspectives. Vol. XXVII (1). P. 15–27.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. Juvenile Osteology: A Laboratory and Field Manual. London : Academic Press. xii+369 p.
- Stojanowski C. M., Seidemann R. M., Doran G. H., 2002. Differential Skeletal Preservation at Windover Pont: Causes and Consequences // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 119. P. 15–26. DOI: <http://doi.org/10.1002/ajpa.10101>
- Walker P. L., Johnson J. R., Lambert P. M., 1988. Age and Sex Biases in the Preservation of Human Skeletal Remains // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 76. P. 183–188.

REFERENCES

- Alexeev V.P., 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry. Methods of Anthropological Study]. Moscow, Nauka Publ. 251 p.

- Alexeev V.P., Debetz G.F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Methods of Anthropological Study]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology. Methods of Biological Study]. Moscow, Staryy Sad Publ., pp. 87-146.
- Débetz G.F., Dournovo Yu.A., 1971. Fizicheskoe razvitiye liudey epokhi eneolita v Yuzhnoy Turkmenii [Long Bones from Eneolithic Burial Grounds in Turkmenia]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 1, pp. 26-35.
- Evteev A.A., 2014. Analiz korrelyatsionnoy struktury izmeritel'nykh priznakov litsevoogo cherepa kak osnova optimizatsii kraniometricheskoy programmy [The Analysis of the Correlation Structure of Mid-Facial Dimensions as the Basis for the Optimization of the Craniometric Program]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], no. 4, pp. 18-30.
- Zubov A.A., 1968. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology. Methods of Anthropological Study]. Moscow, Nauka Publ. 200 p.
- Zubov A.A., 1973. *Etnicheskaya odontologiya* [Ethnic Odontology]. Moscow, Nauka Publ. 204 p.
- Ismagil R., Morozov Yu.A., Chaplygin M.S., 2009. *Nikolaevskie kurgany ("Elena") na reke Sterlya v Bashkortostane* [Nikolayevka Kurgans ("Elena") on the Sterlya River in Bashkortostan]. Ufa, DizainPolgirafServis Publ. 240 p.
- Karapetian M.K., Kufterin V.V., 2020. K razrabotke programmy paleoauksologicheskogo issledovaniya [Developing the Protocol for Paleoanthropological Study]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], no. 1, pp. 72-86. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.1.072-086>
- Karapetian M.K., Sharapova S.V., 2022. Patologicheskie izmeneniya na skeletah iz Neplyuevskogo mogil'nika epokhi pozdney bronzy (kurgan 1) [Pathological Changes on Skeletons from the Bronze Age Neplyuevsky Cemetery (Kurgan 1)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 100-119. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.6>
- Kitov Ye.P., 2011. *Paleoantropologiya naseleniya Yuzhnogo Urala epokhi bronzy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Paleoanthropology of the Bronze Age Population of Southern Urals. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 26 p.
- Kufterin V.V., Karapetian M.K., 2021. Paleopatologicheskie indikatory "kachestva zhizni" detey srubnogo vremeni Yuzhnogo Priural'ia [Paleopathology and "Quality of Life" of Non-Adults from the Srubnaya Culture Cemeteries of Southern Ural]. *Ural'skiy Istoricheskiy Vestnik* [Ural Historical Journal], no. 1 (70), pp. 150-159. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-150-159](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-150-159)
- Kufterin V.V., Nechvaloda A.I., 2016. Antropologicheskoe issledovanie skeletov iz srubno-alakul'skogo kurgana Selivanovskogo II mogil'nika [Bioanthropological Research of Human Skeletal Remains from the Srubno-Alakul Mound at Selivanovka II Cemetery (Southern Trans-Urals)]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* [Archaeology, Anthropology and Ethnography Bulletin], no. 4 (35), pp. 79-89. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089>
- Kufterin V.V., Nechvaloda A.I., 2021. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya srubnoy kul'tury Yuzhnogo Priural'ia [Dental Anthropology of the Srubnaya Culture Population of Southern Urals]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], no. 1, pp. 66-79. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2021.1.066-079>
- Kufterin V.V., Sataev R.M., Dubova N.A., 2022. O kachestve paleoantropologicheskoy vyborki i "posmertnom otbore" (po materialam Gonur-depe) [Taphonomic Bias in Preservation and Representativeness of Skeletal Samples (A Case of Gonur Depe)]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* [Archaeology, Anthropology and Ethnography Bulletin], no. 1 (56), pp. 148-157. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-12>
- Mamonova N.N., 1986. Opyt primeneniya tablits V.V. Bunaka pri razrabotke osteometricheskikh materialov [An Experience of Using V.V. Bunak's Tables in Osteometric Materials Elaboration]. *Problemy evoliutsionnoy morfologii cheloveka i ego ras* [Problems of Evolutionary Morphology of Man and His Races]. Moscow, Nauka Publ., pp. 21-30.
- Mednikova M.B., 1998. Opisatel'naya programma ballovooy otsenki stepeni razvitiya rel'efa dlinnykh kostey [Descriptive Protocol for Scoring the Degree of the Long Bone Relief Development]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology. Methods of Biological Study]. Moscow, Staryy Sad Publ., pp. 151-165.

- Morozov Yu.A., Pshenichniuk A.Kh., 1976. Novye pogrebal'nye pamiatniki srubnoy kul'tury v Yuzhnoy Bashkirii [New Mortuary Sites of Srubnaya Culture in Southern Bashkiria]. *Drevnosti Yuzhnogo Urala* [Antiquities of Southern Urals]. Ufa, BBAS USSR, pp. 3-17.
- Mukhametdinov V.I., 2015a. Metody stilisticheskogo analiza ornamenta na arkheologicheskoy keramike v ramkakh istoriko-kul'turnogo podkhoda [Methods of Analysis of Decorative Styles on Archaeological Ceramics by Means of Historical-and-Cultural Approach]. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii. Mezhdunarodnyy simpozium (29–31 okt'abr'a 2013 g., Moskva)* [Recent Approaches to Ancient Ceramics in Archaeology. International Symposium (29–31 October 2013, Moscow)]. Moscow, IA RAS, pp. 59-69.
- Mukhametdinov V.I., 2015b. Tekhniko-tekhnologicheskyy analiz keramiki iz Karanaevskogo-1 kurgannogo mogil'nika [Technical-Technological Analysis of Ceramics from the Barrow Cemetery Karanaevo-1]. *ArkLab. Izvestiya arkheologicheskoy laboratorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [ArchLab. Proceedings of the Archaeological Laboratory of the Bashkir State University]. Ufa, EPC BSU, pp. 27-40.
- Pezhemy D.V., 2011. *Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostey cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniya: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk* [Variability of the Longitudinal Dimensions of Human Tubular Bones and Possibilities of Somatotype Reconstruction. Cand. biol. sci. abs. diss.]. Moscow. 26 p.
- Pezhemy D.V., Fedorchuk O.A., 2020. K probleme korrelyatsionnykh vzaimosvyezey obshchikh razmerov cherepa cheloveka [To the Problem of Correlation Relationships of the Craniometric Traits of a Human Cranium]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], no. 2, pp. 126-137. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.126-137>
- Roginsky Ya. Ya., Levin M.G., 1978. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 528 p.
- Starodubtsev M.V., 2017. Nauchnyy otchet ob itogakh arkheologicheskikh issledovaniy kurgannogo mogil'nika Chumarovo-1 v Sterlitamakskom raione Respubliki Bashkortostan v 2016 g. [Scientific Report on Archaeological Study of the Chumarovo-1 Kurgan Cemetery in Sterlitamaksky District of the Republic of Bashkortostan in 2016]. *Arkhiv MACI "Sterlitamakskiy istoriko-kraevedcheskiy muzey"*, w/o No., vol. 1. 108 p.
- Filipchenko Yu.A., 1978. *Izmenchivost' i metody ee izucheniya* [Variation and Methods for its Study]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Khokhlov A.A., 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita – bronzovogo veka)* [Morphogenetic Processes in the Volga and Ural Regions in the Early Holocene: Based on Craniological Data of the Mesolithic – Bronze Age]. Samara, SSSPU. 374 p.
- Chaplygin M.S., Kufterin V.V., 2010. Karanaevskiy mogil'nik srubnoy kul'tury na yugo-zapade Bashkortostana [Karanayev Burial Ground of Srubnaya Culture in the South-West of Bashkortostan]. *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiya* [Proceedings of the XVIII Ural Archaeological Meeting: Cultural Areas, Archaeological Cultures, and Chronology]. Ufa, BSPU, pp. 176-178.
- AlQahtani S.J., Hector M.P., Liversidge H.M., 2010. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 142, pp. 481-490. DOI: <http://doi.org/10.1002/ajpa.21258>
- Bello S.M., Thomann A., Signoli M., Dutour O., Andrews P., 2006. Age and Sex Bias in the Reconstruction of Past Population Structures. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 129, pp. 24-38. DOI: <http://doi.org/10.1002/ajpa.20243>
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.), 1994. *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains*. Fayetteville, Arkansas Archaeological Survey. vi+264 p.
- Case D.T., Burnett S.E., 2000. Frequency and Form of the Supracondylar Process Among Ancient Nubians. *Journal of Paleopathology*, vol. 12 (3), pp. 17-27.
- Hoyme L.E. St., İşcan M.Y., 1989. Determination of Sex and Race: Accuracy and Assumptions. İşcan M.Y., Kennedy K.A.R. (Eds.). *Reconstruction of Life from the Skeleton*. New York, Alan R. Liss, Inc., pp. 53-93.
- Karapetian M.K., Kufterin V.V., Chaplygin M.S., Starodubtsev M.V., Bakhshiev I.I., 2021. Exploring Dietary Practices in Non-Adults of the Late Bronze Age Southern Urals: A Perspective from Dental Attributes. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 31 (6), pp. 1046-1056. DOI: <http://doi.org/10.1002/oa.3017>

- Kelley M.A., 1979. Parturition and Pelvic Changes. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 51, pp. 541-546.
- Kocher A., Papac L., Barquera R., Key F.M., Spyrou M.A. et al., 2021. Ten Millennia of Hepatitis B Virus Evolution. *Science*, vol. 374 (6564), pp. 182-188. DOI: <http://doi.org/10.1126/science.abi5658>
- Lewis M., 2018. *Paleopathology of Children: Identification of Pathological Conditions in the Human Skeletal Remains of Non-Adults*. London, Academic Press. xi+288 p.
- Mann R.W., Hunt D.R., 2005. *Photographic Regional Atlas of Bone Disease: A Guide to Pathologic and Normal Variation in the Human Skeleton*. Springfield, Charles C. Thomas Publ. xiv+298 p.
- Miquel-Feucht M.J., Polo-Cerdá M., Villalaín-Blanco J.D., 1999. Anthropological and Paleopathological Studies of a Mass Execution During the War of Independence in Valencia, Spain (1808–1812). *Journal of Paleopathology*, vol. 11 (3), pp. 15-23.
- Nakahashi T., Nagai M., 1986–1987. Preservation of Human Bone in Prehistoric and Historic Sites of Western Japan. *Asian Perspectives*, vol. 27 (1), pp. 15-27.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. *Juvenile Osteology: A Laboratory and Field Manual*. London, Academic Press. xii+369 p.
- Stojanowski C.M., Seidemann R.M., Doran G.H., 2002. Differential Skeletal Preservation at Windover Pont: Causes and Consequences. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 119, pp. 15-26. DOI: <http://doi.org/10.1002/ajpa.10101>
- Walker P.L., Johnson J.R., Lambert P.M., 1988. Age and Sex Biases in the Preservation of Human Skeletal Remains. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 76, pp. 183-188.

Information About the Authors

Marina K. Karapetian, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St, 11/1, 125009 Moscow, Russian Federation, marishkakar@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1886-8943>

Vladimir V. Kufterin, Doctor of Sciences (Biology), Leading Researcher, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, vladimirkufterin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998>

Mikhail S. Chaplygin, Researcher, Sterlitamak Museum of Local Lore, K. Marksa St, 100, 453124 Sterlitamak, Russian Federation, msch1979@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3296-0175>

Информация об авторах

Марина Кареновна Карапетян, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, 11/1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, marishkakar@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1886-8943>

Владимир Владимирович Куфтерин, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, vladimirkufterin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998>

Михаил Сергеевич Чаплыгин, научный сотрудник, Стерлитамакский историко-краеведческий музей, ул. К. Маркса, 100, 453124 г. Стерлитамак, Российская Федерация, msch1979@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3296-0175>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.2>

UDC 903'1:(572.71:904)
LBC 63.442.7(235.55)

Submitted: 18.07.2023
Accepted: 16.01.2024

**REVISITING THE ISSUE OF CONNECTIONS
AMONG THE NOMADS SOCIAL ELITE FROM THE SOUTHERN URALS
ACCORDING TO CRANIOLOGY DATA FROM THE FILIPPOVKA KURGANS¹**

Aleksandr A. Khokhlov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Egor P. Kitov

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir N. Myshkin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the relations of the nomads' social elite from the Southern Urals buried in the cemeteries of the kurgans Filippovka 1, 2. The total craniological series of these monuments consists of 22 skulls (9 male and 13 female) representing brachycranial broad-faced Caucasoids. The aim of the study is to determine the historical roots of this group including their migration patterns, as well as their contacts with the surrounding population. The study is based on a comparative analysis of 35 craniological series of the Early Iron Age sites in the steppe and forest-steppe zones of Eurasia. The comparison was carried out according to the canonical analysis method using the Multican and Statistica 12 programs. In terms of morphological features, the individuals buried in the Filippovka kurgans are as close as possible to the nomads of the Southern Urals and the Lower Volga region of the Sauromatian (6th–5th/4th centuries BC) and early Sarmatian (4th–3rd centuries BC) time. They probably come from the local nomadic population who resided in this territory in early Sauromatian time. Representatives of the Filippovka group are also morphologically close to the Saka of the Aral Sea region and to the bearers of the Tasmola culture from Central Kazakhstan. The formation of the pastoral population of the Early Iron Age (5th–4th centuries BC) of two regions – the Southern Urals and the Aral Sea – might have taken place on a single anthropological basis, which is associated with the nomadic tribes of Central Kazakhstan including the bearers of the Tasmola culture who had contacts with the Southern Siberia settled groups. As a result of mestizo processes on the contact territory, a special type of population the so-called Eastern Caucasoids with a small Mongoloid admixture was formed, which then spread in the southern Aral and western Ural directions. The spatial connections of the population that left the Filippovka kurgans are geographically wide. Judging by the archaeological data, they were grounded primarily on the basis of trade and economic relations. The craniological source shows some heterogeneity of the Ural nomads, but it is difficult to speak confidently about the time and mixing forms of their constituent components; the recorded phenomenon is also relevant among other synchronous groups of mobile pastoralists from Central Asia.

Key words: Early Iron Age, Southern Urals, nomads, social elite, cemeteries Filippovka 1-2, archaeology, anthropology, migration.

Citation. Khokhlov A.A., Kitov E.P., Myshkin V.N., 2024. K probleme svyazey sotsial'noy elity kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya po dannym kranologii iz Filippovskikh kurganov [Revisiting the Issue of Connections Among the Nomads Social Elite from the Southern Urals According to Craniology Data from the Filippovka Kurgans]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 27-45. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.2>

К ПРОБЛЕМЕ СВЯЗЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ ИЗ ФИЛИППОВСКИХ КУРГАНОВ¹

Александр Александрович Хохлов

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Егор Петрович Китов

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Владимир Николаевич Мышкин

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена реконструкции связей социальной элиты кочевников Южного Приуралья, погребенных в курганах могильников Филипповка 1, 2. Суммарная краниологическая серия этих памятников состоит из 22 черепов (9 мужских и 13 женских) и в целом по совокупности черт представляет брахикранных широколицых европеоидов. Целью работы является определение исторических корней этой группы, включая рассмотрение миграционного аспекта, а также ее контактов с окружающим населением. Исследование основано на сравнительном анализе 35 краниологических серий эпохи раннего железа памятников степной и лесостепной зон Евразии. Сопоставление осуществлялось по методу канонического анализа с использованием программы *Multican* и *Statistica 12*. По морфологическим особенностям индивиды, погребенные в филипповских курганах, максимально близки к кочевникам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья савроматского (VI–V/IV вв. до н.э.) и раннесарматского (IV–III вв. до н.э.) времени. Они, вероятно, происходят от местного же кочевого населения, освоившего эту территорию в предшествующее савроматское время. Представители филипповской группы морфологически близки также сакам Приуралья и носителям тасмолинской культуры Центрального Казахстана. Видимо, формирование скотоводческого населения раннего железа (V–IV вв. до н.э.) двух регионов – Южного Приуралья и Приаралья – происходило на единой антропологической основе, которая связана с племенами кочевников Центрального Казахстана, в том числе носителями тасмолинской культуры, имевшими контакты с оседлыми группами Южной Сибири. В результате метисных процессов на сопредельных территориях формировался особый тип населения, так называемых восточных европеоидов с небольшой монголоидной примесью, который затем распространился в южном приаральском и западном приуральском направлениях. Пространственные связи кочевников, оставивших филипповские курганы, географически широки. Судя по археологическим данным, они происходили, в первую очередь, на основе торгово-хозяйственных связей. Краниологический источник показывает некоторую неоднородность приуральских кочевников, но уверенно говорить о времени и формах смешения слагающих их компонентов сложно, подобное фиксируется и среди других синхронных групп подвижных скотоводов Центральной Азии.

Ключевые слова: ранний железный век, Южное Приуралье, кочевники, социальная элита, курганные могильники Филипповка 1–2, археология, антропология, миграции.

Цитирование. Хохлов А. А., Китов Е. П., Мышкин В. Н., 2024. К проблеме связей социальной элиты кочевников Южного Приуралья по данным краниологии из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 27–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.2>

Введение

Полное исследование курганного могильника Филипповка 1 [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013] – некрополя элиты кочевых скотоводов – позволило получить уникальную по своим характеристикам коллекцию предметов

материальной культуры и весьма значимый объем информации о погребальной обрядности населения, оставившего этот памятник. Весьма значимые материалы были получены Л.Т. Яблонским в результате раскопок курганов Филипповки 2. По археологическим материалам этих некрополей фиксируются изме-

нения, которые произошли в культуре кочевников Южного Приуралья в конце V – IV в. до н.э., что нашло отражение в выделении культурного комплекса, традиционно именуемого раннепрохоровским, а в настоящее время все чаще обозначаемого как филипповский. Полученные данные существенно увеличили источниковую базу изучения различных аспектов истории кочевников Южного Приуралья в середине I тыс. до н.э., в числе которых, безусловно, важной является проблема произошедших культурных трансформаций.

В целом эти изменения могли быть обусловлены переменами в характере взаимодействия южноуральских номадов с окружающей природной и социальной средой, и в частности миграцией на территорию степей Южного Приуралья новых групп скотоводческого населения.

В числе результатов изучения могильника Филипповка 1 следует отметить выявление системы разнонаправленных связей элиты кочевников Южного Приуралья с населением многих регионов Евразии. Остановимся только на трех направлениях этих связей, которые отмечены в отечественной историографии, обозначив их условно как «южное», «западное» и «восточное».

В отечественной археологической литературе одним из наиболее активно разрабатывавшихся направлений являются связи кочевников, оставивших могильник Филипповка 1, с державой Ахеменидов и Хорезмом. Археологические материалы наиболее убедительно выделяют, прежде всего, сферу социально-политических и экономических (торговых) связей кочевников с Персидской империей или какими-либо ее провинциями [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 287–288]. Сугубо гипотетически предполагается также возможность существования межэтнических браков [Трейстер, 2012, с. 281], что можно рассматривать как инфильтрацию, то есть определенную форму миграции на территорию Южного Приуралья иноэтнических и инокультурных групп населения.

Отмечались также связи кочевников, оставивших могильник Филипповка 1, со скифами Северного Причерноморья, населением Северного Кавказа и Подонья, которые могут быть обозначены условно как западное

направление. Эти контакты прослеживаются преимущественно по предметам вооружения, конского снаряжения, быта, керамической посуде и украшениям [Васильев, 2004, с. 155–157; Переводчикова, 2006; Мещеряков, Яблонский, 2007; Канторович, Яблонский, 2009; Яблонский и др., 2011, с. 73–99; Прокопенко, 2014, с. 28–29; Мышкин, 2019а; 2019б, с. 65; Сиротин, 2018; 2019; и др.]. Определение характера фиксируемого взаимодействия – дело дальнейших исследований. В настоящее время наиболее вероятной представляется версия о попадании большинства таких вещей из указанных регионов Евразии в степи Южного Приуралья в результате торговли. Возможно, некоторые из находок, в частности комплекс конского снаряжения из кургана 3 могильника Филипповка 1, являлись даром, преподнесенным представителям социальной элиты кочевников Южного Приуралья при жизни или в процессе совершения погребальных церемоний. В основе этого предположения лежит представление о некрополе Филипповка 1 как о крупном культовом центре Южного Приуралья, важном не только для соседних территорий, но и для Прикубанья [Переводчикова, 2006, с. 110–111].

Восточное направление связей по материалам могильника Филипповка 1 отчетливо фиксируется по предметам, выполненным в «зверином» стиле [Королькова, 2006, с. 45, 48–51, 58–59, 104; Переводчикова, Таиров, 2010, с. 201]. Аналогии филипповским изображениям животных имеются в основном среди памятников искусства Казахстана, Южной Сибири, Алтая, Тувы, Ордоса [Королькова, 2006, с. 45, 48–51, 58–59, 104]. При этом среди материалов из кургана 1 могильника Филипповка 1 редко встречаются типы изображений, характерные для Южного Урала более раннего времени, укладывающегося в рамки VII – третьей четверти V в. до н.э. [Переводчикова, Таиров, 2010, с. 198–200]. Специфические филипповские варианты изображений имеют аналогии, прежде всего, в синхронных или более ранних памятниках кочевников, культура которых представлена в курганах могильника Пазырык и других погребальных комплексах этого типа [Переводчикова, Таиров, 2010, с. 200]. Это сходство в ряде работ объясняется появлением в степях Южного Приура-

ля новых групп кочевников, основу которых составили выходцы из Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана), носители традиций «пазырыкского» искусства звериного стиля. Их появление, по мнению А.Д. Таирова, фиксируется также благодаря инновациям в погребальном обряде: широкому распространению могил с подбоями и южной ориентировкой погребенных, больших ям с выделенными входами-дромосами и некоторых других, а также изменениям облика таких категорий вещей, как мечи и зеркала. Возможно, это были богатые и знатные кланы, которые заняли господствующее положение на Южном Урале [Таиров, 2006б, с. 135; 2009, с. 137–144]. Появление этих групп привело к изменению культурных традиций южноуральских номадов, в том числе и в искусстве.

В этой связи анализ антропологических материалов, происходящих из элитных захоронений могильников Филипповка 1, 2, при сравнении их с краниологическими сериями из могильников других регионов Евразии позволит получить дополнительную аргументацию *pro* или *contra* существующих миграционных гипотез, а также выявить возможные связи приуральских кочевников в IV в. до н.э.

Анализ небольшой антропологической выборки из курганов могильника Филипповка 1, раскопанных А.Х. Пшеничнюком, представленный в работе Р.М. Юсупова и А.И. Нечвалоды, показал следующее. Физический тип погребенных в филипповских курганах не является однородным. Его сложение происходило при участии двух компонентов: первый был близок к срубно-андроновскому варианту протоевропейской расы, второй обнаруживает аналогии среди кочевников VI–V вв. до н.э. Приаралья и Семиречья. Близость строения черепов и лицевого скелета кочевников из Филипповских курганов с кочевниками савроматского времени, хоронившими в Альмухаметовском могильнике на территории Зауралья, и ранними сарматами Южного Приуралья (оставившими могильники Ново-Мурапталово, Старые Кишишки) позволяет говорить о единстве их расогенеза, связанного с сако-массагетскими племенами Приаралья и Семиречья VII–II вв. до н.э. На филипповских черепах фиксируется некоторая монголоидная примесь, которая, скорее всего, алтай-

ского происхождения [Юсупов, 2006; Юсупов, Нечвалода, 2012, с. 262].

Некоторые результаты изучения краниологических материалов из погребений памятников Филипповка 1, 2, раскопанных Л.Т. Яблонским, были изложены автором в заключительной монографии [Яблонский, 2017]². В числе основных выводов автора следует отметить следующие положения. По мнению исследователя, отсутствие отчетливого сходства между краниологическими сериями из Филипповки Южного Приуралья, с одной стороны, и могильника Аржан-2 на Алтае и скифских курганов Северного Причерноморья, с другой, предполагает их независимое друг от друга генетическое развитие. Кроме того, Л.Т. Яблонский отметил наличие в составе ранних сарматов Южного Приуралья европеоидного (зауральского) и в меньшей степени низколицевого монголоидного (южносибирского) компонентов [Яблонский, 2017, с. 227]. При исследовании генезиса раннесарматского населения Южного Приуралья автор рассматривает две теории. По одной из них развитие прохоровских традиций в Приуралье происходит на местной культурно-генетической основе, под которой подразумеваются кочевники, населявшие этот регион с V в. до н.э., но при импульсе элитарных групп зауральских скотоводов. По другой – учитывает возможность прихода приаральских групп саков.

**Сравнительный анализ
краниологической серии
могильников Филипповка 1, 2
с материалами степной
и лесостепной зон Евразии
эпохи раннего железа**

Суммарная краниологическая серия могильников Филипповка 1, 2 составляет 22 черепа (9 мужских и 13 женских). В целом мужская выборка характеризуется отчетливой брахикранией, высоким сводом (от порионов), крупным, умеренно профилированным лицевым скелетом, в том числе по степени выступления носовых костей (табл. 1). Женская выборка несильно отличается от мужской. Общая серия неоднородная, при очевидном доминировании черепов с европеоидными чертами.

Был выполнен межгрупповой анализ 35 мужских краниологических серий (включая филипповскую), происходящих из могильников степной и лесостепной зон Евразии эпохи раннего железа. Сравнение осуществлялось по 14 основным признакам по методу канонического анализа с использованием программы *Multican* [Гончаров, Гончарова, 2016] и *Statistica 12*. Серии суммированы по регионам и хронологическим периодам (табл. 2). Также произведена статистическая оценка межгруппового сходства путем вычисления квадратов расстояния Махаланобиса с поправкой на численность (числовые значения приведены в скобках). Все расчеты выполнялись с учетом стандартной матрицы внутригрупповых корреляций, рассчитанных И.Г. Ширококовым (неопубликованные данные), а также стандартных значений среднеквадратических отклонений признаков [Алексеев, Дебец, 1964].

Результаты канонического анализа представлены на графике (рис. 1), построенном по координатам I и II векторов. Поле графика в плоскости положительных значений по I КВ концентрирует краниологические серии с короткой и широкой черепной коробкой, малой высотой носа, по II КВ в верхней части графика находятся серии с большой шириной лба и малым выступанием носовых костей (табл. 3).

Можно наметить несколько условных концентраций. В одной из них располагается филипповская серия (№ 1; крайнее положение в верхнем правом секторе). В этом круге оказались: одна серия Чжаосу из Синьцзяна (№ 34), четыре савромато-сарматские Нижнего Поволжья, Приуралья – Западного Казахстана (№ 2–5) и одна – ранних кочевников Нижнего Дона (№ 7). Близость некоторых из них к филипповской подкрепляется минимальными расстояниями Махаланобиса: кочевники Приуралья – Западного Казахстана VI–IV вв. и IV–III вв. до н.э. (5,0 / 6,6³); Нижнего Поволжья IV–III вв. и VI–IV вв. до н.э. (5,0 / 8,0). Это объясняется территориальным, культурным и, по-видимому, генетическим единством савромато-сарматской группы. Максимальная близость на графике с филипповской серией группы Чжаосу Синьцзяна (Китай) не подкрепляется расстояниями Махаланобиса (11,6).

Ниже круг в составе ряда серий Центральной Азии и прилегающих областей Южной Сибири. Среди них близкие с филипповской связи по расстояниям Махаланобиса демонстрируют тасмолинцы Центрального Казахстана (5,3), саки Приаралья (6,7), Притяньшанья (8,8), Восточного Казахстана (9,2) и также каменной (8,0) и саргатской (8,4) культур. Большинство из этих краниологических серий представляют смешанные в физическом отношении популяции, формировавшиеся при взаимодействии западносибирских лесостепных оседлых и степных кочевых групп населения [Китов, Мамедов, 2014], европеоидного и монголоидного облика.

Максимальное разнообразие демонстрируют сакские группы. Наиболее отдалены от филипповки, как на графике, так и по расстояниям Махаланобиса серии, происходящие с территории Северо-Западного Китая (Чауху, Алагоу, Янбулак) (23,1 / 18,5 / 28,5), Юго-Восточного Памира (30,3) и Алая (14,5). С учетом рассмотрения возможной связи по всем данным краниологии между носителями, оставившими памятники Филипповка 1, 2 и сакского круга, без рассуждения о направлениях распространения их носителей, отметим, что пока наиболее отчетливо фиксируется связь первых именно с саками Приаралья (6,7). Серия из Чжаосу здесь, что было показано и ранее [Китов и др., 2019, с. 132], обнаруживает тесные связи с саками Притяньшанья и Восточного Казахстана.

Альтернативное положение на графике блоку кочевников савроматского времени и ранним сарматам Южного Приуралья и Поволжья занимают скифские группы Причерноморья, Николаевки, Никополя (23,1 / 18,5 / 28,5), которые и в морфологическом отношении, как было показано еще в ранних работах антропологов [Зиневич, 1967; Кондукторова, 1972; Великанова, 1975], представляют краниологический комплекс европеоидов, отличный от свойственного населению савроматского и раннесарматского времени восточного ареала распространения кочевнических культур. Это обстоятельство, при наличии в могильниках савроматского и раннесарматского времени Южного Приуралья вещевых комплексов западного происхождения, скорее всего, отражает факт существования, в первую очередь, товарно-торговых отношений.

Отдалены от серий кочевников савроматского и раннесарматского времени выборки лесостепных культур Приуралья (кара-абызская и ананьинская), Тувы (Аймырлыг ХХХ, Аржан-2, Догээ-Баары II) и Алтая (пазырыкская культура). Это следует учитывать в контексте их собственной генетической линии развития.

Заключение

В заключение следует отметить, что результаты анализа краниологических материалов эпохи раннего железа Евразии во многом подтверждают те морфологические тренды, которые были обозначены в более ранних работах антропологов [Юсупов, 2006; Юсупов, Нечвалода, 2012; Яблонский, 2010; 2017; Балабанова, 2000; 2013; Китов, Мамедов, 2014; Китов и др., 2019; и др.] относительно направлений связей ранних кочевников Южного Приуралья и западных районов Центральной Азии.

Однако представляется возможным внести некоторые уточнения в выводы, изложенные в работах указанных исследователей. По своему физическому облику индивиды, погребенные в филипповских курганах, максимально близки к кочевникам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья савроматского (VI–V/IV вв. до н.э.) и раннесарматского (IV–III вв. до н.э.) времени. Группа людей, захороненных в филипповских курганах, скорее местного происхождения, в частности, формировалась на основе населения предшествующего, савроматского времени.

Вместе с тем представители этого кочевнического сообщества морфологически близки также сакам Приуралья и носителям тасмолинской культуры Центрального Казахстана. Связи кочевников Южного Приуралья и Восточного Приуралья фиксируются также по сходству ряда элементов погребальной обрядности и предметов материальной культуры (например: [Таиров, 2000; 2006а; Гуцалов, 2004; Мышкин, 2014; 2022]). Можно согласиться с точкой зрения, согласно которой формирование скотоводческого населения двух регионов, Южного Приуралья и Приуралья, происходило на единой антропологической основе [Яблонский, 2017; Китов, Мамедов, 2014]. Вероятно, эта основа связана с

племенами кочевников Центрального Казахстана, в том числе носителями тасмолинской культуры, имевшими контакты с оседлыми группами Южной Сибири. В результате формировался особый тип населения, так называемых восточных европеоидов с небольшой монголоидной примесью, который затем распространился в южном приуральском и западном приуральском направлениях.

В специальной антропологической литературе в качестве субстрата кочевников Южного Приуралья савроматского времени и саков Центральной Азии неоднократно указывались популяции эпохи поздней бронзы, и в частности создатели срубной, алакульской и андроновской (федоровской) культур. В этой связи следует отметить два момента. Во-первых, периоды существования указанного населения двух эпох разделяет значительный хронологический hiatus. Во-вторых, носители бронзовых культур морфологически довольно разнообразны. В основе носителей срубной и алакульской культур преимущественно долихокранные, мезоморфные с резким профилем лица европеоиды. Исключение составляют популяции с матуризованным широколицым черепом, оставившие некоторые могильники на территориях Башкирии и Астраханской области [Шевченко, 1986], а также памятники смешанного срубно-алакульского культурного облика в Южном Зауралье [Китов, Хохлов, 2008]. Среди всех краниологических вариантов поздней бронзы отчетливо выделяется так называемый андроновский тип, обоснованный еще Г.Ф. Дебецем [1948]. Он характеризуется мезокранией, широким и несильно профилированным лицом. Этот тип, представленный преимущественно в федоровских антропологических материалах Центрального Казахстана, ближе всего по строению к облику кочевников савроматского и раннесарматского времени. Именно его чаще отмечают в антропологических работах как древнейший компонент в составе ранних номадов раннего железного века поволжско-казахстанских степей [Тот, Фирштейн, 1970; Балабанова, 2000; и др.]. Между тем анализ одонтологического источника показывает наибольшую близость савромато-сарматских групп именно к срубно-алакульским сериям Волго-Уралья

[Китов, Мамедов, 2014, с. 209]. Это сходство отмечается и палеогенетическими исследованиями, где в основе становления кочевников приводятся гаплогруппы волго-уральских племен эпохи поздней бронзы, при незначительном участии скифских групп Алтая и Сибири [Gnecchi-Ruscone et al., 2021]. Это важные наблюдения, однако некоторые расхождения между результатами краниологических и генетических исследований не могут быть восприняты буквально в силу отсутствия масштабного изучения антропологических материалов, относящихся к множеству культур Евразии, которые могли играть роль участников в сложении ранних кочевых обществ эпохи раннего железа.

В силу своего подвижного уклада жизни номады Южного Приуралья, несомненно, контактировали с другими кочевническими сообществами эпохи раннего железа в ареале центральноазиатских степей, как минимум на основе торгово-хозяйственных связей, и определено, если даже и не систематично на основе брачных отношений [Археология Волго-Уралья, 2021, с. 123–124]. На вероятность подобных контактов указывает наличие в характеристиках внешнего облика ранних кочевников Южного Урала разной доли уралоидной, европеоидной и монголоидной примеси.

Учитывая политические факторы, стимулирующие развитие разных форм коммуникабельности в кругу кочевых и окружающих их оседлых обществ Евразии, также и с более отдаленными регионами, версию существования брачных контактов между представителями социальных элит, в данном случае оставивших филипповские курганы, с людьми подобного статуса других культур, разумеется, исключить нельзя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РНФ № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

The work was carried out with the support of the RNF project No. 22-18-00194 “Epochal transformation of the cultural and physical appearance of the population of the south of the Middle Volga region and the Urals during the Neolithic – Early Iron Age according to the sources of archeology, anthropology, genetics”.

² Монография издана уже после ухода из жизни Леонида Теодоровича Яблонского (дооформлена В.Ю. Малашевым, М.М. Герасимовой).

³ Чем меньше значение, тем больше возможная биологическая близость. В данном случае учитывается ≤ 10 , статистически достовернее $\leq 8,0$.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Суммарные данные по черепам могильников Филипповка 1, 2

Table 1. Summary data on the skulls of the Filipovka 1, 2

Признаки	Мужские			Женские		
	n	\bar{A}	\bar{B}	n	\bar{A}	\bar{B}
Линейные:						
1. Продольный диаметр	5	184,2	5,6	11	170,6	7,1
8. Поперечный диаметр	5	152,8	5,4	13	147,5	8,1
17. Высотный диаметр	3	129,0	6,6	5	130,2	3,7
20. Ушная высота	6	119,6	5,3	12	113,1	4,1
9. Наименьшая ширина лба	7	103,9	5,3	13	98,2	3,2
45. Скуловой диаметр	5	141,2	4,4	10	130,0	4,1
48. Верхняя высота лица	7	74,4	5,0	12	68,4	4,9
51. Ширина орбиты	6	45,4	1,7	13	42,8	1,8
52. Высота орбиты	8	35,8	3,1	12	34,3	2,7
54. Ширина носа	6	24,5	1,7	12	24,8	1,9
55. Высота носа	8	54,4	4,0	13	48,5	4,0
sc. Симотическая ширина	4	8,4	2,5	9	8,0	2,1
ss. Симотическая высота	4	4,8	1,1	9	4,0	1,2
dc. Дакриальная ширина	2	22,4	3,7	3	22,9	2,6
ds. Дакриальная высота	3	12,1	1,2	3	10,8	0,6
FC. Глубина клыковой ямки	2	5,4	2,7	7	5,1	1,4
Угловые:						
32. Наклона лба	4	84,3°	4,6	12	86,5°	5,7
GM/FH Профиля лба от g.	4	78,5°	4,9	12	81,1°	4,8
72. Общелицевой	2	89,3°	2,2	10	83,5°	2,8
74. Альвеолярной части	4	75,0°	5,5	10	69,0°	3,7
75(1). Выступания носа	4	27,5°	0,7	6	25,7°	7,7
77. Назомалярный	2	141,1°	4,0	13	143,4°	3,4
zm. Зигомаксиллярный	5	132,0°	5,3	11	127,7°	6,3
Указатели:						
8/1. Черепной	5	83,1	4,9	11	87,0	8,3
51/52. Орбитный	6	77,5	7,2	12	80,2	6,7
54/55. Носовой	6	45,9	5,1	12	50,6	4,8
ss/sc. Симотический	2	48,0	19,8	9	49,5	10,7

Таблица 2. Мужские краниологические серии Евразии раннего железного века

Table 2. Men's craniological series of Eurasia of the Early Iron Age

№	Серии	Регион	Источник
1	Филипповка I, II	Южное Приуралье	[Юсупов, Нечвалода, 2012; Яблонский, 2017]
2	Сарматы Приуралья и Западного Казахстана (конец IV – III в. до н.э.)	Волго-Уральский регион и Западный Казахстан	Обобщенные материалы ряда авторов / [Китов, Мамедов, 2014]
3	Савромато-сарматы Приуралья и Западного Казахстана (конец VI – первая половина IV в. до н.э.)	Волго-Уральский регион и Западный Казахстан	Обобщенные материалы ряда авторов / [Китов, Мамедов, 2014]
4	Сарматы Нижнего Поволжья VI–IV вв. до н.э.	Нижнее Поволжье	[Балабанова, 2013]
5	Сарматы Нижнего Поволжья IV–III вв. до н.э.	Нижнее Поволжье	[Балабанова, 2013]
6	Предскифское время Нижнего Подонья	Подонье	[Батиева, 2011]
7	Ранние кочевники Нижнего Подонья	Подонье	[Батиева, 2011]
8	Аймырлыг XXXI (III–I вв. до н.э.)	Тува	[Богданова, Радзюн, 1991]
9	Аржан-2 / ранний этап алды-бельской культуры	Тува	[Чикишева, 2012]
10	Догээ-Баары II	Тува	[Чикишева, 2008]
11	Каменная культура	Южная Сибирь	[Рыкун, 2013]
12	Кызылтан (Северный Казахстан)	Павлодарское Прииртышье	Неопубликованные данные Е.П. Китова
13	Коргантасский тип памятников	Центральный Казахстан	[Китов, Бейсенов, 2015; Weisenov, Kitov, 2015]
14	Тасмолинская культура	Центральный Казахстан	[Бейсенов и др., 2015; Бейсенов, Китов, 2014]
15	Саки Семиречья	Притяньшанье	[Китов и др., 2019]
16	Саки Тянь-Шаня	Притяньшанье	[Китов и др., 2019]
17	Пазырыкская культура	Горный Алтай	[Чикишева, 2012]
18	Саки Алая	Южная Киргизия	[Китов и др., 2019]
19	Саки Восточного Казахстана	Северо-Восточный Казахстан	[Гинзбург, 1956; 1961]
20	Саки Юго-Восточного Памира	Таджикистан	[Гинзбург, Трофимова, 1972]
21	Саки Нижней Сырдарьи (Тагискен и Уйгарак)	Восточное Приуралье	[Итина, Яблонский, 1997]
22	Саки Приуралья	Восточное Приуралье	[Трофимова, 1963]
23	Саргатская культура	Южная Сибирь	[Багашев, 2000; 2017]
24	Скифы Причерноморья	Нижнее Поднепровье	[Кондукторова, 1972]
25	Скифы, Николаевка	Поднепровье	[Великанова, 1975]
26	Скифы, Никополь	Поднепровье	[Зиневич, 1967]
27	Ананьинская культура	Приуралье	[Ефимова, 1991]
28	Караабызская культура	Приуралье	[Ефимова, 1991]
29	Скифы Западной Монголии (Улангом)	Западная Монголия	[Чикишева, 2008; 2012]
30	Скифы Тувы (сборная серия)	Тува	[Чикишева, 2008; 2012]
31	Тагарская культура	Минусинская котловина	[Козинцев, 1977]
32	Чауху 4	Центральный Сынцзын	[Сынцзын Чауху, 1999]
33	Алагоу	Сынцзын, Турфанская котловина	[Хань Кансинь, 1993; 2010]
34	Чжаосу	Сынцзын, бассейн р. Или	[Хань Кансинь, 1993; 2010]
35	Янбулак	Сынцзын, Хами	[Хань Кансинь, 1993; 2010]

Таблица 3. Нагрузки на канонические векторы

Table 3. Loads on canonical vectors

Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1. Продольный диаметр	-0.62	-0.02	-0.29
8. Поперечный диаметр	0.76	0.24	0.45
17. Высотный диаметр	-0.14	-0.22	-0.08
9. Наименьшая ширина лба	-0.42	0.56	-0.05
45. Скуловой диаметр	0.16	0.17	-0.23
48. Верхняя высота лица	-0.04	0.04	0.57
55. Высота носа	0.05	-0.45	-0.07
54. Ширина носа	0.03	0.01	0.31
51. Ширина орбиты	0.38	0.32	-0.44
52. Высота орбиты	-0.07	-0.09	0.39
77. Назомалярный угол	0.08	-0.12	-0.16
Zm. Зигомаксиллярный угол	0.18	-0.31	-0.10
SS:SC. Симотический указатель	0.14	0.19	-0.60
75 (1). Угол выступания носовых костей	-0.54	0.49	0.65
Собственное значение	65.0	23.7	15.1
% объясняемой изменчивости	45,8	16,7	10,7

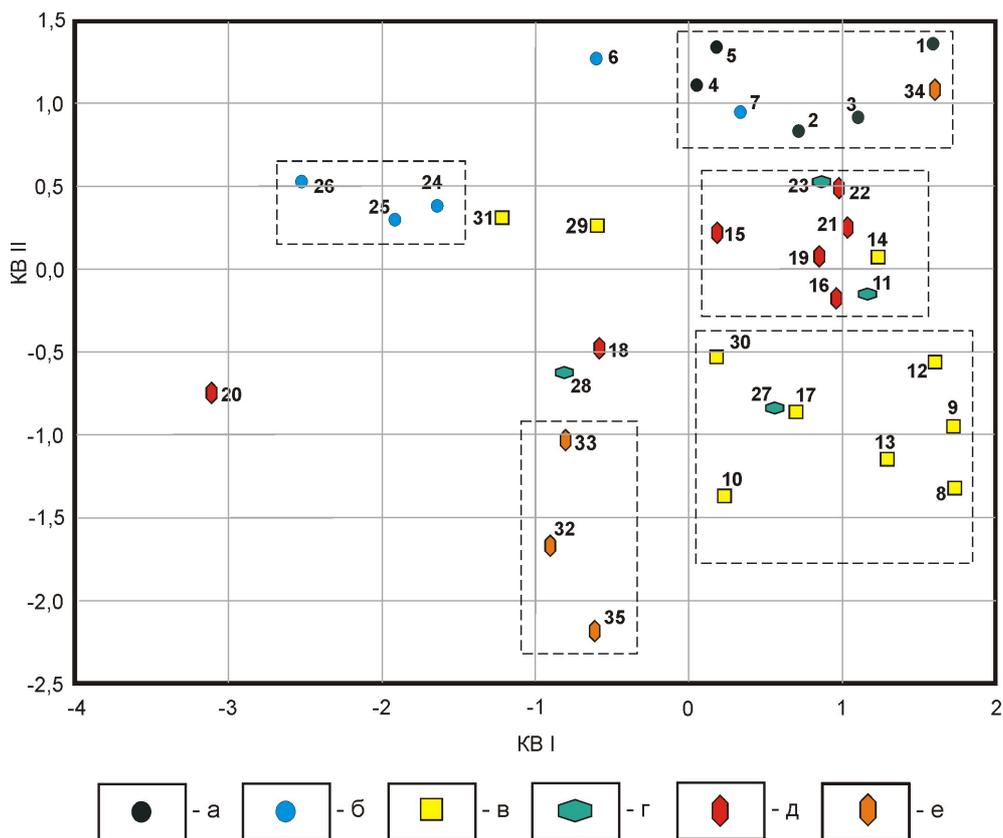

Рис. 1. Распределение мужских краниологических серий эпохи раннего железа Евразии в графическом пространстве KB I и KB II:

- а – серии кочевников Южного Приуралья и Поволжья; б – серии кочевников Дона и Причерноморья; в – серии кочевников Тувы, Алтая, Северного и Центрального Казахстана, Монголии; г – серии оседлых культур Приуралья; д – серии кочевников сакского культурного круга Центральной Азии; е – серии кочевников сакского культурного круга Китая.
- 1 – Филипповский могильник; 2 – сарматы Западного Казахстана (IV–III вв. до н.э.); 3 – кочевники Западного Казахстана (V–IV вв. до н.э.); 4 – савроматы Нижнего Поволжья VI–IV вв. до н.э.; 5 – сарматы Нижнего Поволжья IV–III вв. до н.э.; 6 – население Нижнего Подонья предскифского времени; 7 – ранние кочевники Нижнего Подонья; 8 – Аймырлыг XXXI (III–I вв. до н.э.); 9 – Аржан-2; 10 – Догээ-Баары 2; 11 – каменная культура; 12 – Кызылтан (Северный Казахстан); 13 – коргантасский тип памятников; 14 – тасмолинская культура; 15 – саки Семиречья; 16 – саки Тянь-Шаня; 17 – пазырыкская культура; 18 – саки Алая; 19 – саки Восточного Казахстана; 20 – саки Юго-Восточного Памира; 21 – саки Нижней Сырдарьи (Таджикен и Уйгарак); 22 – саки Приаралья; 23 – саргатская культура; 24 – скифы Причерноморья; 25 – скифы Николаевка; 26 – скифы Никополь; 27 – ананьинская культура; 28 – кара-абызская культура; 29 – скифы Западной Монголии (Улангом); 30 – скифы Тувы (сборная серия); 31 – тагарская культура; 32 – Чауху 4; 33 – Алагоу; 34 – Чжаосу; 35 – Янбулак

Fig. 1. Distribution of male craniological series of the Early Iron Age from Eurasia in the graphic space of Canonical 1 and Canonical 2:

- а – series of nomads from the Southern Urals and the Volga region; б – series of nomads of the Don and the Black Sea region; в – series of nomads of Tuva, Altai, Mongolia, Northern and Central Kazakhstan; г – series of sedentary cultures of the Urals; д – series of nomads of the Saka cultural circle of Central Asia; е – series of nomads of the Saka cultural circle of China;
- 1 – Filippovka kurgan cemetery; 2 – Sarmatians of Western Kazakhstan (4th–3rd centuries BC); 3 – nomads of Western Kazakhstan (5th–4th centuries BC); 4 – Savromats of the Lower Volga region (6th–4th centuries BC); 5 – Sarmatians of the Lower Volga region (4th–3rd centuries BC); 6 – the population of the Lower Don region of the pre-Scythian time; 7 – early nomads of the Lower Don; 8 – Aimyrlyg XXXI (3rd–1st centuries BC); 9 – Arzhan-2; 10 – Dogee-Baary 2; 11 – Kamenskaya culture; 12 – Kyzyltan (Northern Kazakhstan); 13 – Korgantas type of monuments; 14 – Tasmolinskaya culture; 15 – Saka of Semirechye; 16 – Tien Shan Saka; 17 – Pazyryk culture; 18 – Saka Alai; 19 – saka of East Kazakhstan; 20 – Saka of the South-Eastern Pamirs; 21 – Saka of the Lower Syr Darya (Tagisken and Uygarak); 22 – Saka of the Aral Sea; 23 – Sargat culture; 24 – Scythians of the Black Sea; 25 – Scythians Nikolaevka; 26 – Scythians Nikopol; 27 – Ananyino culture; 28 – Kara-Abyz culture; 29 – Scythians of Western Mongolia (Ulangom); 30 – Scythians of Tuva (combined series); 31 – Tagar culture; 32 – Chauhu 4; 33 – Alagou; 34 – Zhaosu; 35 – Yanbulak

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф., 1964. Краниметрия : Методика антропологических исследований. М. : Наука. 128 с.
- Археология Волго-Уралья, 2021. Ранний железный век. В 7 т. Т. 3. Казань : Изд-во АН РТ. 676 с.
- Багашев А. Н., 2000. Палеоантропология Западной Сибири : Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука. 374 с.
- Багашев А. Н., 2017. Антропология Западной Сибири. Новосибирск : Наука. 408 с.
- Балабанова М. А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М. : Наука. 133 с.
- Балабанова М. А., 2013. Население позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железного века и раннего средневековья : дис. ... д-ра ист. наук. М. 427 с.
- Батиева Е. Ф., 2011. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. 160 с.
- Бейсенов А. З., Китов Е. П., 2014. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. № 4 (28). С. 71–85. DOI: <https://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.7>
- Бейсенов А. З., Исмагулова А. О., Китов Е. П., Китова А. О., 2015. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. 170 с.
- Богданова В. И., Радзюн А. Б., 1991. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Тувы // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии : сб. музея антропологии и этнографии. Вып. XLIV. СПб. : Наука. С. 55–100.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа : Гилем. С. 153–172.
- Великанова М. С., 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М. : Наука. 284 с.
- Гинзбург В. В., 1956. Древнее население Восточных и Центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Труды ИЭ АН СССР. Т. XXXIII. М. : Изд-во АН СССР. С. 238–298.
- Гинзбург В. В., 1961. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана (череп V–IV вв. до н.э. из могильника Усть-Буковнь) // Антропологический сборник. № 3. М. : Наука. С. 82–97.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М. : Наука. 371 с.
- Гончаров И. А., Гончарова Н. Н., 2016. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ 2015663150 Российская Федерация. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). № 2016610803 ; заявл. 24.11.2015 ; опубл. 19.01.2016. 1 с.
- Гуцалов С. Ю., 2004. Роль миграций в этнических процессах на территории Южного Приуралья в скифскую эпоху // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана 3. Уральск : Запад.-Казахст. центр истории и археологии. С. 212–219.
- Дебеч Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. Труды института этнографии. Новая серия. Т. 4. М. : Изд-во АН СССР. 391 с.
- Ефимова С. Г., 1991. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М. : Изд-во МГУ. 96 с.
- Зиневич Г. П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. Киев : Наукова Думка. 240 с.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : РОССПЭН. 187 с.
- Канторович А. Р., Яблонский Л. Т., 2009. О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. С. 73–99.
- Китов Е. П., Хохлов А. А., 2008. Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // Вестник антропологии. № 16. С. 71–83.
- Китов Е. П., Бейсенов А. З., 2015. Первые краниологические данные памятников коргантасского типа Центрального Казахстана // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 64, № 14 (369). С. 16–28.

- Китов Е. П., Тур С. С., Иванов С. С., 2019. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – I-я половина II в. до н.э.). Алматы : Хикари. 300 с.
- Китов Е. П., Мамедов А. М., 2014. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана : Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 352 с.
- Козинцев А. Г., 1977. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л. : Наука. 142 с.
- Кондукторова Т. С., 1972. Антропология древнего населения Украины (I тысячелетие до н.э. – середина I тысячелетия н.э.). М. : МГУ. 155 с.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербург. Востоковедение. 272 с.
- Мещеряков Д. В., Яблонский Л. Т., 2007. О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке : материалы и исслед. по археологии России. № 8. М. : ИА РАН. С. 357–368.
- Мышкин В. Н., 2014. Восточное Приуралье и Самаро-Уральский регион : к проблеме происхождения традиций захоронения на дневной поверхности и в глиняных мавзолеях у южноуральских кочевых племен скифского времени // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уральский археологический вестник. Вып. 14. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие». С. 146–156.
- Мышкин В. Н., 2019а. Псалии с секировидными окончаниями из кочевнических погребений скифского времени на Южном Урале // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7. С. 175–180.
- Мышкин В. Н., 2019б. Уздечные бляшки с зооморфными и антропоморфными изображениями у кочевников Южного Приуралья скифского времени // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 57–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.5>
- Мышкин В. Н., 2022. Саки Приуралья и формирование общества кочевников Южного Приуралья VI–V вв. до н. э. // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. № 3. С. 133–158.
- Переводчикова Е. В., 2006. Скифский звериный стиль Прикубанья и Филипповские курганы // Liber Archaeologicae : сб. ст., посвящ. 60-летию Б.А. Раева. Краснодар ; Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 107–113.
- Переводчикова Е. В., Таиров А. Д., 2010. Произведения скифского звериного стиля из 1-го филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Приуралья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 198–212.
- Прокопенко Ю. А., 2014. Отражение нижневолжского и южноприуральского направлений культурных связей населения Центрального Предкавказья в центральнопредкавказском варианте звериного стиля в VI–I вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 14. С. 28–29.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка : Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Рыкун М. П., 2013. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та. 283 с.
- Сиротин С. В., 2018. Элементы конской сбруи из кургана №7 некрополя «Ивановские I курганы» : западные импульсы в раннепрохоровских уздечных наборах // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара : Изд-во СГСПУ. С. 246–249.
- Сиротин С. В., 2019. Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала // Крым в сарматскую эпоху : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Т. 5. Симферополь : ООО «Фирма “Салта” ЛТД», 2019. С. 224–233.
- Таиров А. Д., 2000. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск : ЮУрГУ. С. 4–205.
- Таиров А. Д., 2006а. Саки Приуралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 76–91.
- Таиров А. Д., 2006б. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // Вестник древней истории. № 1. С. 132–140.

- Таиров А. Д., 2009. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 137–148.
- Тот Т. А., Фирштейн Б. В., 1970. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и Сарматы. Л. : Наука. 202 с.
- Трейстер М. Ю., 2012. Ахеменидские импорты в Южном Приуралье. Хронология. Динамика. Состав. Мастерские. Местные подражания // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1. М. : Таус. С. 269–281.
- Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т., 2012. Заключение // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1. М. : Таус. С. 285–288.
- Трофимова Т. А., 1963. Приаральские саки (Краниологический очерк) // Полевые исследования Хорезмийской экспедиции в 1958–1961 гг. : материалы Хорезм. экспедиции. Вып. 6. М. : Наука. С. 221–247.
- Чикишева Т. А., 2008. К вопросу о фомировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. С. 120–139.
- Чикишева Т. А., 2012. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 468 с.
- Шевченко А. В. 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л. : Наука. С. 121–215.
- Юсупов Р. М., 2006. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 63–65.
- Юсупов Р. М., Нечвалода А. И., 2012. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // Пшеничнюк А. Х. Филипповка : Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 258–269.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Флипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : каталог коллекции. Кн. 1. М. : Изд-во ИА РАН. 232 с.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : Таус. 382 с.
- Яблонский Л. Т., 2017. На востоке скифской ойкумены. М. : Грифон. 400 с.
- Яблонский Л. Т., Рукавишников И. В., Шемаханская М. С., 2011. «Золотой» меч из царского кургана №4 могильника Филипповка I // Вестник древней истории. № 4 (279). С. 219–250.
- Beisenov A., Kitov E., 2015. Craniological Materials from Burials of Second Half of the I Millennium BC in Central Khazakstan // Ancient Cultures of the Northern Area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Huh-Hoto : Scientific press. P. 585–591.
- Gnecchi-Ruscione G. A., Musralina L., Spyrou M. A., Bianco R. A., Radzeviciute R., Gomes Martins N. F., Freund C., Jeong C., Krause J., Khussainova E., Kahbatkyzy N., Iksan O., Garshin A., Zhaniyazov Z., Bekmanov B., Djansugurova L., Kitov E., Beisenov A., Akhatov G., Voyakin D., Chotbayev A., Samashev Z., Bissembaev A., Berezina N., Berezin Y., Buzhilova A., Bíró A.Z., Évinger S., Mamedov A., Onggaruly A., Kariyev Y., 2021. Ancient Genomic Time Transect from the Central Asian Steppe Unravels the History of the Scythians // Science Advances. Vol. 7, № 13. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.abe4414>
- 韩康信 [Хань Кансинь], 1993. 丝绸之路古代居民种族人类学研究。[Расово-антропологическое исследование древнего населения на Шелковом пути]. Урумчи : Народ. изд-во Синьцзяна. 426 с. (на кит. яз.).
- 韩康信 [Хань Кансинь], 2010. 丝绸之路古代种族研究。[Исследование древних рас на Шелковом пути]. Урумчи : Народ. изд-во Синьцзяна. 532 с. (на кит. яз.).
- 新疆察吾呼 : 大型氏族墓地发掘报告 [Синьцзян Чауху], 1999. 新疆文物考古研究所编著 [Отчет о раскопках крупного родового могильника]. Пекин : Восток. 416 с. (на кит. яз.).

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Arheologiya Volgo-Ural'ya. Ranniye zheleznyy vek. V 7 t. T. 3*, 2021. [Archeology of the Volga-Urals. Early Iron Age. In 7 Vols. Vol. 3]. Kazan', AS RT. 676 p.

- Bagashev A.N., 2017. *Antropologiya Zapadnoy Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ. 408 p.
- Bagashev A.N., 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: Lesostep v epokhu rannego zheleza* [Paleoanthropology of Western Siberia: Forest-Steppe Region in the Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 374 p.
- Balabanova M.A., 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya. Ranniy zheleznyy vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 133 p.
- Balabanova M.A., 2013. *Naselenie pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzh'ya i sopredel'nykh territoriy v antropologicheskom kontekste rannego zheleznoogo veka i rannego srednevekov'ya: dis. ... d-ra ist. nauk* [Late Sarmatian Population of the Lower Volga Region and Adjacent Territories in the Anthropological Context of the Early Iron Age and early Middle Ages. Dr. Sci. Diss.]. Moscow. 427 p.
- Batieva E.F., 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The Population of the Lower Don in the 9th BC – 4th AD (Paleoanthropological Study)]. Rostov-on-Don, SSC RAS. 160 p.
- Beysenov A.Z., Kitov E.P., 2014. Mogilnik tasmolinskoy kultury Taldy II v Tsentralnom Kazakhstane (kraniologicheskiy analiz) [The Taldy II Burial Ground of Tasmoly Culture in the Central Kazakhstan (Craniological Analysis)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya* [Science Journal of Volgograd State University. History], no. 4 (28), pp. 71-85. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.7>
- Beysenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O., 2015. *Naseleniye Tsentralnogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n.e.* [The Population of Central Kazakhstan in the 1st Millennium BC]. Almaty, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. 170 p.
- Bogdanova V.I., Radzyun A.B., 1991. *Paleoantropologicheskiye materialy gunno-sarmatskogo vremeni iz Tsentralnoy Tuvy* [Paleoanthropological Materials of the Hun-Sarmatian Time from Central Tuva]. *Novyye kolleksii i issledovaniya po antropologii i arkheologii: sb. muzeya antropologii i etnografii* [New Collections and Research of Anthropology and Archaeology. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], iss. XLIV. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 55-100.
- Vasil'ev V.N., 2004. K hronologii ranneprohorovskogo kompleksa [On the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 5, pp. 153-172.
- Velikanova M.S., 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurechia* [Paleoanthropology of the Prut-Dniester Region]. Moscow, Nauka Publ. 284 p.
- Ginzburg V.V., 1956. Drevneye naseleniye Vostochnykh i Tsentralnykh rayonov Kazakhskoy SSR po antropologicheskim dannym [The Ancient Population of the Eastern and Central Regions of the Kazakh SSR According to Anthropological Data]. *Trudy IE AN SSSR* [Proceedings of IE USSR Academy of Sciences], vol. XXXIII. Moscow, AS USSR, pp. 238-298.
- Ginzburg V.V., 1961. K antropologii rannikh kochevnikov Vostochnogo Kazakhstana (cherepa V–IV vv. do n.e. iz mogilnika Ust-Bukon) [About Anthropology of the Early Nomads of East Kazakhstan (Skulls of the 5th–4th Centuries BC from the Ust-Bukon Burial Ground)]. *Antropologicheskiy sbornik* [Anthropological Digest], no. 3. Moscow, Nauka Publ., pp. 82-97.
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A., 1972. *Paleoantropologiya Sredney Azii* [Paleoanthropology of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ. 371 p.
- Goncharov I.A., Goncharova N.N., 2016. *Programma MultiCan dlya analiza mnogomernykh massivov dannykh s ispolzovaniyem statistik vyborok i parametrov generalnoy sovokupnosti (MultiCan)* [MultiCan Program for the Analysis of Multidimensional Data Arrays Using Statistics of Samples and Parameters of the General Aggregates]. Svidetelstvo o registratsii prav na PO № 2016610803. 1 p.
- Gutsalov S.Yu., 2004. Rol' migratsiy v etnicheskikh processah na territorii Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu [The Role of Migrations in Ethnic Processes on the Territory of the Southern Urals in the Scythian Era]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Issues of the History and Archaeology of Western Kazakhstan], iss. 3. Uralsk, West Kazakhstan Center for History and Archeology, pp. 212-219.
- Debets G.F., 1948. *Paleoantropologiya SSSR. Trudy instituta etnografii. Novaya seriya.* [Paleoanthropology of the USSR. Proceedings of the Institute of Ethnography. New series]. Vol. 4. Moscow, AS USSR. 391 p.

- Efimova S.G., 1991. *Paleoantropologiya Povolzh'ya i Priural'ya* [Paleoanthropology of the Volga and Urals]. Moscow, MSU. 96 p.
- Zinevich G.P., 1967. *Ocherki paleoantropologii Ukrainy* [Essays on Paleoanthropology of the Ukraine]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 240 p.
- Itina M.A., Yablonskiy L.T., 1997. *Saki nizhney Syrdaryi (po materialam mogilnika Yuzhnyy Tagisken)* [Sakas of the Lower River Syr-Darya (Materials from the South Tagisken Cemetery)]. Moscow, ROSSPEN Publ. 187 p.
- Kantorovich A.R., Yablonskiy L.T., 2009. O severoprichernomorskih i severokavkazskih parallelyah izobrazheniyam v skifo-sibirskom zverinom stile na predmetah iz Filippovskikh kurganov [On the Northern Black Sea and North Caucasian Parallels to the Images in the Scythian-Siberian Animal Style on the Objects from the Filippovsky Mounds]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 10, pp. 73-99.
- Kitov E.P., Khokhlov A.A. 2008. Paleoantropologiya srubno-alakul'skogo vremeni Yuzhnogo Urala [Paleoanthropology of the Srubno-Alakul time of the Southern Urals]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], no. 16, pp.71-83.
- Kitov E.P., Beysenov A.Z., 2015. Pervyye kraniologicheskiye dannyye pamyatnikov korgantasskogo tipa Tsentralnogo Kazakhstana [The First Craniological Data of the Korgantas Types Burials in Central Kazakhstan]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. History], iss. 64, no. 14 (369), pp. 16-28.
- Kitov E. P., Tur S. S., Ivanov S. S., 2019. *Paleoantropologiya saksikh kul'tur Prityanshan'ya (VIII – 1-ya polovina II v. do n.e.)* [Paleoanthropology of the Saka Cultures of the Tyan Shan Region (VIII – 1st Half of the II Century BC)]. Almaty, Hikari Publ. 300 p.
- Kitov E.P., Mamedov A.M., 2014. *Kochevoye naseleniye Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke* [The Nomadic Population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age]. Astana, Branch of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan in Astana. 352 p.
- Kozintsev A.G., 1977. *Antropologicheskij sostav i proiskhozhdenie naseleniya tagarskoy kul'tury* [Anthropological Composition and Origin of the Population of Tagar Culture]. Leningrad, Nauka Publ. 142 p.
- Konduktorova T.S., 1972. *Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy* [Anthropology of the Ancient Population of the Ukraine]. Moscow, MSU. 155 p.
- Korol'kova E.F., 2006. *Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemyon Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoj prinadlezhnosti* [Animal Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga and Southern Urals in the Scythian Era (VII–IV Centuries BC). Problems of Style and Ethno-Cultural Affiliation]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 272 p.
- Meshcheryakov D.V., Yablonskiy L.T., 2007. O nekotorykh kavkazskikh importah v pamyatnikah rannesarmatskogo vremeni Yuzhnogo Priural'ya [About Some Caucasian Imports in the Sites of the Early Sarmatian Time in the Southern Urals]. *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke* [North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age], no. 8. Moscow, IAS RAS, pp. 357-368.
- Myshkin V.N., 2014. Vostochnoe Priural'e i Samaro-Ural'skiy region: k probleme proiskhozhdeniya traditsiy zahoroneniya na dnevnoy poverhnosti i v glinyanykh mavzoleyah u yuzhnoural'skikh kochevykh plemen skifskogo vremeni [Eastern Prearal'ie and the Samara-Ural Region: on the Problem of the Origin of Burial Traditions on the Surface and in Clay Mausoleums Among the South Ural Nomadic Tribes of the Scythian Time]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vseros. (s Mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Sarmatians and the Outside World. Proceedings of the VIII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. UAV, vol. 14. Ufa, IYAL USC RAS, Center “Heritage”, pp. 146-156.
- Myshkin V.N., 2019a. Psalii s sekirovidnymi okonchaniyami iz kochevnicheskikh pogrebenij skifskogo vremeni na Yuzhnom Urale [Horse Cheek-Pieces with Ax-like Endings from the Nomadic Burials of the Scythian Period in the Southern Urals]. *Voprosy arheologii Povolzh'ya* [Issues of Archeology of the Volga Region], vol. 7, pp. 175-180.
- Myshkin V.N., 2019b. Uzdechnye blyashki s zoomorfnyimi i antropomorfnyimi izobrazheniyamiu kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifskogo vremeni [Bridle Plaques with Zoomorphic and Anthropomorphic Images of the Nomads of the Southern Urals in the Scythian Time]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 57-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.5>

- Myshkin V. N., 2022. Saki Priaral'ya i formirovanie obshchestva kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya VI–V vv. do n. e. [The Saka of the Aral Sea Region and the Formation of the Nomadic Society in the Southern Urals in the 6th–5th Centuries BC]. *Stratum Plus*, no. 3, pp. 133-158.
- Perevodchikova E. V., 2006. Skifskiy zverinyy stil' Prikuban'ya i Filippovskie kurgany [Scythian Animal Style of the Kuban Region and Kurgans of Filippovka]. *Liber Archaeologicae: sb. st., posvyashch. 60-letiyu B.A. Raeva* [Liber Archaeologicae: A Digest of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of B.A. Raev]. Krasnodar, Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 107-113.
- Perevodchikova E. V., Tairov A. D., 2010. Proizvedeniya skifskogo zverinogo stilya iz 1-go filippovskogo kurgana v kontekste iskusstva kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Scythian Animal Style of the 1 Filippovka Barrow in the Context of the Southern Ural Art]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 198-212.
- Prokopenko Yu. A., 2014. Otrazhenie nizhnevolzhskogo i yuzhnopriural'skogo napravleniy kul'turnykh svyazey naseleniya Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v central'nom predkavkazskom variante zverinogo stilya v VI-I vv. do n. e. [Reflection of the Lower Volga and South Uralian Cultural Ties of the Central Ciscaucasia's Population in the Central Ciscaucasian Version of the "Animal Style" of the 4th–1st Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 14, pp. 28-29.
- Pshenichnyuk A. H., 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n. e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BC in the South Urals]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Rykun M. P., 2013. *Paleoantropologiya Verkhnego Priobia epokhi rannego zheleza (po materialam kamenskoj kultury)* [Paleoanthropology of the Upper River Ob Region of the Early Iron Age (Based on Materials from the Kamenskaya Culture)]. Barnaul, ASU. 283 p.
- Sirotin S. V., 2018. Elementy konskoj sbrui iz kurgana № 7 nekropolya «Ivanovskie I kurgany»: zapadnye impul'sy v ranneprohorovskikh uzdechnykh naborah [Elements of Horse Harness from Mound No. 7 of the Necropolis "Ivanovskie I Kurgany": Western Impulses in Early Prokhorov's Bridle Sets]. *XXI Ural'skoe arheologicheskoe soveshchaniye, posvyashchennoye 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasil'eva: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [XXI Ural Archaeological Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Birth of G.I. Matveeva and the 70th Anniversary of the Birth of I.B. Vasiliev. Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Samara, SGSPU, pp. 246-249.
- Sirotin S. V., 2019. Ob odnoy gruppe plastinchatykh nalobnikov v uzdechnykh naborah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [On One Group of Lamellar Browpieces in the Bridle Sets of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Krym v sarmatskuyu epokhu: materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii»* [Crimea in the Sarmatian Era. Materials of the X International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"], vol. 5. Simferopol, Salta LLC, pp. 224-233.
- Tairov A. D., 2000. Ranniy zheleznyy vek [Early Iron Age]. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e*. [Ancient History of the Southern Trans-Urals. Early Iron Age and the Middle Ages]. Vol. II. Chelyabinsk, SUSU, pp. 4-205.
- Tairov A. D., 2006a. Saki Priaral'ya v stepyakh Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovyy shlyakh) [Sakas of the Aral Sea in the Steppes of the Southern Trans-Urals (Based on the Materials of the Burial Ground Marovy Shlyakh)]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu Anatoliya Haritonovicha Pshenichnyuka* [Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time. Digest of Articles for the 70th Anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem, pp. 76-91.
- Tairov A. D., 2006b. Kochevniki Vostochnogo Turkestana i formirovanie rannesarmatskoj kul'tury Yuzhnogo Urala [Nomads of East Turkestan and the Formation of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 132-140.
- Tairov A. D., 2009. O transformatsii kul'tury kochevnikov Yuzhnogo Urala v kontse V- nachale IV v. do n. e. [About Transformation of Culture of the Southern Urals Nomads in the End V – Beginning IV Centures BC]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 137-148.
- Tot T. A., Firshteyn B. V., 1970. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov. Avary i Sarmaty* [Anthropological Data on the Question of the Great Migration of Peoples. Avars and Sarmatians]. Leningrad, Nauka Publ. 202 p.

- Treister M. Yu., 2012. Ahamenidskie importy v Yuzhnom Priural'e. Hronologiya. Dinamika. Sostav. Masterskie. Mestnye podrazhaniya [Achaemenid Imports in the Southern Urals. Chronology. Dynamics. Compound. Workshops. Local Imitations]. *Vliyanie ahamenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influence of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V–III Centuries BC)]. Vol. 1. Moscow, Taus Publ., pp. 269-281.
- Treister M. Yu., Yablonskiy L. T., 2012. Zaklyuchenie [Conclusion]. *Vliyanie ahamenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influence of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V–III Centuries BC)]. Vol. 1. Moscow, Taus Publ., pp. 285-288.
- Trofimova T. A., 1963. Priaralskiye saki (Kraniologicheskii ocherk) [Saka of Aral Region (Craniological Essey)]. *Polevyye issledovaniya Khorezmiyskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg.: materialy Khorezm. ekspeditsii* [Field Studies of the Khorezm Expedition in 1958–1961. Materials of the Khorezm Expedition], iss. 6. Moscow, Nauka Publ., pp. 221-247.
- Chikisheva T. A., 2008. K voprosu o formirovani i antropologicheskogo sostava rannikh kochevnikov Tuvy [On the Formation of the Anthropological Composition of the Early Nomads of Tuva]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 4, pp. 120-139.
- Chikisheva T. A., 2012. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita-rannego zheleza* [Dynamics of Anthropological Differentiation of the Population of the South of Western Siberia in the Neolithic-Early Iron Age]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 468 p.
- Shevchenko A. V., 1986. Antropologiya naseleniya yuzhno-russkikh stepey v epohu bronzy [Anthropology of the Population of the South Russian Steppes in the Bronze Age]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Modern and Ancient Population of the European Part of the USSR]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 121-215.
- Yusupov P. M., 2006. Paleoantropologiya rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala po materialam Filippovskikh kurganov [Paleoanthropology of the Early Nomads of the Southern Urals Based on the Materials of the Filippovka Kurgans]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu Anatoliya Haritonovicha Pshenichnyuka* [Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time. Digest of Articles for the 70th Anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 63-65.
- Yusupov R. M., Nechvaloda A. I., 2012. Paleoantropologiya rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala po materialam Filippovskikh kurganov [Paleoanthropology of the Early Nomads of the Southern Urals Based on Materials from the Filippovskiy Barrows]. *Pshenichnyuk A. H. Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [Pshenichnyuk A. Kh. Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BC in the South Urals]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 258-269.
- Yablonskiy L. T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhd'ev. Elitnyy nekropol' Flippovka I (po materialam raskopok 2004-2009 gg.)*. Katalog kolleksii [Gold of the Sarmatian Leaders. The Elite Necropolis of Flippovka I (Based on Excavations in 2004-2009). Collection Catalog]. Book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.
- Yablonskiy L. T., 2010. *Prohorovka. U istokov sarmatskoy arheologii* [At the Origins of Sarmatian Archeology]. Moscow, Taus Publ., 382 p.
- Yablonskiy L. T., 2017. *Na vostokey skifskoy ojkumeny* [In the East of the Scythian Ecumene]. Moscow, Grifon Publ., 400 p.
- Yablonskiy L. T., Rukavishnikova I. V., Shemahanskaya M. S., 2011. "Zolotoy" mech iz tsarskogo kurgana №4 mogil'nika Filippovka 1 ["Golden" Sword from the Royal Burial Mound No. 4 of the Filippovka 1 Cemetery]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], no. 4 (279), pp. 219-250.
- Beisenov A. Kitov E., 2015. Craniological Materials from Burials of Second Half of the I Millennium BC in Central Khazakstan. *Ancient Cultures of the Northern Area of China, Mongolia Baikalian Siberia*. Huh-Hoto, Scientific press, pp. 585-591.
- Gnecchi-Ruscione G. A., Musralina L., Spyrou M. A., Bianco R. A., Radzeviciute R., Gomes Martins N. F., Freund C., Jeong C., Krause J., Khussainova E., Kahbatkyzy N., Iksan O., Garshin A., Zhaniyazov Z., Bekmanov B., Djansugurova L., Kitov E., Beisenov A., Akhatov G., Voyakin D., Chotbayev A., Samashev Z., Bissembaev A., Berezina N., Berezin Y., Buzhilova A., Bíró A. Z., Évinger S., Mamedov A., Onggaruly A., Kariyev Y., 2021. Ancient Genomic Time Transect from the Central Asian Steppe Unravels the History of the Scythians. *Science Advances*, vol. 7, no. 13. DOI: 10.1126/sciadv.abe4414

- Khan Kansin, 1993. *Sychou chzhi lu guday tszyuymin chzhuntszu zhenleisyuye yantszyu* [Racial-Anthropological Study of the Ancient Population on the Silk Road]. Urumchi, Xinjiang People's Publishing House. 426 p. (in Chinese).
- Khan Kansin, 2010. *Sychou chzhi lu guday chzhuntszu yantszyu* [Research on Ancient Race of Silk Road]. Urumchi, Xinjiang People's Publishing House. 532 p. (in Chinese).
- Sintszyan Chaukhu, 1999. *Daxing shizu mudi fajue baogao* [Report on the Excavation of a Large Clan Cemetery]. Pekin, East Publ. 416 p. (in Chinese).

Information About the Authors

Aleksandr A. Khokhlov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Biology, Ecology and Training Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, khokhlov_aa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-9616>

Egor P. Kitov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center of Human Ecology, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32A, 119334 Moscow, Russian Federation, kadet_eg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-3288>

Vladimir N. Myshkin, Candidate of Sciences (History), Head of Archaeological Laboratory, Samara State Social and Pedagogical University, Leninskaya St, 127, 443041 Samara, Russian Federation, vnm59@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3489-6776>

Информация об авторах

Александр Александрович Хохлов, доктор исторических наук, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, khokhlov_aa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-9616>

Егор Петрович Китов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский просп., 32А, 119334 г. Москва, Российская Федерация, kadet_eg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-3288>

Владимир Николаевич Мышкин, кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Ленинская, 127, 443041 г. Самара, Российская Федерация, vnm59@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3489-6776>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.3>

UDC 902(652)
LBC 63.443-427.1

Submitted: 14.10.2023
Accepted: 16.01.2024

FIBULAE FROM THE UST-KAMENSKY CEMETERY IN THE LOWER DNEPER REGION

Viktor V. Kropotov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to analyzing 24 fibulae originating from the Ust-Kamensk kurgan cemetery. Typologically, these finds are not very diverse. The bow fibulae (18 pieces) are the most numerous among them. Hinged arc-shaped brooches (3 pieces) and military clasps (2 pieces) are represented in a significantly smaller number. The spring fibulae with the button at the end of the continuous lamellar receiver are observed only in one fibula. The overwhelming majority of the specified decorations (21 pieces) form a single chronological group dated according to different chronological schemes to the second – third quarters or the second half of the 1st century – early 2nd century AD. Only three pieces do not belong to this group: two military fibulae date back to an earlier period and one spring fibulae with the button on the receiver end was made later. Taking into account modern research, military brooches cannot date back later than the early 1st century AD. The brooch with the button on the receiver dates back to the first half – middle of 2nd century AD. Considering that fibulae are the most reliable and precisely dated indicators in the inventory of the Ust-Kamensk kurgan cemetery, their dating can be confidently extended to the chronology of the whole burial ground. Thus, the monument was used for at least 100 years, from the early 1st century AD up to the first half – the middle of the 2nd century AD, but not just in the middle of the 1st – beginning of the 2nd centuries AD, as it was considered earlier. The majority of fibulae from the Ust-Kamensk collection have possibly been made in Olbia or delivered through it from the Roman provinces. Only the military brooches and the spring fibulae with the button on the receiver end, apparently, are of a different origin.

Key words: fibulae, Sarmatians, burials, kurgans, Middle-Sarmatian culture, Lower Dnieper region, Roman time.

Citation. Kropotov V.V., 2024. Fibuly Ust'-Kamenskogo mogil'nika na Nizhnem Dnepre [Fibulae from the Ust-Kamensky Cemetery in the Lower Dnieper Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 46-65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.3>

УДК 902(652)
ББК 63.443-427.1

Дата поступления статьи: 14.10.2023
Дата принятия статьи: 16.01.2024

ФИБУЛЫ УСТЬ-КАМЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Виктор Валерьевич Кротов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена анализу 24 фибул, происходящих из Усть-Каменского курганного могильника. В типологическом плане эти изделия не очень разнообразны. Самые многочисленные среди них – лучковые подвязные фибулы (18 экз.). Значительно меньшим количеством представлены шарнирные дуго-видные (3 экз.) и воинские (2 экз.) застёжки. И только в одном экземпляре известна пружинная фибула с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника. Абсолютное большинство указанных украшений (21 экз.) составляют единую хронологическую группу, датируемую по разным хронологическим схемам второй – третьей четвертями I в. н.э. или второй половиной этого столетия – началом следующего века. Только три застёжки не входят в эту группу: две из них – воинские фибулы – более ранние, одна – пружинная фибула с кнопкой на конце приемника – более поздняя. Воинские фибулы с учетом современных исследований не могут быть датированы позднее начала – первой половины I в. н.э. Застёжка с кнопкой на конце приемника относится к первой половине – середине II в. н.э. Учитывая то, что фибулы являются самыми надежными и узко датированными индикаторами в инвентаре Усть-Каменского могильника, их датировка

уверенно может быть перенесена на хронологию всего могильника в целом. Соответственно, памятник функционировал не менее 100 лет: как минимум, с начала – первой половины I в. н.э. вплоть до первой половины – середины II в. н.э., а не только в середине I – начале II в. н.э., как считалось ранее. Большинство фибул из усть-каменской коллекции, вероятно, были изготовлены в Ольвии или завезены через нее из римских провинций. Лишь воинские фибулы и пружинная с кнопкой на конце приемника, по-видимому, имеют иное происхождение.

Ключевые слова: фибулы, сарматы, погребения, курганы, среднесарматская культура, Нижнее Поднепровье, римское время.

Цитирование. Кропотов В. В., 2024. Фибулы Усть-Каменского могильника на Нижнем Днепре // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 46–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.3>

Усть-Каменский курганный могильник – один из самых известных памятников среднесарматского времени в Северном Причерноморье. Расположенный на правом берегу р. Днепр, в 28 км к западу-северо-западу от древней Никопольской переправы, на южном склоне невысокого мыса, образованного слиянием рек Базавлук и Каменка, в 0,7 км к северу от с. Усть-Каменка Апостоловского района Днепропетровской области, некрополь представлял собой скопление небольших курганных насыпей (высотой до 0,8 м, диаметром не более 20 м), хаотично разбросанных на участке размером 700 × 350 м, вытянутом с юго-запада на северо-восток. Большинство курганов находилось в южной части памятника, где они зачастую буквально «наползали» друг на друга; в северной части их концентрация была значительно меньшей. Здесь же – в северной части – располагался и доминирующий на могильнике единственный крупный курган (высотой 6 м), оставшийся неисследованным, но, скорее всего, относящийся еще к эпохе бронзы или скифскому времени.

Первые раскопки некрополя проведены Усть-Каменским отрядом Никопольской археологической экспедиции ИА АН УССР под руководством Е.В. Махно в 1951 году. Тогда была изучена южная периферия памятника – 20 насыпей, сохранившихся в нераспаханном виде [Махно, 1951]. Все остальные видимые на поверхности объекты – 51 курган, как не потревоженные, так и практически полностью уничтоженные распашкой, за исключением самого большого, упомянутого выше, были изучены экспедицией Днепропетровского государственного университета под руководством В.И. Костенко в 1983–1985 гг. [Костенко, 1983; 1984; 1985]. В результате этих работ памятник, по сути, исследован полностью.

Из 71 открытой на нем курганной насыпи четыре (курганы №№ 38, 43, 56, 62) были возведены в эпоху бронзы, но содержали впускные сарматские погребения. Один курган (№ 63), по-видимому, являлся скифским; еще три (№№ 7, 67, 68) – средневековыми. Остальные грунтовые сооружения воздвигнуты над основными захоронениями сарматского времени, девять из них включали также впускные детские погребения. Всего, таким образом, сарматский могильник состоял из 78 погребальных комплексов, 47 из которых сохранились в не нарушенном древними грабителями виде.

Характеризуя погребальный обряд данного некрополя, следует отметить, что большинство захоронений в нем были совершены в подбойных могилах (42 объекта), реже использовались узкие прямоугольные (19 объектов) и широкие подквадратные (17 объектов). Покойные в них укладывались, как правило, вытянуто на спине вдоль длинной оси могилы и лишь в подквадратных гробницах они располагались по диагонали сооружения. Из 50 случаев, в которых была установлена ориентировка покойника, 38 раз он размещался головой в южный сектор (14 – на юго-восток, 13 – на юг, 11 – на юго-запад) и 12 раз – в северный (4 – на северо-восток, 4 – на север, 4 – на северо-запад). Преобладания той или иной ориентации в каком-либо типе погребальных сооружений не обнаружено. В могилах нередко применялись деревянные конструктивные элементы – ящики-гробовища, плахи перекрытия, оклады стен и пр. Кроме того, зафиксировано использование растительных циновок и «подушек», а также подсыпок дна могил мелом. Случаев искусственной деформации черепов у покойных не выявлено.

Захоронения обычно сопровождал достаточно разнообразный инвентарь, в его числе бронзовые тазы, гончарные и лепные сосуды, стеклянные бальзамарии, предметы вооружения, конская упряжь, мелкие личные украшения, фибулы, зеркала, пряжки, пряслица, бусы и т. д. Эта богатая коллекция хранилась в двух учреждениях Украины: предметы из раскопок Е.В. Махно (курганы 1–20) – в Национальном музее истории Украины (г. Киев), материалы полевых работ В.И. Костенко (курганы 21–71) – в Археологической лаборатории Днепропетровского Национального университета (г. Днепропетровск)¹. В научный оборот собрание введено не полностью. Так, Е.В. Махно опубликовала лишь краткую информацию о результатах своих работ, приведя иллюстрации только некоторых наиболее выразительных, с ее точки зрения, вещей [Махно, 1960, с. 24–38, рис. 12–22]. Более полно издал свои материалы В.И. Костенко, однако схематичность представленных в его монографии рисунков не всегда позволяет правильно интерпретировать отдельные находки [Костенко, 1993, с. 13–84, рис. 4–29]. Ряд комплексов рассмотрен в трудах А.В. Симоненко, при этом особое внимание автор уделил анализу предметов римского импорта и вооружения [Simonenko, 2008, S. 62–65, Taf. 42–55; Симоненко, 2010, с. 259–272; 2011, с. 187–193]. Основной же массив собранных данных остается, по сути, малоизвестным широкому кругу исследователей и не охвачен комплексным всесторонним анализом. Общая среднесарматская атрибуция памятника сомнения не вызывает, однако его абсолютная датировка, предложенная В.И. Костенко и поддержанная А.В. Симоненко, – вторая половина I – начало II в. н.э. [Костенко, 1993, с. 123, 142; Симоненко, 2000, с. 134–138; 2004, с. 157], представляется не достаточно точной и требует некоторой корректировки.

Такие важные преимущества Усть-Каменского могильника, как хорошая сохранность, полное исследование, выразительность полученного материала, дополненные надежными хронологическими определениями, в перспективе позволят рассматривать памятник в качестве эталонного для целого пласта (хронологического горизонта) сарматских древностей Северного Причерноморья. Вме-

сте с тем не полная публикация материала и ограниченная доступность самих находок серьезно затрудняют такое использование. В этой связи введение в научный оборот всего массива данных, собранных на Усть-Каменском могильнике, наряду с разработкой его надежной хронологии, является первоочередной задачей сарматологии.

Данная работа частично выполняет эту функцию – в ней специально рассмотрен набор фибул, происходящий из Усть-Каменского могильника, с целью уточнения его состава, датировки и происхождения. Поскольку фибулы являются надежными хронологическими и культурными индикаторами, их всестороннее изучение позволяет попутно затронуть ряд общих вопросов, связанных с датировкой памятника в целом, а также выявить некоторые направления торговых и культурных связей оставившего его населения.

Всего на Усть-Каменском могильнике собраны 24 фибулы: 23 бронзовых и одна железная, происходящие из 20 комплексов. Это достаточно значительная выборка по меркам среднесарматской культуры. По сути, фибулы встречены в каждом четвертом захоронении некрополя, что не характерно для сарматских погребальных памятников этого времени. К примеру, на лишь немного меньшем по своим размерам могильнике у с. Ново-Филиповка и с/х «Аккермень», включавшем порядка 50 погребений, было найдено только девять фибул, а на не полностью исследованных некрополях Орель-Самарского междуречья (Подгородное, Ново-Подкряж, Филия, Троицкое, Вербки, Мелиоративный и др. – в целом не менее 80 основных захоронений) – всего три. На этом фоне набор застёжек Усть-Каменского могильника, включающий в себя почти две трети всех фибульных находок Нижнего Поднепровья среднесарматского времени, выглядит особенно представительно и уже поэтому заслуживает отдельного внимания.

К сожалению, не все образцы из усть-каменской коллекции удалось изучить визуально, так как часть из них не сохранилась в фондах. Кроме того, при осмотре некоторых образцов были выявлены весьма существенные утраты. Чтобы восполнить их, к работе привлечены сохранившиеся фотографии и зарисовки усть-каменских фибул, представлен-

ные в отчетах о полевых исследованиях и публикациях. Последние в ряде случаев позволяют не только более полно описать найденные вещи, но и точнее их атрибутировать.

Фибулы обнаружены в следующих погребальных комплексах могильника: кургане 5² (2 экз. – рис. 1,1, 5,6 и рис. 1,2, 2,1), кургане 6, погребении 1 (2 экз. – рис. 1,3, 2,2, 5,9 и рис. 1,4, 5,1), кургане 6, погребении 2 (рис. 1,5, 2,3, 5,2), кургане 12, погребении 2 (2 экз. – рис. 1,6, 5,8 и рис. 1,7, 5,7), кургане 13, погребении 1 (рис. 1,8), кургане 21 (рис. 3,12, 4,2), кургане 26 (рис. 3,2, 4,3), кургане 29 (рис. 3,1, 4,4), кургане 31 (2 экз. – рис. 3,3, 4,5 и рис. 3,4, 4,6), кургане 32 (рис. 3,9, 4,8, 5,3), кургане 37 (рис. 3,16, 4,10, 5,12), кургане 43, погребении 1 (рис. 3,8, 4,9, 5,11), кургане 45 (рис. 3,6, 4,11, 5,13), кургане 49, погребении 1 (рис. 3,10, 4,12, 5,4), кургане 53 (рис. 3,7, 4,7), кургане 59 (рис. 3,11, 4,13, 5,10), кургане 65 (рис. 3,15, 4,14, 5,14), кургане 69 (рис. 3,13, 4,15), кургане 70 (рис. 3,14, 4,16, 5,15), кургане 71 (рис. 3,5, 4,1, 5,5). В типологическом плане они не очень разнообразны. Самые многочисленные среди них – лучковые подвязные фибулы (18 экз.). Значительно меньшим количеством представлены шарнирные дуговидные (3 экз.) и воинские образцы (2 экз.). И только в одном экземпляре известна пружинная застежка с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника.

Лучковые подвязные фибулы на Юге Восточной Европы в первые века н.э. распространены повсеместно, поэтому их преобладание на Усть-Каменском могильнике не удивительно. Однако усть-каменские находки обладают рядом специфических черт, выделяющим их из общего массива причерноморских застежек, – это, в первую очередь, значительные размеры и преобладание нижней тетивы. Морфологически они соответствуют трем из четырех основных серий подвязных изделий: простым проволочным фибулам с верхней тетивой у пружины (группа 15, серия I по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 48–51]; группа 4, серия I по типологии В.В. Кропотова [Кропотов, 2010, с. 68–80]), аналогичным проволочным образцам с нижней тетивой (группа 15, серия II по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 52]; группа 4, серия II по типологии В.В. Кропото-

ва [Кропотов, 2010, с. 129–136]) и застежкам с расширенной пластинчатой спинкой, у которых положение тетивы значения не имеет (группа 15, серия VI по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 55–57]; группа 4, серия IV по типологии В.В. Кропотова [Кропотов, 2010, с. 159–162]).

Простые проволочные фибулы с верхней тетивой в коллекции Усть-Каменского могильника представлены лишь одним экземпляром. Это небольшая застежка, происходящая из кургана 37, скрученная из цельного куска бронзовой проволоки, с четырехвитковой пружиной, плавно изогнутой спинкой и уплощенной, чуть расширенной книзу ножкой. Корпус изделия украшен сплошной 16-витковой обмоткой, являющейся продолжением завязки приемника. Игла не сохранилась. Общая длина фибулы 3,9 см, высота 1,6 см (рис. 3,16, 4,10, 5,12).

По указанным признакам – небольшим размерам, плавно изогнутой спинке, уплощенной ножке, немного расширяющейся книзу – данный образец, безусловно, должен быть отнесен к варианту 2 лучковых подвязных фибул I серии с общей датировкой второй половиной I – началом II в. н.э. [Амброз, 1966, с. 49; Кропотов, 2010, с. 72–74]. Такое хронологическое определение для подобных изделий считается надежным и признается всеми исследователями.

Гладкие проволочные фибулы с нижней тетивой составляют ровно половину всей фибульной коллекции Усть-Каменского могильника – 12 экземпляров. Они обнаружены в десяти комплексах: кургане 5 (2 экз. – рис. 1,1, 5,6 и рис. 1,2, 2,1), кургане 6, погребении 1 (рис. 1,4, 5,1), кургане 6, погребении 2 (рис. 1,5, 2,3, 5,2), кургане 12, погребении 2 (2 экз. – рис. 1,6, 5,8 и рис. 1,7, 5,7), кургане 13, погребении 1 (рис. 1,8), кургане 21 (рис. 3,12, 4,2), кургане 31 (рис. 3,4, 4,6), кургане 32 (рис. 3,9, 4,8, 5,3), кургане 49, погребении 1 (рис. 3,10, 4,12, 5,4), кургане 71 (рис. 3,5, 4,1, 5,5). Одна из фибул (рис. 3,4, 4,6) распалась при зачистке, и судить о ней мы можем только по фотографии, приложенной к отчету, а также рисунку в публикации В.И. Костенко [Костенко, 1983, рис. 82,1; 1993, рис. 8,9]. Причисление данного образца к описываемой серии в значительной степени условно, так как

его пружина не сохранилась. Все остальные экземпляры снабжены нижней тетивой и близки друг другу в деталях. Они скручены из единого куска равномерно тянутой, круглой в сечении проволоки. Их пружины симметричные четырехвитковые, витки плотно прижаты друг к другу; у пяти изделий в пружине сохранилась деревянная ось (рис. 1,2,8, 3,9–10,12). Ножки фибул уплощены и равны по ширине корпусу. Приемники небольшие, равномерно прокованные, с короткой трех- или четырехвитковой завязкой. Большее количество витков – семь, отмечено только в завязке у наиболее крупного образца, происходящего из погребения 1 кургана 6 (рис. 1,4, 5,1). Эта застежка, кроме того, имеет резко выгнутый, коленчатый корпус – спинки других образцов изогнуты более плавно. У фибулы из погребения 2 кургана 12 приемник утрачен в древности (рис. 1,7). Чтобы сохранить функциональную пригодность образца, мастер подогнул конец ножки фибулы вниз так, чтобы за него можно было зацепить иглу. Однако вряд ли такое крепление было надежным. В данном виде застежка, скорее всего, была использована только для погребения. Ныне этот элемент на украшении утрачен (рис. 5,8), и о его наличии мы также судим только по фотографии, представленной в полевом отчете [Махно, 1951, табл. 26]. Размеры полностью сохранившихся образцов: длина 4,6–6,2 см, высота 1,45–2,1 см.

Датировка проволочных фибул с нижней тетивой описанного типа существенно осложнена их малочисленностью. Лишь на Усть-Каменском могильнике они составляют заметную серию – на других памятниках находки таких изделий единичны [Кропотов, 2010, с. 131, 136–139 (форма 2)]. Возможно, поэтому А.К. Амброз не выделял усть-каменские фибулы и другие подобные им образцы в особый тип, а рассматривал вместе с ранними лучковыми застежками с верхней тетивой, относя к варианту 1 серии I своей классификации и датируя I в. н.э., преимущественно первой половиной этого столетия [Амброз, 1966, с. 48]. Предложенные А.К. Амброзом определения были поддержаны В.И. Костенко и А.В. Симоненко [Костенко, 1993, с. 105, 113, 117; Симоненко, 2004, с. 144]. Вместе с тем такие черты, как относительно крупные

размеры, наличие нижней тетивы, узкая равномерно прокованная ножка и т. д., заметно отличают данные изделия от образцов I серии и позволяют обособлять их в отдельный тип / форму, которую, вместе с другими синхронно бытовавшими лучковыми фибулами с нижней тетивой (варианта 2 серии II), на основании совместных находок, в том числе с лучковыми подвязными фибулами с овально расширенной спинкой (см. ниже), можно датировать второй половиной I – началом II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 131, 136–139].

Лучковые подвязные фибулы с овально расширенной спинкой, узкой ножкой, подвязным приемником и четырехвитковой пружины с верхней или нижней тетивой отмечены в пяти комплексах Усть-Каменского могильника: кургане 6, погребении 1 (рис. 1,3,2,2, 5,9), кургане 31 (рис. 3,3, 4,5), кургане 43, погребении 1 (рис. 3,8, 4,9, 5,11), кургане 53 (рис. 3,7, 4,7), кургане 59 (рис. 3,11, 4,13, 5,10). Эти образцы имеют прямую пластинчатую ножку, дуговидный, плавно изогнутый корпус и отведенную вверх тетиву. У четырех из них спинки выпуклые, две самые крупные также украшены на гребне узкой продольной врезной линией (рис. 5,11)³ и рядом полукруглых насечек (рис. 4,13, 5,10). У пятой фибулы спинка ленточная, снабженная для жесткости продольным гребнем, дополнительный орнамент на корпусе отсутствует (рис. 5,9). Этот образец сохранился фрагментарно, но о его первоначальном облике позволяют судить иллюстрации в отчете о полевых исследованиях и в публикации Е.В. Махно (рис. 1,3, 2,2) [Махно, 1951, табл. 20; 1960, рис. 12,6]. Общие размеры изделий: длина 3,5–5,8 см, высота 1,1–2,2 см, ширина спинки 0,8–1,1 см.

По поводу датировки подвязных фибул с овальной спинкой в литературе существуют различные мнения. Так, А.К. Амброз объединил подобные образцы в вариант 2 серии VI своей классификации и датировал I в. н.э., допуская бытование экземпляров с продольным гребнем на спинке (в частности застежки из погребения 1 кургана 6 Усть-Каменского могильника) в следующем столетии [Амброз, 1966, с. 56]. К I в. н.э. также отнесли описанные фибулы В.И. Костенко и А.В. Симоненко [Костенко, 1993, с. 105, 113, 117; Симоненко, 2004, с. 144]. Несколько более узкую

датировку – вторая треть или вторая – треть четверти I в. н.э. – предложил для них А.А. Труфанов, основываясь, в частности, на устойчивом сочетании таких украшений в позднескифских склепах с многократными погребениями с провинциально-римскими шарнирными брошами без эмали, датировка которых в западноевропейской литературе точно определена [Труфанов, 2009, с. 209, 273–277]. Напротив, более позднее использование рассматриваемых застежек – только во второй половине I – начале II в. н.э. – предложил автор данной статьи, исходя опять-таки из их совместных находок с другими типами вещей, но в основном местного производства [Кропотов, 2010, с. 161]. Не углубляясь в дискуссию об обоснованности тех или иных взглядов на датировку лучковых фибул рассматриваемой серии, следует подчеркнуть, что все исследователи определяют время их бытования в пределах I в. н.э., а сочетание указанных изделий в комплексах Усть-Каменского могильника с образцами предыдущей серии (проволочных с нижней тетивой) не оставляет сомнения в их синхронном использовании.

Шарнирные дуговидные застежки представлены на Усть-Каменском могильнике значительно меньшим количеством. Они обнаружены только в трех комплексах: кургане 65 (рис. 3,15, 4,14, 5,14), кургане 69 (рис. 3,13, 4,15) и кургане 70 (рис. 3,14, 4,16, 5,15). Две последние представляют собой типичные образцы *провинциально-римских фибул типа Авцисса*. Это крупные застежки с массивным литым дуговидно изогнутым корпусом, украшенным двумя продольными валиками со штампованным орнаментом между ними в виде насечек; головка изделий уплощена и закручена в трубочку, в которой с помощью оси закреплена игла; сплошной приемник, постепенно сужаясь, переходит в заостренное окончание с насаженной на него профилированной полусферической кнопкой. При близком сходстве обоих образцов по профилю и размерам, их заметно различают элементы декора. Так, фибула из кургана 69 дополнительно украшена двумя рядами штампованных насечек по краю спинки и «глазками» на головке (рис. 3,13, 4,15). У фибулы из кургана 70 дополнительная орнаментация на корпусе и «глазки» на головке отсутствуют,

однако головка украшена профилированным гребнем со штампованными насечками и двумя симметрично расположенными вырезами по краю, шарнир с двух сторон прикрыт полусферическими кнопками (рис. 3,14, 4,16, 5,15). Длина обоих изделий 5 см, высота корпуса 2,6–2,7 см, ширина спинки 0,6–1,0 см.

Датировка фибул типа Авцисса в западноевропейской литературе предложена в основном в пределах конца I в. до н.э. – середины I в. н.э., не исключая возможности хождения отдельных образцов в более позднее время (см., например: [Ettlinger, 1973, S. 93–94, Taf. 9,6,8; Riha, 1979, S. 114–120, Taf. 23–24; 1994, S. 100–106, Taf. 18–19; Košćević, 1980, S. 15–17, tabl. III,16–21, IV,22–27; Feugère, 1985, p. 312–328, pl. 123–134] и др.). Относительно же периода бытования этих изделий в Северном Причерноморье между исследователями имеются существенные разногласия – часть авторов считает возможным синхронизировать их с западными аналогами [Амброз, 1966, с. 26; Лимберис, Марченко, 2004, с. 221–223; Мяскин, 2011, с. 173–174; и др.], другие, напротив, подчеркивают наличие расхождений в хронологических определениях и указывают на общее «запаздывание» фибул типа Авцисса в Восточной Европе примерно на полстолетия [Симоненко, 2004, с. 143; Simonenko, 2008, S. 30–31; Кропотов, 2010, с. 273]. Здесь следует подчеркнуть, что данные разногласия касаются лишь абсолютных датировок этих фибул. Их относительное хронологическое положение в кругу северопричерноморских древностей – второй период функционирования крымских некрополей римского времени или третья хронологическая группа фибул Юга Восточной Европы [Труфанов, 2009, с. 201; Кропотов, 2010, с. 332] – сомнений не вызывает и определяется по их устойчивому сочетанию в закрытых комплексах как с фибулами других типов (в частности, теми же лучковыми застежками серий I, II и IV/VI варианта 2), так и с иными хронологически показательными вещами.

Третья шарнирная фибула из Усть-Каменского могильника заметно отличается от двух предыдущих. Она имеет меньшие размеры, изготовлена из узкой, чуть сужающейся книзу пластины, украшенной тремя продольными гравированными линиями, дополнен-

ными «елочным» орнаментом. Один конец пластины скручен в трубочку для удержания оси шарнира, другой – переходит в сплошную пластинчатую ножку, снабженную на конце кнопкой. Переход от спинки фибулы к ножке декорирован тремя рельефными валиками. Игла и шарнир изделия не сохранились, но запечатлены на фотографии в отчете о полевых исследованиях (рис. 3,15, 4,14, 5,14). Общая длина образца 4,5 см, высота 1,8 см, ширина спинки 0,7–0,8 см.

В своде А.К. Амброза точно такие же застежки отсутствуют, но близкие им по конструкции образцы с несколько иным декором выделены в отдельный тип и датированы I в. н.э. [Амброз, 1966, с. 27, табл. 4,17–18]. В типологии автора данной работы и те, и другие включены в форму 27 шарнирных дуговидных фибул с датировкой второй половиной I – началом II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 271, 281–282]. Интересно отметить, что два наиболее близких усть-каменскому образцу экземпляра также встречены в сарматских комплексах Нижнего Поднепровья (Подгородное, группа IX, курган 9; Давыдов Брод, случайная находка [Костенко, 1979, рис. 7,12; Симоненко, 1993, рис. 19,26]), но, к сожалению, сопутствующий им материал предложенную дату не уточняет. В литературе подобные застежки принято сопоставлять с провинциально-римскими шарнирными фибулами типа Авцисса или их аналогами и, хотя они не находят полного соответствия, полностью синхронизировать с ними (см., например: [Костенко, 1993, с. 117; Симоненко, 2004, с. 143; Simonenko, 2008, S. 31; Масякин, 2011, с. 171]). Вместе с тем нельзя не указать на почти полное сходство описываемых застежек с ранними пружинными фибулами с кнопкой на конце приемника (группа 9, вариант 1 по классификации В.В. Кропотова [Кропотов, 2010, с. 212, 274, рис. 59,1,9, 80,2,3]). Схожесть им придают как идентичные размеры и очертания, так и общие приемы в орнаментации. Близки и территории распространения обоих типов застежек. По сути, различие сводится лишь к конструкции пружинного аппарата – рассматриваемые застежки снабжены трубчатым шарниром вместо обычной для фибул с кнопкой на конце приемника четырехвитковой пружины (ср.: [Кропотов, 2010, с. 212, 271, 274,

рис. 59,1,9, 80,2,3]). Все это свидетельствует в пользу местного (причерноморского) производства шарнирных застежек описываемого типа и их одновременного использования вместе с пружинными фибулами с кнопкой на конце приемника варианта 1 [Кропотов, 2010, с. 274], шарнирными подражаниями которых они являются.

Все рассмотренные выше типы застежек – поволочные лучковые с верхней (серии I) и нижней (серии II) тетивой, подвязные с овально расширенной спинкой (серии IV/VI) и шарнирные дуговидные (привозные типа Авцисса и местные аналоги), независимо от тех абсолютных датировок, которые для них предлагаются, несомненно, составляют единую хронологическую группу синхронно бытовавших изделий, что подтверждается как устойчивым сочетанием этих предметов между собой в закрытых комплексах, так и их совместными находками с другими хронологически показательными вещами. А.А. Труфанов считает перечисленные застежки, наряду с провинциально-римскими шарнирными брошами без эмали, ведущими хроноиндикаторами второй группы крымских захоронений римского времени, датированной им второй третью или второй – третьей четвертями I в. н.э. [Труфанов, 2009, с. 273–277]. Автор данной работы объединяет их в третью хронологическую группу фибул Юга Восточной Европы, бытовавшую во второй половине I – начале II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 332].

Вне зависимости от того, какую из этих датировок мы сочтем предпочтительной, двадцать одна рассмотренная выше застежка, все равно будет составлять единую хронологическую группу. Только три из усть-каменских фибул в эту группу не входят: две из них относятся к предшествующему времени – экземпляры из курганов 26 и 29, и одна к последующему – образец из кургана 45.

Первые две застежки представляют собой типичные образцы так называемых **воинских фибул**. К сожалению, найти сами изделия в фондах Археологической лаборатории Днепропетровского Национального университета и изучить визуально не удалось, поэтому их описание и общая характеристика приводятся только по данным, представленным в отчете о полевых исследованиях и пуб-

ликации В.И. Костенко [Костенко, 1983, рис. 48, 61; 1993, с. 22, 25, рис. 6, 28, 7, 9].

Экземпляр из кургана 29 сохранился полностью. Это одночленная бронзовая застежка с узким пластинчатым корпусом, постепенно сужающимся к ножке; высокая дуговидная спинка имеет заметный прогиб в нижней части перед ножкой. Пружина фибулы четырехвитковая с нижней тетивой; приемник сплошной пластинчатый, отогнут от края ножки. Дополнительных украшений изделие не имеет. Размеры образца: длина 4,9 см, высота 1,6 см, ширина спинки 0,5 см (рис. 3, 1, 4, 4).

Фибула из кургана 26 представлена только обломком, являющимся фрагментом корпуса, изготовленного из прямоугольного в сечении железного стержня и снабженного четырехвитковой пружиной с нижней тетивой; длина фрагмента 3,3 см (рис. 3, 2, 4, 3). И хотя ножка и приемник фибулы не сохранились, представленная часть по своим размерам, форме и сечению полностью повторяет предыдущий образец, а потому не оставляет сомнений в отнесении изделия к той же группе воинских фибул.

Воинские фибулы на Юге Восточной Европы распространены широко, но всюду имеют свои региональные особенности. Так, для позднескифских памятников Нижнего Днепра характерны образцы с узким корпусом и нижней тетивой, для некрополей Крымского полуострова – экземпляры с пластинчатой спинкой и верхней тетивой. При этом и те и другие своими небольшими размерами заметно отличаются от более крупных застежек зарубинецкой и других латенизированных культур Среднего Поднепровья и сопредельных территорий [Кропотов, 2010, с. 62].

Находки из усть-каменской коллекции наиболее близки изделиям из нижнеднепровских позднескифских могильников, причем самые полные их аналоги отмечены на расположенном рядом (всего в 28 км к югу) Золотобалковском могильнике [Вязьмитина, 1972, рис. 65, 1–3, 7–11; Кропотов, 2010, рис. 27, 11–12]. Территориальная близость обоих некрополей, наличие в них идентичных вещей предполагают непосредственные контакты в среде оставившего их населения и, соответственно, частичную синхронность этих памятников.

Хотя положение воинских фибул в относительной хронологической шкале надежно установлено – после выхода из употребления застежек латенских схем, но до широкого распространения римского импорта – их абсолютные датировки остаются дискуссионными и «колеблются» в пределах I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. из-за расхождений во взглядах исследователей на хронологию среднелатенских фибул и датирующие возможности римского импорта. Наиболее распространенные определения: I в. до н.э. – начало I в. н.э. [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182; Труфанов, 2009, с. 195–197, 273], вторая половина I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. [Каспарова, 1976, с. 139; Храпунов и др., 1997, с. 94–96; Сергацков, 2004, с. 108; Глебов, 2004, с. 130; 2009, с. 73; и др.], конец I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. [Амброз, 1966, с. 23–25; Кропотов, 2010, с. 61]. При этом, независимо от этих разногласий, воинские фибулы остаются самыми ранними образцами в усть-каменской коллекции, так как характеризуют предшествующий хронологический горизонт причерноморских древностей, нежели остальные находки, – первую группу крымских захоронений римского времени по А.А. Труфанову, датированную второй половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э. [Труфанов, 2009, с. 271–273], или вторую хронологическую группу фибул Юга Восточной Европы, бытовавшую, по нашему мнению, в конце I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 332].

Учитывая тот факт, что фибулы являются самыми точными и узко датированными индикаторами в инвентаре Усть-Каменского могильника, и принимая во внимание указанные определения, следует заключить, что курганы 26 и 29 были сооружены не позднее начала – первой половины I в. н.э., и, соответственно, сам курганный могильник (его сарматская часть) возник еще до середины этого столетия.

Последний образец в изучаемой коллекции, происходящий из кургана 45, является *одночленной пружинной фибулой с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника* (рис. 3, 6, 4, 11, 5, 13). Этот экземпляр характеризуется крупными размерами, треугольной, сужающейся книзу ножкой с едва намеченной кнопкой на конце, четырехвитково-

вой пружиной с верхней тетивой и плоской ленточной спинкой, украшенной по краю двумя пуансонными линиями, выбитыми с помощью штампа; одна из линий нанесена неровно и как бы составлена из двух частей, несколько отклоненных друг от друга (рис. 5,13). Длина изделия 6 см, высота корпуса 2,6 см, ширина спинки 0,9 см.

По описанным признакам, в первую очередь крупным размерам, широкой ленточной спинке, украшенной пуансонным орнаментом, а также едва намеченной кнопке на конце приемника, данный образец относится к поздним изделиям своего типа. А.К. Амброз объединил такие застежки в вариант 4 фибул с гладким корпусом и кнопкой на конце приемника (группа 12) и датировал второй половиной II – III в. н.э. [Амброз, 1966, с. 44]. Автор данной работы включил их в вариант 2 группы 9 своей классификации с датировкой в пределах первой половины – середины / третьей четверти II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 212–213]. К середине – второй половине II в. н.э. отнес такие фибулы (Хр-66) А.А. Труфанов [Труфанов, 2009, с. 199]. Настаивая на бытовании подобных образцов именно в ранней части II в. н.э., можно указать на частые сонаходки таких фибул (в том числе полностью идентичных усть-каменской) с лучковыми подвязными застежками серии I варианта 3 (см., например: [Косьяненко, 2008, рис. 86,3,8; Ларенок, 2013, табл. 98,3–4; 2021, табл. 130,9–12]), датировка которых в рамках первой половины – середины II в. н.э. признается всеми исследователями, и полное отсутствие их сочетаний с вещами более поздних форм [Кропотов, 2010, с. 213]. Но, как бы то ни было, фибула из кургана 45, вне всяких сомнений, представляет более поздний хронологический горизонт, чем основной массив усть-каменских застежек, и характеризует уже следующий временной промежуток – II в. н.э., связанный с распространением причерноморских сильно профилированных украшений, развитых форм лучковых подвязных изделий, провинциально-римских шарнирных брошей с эмалью и пр.

Подводя итог анализу фибул Усть-Каменского могильника, следует еще раз подчеркнуть их принадлежность к трем разным хронологическим группам. Самыми ранними

в коллекции являются две воинские фибулы, происходящие из курганов 26 и 29. С учетом существующих хронологических определений эти застежки не могут быть датированы позднее начала – первой половины I в. н.э. Следующий хронологический горизонт представлен абсолютным большинством фибульных находок усть-каменской коллекции – проволочными лучковыми фибулами с верхней (серии I) и нижней (серии II) тетивой, подвязными с овально расширенной спинкой (серии IV/VI), провинциально-римскими шарнирными дуговидными типа Авцисса и их местным аналогом (21 экз.: курганы 5, 6 (погребения 1 и 2), 12 (погребение 2), 13 (погребение 1), 21, 31, 32, 37, 43 (погребение 1), 53, 59, 65, 69–71). Датировка перечисленных изделий определяется в пределах второй – третьей четверти I в. н.э. или второй половины этого столетия – начала следующего века. Наконец, самый поздний этап функционирования могильника отражен только одной застежкой – пружинной фибулой с кнопкой на конце приемника из кургана 45. Этот образец может быть датирован первой половиной – серединой II в. н.э., все более поздние определения представляются недостаточно обоснованными.

Учитывая то, что фибулы являются самыми точными и узко датированными индикаторами в инвентаре Усть-Каменского могильника, их датировка может быть уверенно перенесена на хронологию всего памятника в целом. При этом не следует делать заключение о единичности на некрополе захоронений раннего этапа (не позднее начала – первой половины I в. н.э.) и финальной фазы его жизни (первая половина – середина II в. н.э.) до проведения углубленного хронологического анализа всего инвентаря могильника в целом. Важно подчеркнуть, что погребения в курганах 26 и 29 идентичны и совершены в простых узких подпрямоугольных в плане могилах с немногочисленным и маловыразительным инвентарем, не содержащим, кроме воинских фибул, других датирующих находок. Поэтому нельзя исключать, что и другие захоронения столь же маловыразительного облика, не имеющие в инвентаре фибул (например, курганы 30, 33, 39, 40 и др.), также относятся к начальному этапу функционирования могильника. Напротив, погребения с фибула-

ми последующего времени, как правило, совершены в более монументальных сооружениях с достаточно многочисленным и разнообразным инвентарем, включающим античную керамику, предметы римского импорта, фаянсовые украшения и пр. Захоронение в кургане 45, содержащее самую позднюю фибульную находку – пружинную застежку с кнопкой на конце приемника, и вовсе является едва ли не самым богатым погребальным комплексом могильника.

Таким образом, углубленный анализ фибульных находок Усть-Каменского могильника заметно расширяет хронологические рамки памятника – некрополь, по всей видимости, функционировал не менее 100 лет: как минимум, с начала – первой половины I в. н.э. вплоть до первой половины – середины II в. н.э., а не только в середине I – начале II в. н.э., как это считалось ранее [Костенко, 1993, с. 123, 142; Симоненко, 2000, с. 134–138; 2004, с. 157]. При этом наблюдается постепенный рост благосостояния оставившего его населения.

Поддерживая общепринятую среднесарматскую атрибуцию некрополя, нельзя не отметить одновременность распространения среднесарматских погребальных традиций в Северном Причерноморье и Волго-Донском регионе. Причем как в Причерноморье, так и в бассейне Волги и Дона самые ранние среднесарматские захоронения, содержащие воинские фибулы и ранние лучковые подвязные, совершены, как правило, в узких подпрямоугольных в плане могилах в сопровождении малочисленного инвентаря (например, Ливенцовская, группа VII, курган 36; Ильевка, курган 21; Перегрузное I, курган 16). Типичные же среднесарматские погребения, устроенные в широких подквадратных могилах с диагональным расположением усопшего, скорее всего, распространяются уже несколько позже, так как в них встречены пока только застежки последующих хронологических групп.

Небезынтересно отметить, что воинские фибулы также всюду известны в типичных раннесарматских могилах, впущенных в насыпи более древних курганов [Кропотов, 2016, с. 104–105]. Однако свидетельствует ли это об определенном сосуществовании одной культуры с другой и «вызревании» среднесар-

матских погребальных традиций в недрах раннесарматского культурного комплекса или же только указывает на смену в период хождения воинских фибул раннесарматской культуры на среднесарматскую, судить пока преждевременно.

Последний момент, на который хотелось бы обратить внимание в заключение, – это уникальность усть-каменской фибульной коллекции, выражающаяся как в наличии в ее составе большого числа изделий, редких на других сарматских памятниках (в первую очередь, лучковых фибул с нижней тетивой), так и в единичности образцов, достаточно массовых на них (тех же проволочных лучковых фибул с верхней тетивой). Кроме того, усть-каменские застежки от синхронных однотипных изделий отличаются в целом большими размерами, стандартным обликом и аккуратностью изготовления.

Рассуждая о возможных источниках поступления этих фибул населению, оставившему некрополь, следует сразу же исключить из круга основных поставщиков нижнедонской производственный центр, так как почти все типы усть-каменских фибул для Нижнего Дона не характерны. Единственное исключение – фибула с кнопкой на конце сплошного приемника, представленная на Усть-Каменском могильнике лишь одним экземпляром. Также не стоит рассматривать вероятность изготовления усть-каменских фибул в Крыму, так как синхронные крымские застежки, как правило, имеют меньшие размеры, а нижняя тетива у местных лучковых фибул (так называемых инкерманских) массово распространяется лишь во II–III вв. н.э. Столь же маловероятны и их поставки из Северо-Западного Причерноморья, где доминируют совсем иные типы застежек – дакийские сильно профилированные с бусинами на дужке, образцы с расширенной головкой и прочие. Трудно допустить и кустарное производство усть-каменских фибул местными сарматскими мастерами: аккуратный облик и высокое качество изготовления подразумевают их выпуск в хорошо налаженном стационарном производственном центре. Таким центром вблизи Днепра могла быть только античная Ольвия. Именно с ней, скорее всего, следует связывать изготовление всех най-

денных на некрополе лучковых фибул и, по-видимому, при ее же посредничестве поступали в регион провинциально-римские застежки. Только воинские фибулы и образец с копкой на конце приемника могли иметь иное происхождение – предположительно это позднескифские памятники Нижнего Днепра и нижнедонские городища.

К сожалению, недостаточная опубликованность ольвийских находок, а также отсутствие подробного металлографического анализа материала усть-каменских фибул пока не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть высказанное предположение. Однако дальнейшие комплексные исследования, несомненно, внесут ясность в этот вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собрание Археологической лаборатории Днепропетровского Национального университета в начале 2000-х гг. (на момент ознакомления с ним автора) готовилось к передаче на хранение в фонды Днепропетровского Исторического музея им. Д.И. Яворницкого, однако было ли оно передано музею, автору не известно.

² Курганы, у которых не указан номер погребения, содержали только одно захоронение.

³ На рисунке в публикации В.И. Костенко у данной фибулы на гребне изображен рельефный валик (рис. 4,9) [Костенко, 1993, рис. 15,4]. Однако последний ныне на изделии отсутствует (рис. 5,II). Нет его и на фотографии, приложенной к отчету о полевых исследованиях (рис. 3,8) [Костенко, 1984, рис. 90].

ПРИЛОЖЕНИЯ

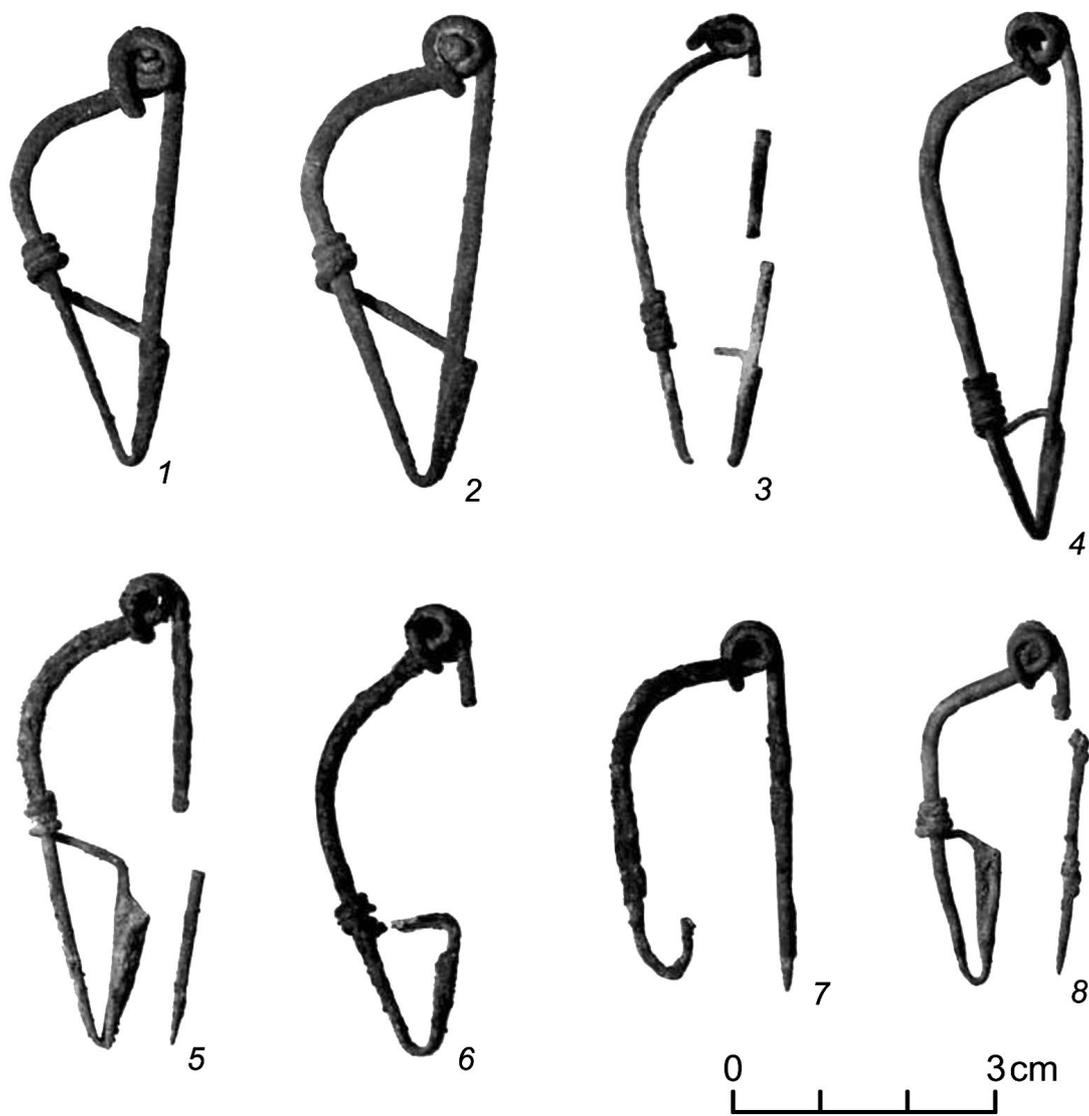

Рис. 1. Фибулы Усть-Каменского могильника (по: [Махно, 1951]):

1, 2 – курган 5; 3, 4 – курган 6, погребение 1; 5 – курган 6, погребение 2;
6, 7 – курган 12, погребение 2; 8 – курган 13, погребение 1

Fig. 1. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (after: [Makhno, 1951]):

1, 2 – kurgan 5; 3, 4 – kurgan 6, burial 1; 5 – kurgan 6, burial 2; 6, 7 – kurgan 12, burial 2; 8 – kurgan 13, burial 1

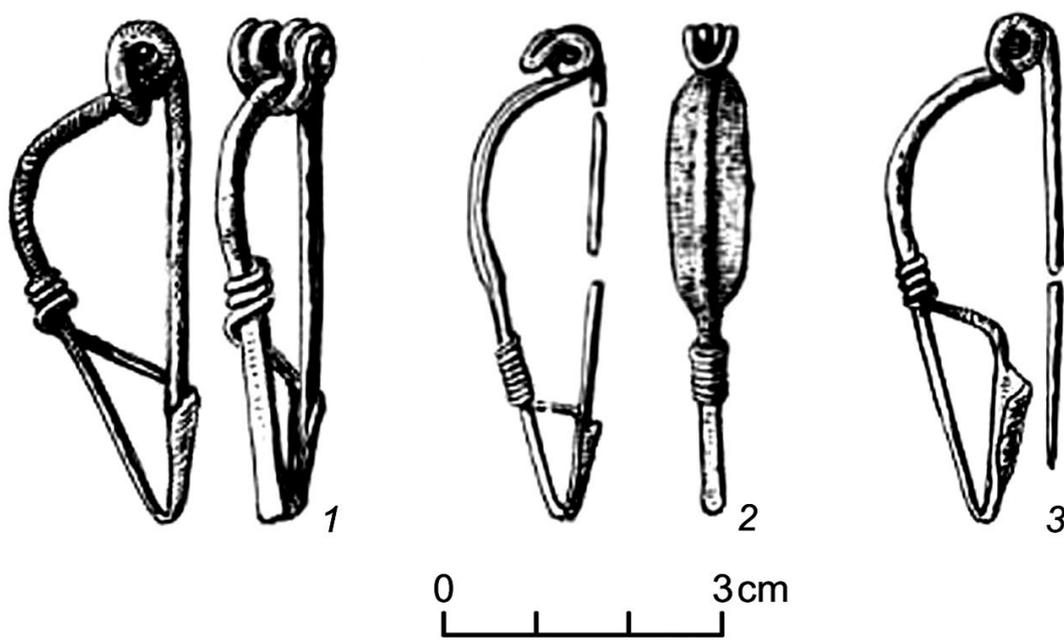

Рис. 2. Фибулы Усть-Каменского могильника (по: [Махно, 1960]):
1 – курган 5; 2 – курган 6, погребение 1; 3 – курган 6, погребение 2
Fig. 2. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (after: [Makhno, 1960]):
1 – kurgan 5; 2 – kurgan 6, burial 1; 3 – kurgan 6, burial 2

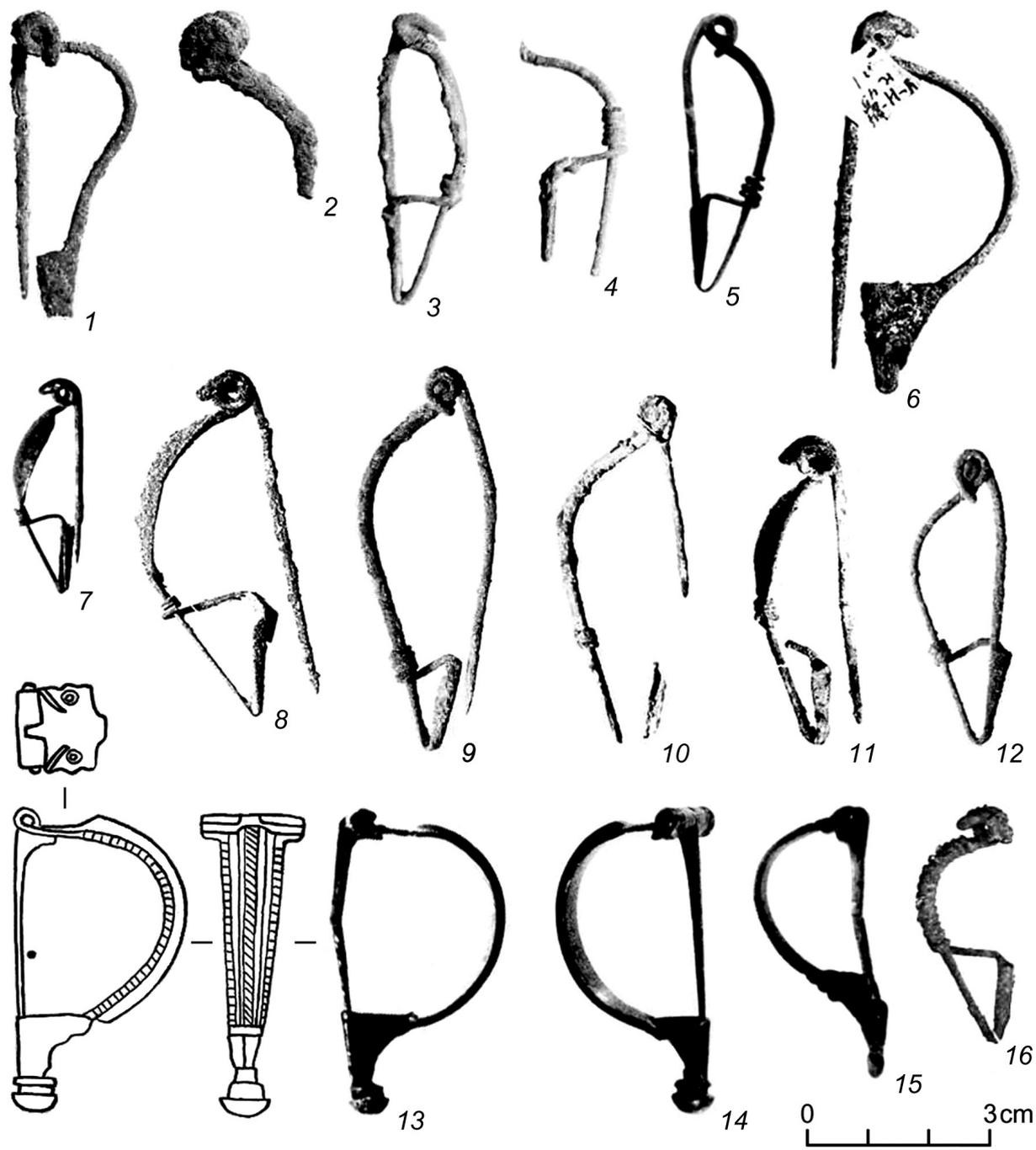

Рис. 3. Фибулы Усть-Каменского могильника (по: [Костенко, 1983; 1984; 1985]):

1 – курган 29; 2 – курган 26; 3, 4 – курган 31; 5 – курган 71; 6 – курган 45; 7 – курган 53;
 8 – курган 43, погребение 1; 9 – курган 32; 10 – курган 49, погребение 1; 11 – курган 59;
 12 – курган 21; 13 – курган 69; 14 – курган 70; 15 – курган 65; 16 – курган 37

Fig. 3. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (after: [Kostenko, 1983; 1984; 1985]):

1 – kurgan 29; 2 – kurgan 26; 3, 4 – kurgan 31; 5 – kurgan 71; 6 – kurgan 45; 7 – kurgan 53;
 8 – kurgan 43, burial 1; 9 – kurgan 32; 10 – kurgan 49, burial 1; 11 – kurgan 59;
 12 – kurgan 21; 13 – kurgan 69; 14 – kurgan 70; 15 – kurgan 65; 16 – kurgan 37

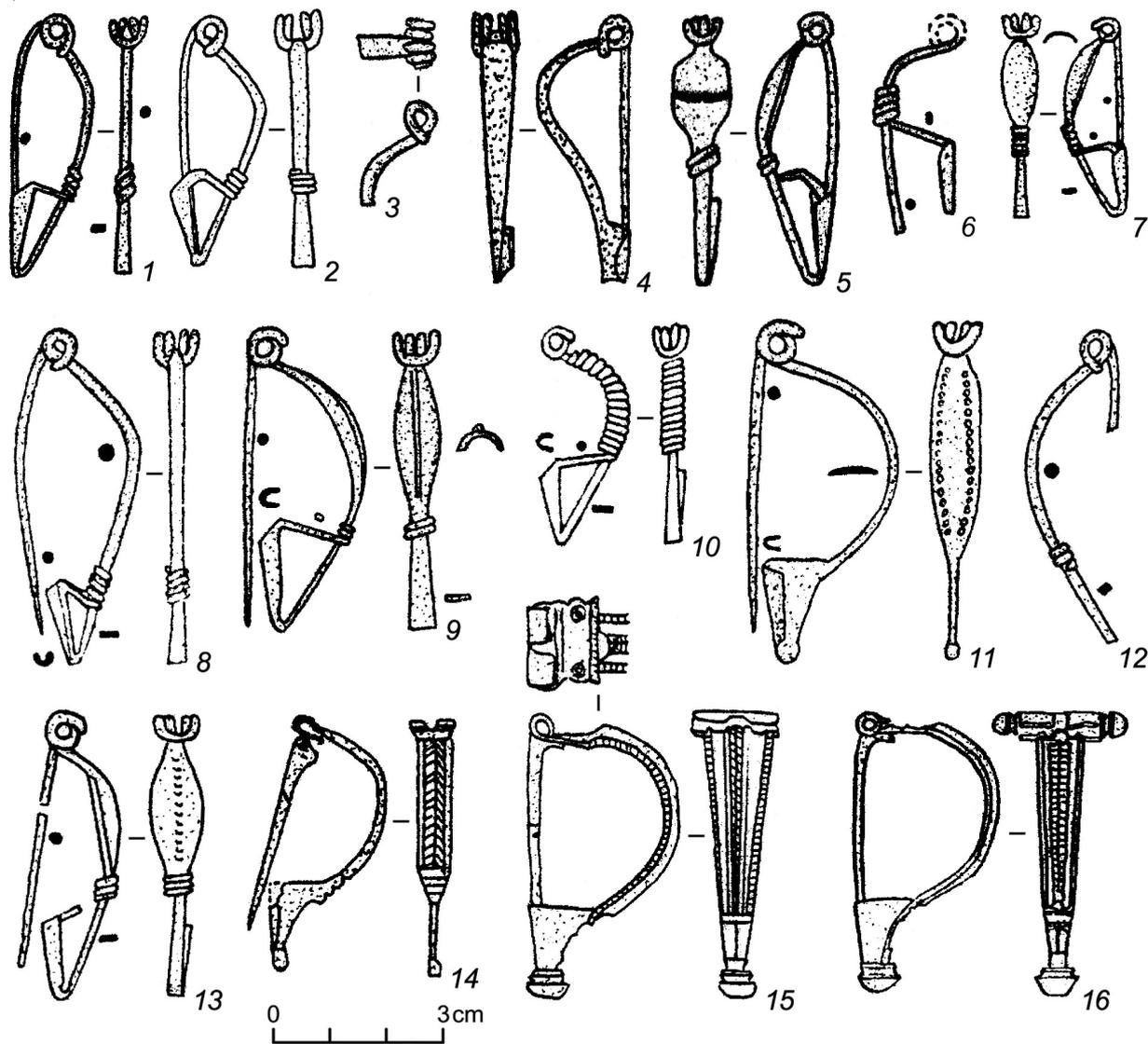

Рис. 4. Фибулы Усть-Каменского могильника (по: [Костенко, 1993]):

1 – курган 71; 2 – курган 21; 3 – курган 26; 4 – курган 29; 5, 6 – курган 31; 7 – курган 53;
 8 – курган 32; 9 – курган 43, погребение 1; 10 – курган 37; 11 – курган 45; 12 – курган 49, погребение 1;
 13 – курган 59; 14 – курган 65; 15 – курган 69; 16 – курган 70

Fig. 4. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (after: [Kostenko, 1993]):

1 – kurgan 71; 2 – kurgan 21; 3 – kurgan 26; 4 – kurgan 29; 5, 6 – kurgan 31; 7 – kurgan 53;
 8 – kurgan 32; 9 – kurgan 43, burial 1; 10 – kurgan 37; 11 – kurgan 45; 12 – kurgan 49, burial 1;
 13 – kurgan 59; 14 – kurgan 65; 15 – kurgan 69; 16 – kurgan 70

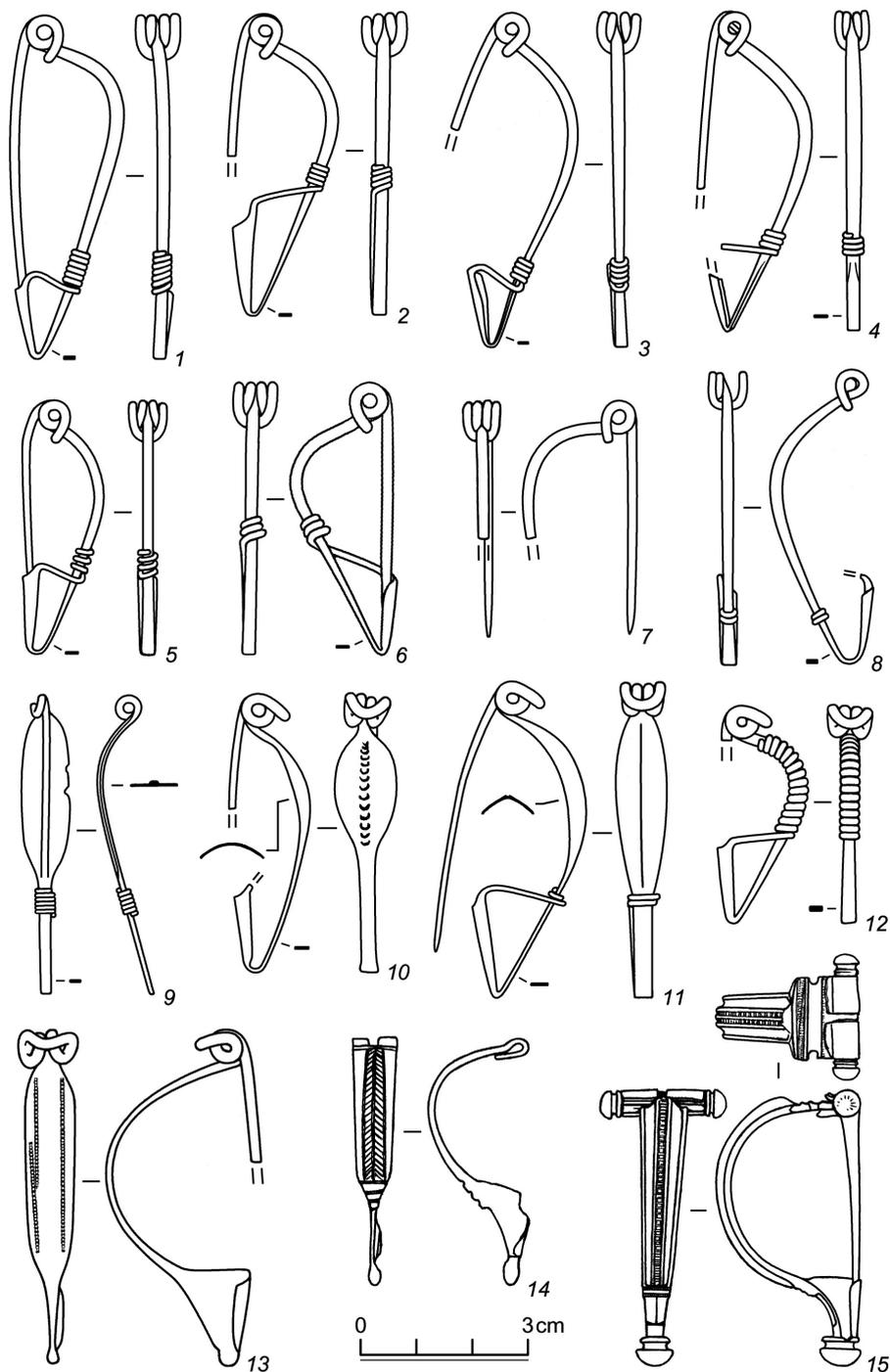

Рис. 5. Фибулы Усть-Каменского могильника (рисунки автора):

1, 9 – курган 6, погребение 1 (НМИУ, Б57-69/70); 2 – курган 6, погребение 2 (НМИУ, Б57-57);
 3 – курган 32 (АЛ ДНУ, б/н); 4 – курган 49, погребение 1 (АЛ ДНУ, б/н); 5 – курган 71 (АЛ ДНУ, б/н);
 6 – курган 5 (НМИУ, Б57-40); 7, 8 – курган 12 (НМИУ, Б57-111/111а); 10 – курган 59 (АЛ ДНУ, б/н);
 11 – курган 43 (АЛ ДНУ, б/н); 12 – курган 37 (АЛ ДНУ, б/н); 13 – курган 45 (АЛ ДНУ, б/н);
 14 – курган 65 (АЛ ДНУ, б/н); 15 – курган 70 (АЛ ДНУ, б/н)

Fig. 5. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (drawings by the author):

1, 9 – kurgan 6, burial 1 (NMHU, Б57-69/70); 2 – kurgan 6, burial 2 (NMHU, Б57-57); 3 – kurgan 32 (AL DNU, w/o No.);
 4 – kurgan 49, burial 1 (AL DNU, w/o No.); 5 – kurgan 71 (AL DNU, w/o No.); 6 – kurgan 5 (NMHU, Б57-40);
 7, 8 – kurgan 12 (NMHU, Б57-111/111а); 10 – kurgan 59 (AL DNU, w/o No.); 11 – kurgan 43 (AL DNU, w/o No.);
 12 – kurgan 37 (AL DNU, w/o No.); 13 – kurgan 45 (AL DNU, w/o No.); 14 – kurgan 65 (AL DNU, w/o No.);
 15 – kurgan 70 (AL DNU, w/o No.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М. : Наука. 150 с.
- Вязьмитина М. И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев : Наукова думка. 192 с.
- Глебов В. П., 2004. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар. С. 127–133.
- Глебов В. П., 2009. Фибулы раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Материалы V Кубанской археологической конференции. Краснодар. С. 71–76.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии : проблемы региональной хронологии. Краснодар. С. 174–204.
- Каспарова К. В., 1976. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // Советская археология. № 3. С. 128–140.
- Костенко В. И., 1979. Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Вып. 3. Днепропетровск. С. 124–139.
- Костенко В. И., 1983. Отчет о работах Сарматского отряда археологической экспедиции Днепропетровского госуниверситета по исследованию сарматского могильника у с. Усть-Каменка Апостоловского района Днепропетровской области в 1983 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 20967 (1983/62). 43 с.
- Костенко В. И., 1984. Отчет о полевых исследованиях у с. Усть-Каменка Апостоловского района Днепропетровской области в 1984 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 21378 (1984/91). 43 с.
- Костенко В. И., 1985. Отчет о полевых исследованиях Сарматской экспедиции Днепропетровского госуниверситета в 1985 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 21759 (1985/54). 99 с.
- Костенко В. И., 1993. Сарматы в Нижнем Поднепровье. Днепропетровск : Изд-во ДГУ. 152 с.
- Косяненко В. М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Донские древности. Вып. 9. Азов : Азов. музей-заповедник. 544 с.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДФУ-Украина. 384 с.
- Кропотов В. В., 2016. Фибулы второй половины/конца II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. из сарматских погребений Северного Причерноморья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : материалы V Междунар. Нижневож. археол. конф. Элиста : Изд-во Калм. ун-та. С. 103–107.
- Ларенок В. А., 2013. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Часть I. Ростов н/Д : Дон. издат. дом. 448 с.
- Ларенок В. А., 2021. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища на площадке строительства торгового комплекса “Метро кэш Анд керри” в 2007 г. Часть III. Ростов н/Д : Дон. издат. дом. 536 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2004. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. С. 221–241.
- Масякин В. В., 2011. Римские шарнирные фибулы Боспора // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. : Нестор-История. С. 166–174.
- Махно Е. В., 1951. Отчет о работе Никопольской археологической экспедиции в 1951 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д.1507 (1951/2a). 49 с.
- Махно Є. В., 1960. Розкопки пам’яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам’янці // Археологічні пам’ятки УРСР. Т. IX. Київ : Вид-во АН УРСР. С. 14–38.
- Сергацков И. В., 2004. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар. С. 107–116.
- Симоненко А. В., 1993. Сарматы Таврии. Киев : Наукова думка. 144 с.
- Симоненко А. В., 2000. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // Нижневожский археологический вестник. Вып. 3. С. 133–144.
- Симоненко А. В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии : проблемы региональной хронологии. Краснодар. С. 134–173.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 328 с.

- Симоненко А. В., 2011. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 268 с.
- Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. № 4. С. 117–328.
- Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А., 1997. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь : Таврия. С. 76–155.
- Ettlinger E., 1973. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern : Francke. 242 S.
- Feugère M., 1985. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. // *Revue Archéologique de Narbonnaise. Supplément 12*. Paris : Centre National de la Recherche Scientifique. 668 p.
- Košćević R., 1980. Antičke fibule s područja Siska. Zagreb : Centar Povijesne Znanosti. 134 S.
- Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst // *Forschungen in Augst*. Bd. 3. Augst : Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 302 S.
- Riha E., 1994. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975 // *Forschungen in Augst*. Bd. 18. Augst : Römermuseum. 256 S.
- Simonenko A. V., 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // *Archäologie in Eurasien*. Bd. 25. Mainz : Philipp von Zabern. S. 1–264.

REFERENCES

- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly iuga Evropeiskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South of European Part of USSR of 2nd Cent. BC – 4th Cent. AD]. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov*, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 150 p.
- Viaz'mitina M.I., 1972. *Zolotobalkovskiy mogilnik* [Zolotobalkovskiy Cemetery]. Kiev, Naukova dumka Publ. 192 p.
- Glebov V.P., 2004. Hronologiya rannesarmatskoy i srednesarmatskoy kultur Nizhnego Podon'ya [Chronology of the Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures of the Lower Don Region]. *Sarmatsie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar, pp. 127-133.
- Glebov V.P., 2009. Fibuly rannesarmatskoy kultury Nizhnego Podon'ya [Fibulae of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region]. *Materialy V Kubanskoj arheologicheskoy konferentsii* [Materials of the 5th Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar, pp. 71-76.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. Varvarskie pogrebeniya Kryma II v. do n.e. – I v. n.e. [Barbarian Burials of Crimea of 2nd Century BC – 1st Century AD]. *Sarmatsie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar, pp. 174-204.
- Kasparova K.V., 1976. O verhney hronologicheskoy granits zarubinskoy kultury Pripyatskogo Poles'ya [On the Upper Chronological Boundary of the Zarubintsy Culture of Pripyat Polesie]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archeology], no. 3, pp. 128-140.
- Kostenko V.I., 1979. Sarmaty v mezhdurech'ye Oreli i Samary [The Sarmatians Between the Orel and Samara Rivers]. *Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprov'ya III–I tys. do n.e.* [Kurgan Antiquities of the Steppe Dnieper Region of the 3rd – 1st Millennium BC], iss. 3. Dnepropetrovsk, pp. 124-139.
- Kostenko V.I., 1983. Otchet o rabotah Sarmatskogo otryada arheologicheskoy ekspeditsii Dnepropetrovskogo gosuniversiteta po issledovaniyu sarmatskogo mogilnika u s. Ust'-Kamenka Apostolovskogo rayona Dnepropetrovskoy oblasti v 1983 g. [Report on the Work of the Sarmatian Detachment of the Archaeological Expedition of Dnepropetrovsk State University to Study the Sarmatian Burial Ground near the Village Ust-Kamenka, Apostolovsky District, Dnepropetrovsk Region in 1983]. *Arkhiv IA NASU*, no. 20967 (1983/62). 43 p.
- Kostenko V.I., 1984. Otchet o polevyh issledovaniyah u s. Ust'-Kamenka Apostolovskogo rayona Dnepropetrovskoy oblasti v 1984 g. [Report on Field Research in the Village Ust-Kamenka, Apostolovsky District, Dnepropetrovsk Region in 1984]. *Arkhiv IA NASU*, no. 21378 (1984/91). 43 p.
- Kostenko V.I., 1985. Otchet o polevyh issledovaniyah Sarmatskoy ekspeditsii Dnepropetrovskogo gosuniversiteta v 1985 g. [The Report on Field Research of the Sarmatian Expedition of Dnepropetrovsk State University in 1985]. *Arkhiv IA NASU*, no. 21759 (1985/54). 99 p.

- Kostenko V.I., 1993. *Sarmaty v Nizhnem Podneprov'e* [The Sarmatians in the Lower Dnieper Region]. Dnepropetrovsk, DSU. 152 p.
- Kosyanenko V.M., 2008. Nekropol' Kobiakova gorodischa (po materialam raskopok 1956-1962 gg.) [Necropolis of the Kobyakov Settlement (on the Materials of 1956–1962)]. *Donskie drevnosti* [The Don Antiquities], iss. 9. Azov, The Museum-Reserve of Azov. 554 p.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi* [The Fibulae of the Sarmatian Age]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ. 384 p.
- Kropotov V.V., 2016. Fibuly vtoroy poloviny/kontsa II v. do n.e. – pervoy poloviny I v. n.e. iz sarmatskih pogrebeniy Severnogo Prichernomor'ya [Fibulae of the Second Half/End of the 2nd Century BC – First Half of the 1st Century AD from the Sarmatian Burials of the Northern Pontic Region]. *Problemy arheologii Nizhnego Povolzh'ya: materialy V Mezhdunar. Nizhnevolzh. arheol. konf.* [Problems of Archeology of the Lower Volga Region. Materials of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference]. Elista, Kalmyk State University Publ., pp. 103-107.
- Larenok V.A., 2013. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodischa iz raskopok 1999-2000 gg.* [Meotian Antiquities. Catalog of Burial Complexes of the Kobyakov Settlement from Excavations in 1999–2000]. Part I. Rostov-on-Don, LLC “Donskoy izdatel'skiy dom” Publ. 448 p.
- Larenok V.A., 2021. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodischa na ploschadke stroitelstva torgovogo kompleksa “Metro cash and carry” v 2007 g.* [Meotian Antiquities. Catalog of Burial Complexes of the Kobyakov Settlement at the Construction Site of the Metro Cash And Carry Shopping Complex in 2007]. Part III. Rostov-on-Don, LLC “Donskoy izdatel'skiy dom” Publ. 536 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2004. Rimskie i provintsialno-rimskie bronzovye fibuly iz Prikuban'ya [Roman and Provincial Roman Bronze Fibulae from the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on the Archeology of Kuban], iss. 4, pp. 221-241.
- Masyakin V.V., 2011. Rimskie sharnirnye fibuly Bospora [Roman Hinged Brooches of the Bosphorus]. *Bosporskiy fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. Population, Languages, Contacts. Materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ., pp. 166-174.
- Makhno E.V., 1951. Otchet o rabote Nikopolskoy arheologicheskoy ekspeditsii v 1951 g. [Report on the Work of the Nikopol Archaeological Expedition in 1951]. *Arkhiv IA NASU*, no. 1507 (1951/2a). 49 p.
- Makhno E.V., 1960. Rozkopky pam'yatok epokhi bronzy ta sarmats'kogo chasu v c. Ust'-Kam'yantsi [Excavations of Monuments of the Bronze Age and Sarmatian Time in the Village Ust-Kamenka]. *Arheologichni pam'yatky URSS* [Archaeological Monuments of USSR], vol. IX. Kiev, AS USSR Publ, pp. 14-38.
- Sergatskov I.V., 2004. K hronologii srednesarmatskoy kultury Nizhnego Povolzh'ya [On the Chronology of the Middle Sarmatian Culture of the Lower Volga Region]. *Sarmatsie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar, pp. 107-116.
- Simonenko A.V., 1993. *Sarmaty Tavrii* [The Sarmatians of Tauria]. Kiev, Naukova dumka Publ. 144 p.
- Simonenko A.V., 2000. Mogil'nik Dneprozavodstroy i sarmatsie pamyatniki “vostochnoy volny” v Severnom Prichernomor'e [Dneprozavodstroy Cemetery and Sarmatian Monuments of the “Oriental Wave” in the North Pontic Area]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 3, pp. 133-144.
- Simonenko A.V., 2004. Hronologiya i periodizatsiya sarmatskih pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and Periodization of Sarmatian Monuments of the Northern Pontic Region]. *Sarmatsie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar, pp. 134-173.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Riders of the Northern Pontic Region]. Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ. 328 p.
- Simonenko A.V., 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Imports for the Sarmatians of the Northern Pontic Region]. Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ. 268 p.
- Trufanov A.A., 2009. Chronologia mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [The Chronology of Burials in the Foothill Crimea at the I Century BC – III Century AD]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 117-328.
- Khrapunov I.N., Masyakin V.V., Muld S.A., 1997. Pozdneskifskiy mogilnik u s. Kolchugino [The Late-Scythian Burial Ground near Village Kolchugino]. *Bakhchisaraiskiy istoriko-arheologicheskii sbornik* [Bakhchisarai Historical and Archaeological Collected Works], iss. 1. Simferopol, Tavria Publ., pp. 76-155.

- Ettliger E., 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern, Francke. 242 S.
- Feugère M. 1985. *Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C.* Revue Archéologique de Narbonnaise. Supplément 12. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique. 668 p.
- Košćević R., 1980. *Antičke fibule s područja Siska*. Zagreb, Centar Povijesne Znanosti. 134 s.
- Riha E., 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Forschungen in Augst. Bd. 3. Augst, Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 302 S.
- Riha E., 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*. Forschungen in Augst. Bd. 18. Augst, Römermuseum. 256 S.
- Simonenko A.V., 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. *Archäologie in Eurasien*. Bd. 25. Mainz, Phillipp von Zabern. S. 1-264.

Information About the Author

Viktor V. Kropotov, Candidate of Sciences (History), Doctoral Candidate, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

Информация об авторе

Виктор Валерьевич Кропотов, кандидат исторических наук, докторант, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.4>

UDC 903-03
LBC 63.4

Submitted: 30.06.2023
Accepted: 13.11.2023

CHEMICAL COMPOSITION OF THE METAL WARE FOUND IN THE LATE SCYTHIAN CEMETERY OF LEVADKI¹

Anna V. Antipenko

Institute of Archeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation;
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Sergey A. Mul'd

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. This article addresses the study of the chemical alloy composition of the artefacts made of non-ferrous and precious metals and discovered in the cemetery of Levadki in Central Crimea. The elemental composition of the finds was studied with non-destructive standardless X-ray fluorescence at the Storage Department of the Central Museum of the Taurida. The research used a sample of 68 artefacts and their components discovered in 23 burial structures dated from the Late Hellenistic and Roman Periods. From the formula of the main alloy components, the sample under study comprises: 17.65% of “pure” copper, 8.82% of brass, 11.76% of multicomponent zinc-containing alloys, 1.47% of lead bronze, 19.12% of tin bronze, 38.24% of tin-lead and lead-tin bronze, 1.47% of lead, and 1.47% of silver. The analysis of alloy composition by categories of grave goods has revealed that tin and zinc were the main alloying species in brooch production. The belt and sword-belt parts were made of alloys featuring various formulae, ranging from “pure” copper to three-component bronze variants. The research on ornaments and accessories has uncovered that this group includes the artefacts of “pure” copper along with the pieces alloyed with tin and lead, with the latter component comprising from one-third to a half of the composition, particularly in cast ornaments. This group divides into at least three subgroups, differentiated by the technique applied in the making of the artefacts and the composition of the alloy. Weaponry items are represented by the arrowheads. There are three cases of the arrowheads made of lead-tin bronze and one case more of “pure” copper.

Key words: Late Scythians, Sarmatians, Central Crimea, cemetery, Roman Period, X-ray fluorescence analysis, alloy formula.

Citation. Antipenko A. V., Mul'd S. A., 2024. Himicheskiy sostav metallicheskih nahodok iz pozdneskifskogo mogil'nika Levadki [Chemical Composition of the Metal Ware Found in the Late Scythian Cemetery of Levadki]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 66-83. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.4>

УДК 903-03
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 30.06.2023
Дата принятия статьи: 13.11.2023

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НАХОДОК ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ¹

Анна Витальевна Антипенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация;
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Сергей Альфредович Мульд

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования химического состава сплава изделий из цветного и драгоценного металла, происходящих из могильника Левадки в Центральном Крыму. Изучение

элементного состава вещей проводилось методом неразрушающего безэталонного рентгенофлуоресцентного анализа в фондах Центрального музея Тавриды. Для исследования было отобрано 68 предметов и их составных частей из 23 погребальных сооружений, датирующихся позднеэллинистическим и римским временем. Выборка разделена по рецептуре основных компонентов сплава следующим образом: «чистая» медь – 17,65 %, латунь – 8,82 %, многокомпонентные цинкосодержащие сплавы – 11,76 %, свинцовая бронза – 1,47 %, оловянная бронза – 19,12 %, оловянно-свинцовая и свинцово-оловянная бронзы – 38,24 %, свинец – 1,47 %, серебро – 1,47 %. Анализ состава сплава по категориям инвентаря продемонстрировал, что основными легирующими компонентами материала изготовления фибул служили олово и цинк. Поясная и портупейная гарнитура изготовлена из разных по рецептуре сплавов – от «чистой» меди до трехкомпонентных бронз. В рамках изучения украшений и аксессуаров выявлено, что в группу входят как изделия из «чистой» меди, так и легированные оловом и свинцом, причем последнего компонента может быть от трети до половины состава, особенно в литых украшениях. Группа распадается как минимум на три подгруппы, различающиеся способом изготовления вещей и составом сплава. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел. В трех случаях они выполнены из свинцово-оловянистой бронзы и еще в одном из «чистой» меди.

Ключевые слова: поздние скифы, сарматы, Центральный Крым, могильник, римское время, рентгенофлуоресцентный анализ, рецептура сплава.

Цитирование. Антипенко А. В., Мульд С. А., 2024. Химический состав металлических находок из позднескифского могильника Левадки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 66–83. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.4>

Для изучения металлов и сплавов, использовавшихся на территории Крыма в позднеэллинистическое и римское время, были проведены исследования изделий, найденных в грунтовом могильнике Левадки и хранящихся в фондах Центрального музея Тавриды. Могильник Левадки расположен в 6 км к юго-западу от современной границы г. Симферополя. Раскопки памятника начаты в 1997 г. и с перерывами продолжают по настоящее время. Всего здесь открыто 193 погребальных сооружений, в том числе: 27 склепов, 23 катакомбы, 94 подбойных могил, 44 могилы в виде простых грунтовых ям, 2 могилы, устроенные в хозяйственных ямах, 3 недостроенных сооружения. Кроме того, раскопано 3 погребения собак и 31 хозяйственная яма. Захоронения здесь совершали люди, которых в археологической литературе принято называть поздними скифами и сарматами.

Древнейшие погребения на некрополе были совершены в катакомбах. Датируются они серединой / второй половиной II – началом / первой половиной I в. до н.э. Немногим позднее катакомб – в I в. до н.э., вероятней всего, в середине столетия – на могильнике появляются грунтовые склепы Т-образной планировки. В последних, в отличие от катакомб, продолжали хоронить в первые века н.э., однако в это время они использовались уже наряду с другими типами погребальных со-

оружий – подбойными могилами и могилами с заплечиками, распространившимися на некрополе после середины I в. н.э. Скорее всего, в середине I в. н.э. на памятнике появляются и простые грунтовые могилы с погребениями коней. Верхний хронологический рубеж функционирования могильника – середина III в. н.э. – дата гибели всех позднескифских памятников Предгорного Крыма [Мульд, Кропотов, 2015].

Для исследования металлических изделий, найденных в Левадках, было отобрано 68 предметов и их составных частей из комплексов 23 погребальных сооружений. В их числе: 6 катакомб (№ 115, 122, 131, 143, 144, 163); 4 склепа (№ 106, 130, 148, 160); 13 подбойных могил, из которых 1 могила с одной погребальной камерой (№ 165), 8 сооружений с двумя погребальными камерами (№ 118, 121, 123, 125, 137, 159, 162, 163) и 4 предназначались для погребения детей (№ 107, 119, 120, 168). В двух случаях более поздние подбойные могилы перерезали ранние катакомбы (могилы № 163, 165 и 122, 125).

Исследуемые артефакты имели различное функциональное назначение и представлены украшениями и предметами туалета, деталями поясного набора и вооружения. Частично эти данные были опубликованы ранее, в рамках изучения составов сплава украшений и аксессуаров костюма, а также фибул

[Антипенко, Мульд, 2019, с. 63; Мульд, Антипенко, 2019, с. 42–46; Антипенко, Мульд, 2020, с. 177–179]. Однако комплексная статистическая обработка данных, представляющая в обобщенном виде результаты работ, не была введена в научный оборот.

Состав сплава был определен с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра Mistral M1 (Bruker) методом безэталонного анализа. Измерения проводились в нескольких областях на поверхности изделий, затем результаты усреднялись. В ходе исследования были изучены металлургические группы или рецепты искусственных сплавов, то есть анализировали те элементы, которые содержатся в сплавах в количествах, превышающих 1 % от общего состава.

В состав исследованного материала входили 14 фибул различных типов. Фибула (мог. 143 св) (рис. 1,14, табл. 1,1) среднелатенской схемы с многовитковой пружиной на железном стержне с верхней тетивой серии II, вариант 1, датируется I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 48]. Фибула (мог. 159 св) (рис. 1,7, табл. 1,2) лучковая подвязная с фигурной обмоткой спинки с верхней тетивой пружины относится к серии I, варианту 4 и датируется концом II – первой половиной III в. [Кропотов, 2010, с. 77–80]. Фибулы (мог. 137 юз, мог. 162 св) (рис. 1,5,8, табл. 1,6,3) лучковые подвязные с верхней тетивой пружины принадлежат к группе 4, серии I, варианту 3. Данные изделия бытуют на протяжении большей части II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 74–77]. Фибулы (мог. 120, мог. 137 юз) (рис. 1,2,6, табл. 1,7,5) лучковые с нижней тетивой пружины входят в группу 4, серию II, вариант 3, также датируются II в. н.э. [Кропотов 2010, с. 131–132]. Фибула (мог. 163/165) (рис. 1,11, табл. 1,9) пружинная с гладкой спинкой, украшенной пуансонным орнаментом, со слабо выраженной кнопкой на конце приемника и с верхней тетивой пружины относится к группе 9, варианту 2, бытующему во II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 209–213]. Фибула (мог. 163/165), (рис. 1,10, табл. 1,8) пружинная с гладкой спинкой, украшенной точечным орнаментом, с раздвоенными завитками на конце приемника, с нижней тетивой пружины принадлежит группе 8, серии I (причерноморская), близкая форме 4, но точной аналогии нет. Датируются эти застежки второй половиной I – началом II в.

[Кропотов, 2010, с. 183–185]. Фибула (мог. 107) (рис. 1,1, табл. 1,10) с гладким корпусом S-овидным завитком на конце приемника и нижней тетивой пружины также относится к группе 8, серии I, но идентична форме 2 и датируется первой половиной I – II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 183–185, 191, рис. 55,9]. Смычковые фибулы (мог. 137 св, 143 юз) (рис. 1,3,4, табл. 1,11–12) входят в группу 7, повсеместно распространенную во II – первой половине III в. н.э., но встречаются и в более ранних комплексах [Кропотов, 2010, с. 169–170]. Фибула-брошь (мог. 123) (рис. 1,13, табл. 1,13) шарнирная с ромбическим щитком, украшенным эмалью черного, белого и зеленого цветов – группа 16, форма 70. Аналогии происходят из римских провинций, датируются второй половиной I – первой половиной III в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 314–315, 327, рис. 94,3]. Фибула (мог. 159 св) (рис. 1,12, табл. 1,14) шарнирная с железной иглой, плоской спинкой, высоким приемником с прямоугольным выступом на конце – группа 13, форма 30, бытующая в конце II – первой половине III в. [Кропотов, 2010, с. 272–275].

Фибула среднелатенской схемы выполнена из бронзы, легированной свинцом. Лучковые подвязные фибулы разных вариантов по результатам исследований оказались изготовлены из оловянистой бронзы и латуни. Причем в выборку входили экземпляры как слаболегированные оловом (1,2–2,7 %), так и содержащие этот элемент в достаточных количествах (6,7–13,4 %). Застежки с завитком и кнопкой на конце приемника изготовлены исключительно из латуни. Смычковые фибулы имеют различный состав, что обусловлено, в первую очередь, наличием свинцового щитка у одной фибулы. Вторая выполнена из оловянисто-свинцовой бронзы. Фибула-брошь изготовлена из многокомпонентного сплава, концентрация цинка самая высокая во всей исследуемой группе (20,8 %). Шарнирная фибула изготовлена из двойной латуни.

Части пряжки (мог. 143 юз) (рис. 1,16,20, табл. 1,15–16) – уплощенный фигурный язычок и фрагмент ажурной рамки – были обнаружены в составе подвесного украшения. Предположительно, оба фрагмента относятся к составным частям пряжки провинциального римского типа.

Наконечник ремня (мог. 118) (рис. 1,15, табл. 1,17) состоит из двух пластин, с фасетированной лицевой пластиной вытянуто прямоугольной формы с закругленным нижним краем. Выделенная с помощью фасеток прямоугольная площадка в верхней части пластины украшена двумя пересекающимися в центре врезными линиями. Тыльная пластина в два раза короче, соединена с лицевой с помощью одной заклепки. По классификации наконечников ремней могильника Нейзац находка из Левадков близка к варианту 4 типа II [Храпунов, 2008, с. 66, рис. 2,5–13]. По классификации В.Ю. Малашева данный наконечник ремня относится к типу Н3а и датируется первой половиной III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 197, 199–200, рис. 2].

Пряжка (мог. 121) (рис. 1,21, табл. 1,18) имеет овальную фасетированную рамку, подвижный язычок и щиток из согнутой пополам прямоугольной пластины, скрепленной одной заклепкой. Экземпляр принадлежит к типу П4 по В.Ю. Малашеву, распространенному в первой половине III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 196, 208].

Бутеролы (мог. 150, мог. 106) (рис. 2,22,26, табл. 1,21–22) имеют коническую, слегка уплощенную форму, согнуты из тонкой пластины с незакрепленными краями. В материалах Восточного некрополя Неаполя Скифского подобные находки зафиксированы в погребениях II в. до н.э. – I в. н.э. и интерпретируются как наконечники ремней [Сымонович, 1983, с. 30–31, 44–45, 48–49, табл. XXXVIII,38,40–41]. Как «наконечники пояса» подобные изделия перечислены в работе А.Е. Пуздровского. Они найдены в единичных экземплярах на разных памятниках Крыма [Пуздровский, 2007, с. 72]. В конце описания автор предполагал, что крупные экземпляры могли быть наконечниками или обкладками деревянных ножен кинжалов.

Обе детали пряжки провинциально римского типа различны по составу сплава. Рамка выполнена из свинцово-оловянистой бронзы, содержание свинца в которой свыше половины состава. Язычок изготовлен из слаболегированной свинцовой бронзы. Наконечник ремня изготовлен из бронзы с небольшими присадками свинца. Материалом для двух из трех составных элементов пряжки с овальной рамкой являлся многокомпонентный цин-

косодержащий сплав, включающий олово и свинец. В составе сплава язычка олово не обнаружено. Обе находки бутеролой из Левадков оказались выполнены из оловянистой бронзы.

Четыре браслета (мог. 119; мог. 148; мог. 163 св, мог. 144 сз) (рис. 3,3,5–6,10, табл. 1,30,27,25–26) изготовлены из круглой в сечении проволоки с завязанными концами. Различаются они незначительно – степенью закрученности окончаний вокруг основания. Браслет (мог. 159 св) (рис. 3,8, табл. 1,23) выполнен из овальной в сечении проволоки с сужающимися несомкнутыми концами. Два браслета согнуты из проволоки в один оборот (мог. 168, мог. 120) (рис. 2,28, 3,9, табл. 1,24,29). Один конец оформлен в виде стилизованной головы змеи вытянутой заостренной формы с парой глаз. Еще один браслет изготовлен из прямоугольной в сечении пластины с концами в виде змеиных головок (мог. 131) (рис. 3,4, табл. 1,31). В могиле 143 обнаружен браслет из овальной в сечении проволоки, согнутой в полтора оборота (мог. 143 юз) (рис. 2,27, табл. 1,28). В целом исследованный набор украшений из могильника Левадки относится к самым распространенным в римское время в позднескифских некрополях типам. Подобные браслеты имеют широкий круг аналогий и не менее широкую датировку [Polit, 2022, p. 71–73, 83, 95–107; Высотская, 1994, с. 110–112; Сымонович, 1983, с. 93–94; Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 155–156; Гущина, Журавлев, 2016, с. 88–89; Труфанов, 2001, с. 71–77].

Три пронизи усеченно биконической формы (мог. 118, мог. 122/125, мог. 168; рис. 2,9–10,14, табл. 1,39,38,32) относятся к типу 7, пронизи из могилы 159 (мог. 159 св) (рис. 2,12–13, табл. 1,33–34) с ребристой поверхностью – к типу 11 и 14 соответственно. Пронизь (мог. 106) (рис. 2,15, табл. 1,37), согнутая из широкой пластины прямоугольной формы в один оборот, принадлежит к типу 2, а пронизи из согнутой спирально пластины (мог. 143 юз, мог. 144 юз) (рис. 2,16–17, табл. 1,36,35) – к типу 31 [Алексеева, 1982, с. 23–24, 26].

Подвесные украшения в виде человечков в шлеме или остроконечном головном уборе (мог. 168, мог. 119) (рис. 2,19–21, табл. 1,40–42) относятся к типу 19 [Алексеева, 1982, с. 24]. Одно изделие имеет существенные

дефекты, возникшие из-за производственного брака. В единственном экземпляре встречена ведерковидная подвеска (мог. 144 юз) (рис. 1,17, табл. 1,43), тип 26 [Алексеева, 1982, с. 25]. В памятниках римского времени встречаются аналогичные изделия, выполненные из железа, серебра и золота [Стоянова, 2016, с. 130–132].

Детали диадемы (мог. 122/125) (рис. 1,23, табл. 1,48–51) представляют собой пластины прямоугольной формы с загнутыми длинными краями, украшенными точечным орнаментом. Диадемы, украшенные бронзовыми накладками с рельефным орнаментом в виде выпуклых точек, в римское время известны только в Крыму. При обнаружении пластин *in situ* они располагались в ряд на лбах погребенных, на некотором расстоянии друг от друга, по 4–17 штук. Захоронения в основном женские, некоторые детские [Лысенко, Мордвинцева, 2019, с. 255–256]. По археологическим материалам диадемы, украшенные такими пластинами, датируются I в. до н.э. – сер. III в. н.э. [Стоянова, 2011, с. 124–125].

Зеркало (мог. 115) (рис. 3,11, табл. 1,54) с железной ручкой не единственный экземпляр этого типа, обнаруженный в могильнике Левадки. Аналогичные зеркала были обнаружены в могиле № 18 этого могильника, которая датируется II в. до н.э. [Храпунов, Мульд, 2004, с. 251–252, 255, 257, рис. 14,1–2]. Плоские биметаллические зеркала большого диаметра найдены в могилах № 44 и № 49 Восточного некрополя Неаполя скифского I в. до н.э. – I в. н.э. и II–I до н.э. [Сымонович, 1983, с. 44–45].

Два зеркала относятся к типу Хазанов IX [Хазанов, 1963, с. 65–67]. Фрагмент зеркала с боковым ушком из северо-восточной камеры из могилы 159 (мог. 159 св) (рис. 2,18, табл. 1,53) использовался в качестве подвески. Зеркало (мог. 119) (рис. 2,23, табл. 1,55) с боковой петлей для подвешивания (петля утрачена) украшено рельефным орнаментом на тыльной стороне.

Литой перстень (мог. 56) (рис. 2,11, табл. 1,56) имеет линзовидную в сечении шинку, расширяющуюся к уплощенной жуковине. Он по форме напоминает перстни «птолемеевского типа». Характерной отличительной особенностью этой группы перстней, распро-

страненной в эллинистическое время в Северном Причерноморье, являются крупные овальные шитки, под прямым углом переходящие в широкую шинку [Краснодубец, 2018, с. 107].

Литое кольцо (мог. 160) (рис. 3,7, табл. 1,57) выполнено с тремя рядами выступов. Находки подобных изделий в большом количестве встречены не только в могильниках Крыма, но и в других областях Северного Причерноморья, Подонья, Кавказа и иных районов Европы. Отдельные находки имеют четкие, выраженные выступы, другие – уплощенные округлой формы. Подавляющее большинство таких изделий изготовлено из бронзы, хотя встречаются и изделия, сделанные из свинца [Журавлев, 2014, с. 61].

Монета (мог. 120) (рис. 2,1, табл. 1,62) с тремя отверстиями, вероятнее всего, использовалась в качестве подвески. Предположительно, монета боспорская и относится к третьей четверти I в. н.э.

Аналогии задвижке (мог. 137) (рис. 1,18, табл. 1,63) замкового механизма шкатулки зафиксированы почти во всех могильниках I–III вв. н.э. предгорной части полуострова. В конструкции шкатулок, остатки которых выявлены в варварских захоронениях Крыма, они использовались наиболее часто [Труфанов, 2020, с. 168]. Ключ от замка шкатулки (мог. 118), (рис. 1,22, табл. 1,64) относится к варианту 3 – ключи с «ножкой» средней длины и выступом на кольце. Преимущественно их находят в погребениях второй половины II – первой половины III в. н.э. [Труфанов, 2020, с. 175].

Браслеты оказались выполнены из меди, свинцовой бронзы, оловянной бронзы, свинцово-оловянной бронзы. В одном случае браслет изготовлен из многокомпонентного сплава со значительным содержанием цинка, до 13,84 %, и еще в одном – из латуни с содержанием цинка 4,66 %. Для создания браслетов преимущественно использовали медь, слаболегированную бронзу или латунь, где суммарное количество присадок составляет около 5 %.

Три пронизи отлиты из практически чистой меди. В их составе отмечено незначительное количество серебра, мышьяка и свинца. Эти изделия были изготовлены в литейных формах, имеющих сложнопрофилированную структуру. Предложенный Е.М. Алексеевой

способ их изготовления – нанесением борозд по незаствывшему металлу [Алексеева, 1982, с. 22] – следует признать не соответствующим действительности, поскольку осуществить такую процедуру технологически невозможно. Еще одна пронизь содержит свинец в концентрации, граничащей с порогом легирования. Бусина из могилы 118 изготовлена из свинцово-оловянистой бронзы. Изготовленные методом пластической деформации пронизы типа 31 состоят из разных сплавов. В одном случае из свинцово-оловянистой бронзы, во втором из чистой меди. Пронизь типа 2 выполнена из трехкомпонентной бронзы, но основным легирующим элементом выступает олово.

Все три исследованные в материалах могильника Левадки антропоморфные подвески изготовлены из свинцово-оловянистой бронзы, основным легирующим компонентом выступает свинец от 18,53 % до 50,5 %, а в двух подвесках из могилы 119 зафиксирован цинк в следовых значениях. Ведерковидная подвеска из могильника Левадки изготовлена из свинцово-оловянистой бронзы. Штампованные пластинчатые бляшки полусферической формы (мог. 159 юв, мог. 148) (рис. 2,3–4, табл. 1,44,47) изготовлены из оловянисто-свинцовой (количество свинца граничит с порогом легирования) и оловянистой бронзы соответственно. Украшение (мог. 148) (рис. 2,25, табл. 1,45) из тонкой платины в виде рельефной лунницы, декорированной пуансонным орнаментом, изготовлено из многокомпонентного сплава, в котором основным легирующим компонентом является цинк. Изделие (мог. 148) (рис. 2,24, табл. 1,46) из тонкой бронзовой пластины подтреугольной формы в виде рельефного штампованного изображения головы быка выполнено из сплава, содержащего свинец и цинк в незначительных количествах, до 2 %. Двум последним изделиям не удалось обнаружить точных аналогий. Детали диадемы выполнены из оловянистой бронзы с разным содержанием олова, только в одной отмечается наличие свинца. Подвеска (?) (мог. 119) (рис. 1,19, табл. 1,52) аморфной, близкой к прямоугольной, формы отлита из свинца.

Для зеркал из могильника Левадки основным легирующим компонентом выступа-

ло олово, его содержание варьируется от 14,00 % до 25,43 %. В двух случаях сплав имеет значительные присадки свинца – до 4,88 %. Зеркала отливали из медно-оловянистых сплавов с высоким (до 33 %) содержанием олова [Минасян, 2014, с. 49]. Такая концентрация олова требуется для получения светлого цвета сплава [Флеров, 1981, с. 48], необходимого для этой категории вещей. Ни в одном из исследованных зеркал содержание олова не достигало нужного количества для придания «зеркального» светлого цвета. Для изготовления зеркал-подвесок с боковой петлей из некрополя Кобякова городища служил медный сплав с примесями олова и свинца и незначительными другими добавками [Косяненко, 1994, с. 55]. Зеркала-подвески из памятников Центрального Кавказа также изготовлены из оловянистых бронз с добавлением свинца [Барцева, 1971, с. 133–136].

Перстень, близкий по форме перстням «птолемеевского типа», отлит из оловянисто-свинцовой бронзы с высокой концентрацией олова. Кольцо стремя рядами выступов изготовлено из свинцово-оловянистой бронзы, причем содержание свинца достигает свыше половины состава.

Кольцо (мог. 159 св) (рис. 1,12, табл. 1,58) овальной формы и овального сечения, было обнаружено надетым на шарнирную фибулу, отлито из свинцово-оловянистой бронзы. Согнутые из проволоки кольца из могилы 148 (мог. 148) (рис. 2,2, 3,1, табл. 1,59–60) выполнены из сплава идентичного качественного состава – в одном случае доминирует добавка свинца, в другом – олова. Проволочное кольцо (мог. 143 сз) (рис. 3,2, табл. 1,61) изготовлено из качественного серебра, близкого к 900-й пробе. На поверхности кольца зафиксировано наличие брома, однако не удалось определить, является ли этот элемент компонентом, перешедшим в сплав из руды, или результатом взаимодействия с окружающей средой. Монета изготовлена из свинцово-оловянистой бронзы. В первые века нашей эры бронза с большим содержанием свинца являлась обычным рецептом для монетных сплавов Боспора [Смекалова, Дюков, 2001, с. 100]. Обе детали шкатулок выполнены из свинцово-оловянистой бронзы.

К предметам вооружения относятся четыре наконечника стрел (мог. 143 сз, мог. 144 сз, мог. 148) (рис. 2,5–8, табл. 1,65–68). Однако это отнесение весьма условно, поскольку в двух случаях изделия имеют отверстия для подвешивания и, вероятно, входили в состав ожерелий. В целом бронзовые наконечники стрел при повсеместном господстве железных изделий для позднескифских могильников выглядят весьма архаично. Исследователи отмечают, что подобные находки в погребениях имеют апотропейную функцию. В качестве амулетов встречаются стрелы бронзового века, киммерийские и раннескифские наконечники стрел [Пуздровский, 2007, с. 136, 162]. Двухлопастной втульчатый наконечник стрелы изготовлен из слаболегированной свинцом бронзы. Еще два отлиты из свинцово-оловянистой бронзы и один из оловянисто-свинцовой.

В количественном и процентном соотношении полученные результаты распределены по рецептуре основных компонентов сплава следующим образом: «чистая» медь – 12 экз. (17,65 %), латунь – 6 экз. (8,82 %), многокомпонентные цинкосодержащие сплавы – 8 экз. (11,76 %), свинцовая бронза – 1 экз. (1,47 %), оловянная бронза – 13 экз. (19,12 %), оловянно-свинцовая и свинцово-оловянная – 26 экз. (38,24 %), свинец – 1 экз. (1,47 %), серебро – 1 экз. (1,47 %).

Анализ состава сплава по категориям инвентаря продемонстрировал, что основными легирующими компонентами материала изготовления фибул служили олово (среднее содержание 6,3 %) и цинк (среднее содержание 11,3 %) (табл. 1,1–14). Причем наличие одного элемента не исключает наличия другого. Поясная и портупейная гарнитура, детали ножен (табл. 1,15–22) изготовлены из разных по рецептуре сплавов – от «чистой» меди до трехкомпонентных бронз. В рамках изучения украшений и аксессуаров выявлено, что среднее содержание олова в группе составляет 10,3 %, свинца 13,5 %, цинка – 5,1 %. В группу входят как изделия из «чистой» меди, так и легированные оловом и свинцом, причем последнего компонента может быть от трети до половины состава. Можно отметить, что группа распадается как минимум на три подгруппы. В первую попадают браслеты и

пронижи (табл. 1,23–38), изготовленные преимущественно из «чистой» меди либо двухкомпонентных бронз или латуни. Доля легирующих добавок в сплаве невелика. Во второй подгруппе оказались литые подвески, бусы, кольца, детали шкатулок и тисненые пластинчатые украшения (табл. 1,39–52,56–64), сплав которых характеризуется в целом высоким, часто избыточным, содержанием свинца. К третьей подгруппе относятся три зеркала (табл. 1,53–55), их состав в целом соответствует требованиям к «зеркальным» бронзам – имеет значительную долю олова на фоне небольших добавок свинца. Предметы вооружения представлены исключительно наконечниками стрел (табл. 1,65–68). В трех случаях они выполнены из свинцово-оловянистой бронзы и еще в одном из практически чистой меди [Антипенко, Мульд, 2023, с. 20–21].

В хронологическом аспекте применяемые рецептуры сплавов можно охарактеризовать следующим образом. Немногочисленный материал, происходящий из катакомб II–I вв. до н.э., выполнен из бронзы, где основным легирующим компонентом является олово. Присадка свинца либо отсутствует, либо незначительна. Во второй половине I – начале II в. н.э. появляются изделия, выполненные из латуни. Они представлены фибулами. Ко II и первой половине III в. н.э. относится преимущественное количество погребального инвентаря. Рецептура сплавов этого времени более разнообразна – от «чистой» меди до многокомпонентных цинкосодержащих сплавов. Можно отметить, что начиная со II в. н.э. усиливается тенденция легирования свинцом и совместной переплавки изделий различного состава. Однако продолжает использоваться медь, в том числе для изготовления литых украшений.

Использование для создания литых вещей бронзы с высоким содержанием свинца свидетельствует в пользу того, что позднескифское население Предгорного Крыма не имело в своем распоряжении достаточного количества качественного материала, особенно это касается внутренних, удаленных от морского побережья и античных городов-государств регионов. Импортные латунные изделия и монеты попросту не поступали в зна-

чительных количествах в центральную часть предгорий, а значит не шли в виде лома в переплавку. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что наибольшее содержание цинка зафиксировано в сплаве шарнирной фибуле-броши, своим происхождением связанной с провинциально-римскими мастерскими. На то, что изделий из сплава меди и цинка было немного, опосредованно указывает наличие только четырех вещей со следовыми значениями цинка (до 1 %) во всей исследованной группе материала некрополя Левадки. Такое содержание элемента в сплаве может говорить либо о его рудном происхождении, либо об использовании вторичного сырья, при переработке которого в различной степени из сплава испарялся цинк.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Интерпретация результатов исследования химического состава сплава выполнена при под-

держке Российского научного фонда, проект № 23-18-00088 «Начало противостояния Востока и Запада. Борьба Митридата VI с Римом и судьбы народов Таврики и Синдики в позднем эллинизме в свете новых археологических данных: мультидисциплинарное исследование»; археологический контекст находок исследовался в рамках Госзадания Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

The interpretation of the results of the study of the chemical composition of the alloy was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project № 23-18-00088 “The beginning of the confrontation between East and West. The struggle of Mithridates VI with Rome and the fate of the peoples of Taurica and Sindica in late Hellenism in the light of new archaeological data: a multidisciplinary study”; the archaeological context of the finds was investigated within the framework of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № FZEG-2023-0004 “The historical experience of interethnic interaction in Crimea from antiquity to Modern times”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Состав сплава находок из позднескифского могильника Левадки

Table 1. Alloy composition of the finds from the Late Scythian cemetery of Levadki

№ пп / № рис.	№ могилы	Описание	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Fe	Про- чие
Фibuлы									
1 1,14	143 св	Фibuла среднелатенской схемы	85,49	13,77	0,62			0,13	
2 1,7	159 св	Фibuла лучковая подвязная с верхней тетивой	92,89			7,02		0,09	
3 1,8	162 св	Фibuла лучковая подвязная с верхней тетивой	92,08	6,73	0,85			0,33	
4 1,9	168	Фibuла лучковая подвязная с верхней тетивой	97,95	1,2	0,46			0,22	
5 1,6	137 юз	Фibuла лучковая с нижней те- тивой	80,56	2,7		14,99		1,75	
6 1,5	137 юз	Фibuла лучковая с верхней те- тивой	94,85	5,09				0,08	
7 1,2	120	Фibuла лучковая подвязная с нижней тетивой	85,74	13,41	0,39			0,45	
8 1,10	163 / 165	Фibuла с раздвоенными завит- ками на конце приемника	90,34		0,16	9,43		0,07	
9 1,11	163 / 165	Фibuла со слабо выраженной кнопкой на конце приемника	85,93		0,16	13,69		0,22	
10 1,1	107	Фibuла с гладким корпусом S- овидным завитком на конце приемника	92,55	0,33		6,93		0,19	
11 1,3	137 св	Фibuла смычковая	89,53	8,67	1,44			0,36	
12 1,4	143 юз	Фibuла смычковая с остатками свинцового щитка	50,65		49,35				
13 1,13	123	Фibuла-брошь бронзовая шар- нирная с ромбическим щитком, украшенным эмалью	63,68	5,11	7,04	20,84		3,34	
14 1,12	159 св	Фibuла шарнирная	91,8		0,41	6,19		1,6	
Поясная и портупейная гарнитура, детали ножен									
15 1,20	143 юз	Пряжки ажурной рамки фр-т	28,09	15,32	55,67	0,37		0,56	
16 1,16	143 юз	Язычок пряжки уплощенный, фигурный	98,9				0,5	0,6	
17 1,15	118	Наконечник ремня двупластин- чатый	98,52		1,36		0,12		
18 1,21	121	Пряжка с овальной фасетиро- ванной рамкой и щитком	82,15	5,67	5,34	6,44		0,4	
19 1,21	121	Щиток пряжки	93,77	1,98	2,93	1,31			
20 1,21	121	Язычок пряжки	78,71	0,05	4,5	16,55		0,19	
21 2,22	150	Бутероль	93,63	5,21	0,1			1,05	
22 2,26	106	Бутероль	85,74	13,68	0,46				0,11 (Ni)
Украшения и аксессуары									
23 3,8	159 св	Браслет с сужающимися кон- цами	98,93		0,51			0,57	
24 2,28	168	Браслет с уплощенным концом в виде змеиной головы	82,72	3,00	0,44	13,84			

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№ пп / № рис.	№ могилы	Описание	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Fe	Про- чие
Украшения и аксессуары									
25 3,6	163 св	Браслет с перевязанными кон- цами	99,23				0,29	0,48	
26 3,10	144 сз	Браслет с перевязанными кон- цами	97,42		2,00			0,59	
27 3,5	148	Браслет с перевязанными кон- цами	80,86	12,82	5,24			1,07	
28 2,27	143 юз	Браслет из проволоки, согнутой в полтора оборота	91,19	8,3	0,26		14	0,15	0,1 (As)
29 3,9	120	Браслет с одним уплощенным концом в виде змеиной головы	95,58	1,78	1,83			0,8	
30 3,3	119	Браслет с утончающимися скрученными концами	95,11		0,1	4,66	0,05	0,09	
31 3,4	131	Браслет с концами в виде змеи- ных голов	94,16	4,69	0,97			0,18	
32 2,14	168	Пронизь усечено биконической формы	98,95		1,05				
33 2,12	159 св	Пронизь усечено-биконической формы с насечками	99,64		0,13			0,23	
34 2,13	159 св	Пронизь шаровидная поперечно сжатая с насечками	98,87				0,23	0,54	0,36 (As)
35 2,17	144 юз	Пронизь из пластины, согнутой в четыре оборота	72,73	12,52	14,22			0,53	
36 2,16	143 юз	Пронизь из пластины, согнутой в два оборота	99,49					0,51	
37 2,15	106	Пронизь, согнутая из широкой пластины прямоугольной формы	73,39	23,27	3,34				
38 2,10	122 и 125	Пронизь усечено биконическая	99,36		0,32			0,32	
39 2,9	118	Бусина усечено биконической формы	72,76	8,78	17,29			1,17	
40 2,19	168	Подвеска антропоморфная	51,8	9,57	38,63				
41 2,20	119	Подвеска антропоморфная	46,17	2,51	50,5	0,81			
42 2,21	119	Подвеска антропоморфная	74,99	5,59	18,53	0,38		0,52	
43 1,17	144 юз	Подвеска ведровидная	69,97	11,28	18,75				
44 2,3	159 юв	Бляшка	89,97	8,27	1,23			0,39	0,13 (Ni)
45 2,25	148	Украшение в виде рельефной лунницы	80,88	1,63	3,13	14,35			
46 2,24	148	Украшение в виде рельефного изображения головы быка	95,75		1,84	1,47		0,94	
47 2,4	148	Бляшка полусферической формы	85,31	14,03				0,67	
48 1,23	122 / 125 граби- тель- ский шурф	Детали диадемы в виде пластин прямоугольной формы с загну- тыми длинными краями, укра- шенными точечным орнамен- том	92,47	6,07	0,79			0,67	
49 1,23			93,11	5,62	0,63			0,65	
50 1,23			90,6	7,7	1,38			0,32	
51 1,23			94,17	5,38	0,37			0,08	

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ пп / № рис.	№ могилы	Описание	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Fe	Про- чие
Украшения и аксессуары									
52 1,19	119	Подвеска			98,19			1,81	
53 2,18	159 св	Подвеска из фр-та зеркала	72	23,04	4,88			0,08	
54 3,11	115	Зеркало с железной ручкой	84,85	14,00	0,68			0,47	
55 2,23	119	Зеркало с боковой петлей	70,37	25,43	4,08			0,11	
56 2,11	115	Перстень с шинкой, расши- ряющейся к жуковине	66,14	23,78	9,57	0,51			
57 3,7	160	Кольцо литое, с тремя рядами выступов	33,47	6,87	59,66				
58 1,12	159 св	Кольцо литое	53,91	11,03	35,06				
59 3,1	148	Кольцо из проволоки в один оборот с заходящими концами	71,23	9,93	18,84				
60 2,2	148	Кольцо из проволоки в полтора оборота	84,35	8,80	6,15		0,21	0,49	
61 3,2	143 сз	Кольцо из проволоки	5,78				89,24	1,28	3,69 (Br)
62 2,1	120	Монета боспорская	73,19	11,8	14,85			0,16	
63 1,18	137	Задвижка замкового механизма шкатулки	54,92	12,99	28,66			3,43	
64 1,22	118	Ключ	58,44	7,88	33,57			0,1	
Предметы вооружения									
65 2,8	148	Наконечник стрелы двухлопа- стной втульчатый	97,15	0,07	1,92		0,07	0,79	
66 2,5	143 сз	Подвеска из наконечника стре- лы трехгранного с внутренней втулкой	32,85	19,59	47,56				
67 2,6	144 сз	Наконечник стрелы трехгран- ный с внутренней втулкой	19,81	55,18	25,01				
68 2,7	144 юз	Подвеска из наконечника стре- лы трехлопастного с внутрен- ней втулкой	41,08	16,21	42,71				

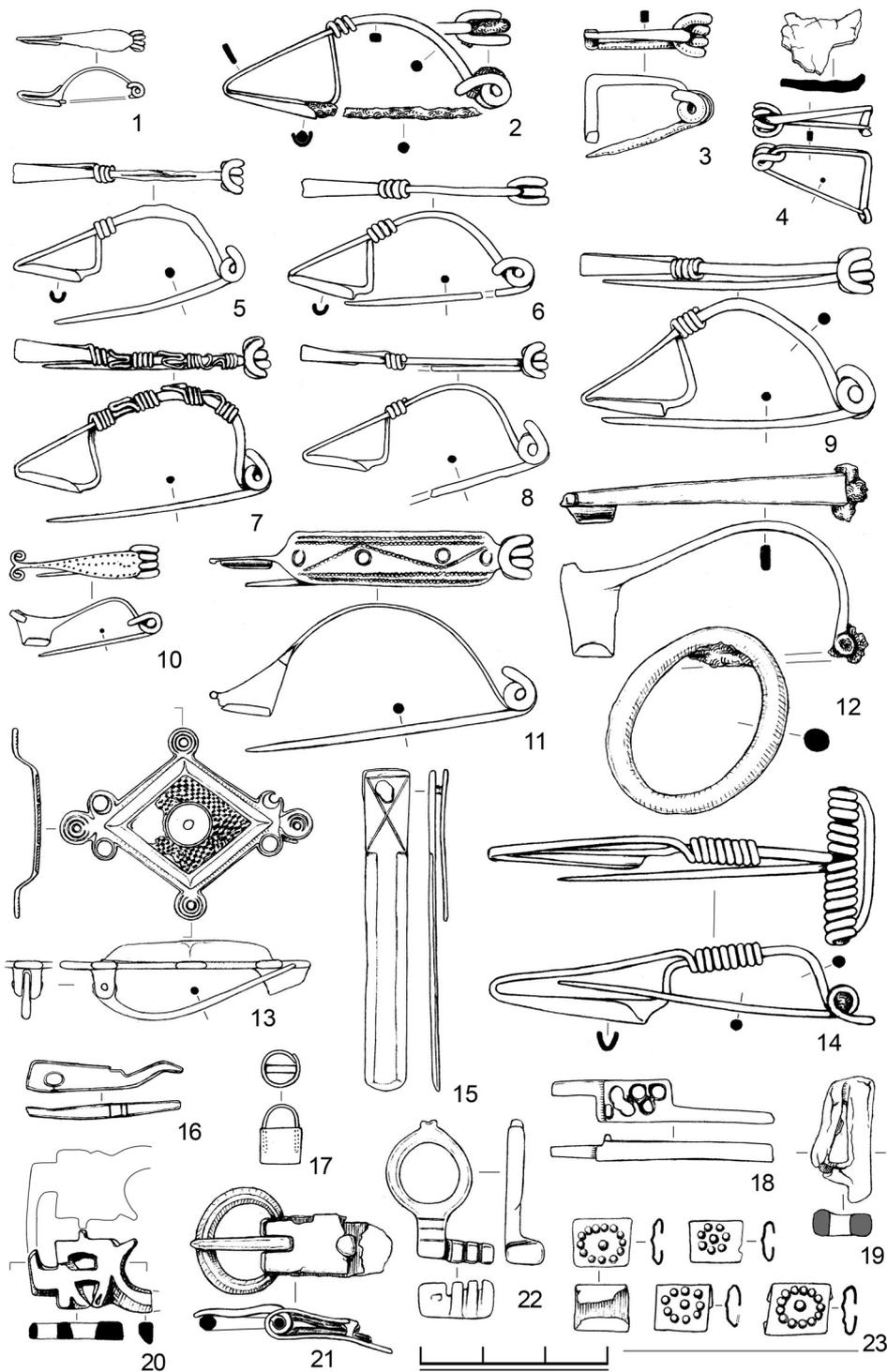

Рис. 1. Находки металлических изделий из могильника Левадки:

1 – мог. 107; 2 – мог. 120; 3 – мог. 137 св; 5, 6 – мог. 137 юз; 18 – мог. 137; 4, 16, 20 – мог. 143 юз;
14 – мог. 143 сз; 7, 12 – мог. 159 св; 8 – мог. 162 св; 9 – мог. 168; 10, 11 – мог. 163/165; 13 – мог. 123;
15, 22 – мог. 118; 17 – мог. 144 юз; 19 – мог. 119; 23 – мог. 122/125; 21 – мог. 121

Fig. 1. Finds of metal products from the cemetery of Levadki:

1 – grave 107; 2 – grave 120; 3 – grave 137 NE; 5, 6 – grave 137 SW; 18 – grave 137; 4, 16, 20 – grave 143 SW;
14 – grave 143 NW; 7, 12 – grave 159 NE; 8 – grave 162 NE; 9 – grave 168; 10, 11 – grave 163/165; 13 – grave 123;
15, 22 – grave 118; 17 – grave 144 SW; 19 – grave 119; 23 – grave 122/125; 21 – grave 121

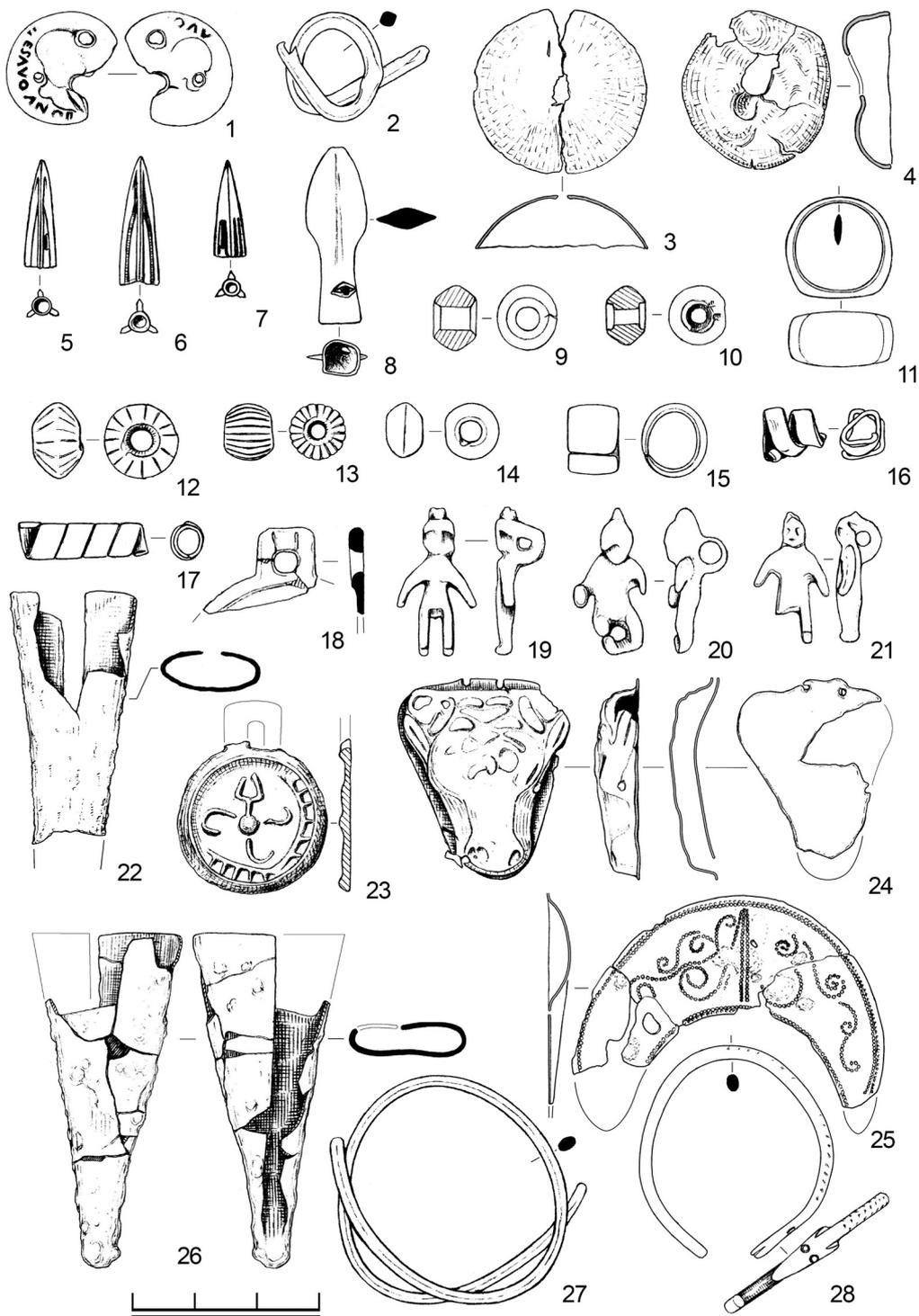

Рис. 2. Находки металлических изделий из могильника Левадки:

1 – мог. 120; 2, 4, 24, 25 – мог. 148; 3 – мог. 159 юв; 5 – мог. 143 сз; 6 – мог. 144 сз; 7, 17 – мог. 144 юз;
8 – мог. 148; 9 – мог. 118; 10 – мог. 122/125; 11 – мог. 115; 12, 13, 18 – мог. 159 сз; 14, 19, 28 – мог. 168;
15, 26 – мог. 106; 16, 27 – мог. 143 юз; 20, 21, 23 – мог. 119; 22 – мог. 150

Fig. 2. Finds of metal products from the cemetery of Levadki:

1 – grave 120; 2, 4, 24, 25 – grave 148; 3 – grave 159 SE; 5 – grave 143 NW; 6 – grave 144 SW; 7, 17 – grave 144 SW;
8 – grave 148; 9 – grave 118; 10 – grave 122/125; 11 – grave 115; 12, 13, 18 – grave 159 NE; 14, 19, 28 – grave 168;
15, 26 – grave 106; 16, 27 – grave 143 SW; 20, 21, 23 – grave 119; 22 – grave 150

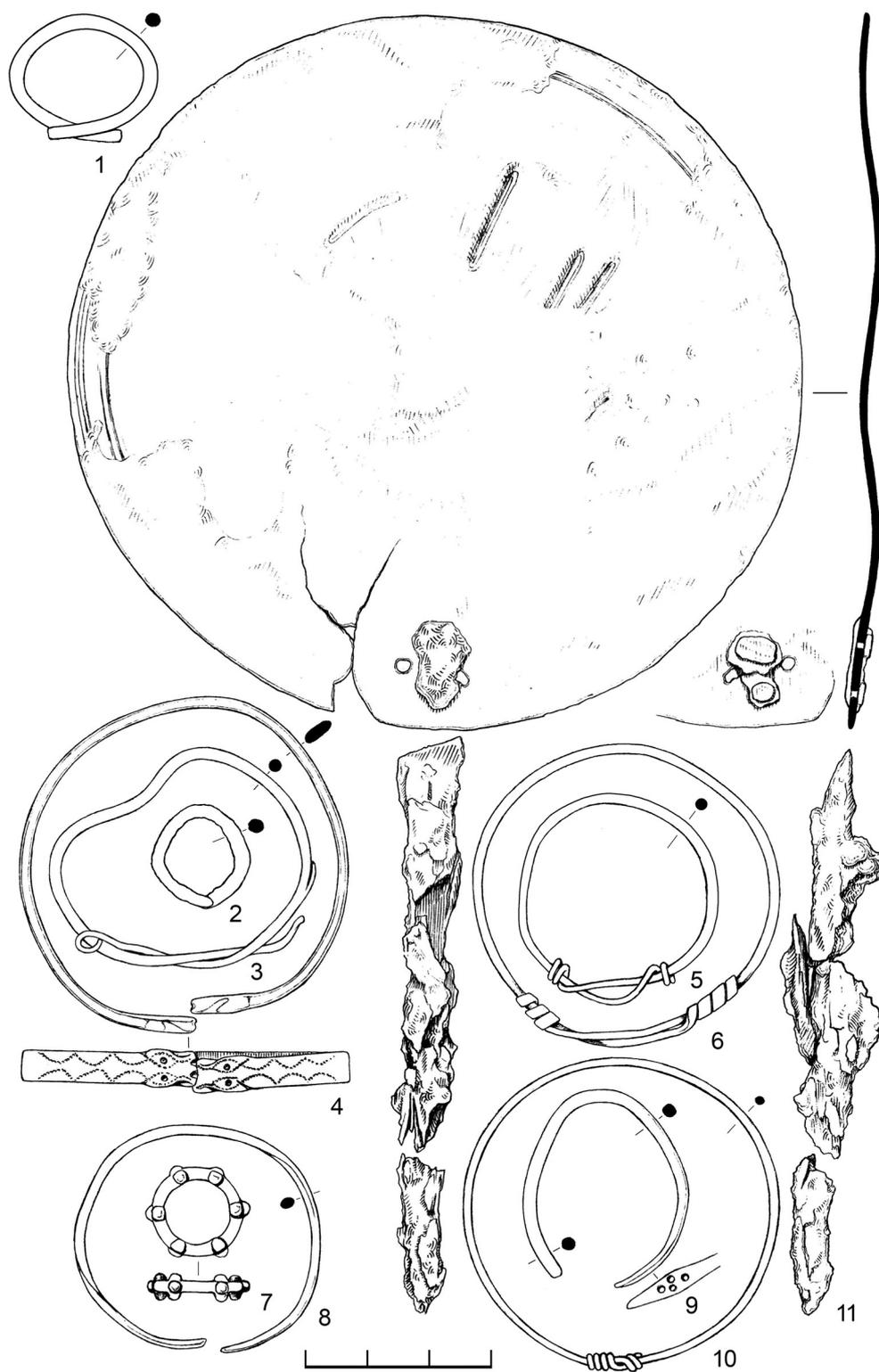

Рис. 3. Находки металлических изделий из могильника Левадки:

1, 5 – мог. 148; 2 – мог. 143 сз; 3 – мог. 119; 4 – мог. 131; 6 – мог. 163 св; 7 – мог. 160; 8 – мог. 159 св;
9 – мог. 120; 10 – мог. 144 сз; 11 – мог. 115

Fig. 3. Finds of metal products from the cemetery of Levadki:

1, 5 – grave 148; 2 – grave 143 NW; 3 – grave 119; 4 – grave 131; 6 – grave 163 NE; 7 – grave 160; 8 – grave 159 NE;
9 – grave 120; 10 – grave 144 NW; 11 – grave 115

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М. : Наука. 104 с.
- Антипенко А. В., Мульд С. А., 2019. Использование латуней и цинксодержащих сплавов как индикатор культурного взаимодействия в позднескифском обществе // 7-я Европейская конференция по рассеянию нейтронов : тезисы микросимпозиумов : сб. тез. докл. М. : НИЦ «Курчатовский институт». С. 63.
- Антипенко А. В., Мульд С. А., 2020. Химический состав сплава аксессуаров традиционного костюма позднескифского населения Крыма (по материалам некрополей Усть-Альма и Левадки) // Археологическое наследие Кавказа : актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. Махачкала : Мавраевъ. С. 177–179.
- Антипенко А. В., Мульд С. А., 2023. Химический состав металлических находок из позднескифского могильника Левадки (предварительные результаты) // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях : материалы Междунар. науч. конф. Симферополь : Керчь : ООО «Соло Рич». С. 19–26.
- Барцева Т. Б., 1971. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М. : Сов. Россия. С. 133–138.
- Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев : Киев. акад. Евробизнеса. 206 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Труды ГИМ. Вып. 205. Ч. 1. М. : ГИМ. 272 с.
- Журавлев Д. В., 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (43). С. 59–85.
- Кропотов В. В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : Адеф-Украина. 384 с.
- Косьяненко В. М., 1994. К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Историко-археологические исследования на Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып. 13. Азов : [б. и.]. С. 70–83.
- Краснодубец Е. М., 2018. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира : материалы 15-й Междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб. : СПбГУПТД. С. 105–112.
- Лысенко А. В., Мордвинцева В. И., 2019. Металлические украшения костюма – вотивы святилища римского времени Эклизи-Бурун (к культурной атрибуции памятника) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. С. 240–296.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра. С. 194–233.
- Минасян Р. С., 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 472 с.
- Мульд С. А., Кропотов В. В., 2015. Позднескифский могильник Левадки в центральном Крыму (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 117–129.
- Мульд С. А., Антипенко А. В., 2019. Химический состав сплава деталей костюма из позднескифского могильника Левадки в центральном Крыму // Археологические источники и культурогенез : материалы V Междунар. науч. конф. СПб. : Скифия-принт. С. 42–46.
- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь : Бизнес-Информ. 480 с.
- Смекалова Т. Н. Дюков Ю. Л., 2001. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. 202 с.
- Стоянова А. А., 2011. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь : Доля. С. 115–151.
- Стоянова А. А., 2016. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Т. II. Симферополь : ИП Бровко А. А. С. 122–165.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.

- Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев : Наукова думка. 174 с.
- Труфанов А. А., 2001. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М. : ГИМ. С. 71–77.
- Труфанов А. А., 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I–IV вв. н.э. // История и археология Крыма. Вып. XII. Симферополь : Колорит. С. 163–200.
- Флеров А. В., 1981. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М. : Высш. шк. 288 с.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских зеркал // Советская археология. № 4. С. 58–71.
- Храпунов И. Н., 2008. Наконечники ремней из могильника Нейзац // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIV. С. 61–79.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., 2004. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. № 14. С. 239–269.
- Polit B., 2022. Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings. Rzeszow : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. 425 p.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1982. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique Beads of the Northern Black Sea Region]. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. 11-12*. Moscow, Nauka Publ. 104 p.
- Antipenko A.V., Mul'd S.A., 2019. Ispol'zovanie latuney i cinksoderzhashchih splavov kak indikator kul'turnogo vzaimodeystviya v pozdneskifskom obshchestve [The Use of Brass and Zinc Alloys as an Indicator of Cultural Interaction in Late Scythian Society]. *7-ya Evropeyskaya konferentsiya po rasseyaniyu neytronov: tezisy mikrosimpoziumov: sb. tez. dokl. [7th European Conference on Neutron Scattering: Abstracts of Microsymposia. Collection of Abstracts]*. Moscow, NRC «Kurchatovskiy institut», p. 63.
- Antipenko A.V., Mul'd S.A., 2020. Himicheskiy sostav splava aksesuarov traditsionnogo kostyuma pozdneskifskogo naseleniya Kryma (po materialam nekropol'ey Ust'-Al'ma i Levadki) [The Chemical Composition of the Alloy of Accessories of the Traditional Costume of the Late Scythian Population of Crimea (Based on the Materials of the Necropolises of Ust-Alma and Levadky)]. *Arheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sohraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. [Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Problems of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference]*. Mahachkala, Mavraev Publ., pp. 177-179.
- Antipenko A.V., Mul'd S.A., 2023. Himicheskiy sostav metallicheskih nahodok iz pozdneskifskogo mogil'nika Levadki (predvaritel'nye rezul'taty) [Chemical Composition of Metal Finds from the Late Scythian Burial Ground of Levadki (Preliminary Results)]. *XXIV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arheologicheskie i pis'mennye istochniki v istoricheskikh rekonstrukciyah. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [XXIV Bosporan Readings. Bosphorus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Archaeological and Written Sources in Historical Reconstructions. Materials of the International Scientific Conference]*, Simferopol', Kerch', LLC «Solo Rich» Publ., pp. 19-26.
- Bartseva T.B., 1971. Predvaritel'nye rezul'taty spektral'nogo izucheniya zerkal-podvesok Central'nogo Kavkaza [Preliminary Results of a Spectral Study of Suspension Mirrors in the Central Caucasus]. *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy po arheologicheskim dannym [Preliminary Results of a Spectral Study of Suspension Mirrors in the Central Caucasus]*. Moscow, Sov. Rossiya Publ., pp. 133-138.
- Vysotskaya T.N., 1994. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [Ust-Alma Settlement and Necropolis]. Kiev, Kyiv Academy of Eurobusiness. 206 p.
- Gushchina I.I., Zhuravlyov D.V., 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [Necropolis of Roman time Belbek IV in the South-Western Crimea]. Trydy GIM, vol. 205, pt. 1. Moscow, SHM. 272 p.
- Zhuravlev D.V., 2014. «Braslety» i kol'tsa s vystupami iz pozdneskifskikh i sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [“Bracelets” and Rings with Protrusions from the Late Scythian and Sarmatian Sites of the

- Northern Black Sea Region]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], no. 1 (43), pp. 59-85.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epohi* [Fibulae of the Sarmatian Era]. Kiev, Adef-Ukraina Publ. 384 p.
- Kosyanenko V.M., 1994. K voprosu o hronologii i ritual'no-magicheskoy roli bronzovyh zerkal iz nekropolya Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956-1962 gg.) [On the Chronology and Ritual-Magic Role of Bronze Mirrors from the Necropolis of Kobyakovo Settlement (Based on Materials of Excavations in 1956-1962)]. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya na Azove i na Nizhnem Donu v 1993 godu* [Historical and Archaeological Research on Azov and the Lower Don in 1993], vol. 13. Azov, pp. 70-83.
- Krasnodubets E.M., 2018. Ellinisticheskie egipetskie perstni-pechati i ih ottiski iz Hersonesa Tavricheskogo i ego hory [Hellenistic Egyptian Seal-Rings and Their Impressions from Tauric Chersonese and its Choirs]. *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: materialy 15-y Mezhdunar. nauch. konf.* [Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World. Proceedings of the 15th International Scientific Conference]. Pt. 2. Saint Petersburg, SUTD, pp. 105-112.
- Lysenko A.V., Mordvintseva V.I., 2019. Metallicheskie ukrasheniya kostyuma – votivy svyatilishcha rimskogo vremeni Eklizi-Burun (k kul'turnoy atributsii pamyatnika) [Metal Ornaments of the Costume – Votives of the Sanctuary of the Roman Time Eklizi-Burun (to the Cultural Attribution of the Monument)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], no. 4, pp. 240-296.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Time]. *Sarmaty i ih sosedi na Donu* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don]. Rostov-na-Donu, Terra Publ., pp. 194-233.
- Minasyan R.S., 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [Metalworking in Antiquity and the Middle Ages]. Saint Petersburg, State Hermitage. 472 p.
- Mul'd S.A., Kropotov V.V., 2015. Pozdneskifskiy mogil'nik Levadki v tsentral'nom Krymu (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Late Scythian Burial Ground of Levadki in the Central Crimea (2nd Century BC – 3rd Century AD)]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 15, pp. 117-129.
- Mul'd S.A., Antipenko A.V., 2019. Himicheskiy sostav splava detaley kostyuma iz pozdneskifskogo mogil'nika Levadki v tsentral'nom Krymu [The Chemical Composition of the Alloy Parts of the Costume from the Late Scythian Burial Ground of Levadki in the Central Crimea]. *Arheologicheskie istochniki i kul'turogenез: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* [Archaeological Sources and Cultural Genesis. Materials in the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, Skifiya-Print Publ., pp. 42-46.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia II Century BC – III Century. Funerary Monuments]. Simferopol', Biznes-Inform Publ. 480 p.
- Smekalova T.N., Dyukov Yu.L., 2001. *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ya. Bospor, Ol'viya, Tira* [Coin Alloys of the States of the Black Sea Region. Bosporus, Olbia, Tyra]. Saint Petersburg, St. Petersburg University. 202 p.
- Stoyanova A.A., 2011. Aksessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III v. n. e. iz mogil'nika Neyzats [Women's Costume Accessories of the 2nd – First Half of the 3rd c. from Neyzats Burial Ground]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [Exploration of the Neyzats Burial Ground]. Simferopol', Dolya Publ., pp. 115-151.
- Stoyanova A.A., 2016. Podveski iz mogil'nika Neyzats [Pendants from Neyzats Burial Ground]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Crimea in the Sarmatian Era (II Century BC – IV Century AD)], vol. II. Simferopol', IP Brovko A.A. Publ., pp. 122-165.
- Strzheletski S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I., 2003–2004. Naselenie okrugi Hersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovhoz №10») [The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1st Millennium A.D. (By Materials of the Necropolis “Sovkhoz No. 10”)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 27-277.
- Symonovich E.A., 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo)* [The Population of the Capital of the Late Scythian Kingdom (Based on Materials from the Eastern Burial Ground of Scythian Naples)]. Kiev, Naukova dumka Publ. 174 p.
- Trufanov A.A., 2001. K voprosu o hronologii brasetov s zoomorfnyimi okonchaniyami (po materialam krymskih mogil'nikov pozdneskifskogo vremeni) [To the Question of the Chronology of Bracelets with Zoomorphic Endings (Based on the Materials of the Crimean Burial Grounds of the Late Scythian Time)]. *Pozdnie skify Kryma* [The Late Scythians of the Crimea]. Trudy GIM, vol. 118. Moscow, SHM, pp. 71-77.

- Trufanov A.A., 2020. Metallicheskie detali shkatulok iz varvarskih pogrebeniy Kryma I–IV vv. n.e. [Metal Details of Caskets from the Barbarian Burials of the Crimea of the 1st–4th Centuries AD]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archeology of Crimea], vol. XII. Simferopol', Kolorit Publ., pp. 163-200.
- Flerov A.V., 1981. *Materialovedenie i tekhnologiya hudozhestvennoy obrabotki metallov* [Materials Science and Technology of Artistic Processing of Metals]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 288 p.
- Hazanov A.M., 1963. Genezis sarmatskih zerkal [Genesis of Sarmatian Mirrors]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 58-71.
- Hrapunov I.N., 2008. Nakonechniki remney iz mogil'nika Neyzats [Tips of Belts from the Neyzats Burial Ground]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria], vol. XIV, pp. 61-79.
- Hrapunov I.N., Mul'd S.A., 2004. Katakomby iz mogil'nikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoy kul'tury [Catacombs from the Burial Grounds of Fontana and Levadka in Connection with the Origin of the Late Scythian Culture]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], no.14, pp. 239-269.
- Polit B., 2022. *Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings*. Rzeszow, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. 425 p.

Information About the Authors

Anna V. Antipenko, Researcher, Institute of Archeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation; Researcher, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, an.antipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-3132>

Sergey A. Mul'd, Researcher, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, muld@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9613-5601>

Информация об авторах

Анна Витальевна Антипенко, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация; научный сотрудник, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, an.antipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-3132>

Сергей Альфредович Мульд, научный сотрудник, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, muld@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9613-5601>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.5>

UDC 903.222
LBC 63.44

Submitted: 30.05.2023
Accepted: 16.01.2024

ALTAI IN THE PRE-TURKIC PERIOD: HISTORICAL FATE OF THE NOMADS OF THE DYALYAN TRADITION OF RITUAL PRACTICE

Nikolay N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Sergey S. Matrenin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article presents the study of the Dyalyan tradition of ritual practice characteristic of one of the groups of the Bulan-Koby archaeological culture of Altai in the last quarter of the 1st millennium BC – the first half of the 1st millennium AD. The key features of this tradition are identified, the most significant of which is the burial of an individual oriented to the western sector of the horizon, accompanied by a horse laid “above” or “at the feet” of the buried individual. 45 similar burials localized in the northern and central Altai have been excavated to date. These burials demonstrate the features of the formation and evolution of the Dyalyan tradition throughout the entire period of the existence of the Bulan-Koby culture. This group of the population had the greatest importance in the pre-Turkic period (second half of the 4th – first half of the 5th centuries AD). New materials from the excavations of the Choburak-I necropolis, one of the demonstrative objects of which is published and analyzed in the article, confirm that in the nomads of Dyalyan tradition were representatives of the local elite in the Northern Altai. This is evidenced by the composition of the accompanying inventory from the studied burials which included advanced models of weapons and defensive armament, equipment for a person and a riding horse. The possibilities of reconstructing the historical fate of the Dyalyan tradition bearers are presented. It should be stressed that the characteristic features of the rite were not continued in the funeral practice of the early medieval Turks. The available rather fragmentary materials make it possible to outline the western direction of the migrations of the “Dyalyans” (probably as part of the Rouran community), as well as to make an assumption about their participation in the formation of certain population groups of the Srostki culture of the Forest-Steppe Altai.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, Dyalyan tradition, pre-Turkic period, funeral rite, chronology, ethno-cultural history.

Citation. Seregin N.N., Matrenin S.S., 2024. Altay v predtyurkskoe vremya: istoricheskie sud'by nositeley dyalyanskoy traditsii obryadovoy praktiki [Altai in the Pre-Turkic Period: Historical Fate of the Nomads of the Dyalyan Tradition of Ritual Practice]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 84-101. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.5>

УДК 903.222
ББК 63.44

Дата поступления статьи: 30.05.2023
Дата принятия статьи: 16.01.2024

АЛТАЙ В ПРЕДТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НОСИТЕЛЕЙ ДЯЛЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ

Николай Николаевич Серегин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Сергей Сергеевич Матренин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты изучения дялянкой традиции обрядовой практики, характерной для одной из групп населения булан-кобинской археологической культуры Алтая в последней

четверти I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Определены ключевые признаки данной традиции, наиболее показательным из которых является захоронение умершего человека, ориентированного в западный сектор горизонта, в сопровождении лошади, уложенной «сверху» или «в ногах» покойного. К настоящему времени раскопаны 45 таких захоронений, локализованных в северной и центральной частях Алтая. Эти объекты демонстрируют особенности формирования и эволюции дялянской традиции на протяжении всего периода существования булан-кобинской культуры. Наибольшее значение данная группа населения имела в предтюрокское время (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.). Новые материалы раскопок некрополя Чобурак-I, один из показательных объектов которого опубликован и проанализирован в статье, подтверждают, что в обозначенный период «дялянцы» являлись представителями местной элиты Северного Алтая. Об этом свидетельствует состав сопроводительного инвентаря из исследованных погребений, включавший передовые образцы оружия и средств защиты, снаряжения человека и верхового коня. Представлены возможности реконструкции исторических судеб носителей дялянской традиции. Принципиально важно, что характерные для них черты обряда не нашли продолжения в погребальной практике раннесредневековых тюрок. Имеющиеся пока довольно фрагментарные материалы позволяют наметить западное направление миграций «дялянцев» (вероятно, в составе жузанской общности), а также сделать предположение об их участии в процессах формирования отдельных групп населения сrostкинской культуры Лесостепного Алтая.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, дялянская традиция, предтюрокское время, погребальный обряд, хронология, этнокультурная история.

Цитирование. Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2024. Алтай в предтюрокское время: исторические судьбы носителей дялянской традиции обрядовой практики // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 84–101. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.5>

Введение

На сегодняшний день благодаря активным археологическим исследованиям сформирована обширная источниковая база, которая демонстрирует существование на Алтае в последней четверти I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. полиэтничного населения булан-кобинской культуры, сформировавшегося в результате смешения разных групп местных и пришлых кочевников [Мамадаков, 1990; Соенов, 1997]. Многокомпонентный состав номадов региона нашел достаточно яркое проявление в сложении нескольких довольно устойчивых традиций погребального обряда [Серегин, Матренин, 2016, с. 158–164]. Детальный анализ особенностей их развития имеет большое значение для понимания особенностей истории кочевников Алтая, в том числе их роли в процессах формирования общностей раннего средневековья.

В данной статье представлен опыт целостной интерпретации дялянской традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры, характерной для одной из групп населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. Ее выделение обосновано в работах археологов Алтайского государственного университета [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162 и др.], а также поддержано новосибирскими исследо-

вателями [Митько, 2018; Половников, 2018]. Важным поводом для обращения к этой теме на новом уровне стали результаты недавних раскопок некрополя Чобурак-I в Северном Алтае, который представляется возможным рассматривать как эталонный для изучения различных аспектов истории носителей дялянской традиции. Публикация одного из показательных объектов данного памятника позволяет продемонстрировать общие и особенные характеристики погребального обряда и материальной культуры обозначенной группы населения. Значение новых материалов определяется также тем, что они относятся к предтюрокскому времени – периоду, который зафиксировал наиболее заметную роль «дялянцев» в исторических судьбах населения Алтая и сопредельных территорий.

Характеристика источников

Археологические комплексы, относящиеся к дялянской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры, характеризуются достаточно устойчивым сочетанием следующих показателей: компактное расположение наземных конструкций; небольшая курганная насыпь овальной или округлой формы; однослойная выкладка-крепида из камней; неглубокая (до 1,5 м) и довольно уз-

кая (до 1 м) могильная яма; ингумация умершего человека головой в западный сектор горизонта (обычно с отклонением к северу); сопроводительное захоронение лошади, уложенной «сверху» или «в ногах» покойного и ориентированной головой в одном с ним направлении; различные погребальные камеры (колода, каменный или деревянный ящик и др.) или отсутствие таковых [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162].

К настоящему времени погребения дялянской традиции исследованы на нескольких некрополях (рис. 1). Впервые подобные объекты были раскопаны Ю.Т. Мамадаковым в Центральном Алтае. В 1987 г. на могильнике Улита (Онгудайский район Республики Алтай) археолог исследовал шесть могил, где кони размещались над людьми (преимущественно мужчинами), похороненными в незавершенных каменных ящиках (три случая), каменно-деревянном ящике (один случай), яме с перекрытием (один случай), а также без конструкций (один случай) на глубине до 1 метра. Умершие лежали вытянуто на спине, а лошади – на левом боку. Зафиксированы два неполных скелета животных: с отрубленными задними конечностями и без головы. В 1988 г. экспедицией под руководством Ю.Т. Мамадакова изучены шестнадцать курганов с признаками дялянской традиции на некрополе Бош-Туу-1, также в Онгудайском районе. В данных объектах лошади находились на перекрытии каменных (восемь случаев), деревянных (шесть случаев) и комбинированных (два случая) ящиков. Животные лежали на боку, преимущественно на левой стороне (12 случаев). Среди умерших были 15 мужчин и один подросток. Они лежали вытянуто на спине, иногда с завалом на левый бок. Материалы данных комплексов, относящихся к III–IV вв. н.э., остаются до сих пор не изданными [Мамадаков, 1990, с. 208, 213–218, 221–222, 224, 227].

Информативные источники получены в ходе работ на памятнике Дялян (Чемальский район Республики Алтай), осуществленных в 1989–1990-х гг. под руководством Ю.В. Тетерина [Тетерин, 1991]. На ставшем впоследствии эпонимным для рассматриваемой традиции комплексе вскрыты восемь курганов с «длинными» (3–4 м) могилами, глубиной 1–

1,5 метра. Лошади находились в юго-восточной части ям «в ногах» людей, на одном уровне с ними, а в одном случае (курган № 9) «сверху», перекрывая более половины тела покойного. Животные лежали в основном на левом боку (шесть случаев), иногда на животе (курган № 13) и на правом боку по антитезе к человеку, с вывернутой на северо-запад головой (курган № 7). Умершие (шесть мужчин и две женщины) похоронены на спине, вытянуто и с согнутыми ногами, либо с разворотом верхней части туловища на левый или правый бок. Погребальные камеры представлены каменными ящиками (курганы № 1, 6, 7, 13, 14), колодой (курган № 5), ямой без внутримогильных конструкций (курган № 9) [Митько, 2018, рис. 1, 2]. Обнаружен разнообразный комплекс вещей, показательный для кочевников Алтая предтюрокского времени (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) [Тетерин, 1995; 2004; и др.].

При раскопках некрополя Усть-Эдиган (Чемальский район Республики Алтай) в 1990–1993 гг. Ю.С. Худяковым исследованы три наиболее ранних объекта дялянской традиции, относящихся к хуннускому периоду (II в. до н.э. – I в. н.э.). Лошади располагались «в ногах», за каменным ящиком (курган № 33), а также «сверху» умерших людей, в яме с каменными плитами у торцевых стенок (курган № 29) и без каких-либо сооружений (курган № 86). Поза животных различна: на спине, левом и правом боку. Покойные (две женщины и один мужчина) лежали на левом боку либо на спине с разворотом верхней половины туловища налево, со слабо согнутыми ногами [Худяков, 1997, с. 151, рис. 1, 2; 1998, с. 164, рис. 20; и др.].

В 1991–1992 гг. на могильнике Чендек (Усть-Коксинский район Республики Алтай) горно-алтайскими археологами в полностью изученной курганной группе второй половины IV – первой половины V вв. н.э. зафиксированы два объекта (курганы № 2 и 10), в которых лошади лежали «сверху» людей (мужчина и женщина), погребенных вытянуто на спине в ямах без внутримогильных конструкций. Животные были размещены на правом боку [Соенов, Эбель, 1992, с. 10–11, 13, рис. 2, 12].

К сожалению, многие из обозначенных комплексов (рис. 1) остаются не опубликован-

ными и слабо известными специалистам. Кроме того, подобные объекты довольно немногочисленны по сравнению с погребениями, демонстрирующими другие выделенные традиции обрядовой практики населения буланкобинской культуры Алтая. В связи с этим актуальными представляются работы, направленные на введение в научный оборот новых качественных материалов, а также проведение сравнительного анализа и интерпретации всех имеющихся источников.

Анализ новых материалов

Одним из немногих полностью раскопанных памятников, демонстрирующих общие и особенные черты дялянской погребальной традиции, является некрополь Чобурак-I, расположенный на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1,6). На данном комплексе экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством одного из авторов статьи раскопаны десять курганов с «длинными» могилами, которые содержали ингумацию человека с лошадей, уложенной «в ногах» и «сверху» умерших [Серегин и др., 2019; и др.]. Животные были размещены на боку, преимущественно (семь случаев) на правой стороне. Умершие (восемь мужчин и две женщины) похоронены вытянуто на спине, в деревянных конструкциях и простых ямах. Представим ключевые характеристики исследованных захоронений некрополя Чобурак-I на примере одного из наиболее показательных объектов данного памятника.

Курган № 30а представлял собой плоскую каменную насыпь овальной формы размерами 4,1 × 3,0 м и высотой до 0,4 м с крепидой, ориентированной с северо-запада на юго-восток (рис. 2,А). В северо-западной половине могильной ямы, имевшей вытянуто-овальную форму, на глубине 0,9 м от уровня древнего горизонта прослежены остатки деревянной камеры (ящика или рамы?). Внутри нее зафиксирован скелет мужчины 30–40 лет (определения к.и.н. С.С. Тур) в анатомическом порядке¹. Умерший лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-запад (рис. 2,Б). На покойного был положен сложносоставной лук, от которого сохранился комп-

лект костяных (роговых) накладок (рис. 3,1–5). Вдоль правой руки обнаружены меч с деталями ножен (рис. 3,14) и пять железных наконечников стрел (рис. 3,6–10). У левого запястья находились три костяных (роговых) наконечника (рис. 3,11–13). В области тазовых костей умершего выявлены две железных пряжки (рис. 4,13,14). Там же, в разных местах найдены железные крепления от ременных гарнитур (рис. 4,15,17–21). У левого бедра погребенного зафиксированы костяной (роговой) кант седельной луки (рис. 4,12, 5,1), а возле правой берцовой кости – костяная цурка (рис. 4,11, 5,7). В 0,3 м от левой берцовой кости покойного была размещена костяная деталь плети (рис. 4,16, 5,9).

В юго-восточной части могилы на глубине 0,8–0,92 м от уровня древнего горизонта находилось сопроводительное захоронение лошади, размещенной практически перпендикулярно скелету человека (рис. 2,Б). Животное лежало на левом боку с вытянутыми задними и согнутыми передними конечностями и вывернутой шеей, благодаря чему его голова была обращена лицевой частью на северо-запад. В челюстях лошади обнаружены железные удила с кольчатыми псалиями (рис. 4,1), а в разных местах около головы находились детали узды: две пряжки (рис. 4,2,5), пара бронзовых обкладок от «нагвивника» (рис. 4,3,4, 5,6,8), фрагмент кожаного ремешка, декорированного четырьмя бронзовыми бляхами-накладками (рис. 4,9, 5,2–5). К элементам узды также относятся три железных бляхи-накладки (рис. 4,6–8), которые, по-видимому, сместились со своего первоначального места крепления на суголовье под давлением заполнения ямы. Кроме того, под головой лошади выявлена костяная (роговая) подпружная пряжка (рис. 4,10, 5,10).

Обнаруженные предметы инвентаря являются информативными для определения хронологии раскопанного погребения с учетом аналогий из археологических комплексов Алтая и сопредельных территорий первой половины I тыс. н.э.

К наиболее «поздним» предметам, показательным для установления датировки рассматриваемого захоронения предтюрокским временем, относятся однолезвийный меч без перекрестия и наверхия (рис. 3,14), же-

лезный трехлопастной наконечник стрелы с килевидным пером (рис. 3,9), крепления в виде железных восьмерковидных звеньев (рис. 4,15,21), бронзовые уздечные бляхи-накладки с округлым корпусом (рис. 4,9, 5,3–5), костяной (роговой) кант седельной луки (рис. 4,12, 5,1), костяная (роговая) цурка с несомкнутой прорезью (рис. 4,11, 5,7), костяная деталь плети в виде массивной трубочки (рис. 4,16, 5,9), возможно, бронзовые обкладки нагривника (рис. 4,3,4, 5,6,8). Обозначенные изделия имеют довольно многочисленные аналогии в памятниках второй половины IV – первой половины V в. н.э. [Бобров и др., 2003, рис. 13,24,25,61–70; Горбунов, 2006, с. 59, 111; Матренин, 2017, с. 25; Тишкин и др., 2018, табл. 39,3,4; и др.].

В рамках второй половины III – V в. н.э. датируются железные удила с круглыми псалиями малого диаметра (рис. 4,1), уздечная пряжка с трапецевидной рамкой (рис. 4,5), подпружная костяная пряжка с подвижным язычком (рис. 4,10, 5,10), костяной наконечник стрелы с зажимным насадом и пятиугольным пером [Тетерин, 2004, рис. 7,14,15; Матренин, 2017, с. 48; Тишкин и др., 2018, с. 115–117; и др.].

Более широкий период бытования имеют железные трехлопастные наконечники стрел с ассиметрично-ромбическим (рис. 3,6, 7,10) и шестиугольным (рис. 3,8) пером с кольцевым упором (III–V вв. н.э.), железные поясные пряжки с подвижным язычком и пластинчатым щитком-полубоймой (рис. 4,13,14) (III–V вв. н.э.), уздечные бляхи-накладки из железных пластин с одним округлым краем (рис. 4,6–8) (II–V вв. н.э.), костяные (роговые) наконечники стрел с черешковым насадом (рис. 3,11,12) (не ранее II в. н.э.), сохранившиеся костяные (роговые) накладки составного лука (рис. 3,1–5) (II в. до н.э. – V в. н.э.) [Горбунов, 2006, с. 29–30, 38–39; Матренин, 2017, с. 30–31, 34, 42, 47–48; Тишкин и др., 2018, с. 49, 54, 114; и др.].

Качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря позволяет утверждать, что мужчина, похороненный в кургане № 30а, обладал достаточно высоким статусом в социально-имущественной и воинской иерархии скотоводов, оставивших могильник Чобурак-I. Данный индивид, по-видимому, во-

дил в ближайшее окружение военных предводителей, из которого формировался высший командный состав средне- и тяжело вооруженной конницы. В данном контексте необходимо отметить, что население Алтая в эпоху Великого переселения народов помещало мечи в захоронения военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов (дружинников) [Горбунов, 2006, с. 74; Серегин, Матренин, 2020, с. 39, 91, 93–94, 109, 110].

Обсуждение результатов

С учетом новых материалов некрополя Чобурак-I на сегодняшний день раскопаны 45 погребений дялянской традиции, локализованных на шести археологических памятниках. Рассматриваемые объекты происходят из Северного (21 могила) и Центрального (24 могилы) Алтая. Судя по имеющимся данным, носители дялянской традиции проживали в обозначенных частях региона на протяжении всего периода существования булан-кобинской культуры – со II в. до н.э. по V в. н.э.

Реконструкция процессов сложения группы населения, оставившей рассматриваемые комплексы, требует обращения к материалам, полученным в ходе раскопок археологических памятников хуннского (II в. до н.э. – I в. н.э.) и предшествующего скифо-сакского (вторая половина VI – III в. до н.э.) времени в контексте сравнения показателей, характеризующих планиграфию, погребальные сооружения и способ ингумации. Принимая во внимание имеющийся опыт исследований в этом направлении [Серегин, Матренин, 2016, с. 135–147], можно обоснованно утверждать, что большинство признаков объектов дялянской традиции не характерны для населения пазырыкской культуры. Отдельные черты (ориентировка человека и верхового коня в одну сторону, в том числе в западный сектор горизонта, трупоположение на спине, погребальные камеры в виде каменных и деревянных ящиков и колод) известны на Алтае в скифо-сакский период, но отличаются иной частотой и характером взаимной встречаемости.

Принципиально важным для изучения генезиса дялянской традиции является анализ оформления сопроводительного захоронения лошади. Сформированный на сегодняшний

день корпус археологических источников дает основания полагать, что ритуал размещения животного в могиле «сверху» или в «ногах» человека имеет наиболее вероятные истоки в погребальной практике скотоводов Верхнего Прииртышья VIII–III вв. до н.э., оставшихся памятники кула-жургинского типа [Самашев, 1987, с. 102–103; Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 144–145]. При этом данный вариант оформления сопроводительного захоронения сформировался там без участия «пазырыкцев», размещавших верхового коня всегда сбоку от умершего вдоль северной стенки ямы [Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 145; Марсадолов, 2000, с. 36–37, 48, табл. 4]. При этом погребения с лошастью в одной яме у заднего борта могилы встречаются в майэмирских памятниках северных и северо-западных предгорий Алтая конца VII – первой половины VI в. до н.э., а над внутримогильной конструкцией – в ранних комплексах быстрианской культуры [Савинов, 1987, с. 22–23; Шульга, 2003, с. 523, рис. 2]. В связи с этим нельзя исключать, что на сложение комплекса характеристик обрядовой практики «дялянцев» также могли оказать влияние потомки носителей майэмирской культуры. Принимая во внимание известные материалы из памятников Алтая хуннуского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.), следует предположить, что одним из компонентов при формировании дялянской традиции были «яломанцы», которые являлись элитой кочевников Центрального Алтая. Данная группа булан-кобинского населения хоронила с лошастью «сверху» и частично «в ногах» покойных, но с ориентировкой головой в восточный сектор горизонта. Такие погребения исследованы на ряде памятников Центрального Алтая (Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Сары-Бел и др.), составляя около четверти раскопанных объектов в этой части региона. Захоронения яломанской традиции относятся к разным этапам булан-кобинской культуры со II в. до н.э. по V в. н.э. (см. более подробную характеристику: [Серегин, Матренин, 2016, с. 160–161]).

Изучение имеющихся археологических источников позволяет наметить направления развития дялянской традиции. Наиболее значимым было изменение местонахождения лошади от преимущественного положения

«сверху» человека (как правило, на перекрытии погребальной камеры) во II в. до н.э. – первой половине IV в. н.э. к размещению животного «в ногах» (обычно за торцевой стенкой ящика или колоды) во второй половине IV – V в. н.э. Результатом данного процесса стало сооружение вытянутых могильных ям длиной 3–4 м, в которых конь мог лежать как на одном уровне, так и выше покойного. В сложившемся виде такой обряд зафиксирован у «дялянцев» Северного Алтая, оставшихся могильники Дялян и Чобурак-I. Общим проявлением эволюции рассматриваемой традиции стал также переход к труположению умерших людей вытянуто на спине, который стал почти единственным во II–V вв. н.э.

Фиксируемое у носителей дялянской традиции разнообразие устройства погребальных камер, традиционно рассматриваемых в качестве важного этнокультурного и хронологического показателя для многих обществ, нашло проявление даже в рамках некрополей с синхронными захоронениями. В обобщенной серии рассматриваемых объектов (45) количественное распределение видов погребальных камер выглядит следующим образом: 14 (31 %) каменных ящиков, 11 (24,4 %) деревянных ящиков, 9 (20 %) ям без внутримогильных конструкций, 4 (8,8 %) имитации ящика в виде отдельных плит, 3 (6,6 %) колоды, 3 (6,6 %) каменно-деревянных ящика, 1 (2,2 %) яма с деревянным перекрытием. Определенная вариативность наблюдалась и в отношении позы лошадей. Например, в объектах могильников Улита, Бош-Туу-I, Дялян животные лежали почти исключительно на левом боку, тогда как в захоронениях памятников Чобурак-I и Чендек – преимущественно на правом боку.

Обнаруженные в погребениях дялянской традиции категории сопроводительного инвентаря отражают общие тенденции эволюции материальной культуры населения Алтая на протяжении последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э., связанные с местной переработкой передовых образцов вооружения, снаряжения и экипировки верхового коня кочевников Центральной и Средней Азии. Совершенно очевидно, что «дялянцы» были включены во все важные сферы жизни булан-кобинского общества – яйлажное скотовод-

ство горно-долинного типа, ремесленное производство, военное дело. Судя по зафиксированным посмертным травмам на костях посткраниальных скелетов, мужчины локальной группы, оставившей некрополь Чобурак-I, участвовали в вооруженных конфликтах.

Носители дялянской традиции находились в тесном взаимодействии с другими группами «булан-кобинцев», что подтверждается присутствием на многих памятниках объектов с разным обрядом. При этом обособленно выглядят коллективы, хоронившие на некрополях Дялян и Чобурак-I, где не были обнаружены погребения с другим ритуалом. Принимая во внимание имеющиеся антропологические определения, отметим, что на большинстве комплексов (Дялян, Усть-Эдиган, Чендек, Чобурак-I) среди «дялянцев» были взрослые лица обоего пола и только в составе могильников Бош-Туу-I и Улита раскопаны исключительно погребения мужчин. При этом разница между мужскими и женскими захоронениями заключалась лишь в наборе вещей.

Результаты реконструкции социальной организации населения Алтая показывают, что локальные группы «дялянцев» имели неодинаковый статус в этносоциальной стратификации булан-кобинского общества на разных этапах его истории [Серегин, Матренин, 2020, с. 123–130]. В хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.) они входили в привилегированный, средний и нижний слои социума кочевников Северного Алтая, а в предтюркский период (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) стали там местной элитой. В Центральной Алтае во II–V вв. н.э., судя по известным на сегодняшний день материалам, «дялянцы» составляли в основном рядовое население.

Большой интерес представляет изучение исторических судеб носителей дялянской традиции, на определенном этапе тесно связанных с существовавшим в Центральной Азии Жужанским каганатом (359–552 гг. н.э.). Имеются основания для предположения о том, что в рамках булан-кобинской «племенной конфедерации» отдельные элитные группы населения, в том числе «дялянцы», были лояльны к жужаням и находились в тесных контактах с ними. Косвенным подтверждением этому

можно считать присутствие в погребениях кочевников Алтая второй половины IV – первой половины V в. н.э. передовых образцов оружия и средств защиты, снаряжения человека и верхового коня, связанных своим происхождением с центрально-азиатским регионом (отдельные типы наконечников стрел, железные доспехи, седла с твердым остовом, цурки, некоторые типы украшений). Вероятно, во второй половине V – начале VI в. н.э. «дялянцы» были включены в состав формирующейся этнополитической общности тюрков. При этом отсутствие у последних практики размещения в могиле лошади в «ногах» или «сверху» человека демонстрируют определенную дистанцию в контактах с носителями дялянской традиции. Специфика оформления конских захоронений собственно у тюрков (положение животного сбоку от умершего, на одном уровне с ним или на невысокой приступке, ориентировка в противоположную от человека сторону, поза лошади на животе) свидетельствует об иных генетических истоках данного ритуала, которые могли восходить к берельской традиции погребального обряда населения булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 163].

Одним из результатов коренных изменений политической ситуации в Центральной Азии (ослабление жужаней и образование в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата) стало вовлечение элиты населения булан-кобинской культуры, среди которых, очевидно, были носители дялянской традиции, в миграционный поток в западном направлении. Отражением данного переселения (в составе жужанской общности?) можно считать появление во второй половине VI – VII в. н.э. в восточно-европейских степях (Панонния, Приазовье) могил с лошадьёю и отдельными частями ее туши, уложенных в «длинных» ямах с западной и северо-западной ориентировкой и размещенных в ногах покойных на одном уровне [Митько, 2018, с. 32–33, рис. 7, 8].

Еще одну линию истории носителей дялянской традиции позволяют наметить археологические материалы раннего средневековья Алтайской лесостепи и предгорной зоны Алтая. Аргументом для ее выделения являются «не стандартные» объекты конца VI – начала VIII в. н.э., раскопанные на некрополе

Горный-10, в которых лошади находились сбоку от человека, за головой, под умершим, ориентированной головой на северо-запад [Абдулганеев, 2001, с. 128; Серегин и др., 2019, с. 19, рис. 2; и др.]. Обозначенные черты, расходящиеся с каноном обрядности раннесредневековых тюрков, дают основание допускать существование в середине I тыс. н.э. контактов населения северных предгорий Алтая с носителями булан-кобинской культуры, практиковавшими несколько вариантов ингумации с конем. Судя по имеющимся археологическим материалам из Верхнего Приобья, такое взаимодействие началось уже во второй половине IV – начале V в. н.э. [Горбунов, 2003, с. 38–39]. Таким образом, особенности захоронения с лошадьми в памятниках единцовской культуры нельзя напрямую связывать с тюрками и рассматривать их как свидетельство тюркизации региона в VI–VII вв. н.э. Имеются основания для предположения о том, что потомки «дялянцев», смешавшиеся с племенами единцовской культуры Верхнего Приобья, могли стать одним из компонентов в формировании группы населения сrostкинской культуры, оставившей могильник Иня-1 в Шелаболихинском районе Алтайского края. На сегодняшний день это самый ранний некрополь обозначенной общности и единственный комплекс, в котором массово представлены погребения с лошадьми, уложенными в «ногах» умерших людей в углубленной части ямы [Уманский, 1970, с. 50–63; Горбунов, 2020, с. 31–33].

Допустимость предложенных археолого-исторических реконструкций косвенно подтверждается спецификой сложения «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков. Судя по имеющимся материалам, его формирование произошло в середине – второй половине VI в. н.э. в результате появления на Среднем Енисее группы населения, происхождение которой связано с носителями айрыдашской погребальной традиции булан-кобинской культуры, вошедшими в состав каганата [Серегин, Матренин, 2016, с. 181]. По письменным источникам хорошо известно, что значительную часть войска тюрков составляли в разной степени зависимые группы населения, включенные в империю кочевников. Для примера можно при-

вести часто цитируемый фрагмент китайской династийной хроники, сообщающий о том, что тюрки «геройствовали в пустынях севера» силами многочисленных племен теле [Бичурин, 1950, с. 301].

Понимая различность представленных процессов межэтнического взаимодействия и неизбежный схематизм подобных построений, отметим, что общим важным пунктом этих рассуждений является предположение о возможности сохранения отдельных численно небольших групп «булан-кобинцев» на начальных этапах истории раннесредневековых тюрков, а также их вынужденное переселение с территории своего первоначального проживания в Алтайской горной стране.

Заключение

Проведенное исследование объектов дялянской погребальной традиции булан-кобинской культуры Алтая, в том числе анализ новых материалов эталонного и полностью раскопанного комплекса предтюркского времени (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) памятника Чобурак-I, показывает, что ее носители генетически не связаны с местными племенами предшествующего скифо-сакского времени. Изучение археологических источников предоставляет основания для предположения о том, что в формировании данной традиции активное участие приняли «яломанцы», появление которых на Алтае наиболее четко фиксирует приход нового этнокультурного компонента в хуннское время, вероятно, родственного племенам Верхнего Приртышья. На сложение комплекса характеристик обрядовой практики «дялянцев» также могли оказать влияние потомки населения майэмирской культуры. Принципиально важным для понимания происхождения и развития дялянской традиции является такой признак обряда, как оформление сопроводительного захоронения лошади, уложенной «в ногах» или «сверху» человека, не имеющий аналогов в пазырыкской культуре и не получивший продолжения у тюрков центрально-азиатского региона.

Исторические судьбы носителей рассматриваемой традиции обрядовой практики были связаны с существовавшим в Централь-

ной Азии Жужанским каганатом. Во второй половине IV – начале V в. н.э. «дялянцы» стали элитой общества кочевников Северного Алтая, а после появления в данном регионе нового населения (легендарных семейств Ашина?) в середине – второй половине V в. н.э. они вошли в состав этнополитической общности тюрков. В дальнейшем потомки «дялянцев» при участии племен одинцовской культуры Верхнего Приобья и родственного им населения предгорий Алтая оказались вовлечены в процессы этногенеза раннесредневековых народов Алтайской лесостепи. Значительный интерес представляет изучение пока еще слабо представленного в археологических материалах «западного» направления движения носителей дялянской традиции. Учитывая возможные контакты «дялянцев» с жужанями, не исключено, что материалы раскопок некрополей Ал-

тая предтюркского времени станут одним из важных звеньев в рамках решения теперь уже «классической» проблемы центральноазиатского происхождения авар. Особую актуальность в этом плане имеют палеогенетические исследования, которые при достаточном объеме данных позволят определить степень близости рассматриваемых групп населения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мужчина имел зажившую резаную рану длиной порядка 30 мм на левом лобном бугре черепа. У покойного отсутствовала кисть левой руки, при этом четко фиксировались следы разрушения дистальных концов левой лучевой и локтевой костей. Данная травма (отсечение части конечности) была нанесена, скорее всего, клинковым рубяще-режущим оружием типа меча.

ПРИЛОЖЕНИЯ

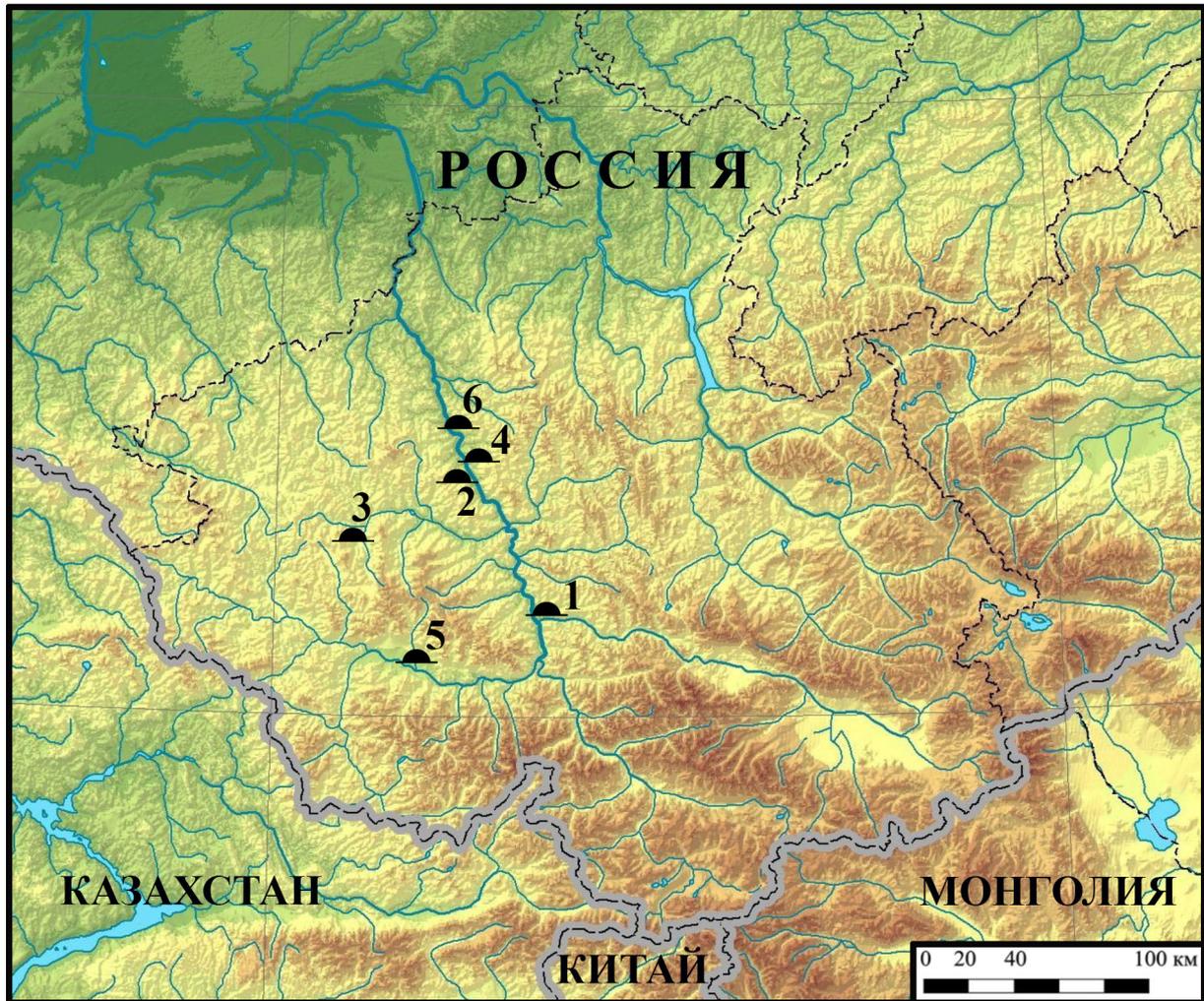

Рис. 1. Карта распространения памятников с погребениями дялянской традиции:

1 – Бош-Туу-І; 2 – Дялян; 3 – Улита; 4 – Усть-Эдиган; 5 – Чендек; 6 – Чобурак-І

Fig. 1. Distribution map of sites with Dyalyan tradition burials:

1 – Bosh-Tuu-I; 2 – Dyalyan; 3 – Ulita; 4 – Ust-Edigan; 5 – Chandek; 6 – Choburak-I

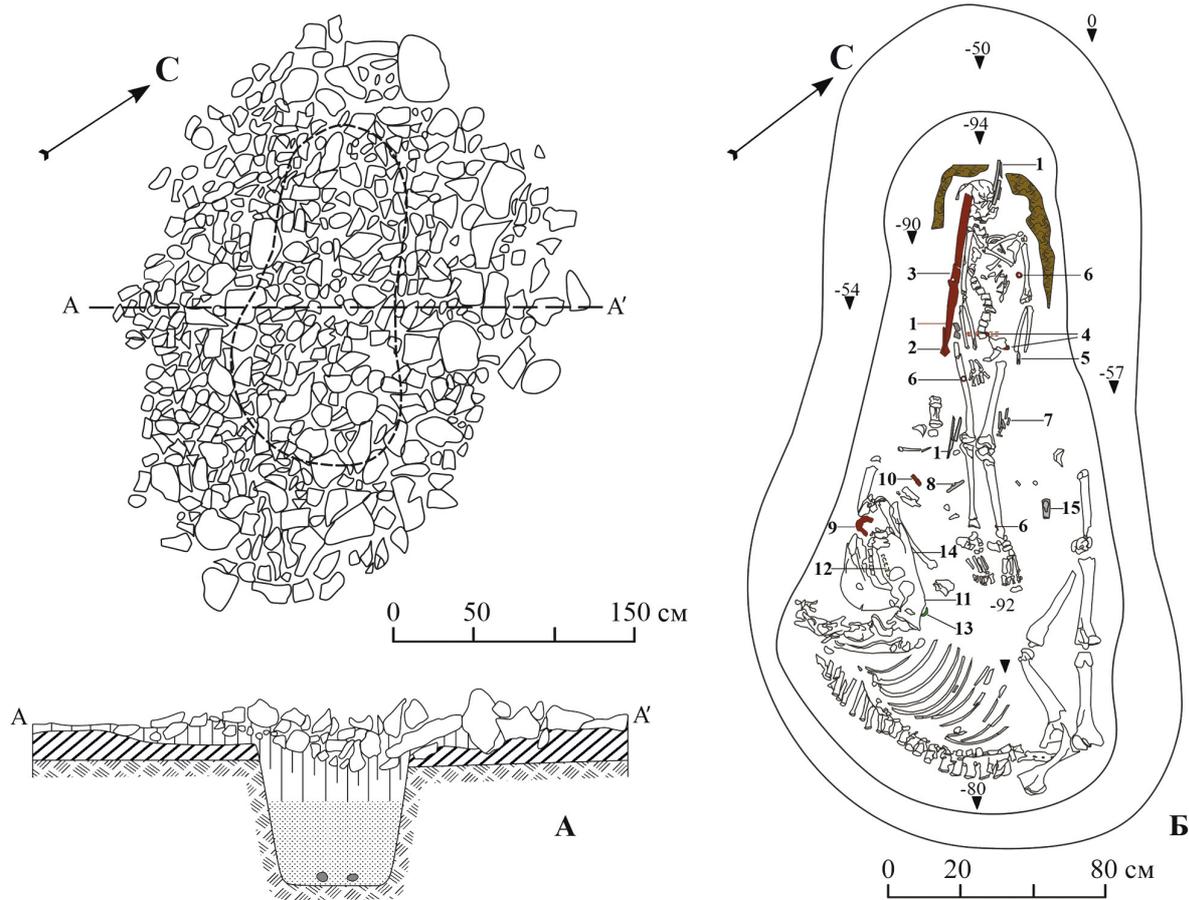

Рис. 2. Чобурак-I, курган № 30а:

A – план и разрез погребального сооружения; *Б* – план погребения (*1* – накладки на лук; *2* – железные наконечники стрел; *3* – меч; *4* – поясные гарнитуры; *5* – костяные наконечники стрел; *6* – крепления; *7* – седельный кант; *8* – цурка; *9* – удила с псалиями; *10* – уздечные бляхи; *11* – уздечные пряжки; *12* – фрагмент ремня с бляхами; *13* – нагивник; *14* – подпружная пряжка; *15* – деталь плети)

Fig. 2. Choburak-I, kurgan No. 30a:

A – plan and section of the burial structure; *B* – plan of the burial (*1* – overlays for the bow; *2* – iron arrowheads; *3* – sword; *4* – belt sets; *5* – bone arrowheads; *6* – fastenings; *10* – bridle plaques; *11* – bridle buckles; *12* – a fragment of a belt with plaques; *13* – a collar; *14* – a spring buckle; *15* – whip part)

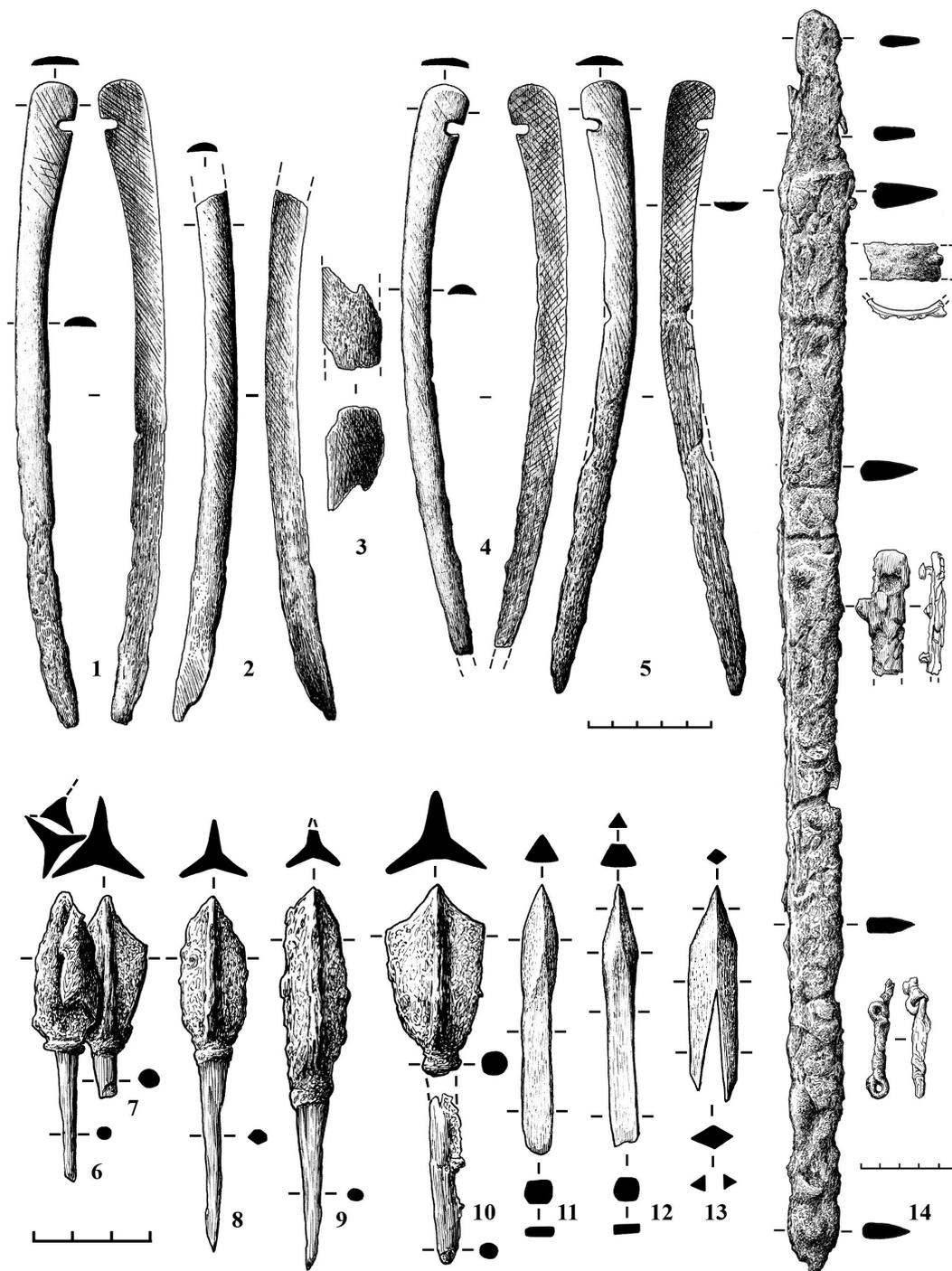

Рис. 3. Комплекс вооружения из погребения кургана № 30а некрополя Чобурак-I (рисунки выполнены И.А. Чудилиным):

1-5 – накладки на лук; 6-13 – наконечники стрел; 14 – меч с деталями ножен (сверху вниз: пластина от оковки устья ножен; деталь бортика ножен; крепление для подвешивания ножен) (1-5, 11-13 – кость (рог); 6-10, 14 – железо)

Fig. 3. Armament complex from the burial of the kurgan No. 30a of the Choburak-I necropolis (the drawings were made by I.A. Chudilin):

1-5 – linings for the bow; 6-13 – arrowheads; 14 – sword with scabbard details (from top to bottom: plate from the frame of the mouth of the scabbard; side detail of scabbard; mount for hanging scabbard) (1-5, 11-13 – bone (horn); 6-10, 14 – iron)

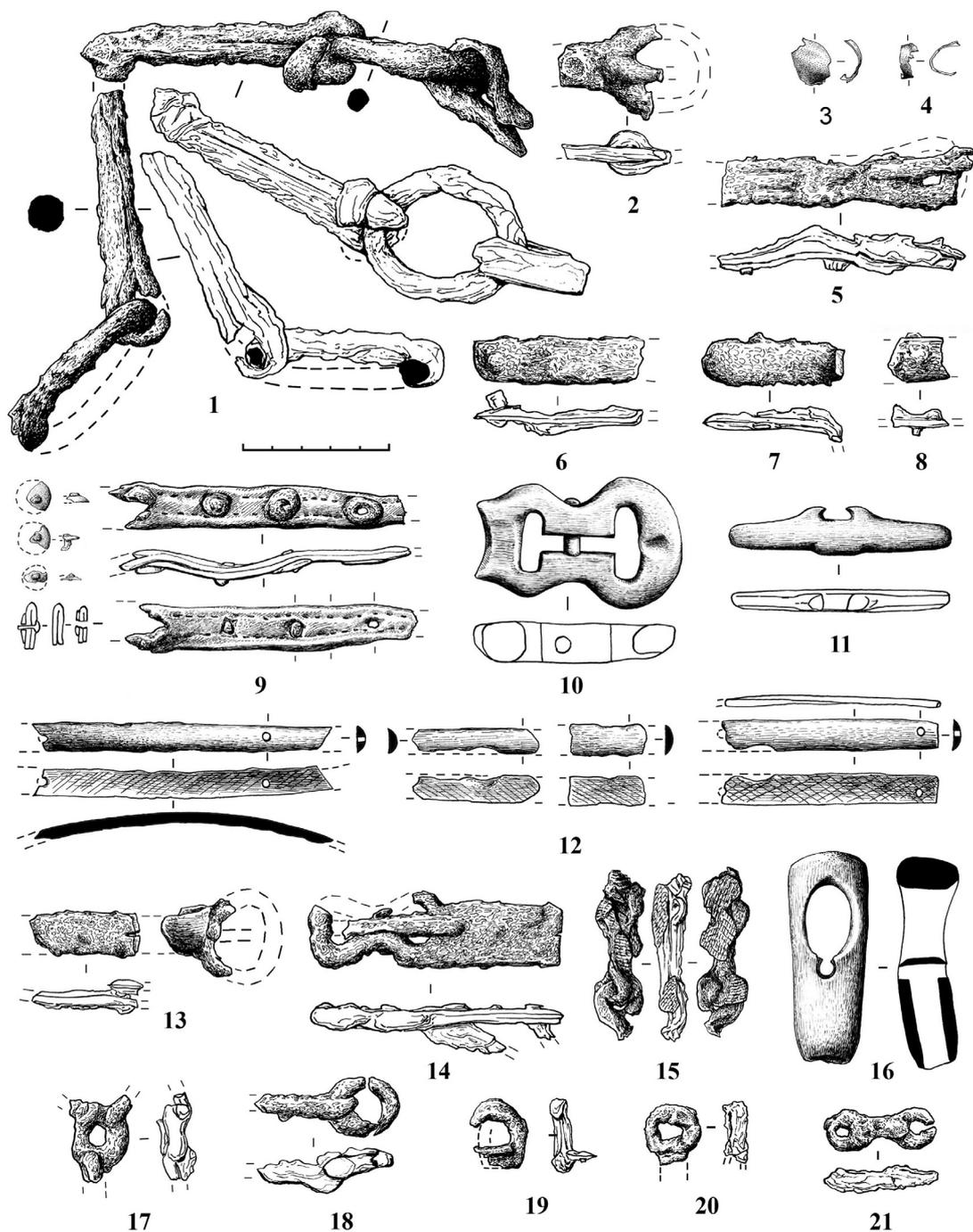

Рис. 4. Снаряжение верхового коня и человека из погребения кургана № 30а некрополя Чобурак-I (рисунки выполнены И.А. Чудилиным):

1 – удила, псалии; 2, 5 – уздечные пряжки; 3, 4 – обкладки нагривника; 6–8 – уздечные бляхи; 9 – уздечные бляхи с фрагментом ремня; 10 – подпружная пряжка; 11 – цурка; 12 – седельный кант; 13, 14 – поясные пряжки; 15, 17–21 – крепления от ременной гарнитуры; 16 – деталь плети (1, 2, 5–8, 13–14, 17–21 – железо; 3, 4 – бронза; 9 – бронза, кожа; 10–12, 16 – кость (рог); 15 – железо, ткань)

Fig. 4. Equipment of the riding horse and the buried individual from the burial of the kurgan No. 30a of the Choburak-I necropolis (the drawings by I.A. Chudilin):

1 – bits, cheek-pieces; 2, 5 – bridle buckles; 3, 4 – lining of the neck plate; 6–8 – bridle plaques; 9 – bridle plaques with a fragment of a belt; 10 – spring buckle; 11 – turk; 12 – saddle edge; 13, 14 – belt buckles; 15, 17–21 – fastenings from a belt set; 16 – detail of the whip (1, 2, 5–8, 13–14, 17–21 – iron; 3, 4 – bronze; 9 – bronze, leather; 10–12, 16 – bone (horn); 15 – iron, textile)

Рис. 5. Отдельные категории предметного комплекса из погребения кургана № 30 некрополя Чобурак-I (фото Н.Н. Серегина):

1 – седельный кант; 2 – фрагмент уздечного ремня; 3–5 – уздечные бляхи; 6, 8 – обкладки нагривника; 7 – цурка; 9 – деталь плети; 10 – подпружная пряжка (1, 7, 9, 10 – кость (рог); 2 – кожа; 3–5 – бронза, железо; 6, 8 – бронза)

Fig. 5. Separate categories of grave goods from the burial of the kurgan No. 30 of the Choburak-I necropolis (photo by N.N. Seregin):

1 – saddle edging; 2 – a fragment of a bridle belt; 3–5 – bridle plaques; 6, 8 – lining of the neck plate; 7 – turk; 9 – detail of the whip; 10 – girth buckle (1, 7, 9, 10 – bone (horn); 2 – leather; 3–5 – bronze, iron; 6, 8 – bronze)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М. Т., 2001. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск : Изд-во ТГУ. С. 128–131.
- Бичурин Н. Я., 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 380 с.
- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А., 2003. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 224 с.
- Боковенко Н. А., Заднепровский Ю. А., 1992. Ранние кочевники Восточного Казахстана // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М. : Наука. С. 140–148.
- Горбунов В. В., 2003. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 37–42.
- Горбунов В. В., 2006. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 232 с.
- Горбунов В. В., 2020. Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Вып. XXVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 30–36.
- Мамадаков Ю. Т., 1990. *Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.* : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 317 с.
- Марсадолов Л. С., 2000. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб. 56 с.
- Матренин С. С., 2017. *Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.)*. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 142 с.
- Митько О. А., 2018. Археологические свидетельства миграции алтайских племен в восточноевропейские степи в конце первой половины I тыс. н.э. // *Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии*. Астана : Евраз. нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева. С. 26–39.
- Половников И. С., 2018. Дялянская традиция погребения с конем гунно-сарматского времени в Горном Алтае // *Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты*. Омск : Издатель-Полиграфист. С. 135–136.
- Савинов Д. Г., 1987. *Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири* : дис. ... д-ра ист. наук. Л. 245 с.
- Самашев З. С., 1987. Памятники кулажургинского типа // *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата : Наука. С. 95–114.
- Серегин Н. Н., Абдулганеев М. Т., Степанова Н. Ф., 2019. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // *Теория и практика археологических исследований*. № 2. С. 15–34.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2016. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 272 с.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2020. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 268 с.
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С., 2019. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1) // *Теория и практика археологических исследований*. № 4. С. 51–68.
- Соенов В. И., 1997. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 22 с.
- Соенов В. И., Эбель А. В., 1992. *Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь*. Горно-Алтайск : ГАГ-ПИ. 116 с.
- Тетерин Ю. В., 1991. Могильник Дялян – новый памятник претюркского времени Горного Алтая // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 155–157.

- Тетерин Ю. В., 1995. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 131–135.
- Тетерин Ю. В., 2004. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск : НГУ. С. 37–82.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В., 2018. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 368 с.
- Уманский А. П., 1970. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела географического общества СССР. Вып. 11. С. 45–74.
- Худяков Ю. С., 1997. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск : ГАИГИ. С. 145–155.
- Худяков Ю. С., 1998. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск : Изд-во КузГТУ. С. 160–206.
- Шульга П. И., 2003. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. Т. IX. Ч. I. С. 521–527.

REFERENCES

- Abdulganeev M.T., 2001. Mogil'nik Gornyy 10 – pam'atnik drevneturkskoy epohi v severnyh predgor'yah Altaja [Burial Ground Gorny 10 – A Monument of the Ancient Turkic Era in the Northern Foothills of Altai]. *Prostranstvo kul'tury v arheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir'i sopredel'nye territorii* [The Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk, TSU, pp. 128-131.
- Bichurin N.Ya., 1950. *Sobranie svedeniy o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information About the Peoples who Lived in Central Asia in Ancient Times]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, AS USSR. 380 p.
- Bobrov V.V., Vasutin A.S., Vasutin S.A., 2003. *Vostochnyy Altay v epohu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka)* [Eastern Altai in the Era of the Great Migration of Peoples (III–VII Centuries)]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 224 p.
- Bokovenko N.A., Zadneprovskiy Yu.A., 1992. Rannie kochevniki Vostochnogo Kazakhstana [Early Nomads of East Kazakhstan]. *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vrem'a* [The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 140-148.
- Gorbulov V.V. Processy tjurkizatsii na juge Zapadnoj Sibiri v rannem srednevekov'e [Processes of Turkization in the South of Western Siberia in the Early Middle Ages]. *Istoricheskij opyt hozjajstvennogo i kul'turnogo osvoenija Zapadnoj Sibiri* [Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia]. Barnaul, ASU, pp. 37-42.
- Gorbulov V.V., 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Military Affairs of the Population of Altai in the III–XIV Centuries. Part II. Offensive Weapons]. Barnaul, ASU. 232 p.
- Gorbulov V.V., 2020. Soprovoditel'nye zahoroneniya zhivotnyh na mogil'nike Inya-1 v Barnaul'skom Priob'e [Accompanying Animal Burials at the Inya-1 Burial Ground in the Barnaul Ob Region]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Iss. XXVI. Barnaul, ASU, pp. 235-243.
- Mamadakov Yu.T., 1990. *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Culture of the Central Altai Population in the First Half of the 1st Millennium AD. Cand. hist. sci. diss.]. Novosibirsk. 317 p.
- Marsadolov L.S., 2000. *Arheologicheskie pam'atniki IX–III vv. do n.e. gornyh rayonov Altaya kak kul'turno-istoricheskij istochnik (fenomen pazyrykskoy kul'tury): avtoref. dis. ... d-ra kulturologii* [Archaeological Sites of the 9th – 3rd Centuries BC in Mountainous Regions of Altai as a Cultural and Historical Source (A Phenomenon of the Pazyryk Culture). Doct. cult. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 56 p.
- Matrenin S.S., 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Equipment of the Nomads of Altai (II Century BC – V Century AD)]. Novosibirsk, SB RAS. 142 p.

- Mit'ko O.A., 2018. Arheologicheskie svidetel'stva migratsii altayskikh plemen v vostochnoevropeyskie stepi v kontse pervoy poloviny I tys. n.e. [Archaeological Evidence of the Migration of the Altai Tribes to the Eastern European Steppes at the End of the First Half of the 1st Millennium AD]. *Aktual'nye voprosy izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Evrazii* [Archaeological Evidence of the Migration of the Altai Tribes to the Eastern European Steppes at the End of the First Half of the 1st Millennium AD.]. Astana, ENU, pp. 26-39.
- Polovnikov I.S., 2018. D'al'anskaya traditsiya pogrebeniya s konem gunno-sarmatskogo vremeni v Gornom Altae [Dyalyan Tradition of Burial with a Horse of the Hunno-Sarmatian Period in the Altai Mountains]. *Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty* [Ancient and Traditional Cultures of Siberia and the Far East: Problems, Hypotheses, Facts]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., pp. 135-136.
- Savinov D.G., 1987. *Formirovanie i razvitie rannesrednevekovykh arheologicheskikh kul'tur Yuzhnoy Sibiri: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Formation and Development of Early Medieval Archaeological Cultures of South Siberia. Doct. hist. sci. abs. diss.]. Leningrad. 245 p.
- Samashev Z.S., 1987. Pamatniki kulazhurginskogo tipa [Monuments of the Kulazhurga Type]. *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopeniya Shul'binskoy GES* [Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya GES]. Alma-Ata, Nauka Publ., pp. 95-114.
- Seregin N.N., Abdulganeev M.T., Stepanova N.F., 2019. Pogrebenie s dvumya loshad'mi epohi Turkskikh kaganatov iz nekropol'a Gornyy-10 (Severnnyy Altay) [Burial with Two Horses from the Era of the Turkic Khaganates from the Gorny-10 Necropolis (Northern Altai)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], no. 2, pp. 15-34.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2016. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [The Funeral Rite of the Nomads of Altai in the II Century BC – XI Century AD]. Barnaul, ASU. 272 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020. *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epohu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* [Social History of the Population of Altai in the Era of Nomadic Empires (II Century BC – XIV Century AD). Based on Materials from Archaeological Complexes]. Barnaul, ASU. 268 p.
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2019. Pogrebenie zhuzhanskogo vremeni iz Severnogo Altaya (po materialam mogil'nika Choburak-I) [Burial of the Rouran Period from Northern Altai (Based on Materials from the Choburak-I Burial Ground)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], no. 4, pp. 51-68.
- Soenov V.I., 1997. *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskuyu epohu: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Funeral Rite of the Population of Gorny Altai in the Hun-Sarmatian Era. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Barnaul. 22 p.
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy yepohi na Verhney Katuni* [Mounds of the Hunno-Sarmatian Era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk, GASPI. 116 p.
- Teterin Yu.V., 1991. Mogil'nik D'al'an – novyy pam'atnik predturkskogo vremeni Gornogo Altaya [The Dyalyan Burial Ground is a New Monument of the pre-Turkic Period of Gorny Altai]. *Problemy hronologii i periodizatsii arheologicheskikh pam'atnikov Yuzhnoy Sibiri* [Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Sites in Southern Siberia]. Barnaul, ASU, pp. 155-157.
- Teterin Yu.V., 1995. Poyasnye nabory gunno-sarmatskoy epohi Gornogo Altaya [Belt Sets of the Hun-Sarmatian Era of Gorny Altai]. *Problemy ohrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of Protection, Study and Use of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul, ASU, pp. 131-135.
- Teterin Yu.V., 2004. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berel'skoy epohi [Armament of the Nomads of the Altai Mountains of the Berel era]. *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Military Affairs of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Iss. 1. Novosibirsk, NGU, pp. 37-82.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. *Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* [Altai in the Xianbei-Rouran Time (Based on Materials from the Stepushka Site)]. Barnaul, ASU. 368 p.
- Umanskiy A.P., 1970. Arheologicheskie pamyatniki u s. Inya [Archaeological Sites near Inya]. *Izvestiya Altayskogo otdela geograficheskogo obshchestva SSSR* [Proceedings of the Altai Department of the Geographical Society of the USSR], no. 11, pp. 45-74.
- Hud'akov Yu.S., 1997. Novye nahodki hunnskogo vremeni iz mogil'nika Ust'-Yedigan v Gornom Altae [New Finds of the Xiongnu Period from the Burial Ground of Ust-Edigan in Gorny Altai]. *Istochniki po istorii Respubliki Altay* [Sources on the History of the Altai Republic]. Gorno-Altaysk, GAISI, pp. 145-155.

Hud'akov Yu.S., 1998. Raskopki mogil'nika Ust'-Yedigan v 1990 godu [Excavations of the Ust-Edigan Burial Ground in 1990]. *Voprosy arheologii Severnoy i Central'noy Azii* [Issues of Archeology of North and Central Asia]. Kemerovo, Gur'evsk, KuzSTU, pp. 160-206.

Shul'ga P.I., 2003. Mogil'nik Gilevo-10 kak pam'atnik finala ranneskifskogo vremeni [Gilevo-10 Burial Ground as a Monument of the End of the Early Scythian Time]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories], vol. IX, pt. 1. Novosibirsk, IAE SB RAS, pp. 521-527.

Information About the Authors

Nikolay N. Seregin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Sergey S. Matrenin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Информация об авторах

Николай Николаевич Серегин, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Сергей Сергеевич Матренин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.6>

UDC 930.26(4):904
LBC 63.48(4)-417

Submitted: 04.10.2023
Accepted: 16.01.2024

**BRACELETS WITH WIDENED ENDS
MADE FROM PRECIOUS METALS OF THE LATE ROMAN
AND THE GREAT MIGRATION PERIOD:
DANUBE-DNIEPER-BALTIC PARALLELS¹**

Olga A. Khomiakova

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. By the 5th century AD, massive gold bracelets with widened ends had become prestigious cultural elements, symbolizing the power of the barbarian tribal groups' rulers. The areas where such finds were discovered are located primarily in the Carpathian-Danube region and Gallia. Under the influence of this fashion for displaying high social status, bracelets with thickened ends made from silver, the material available to the tribes in the western part of the East European Plain, became widespread in the 5th century. There are two zones of their concentration: the northern zone in the Baltics, Upper Dnieper region, and Middle Oka region; and the southern zone in the Middle Dnieper region and the left-bank forest steppe of the Dnieper. Bracelets made from silver and its alloys from the Middle Dnieper region were found in women's burials and hoards, indicating their connection with female outfits. Their appearance could be associated with the influence of the "Middle Danube" model of female outfit during the Great Migration period, and this model persisted up until the 6th – 7th centuries. The second group of bracelets is documented in the antiquities of Nemunas and the Western Dvina basins in the Baltics. They are predominantly found in male warrior complexes dating back to the 5th century, belonging to the members of groups involved in strategic control over important routes connecting Scandinavia and Southeastern Baltic with the eastward territories.

Key words: Great Migration period, East Baltics, Middle Dnieper region, Danube region, cultural connections, bracelets, hoards, burials.

Citation. Khomiakova O.A., 2024. Braslety s rasshirennymi kontsami, izgotovlennye iz dragotsennykh metallov v pozdnerimskoe vremya i epohu Velikogo pereseleniya narodov: dunaysko-dneprovsko-pribaltiyskie paralleli [Bracelets with Widened Ends Made from Precious Metals of the Late Roman and the Great Migration Period: Danube-Dnieper-Baltic Parallels]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 102-135. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.6>

УДК 930.26(4):904
ББК 63.48(4)-417

Дата поступления статьи: 04.10.2023
Дата принятия статьи: 16.01.2024

**БРАСЛЕТЫ С РАСШИРЕННЫМИ КОНЦАМИ, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ
ИЗ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ
И ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ:
ДУНАЙСКО-ДНЕПРОВСКО-ПРИБАЛТИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹**

Ольга Алексеевна Хомякова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. К V в. массивные браслеты с расширенными концами из золота становятся одним из элементов престижной культуры, символизируя власть глав варварских племенных объединений. Зоны концентрации таких изделий в V в. находятся в карпато-дунайском регионе и Галлии. В западной части Восточно-Европейской равнины в V в. под влиянием данной моды на отображение высокого социального статуса получают распространение браслеты с расширенными концами из серебра – материала, доступного племенам этих территорий. Выделяются две зоны их концентрации: северная – в Прибалтике, Верхнем Поднепро-

вье и Поочье; и южная – в Среднем Поднепровье и в Днепровском лесостепном Левобережье. Браслеты из Среднего Поднепровья, сделанные из серебра и его сплавов, чаще всего находились в женских погребениях и кладах, что указывает на их связь с женским убором. Их появление могло быть связано с влиянием «среднедунайской» модели женского убора эпохи Великого переселения народов, и такая модель сохранялась до VI–VII веков. Вторая группа браслетов зафиксирована на памятниках бассейнов Немана и Западной Двины в Прибалтике. Они преимущественно встречаются в мужских воинских комплексах периода V в., принадлежавших представителям коллективов, которые могли контролировать стратегически важные пути, связывающие Скандинавию и Юго-Восточную Прибалтику с более восточными территориями.

Ключевые слова: Великое переселение народов, Прибалтика, Среднее Поднепровье, Подунавье, культурные связи, браслеты, клады, погребения.

Цитирование. Хомякова О. А., 2024. Браслеты с расширенными концами, изготовленные из драгоценных металлов в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов: дунайско-днепровско-прибалтийские параллели // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 102–135. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.6>

Браслеты с расширенными концами являются одним из характерных элементов убора восточно-европейских племен в эпоху Великого переселения народов и раннем Средневековье. Они получили распространение в V–VII вв. в Прибалтике, Поднепровье, Поочье, Москворечье, а также в ареале культуры псковских длинных курганов [Розенфельдт, 1982, с. 84–85, рис. 19,2; Родинкова, 2011, с. 248–255; Левада, 2010, с. 571; Михайлова, 2014, с. 80–86; Хомякова, 2022, с. 104–105].

Особое влияние на формирование различных типов бронзовых браслетов у племен западной части Восточно-Европейской равнины оказали браслеты из драгоценных металлов, но ранее в таком ракурсе они не изучались отдельно. Браслетам из золота внимание уделялось, как правило, в контексте исследования элементов престижной культуры первых веков н.э. и Великого переселения народов (наиболее полные обзоры на данную тему см.: [Werner, 1980; Lund Hansen, 1995, S. 203–206; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996a, S. 360–365; Засецкая и др., 2007, с. 48–60; Lau, 2012, S. 55–59]). Серебряные браслеты, характерные для культур Прибалтики, лесной и лесостепной зон Восточной Европы, где не встречаются изделия из золота, и вовсе не выделялись в отдельный массив, и всегда рассматривались вместе с бронзовыми украшениями.

Исследованию этих предметов посвящена данная статья. Основное внимание уделяется вопросам хронологии, контексту, в котором были обнаружены браслеты с расширенными концами из драгоценных металлов, и их

социокультурному значению, а также межкультурным связям, в результате которых они появились в материальной культуре восточно-европейских племен.

1. Браслеты с расширенными концами из золота

Золотые браслеты с расширенными концами появляются на территории Северного Причерноморья в сарматских погребениях I в. н.э.² (Свод браслетов с расширенными концами из драгоценных металлов с территорий Европы I.1, рис. 1A,I). Во второй половине III в. в результате германо-сарматских контактов украшения такой формы получают распространение в Центральной и Северной Европе [Kleeman, 1951, S. 102; Raddatz, 1957, S. 117; Werner, 1980, S. 6–7, Fig. 2] (рис. 1A,II).

Находки золотых браслетов с расширенными концами в позднеримское время зафиксированы на Скандинавской территории и островах центральной части Балтийского моря (Свод браслетов, I.2; рис. 1A,37,38,40–43,48,50).

Среди северогерманских изделий известны браслеты как с гладкими, так и с гранеными концами (рис. 1A,8, 2,1–5). Экземпляры, относящиеся к III–IV вв., найдены в составе кладов из Асарве, Боларве, Лилла Рифтес на острове Готланд (рис. 1A,2,48,50, 2,5), Клеве (место находки 4) (рис. 1A,37, 2,4,5) и Скедштадт на Эланде (рис. 1A,40). К фазам C1b³ (около 210/220–250/260 гг.) и C2 (250/260–310/320 гг.) относятся экземпляры с датского могильника Химлингой (рис. 1A,28). Второй половиной III–IV в. да-

тирован и клад из Ленгерих, содержащий золотые изделия как с гладкими, так и с гранеными концами (рис. 1А, III, 8, 2, 1).

К поздне римскому времени принято относить и браслеты, найденные в Балтийском регионе, как случайные находки [Lund Hansen, 1995, S. 204] (Свод браслетов, I.4; рис. 1, I). В эпоху Великого переселения народов для Северной Европы золотые браслеты не типичны. К V в. принадлежат лишь изделия из кладов в Хельге и Брохольма (рис. 1А, 20, 46).

Близкий по форме к северо европейским изделиям поздне римского времени браслет был найден на Калининградском побережье (рис. 1А, 51, 2, 2). Однако в публикации, где представлено фото этого браслета, его датировка ошибочно связана с эпохой Великого переселения народов [Скворцов, 2023, с. 241–242, рис. 191], что не логично, учитывая указанное выше. Доказательством в пользу ранней датировки данного браслета служит то, что в V в. браслеты с расширенными концами не были типичны для убора Юго-Восточной Прибалтики, а найденные здесь золотые изделия относятся к другим типам (см. ниже).

Ближайшую аналогию браслет из Юго-Восточной Прибалтики находит и на территории Центральной Европы в погребении кургана 1 в Пиелгжимово, датированного фазами С1b–С2 (около 210/220–250/260 гг.) (рис. 1А, 53, 2, 6).

Среди северогерманских находок поздне римского периода известны подражания цельнолитым золотым изделиям (Свод браслетов, I.5). Браслеты, каркас которых изготовлен из бронзы и обтянут позолоченной или серебряной фольгой, были найдены на жертвенной площадке Иллеруп Адаль. Они относятся к тому же времени (фазе С1b, около 210/220–250/260 гг.) (рис. 1А, 14, 2, 8, 9). Эти находки являются одним из свидетельств контактов северных германцев с элитами Боспора. Браслет точно такой конструкции был найден в тайнике склепа 145 Боспорского некрополя на территории Керчи (рис. 1А, 92, 2, 7).

К V в. массивные золотые браслеты с расширенными концами стали одним из элементов престижной культуры на континентальных территориях Западной Европы (Свод браслетов, I.3; рис. 1А, IV, 1Б, D, k–m), символизируя наивысший социальный статус глав

варварских племенных объединений. Упоминание такой традиции встречается в ранне средневековых источниках: в описании королевской инвеституры Гутфрита I в Нортумбрии в 883 г. говорится, что ему на правую руку был надет золотой браслет [Werner, 1980, S. 6–7].

К числу этих изделий относятся украшения рук из погребений в Пуане, Броу Эн, Турнэ (могила короля Хильдерика), Вольсхайма, Гросёрнер, Кёльнского собора и Фюрста (подробно – [Werner, 1980, S. 2–9, fig. 2; Засецкая и др., 2007, с. 59–60]) (рис. 1Б, 1, 3–4, 7, 9, 23, 30, 2, 10, 13–14, 16–18, 20). Концентрация таких изделий располагается и в дунайско-карпатском регионе. Золотые браслеты найдены в погребениях в Блучине, Регёли, Мезёберени, Апахиде, в Цепарах (рис. 1Б, 39, 47, 55, 68, 74, 2, 11, 12, 15), в кладах в Попрад-Матейовце и Клуже (рис. 1Б, 52, 67).

Большинство массивных золотых браслетов из Центральной и Северной Европы (за исключением находок из состава кладов и жертвоприношений) найдено в составе мужских погребений по одному экземпляру. Более легкие золотые браслеты происходят из захоронений подростков из Гросёрнер и Мезёберени (рис. 1Б, 23, 55, рис. 2, 17, 21). В женском погребении из Регёли было обнаружено два экземпляра (рис. 1Б, 47, 2, 15). По одному браслету было найдено в женском погребении второй половины V – начала VI в. в Берегово (рис. 1Б, 62, 2, 19) и в женском погребении в Кёльнском соборе, где он был зафиксирован на левой руке (рис. 1Б, 7).

Парные золотые браслеты также находились в составе женского убора в погребениях знати кочевников постгуннского периода в Северном Причерноморье (рис. 1Б, 86, 92, 96, 2, 22).

В V в. на территории Среднего Поднепровья, несмотря на наличие здесь ряда элитарных погребений и случайных находок, таких как у дер. Волниковка («Фатежский клад»), Паники («Обоянский клад») и Большой Каменец («Старосуджанские клады»), которые сопоставимы с комплексами из Концешт, Блучины и Турне, золотые браслеты с расширенными концами не были обнаружены. Единственная информация о находке такого браслета содержится в своде Г.Ф. Корзухиной: обломок изделия с расширенным концом

якобы был обнаружен в кладе гуннского времени из Рублевки (рис. 1Б,90), но в 1941–1944 гг. он исчез из Харьковского музея. Остальные золотые украшения рук на Днепровском Левобережье относятся к другим формам⁴ [Гавритухин, 2007, с. 33–36, рис. 23].

2. Браслеты с гладкими расширенными концами из серебра

В то же самое время в западной части Восточно-Европейской равнины получают распространение браслеты с расширенными концами, изготовленные из другого драгоценного металла – серебра. Предполагается, что такие изделия были имитацией престижных золотых предметов, выражающих принадлежность к знатым кланам (подробно: [Werner, 1980, S. 4–5]).

Как золотые, так и серебряные изделия происходят с территории **дунайско-карпатской котловины и Нижнего Подунавья** (Свод браслетов, II.А.1; рис. 1Б, VI–VII, D, a–u). Серебряные браслеты со слегка расширенными окончаниями были найдены здесь в женских погребениях второй половины V – начала VI в. (рис. 1Б, 45, 58, 75). Рассмотренные браслеты не имеют орнамента. В комплексах они были найдены парами, надетыми на обе руки. К их числу относятся браслеты, датированные рубежом фаз D2/D3 (около 430/440–460/470 гг.) из погребения 1 могильника в Каполче (рис. 3, 7), могильника в Тисалёке (номер погребения не указан) (рис. 3, 4, 5) и в могильнике Братей (погр. 1/1964) (рис. 3, 8). В целом погребения с парными серебряными браслетами интерпретируются как «восточногерманские», набор предметов убора которых сформировался под влиянием событий гуннской эпохи [Quast, 2005, S. 260–272].

В женских погребениях на данной территории встречаются и единичные серебряные браслеты. В погребении 29 некрополя Виминациум серебряный браслет находился на правой руке умершей (рис. 1Б, 58, 3, 1, 3). Женские погребения с единичными серебряными браслетами нам известны в Кёльнском соборе (рис. 1Б, 7, 3, 2) и на могильнике Емона (рис. 1Б, 79).

На территории Нижнедунайской низменности серебряные браслеты найдены на горо-

дищах, расположенных вдоль Дуная: Големаново-кале, Садовско-кале, Нове (рис. 1Б, 72–74).

И золотые, и серебряные изделия также представлены на территории **Крыма**⁵ и в **Северном Причерноморье** (Свод браслетов, II.А.5; рис. 1Б, D, 86, 92, 95, 96). Погребения с браслетами (как из серебра, так и золота) из Крыма и Северного Причерноморья относятся к древностям культурных групп «восточногерманской» традиции [Гавритухин, 2004, с. 208; Казанский, Мастыкова, 2014]. Модель такого женского убора могла быть позаимствована у «восточногерманских» групп варваров постгуннского времени [Мастыкова, Казанский, 2005, с. 265–266; Казанский, 2011, с. 40]. Парные серебряные браслеты на могильнике Лучистое в женских погребениях 1, 2, 3 склепа 75, датированного второй половиной V в., встречаются надетыми на обе руки [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 51] (рис. 1Б, 89). В гробнице 11 в Керчи, датированной первой половиной V в., были найдены два серебряных браслета [Засецкая, 1993, с. 41, 43, 53] (рис. 1Б, 92, 3, 6). На могильнике Дюрсо на полуострове Абрау в погребении 259 (V–VI вв.) были найдены три серебряных браслета, два из которых составляли пару (рис. 1Б, 95).

Варианты такой модели убора с использованием пар фибул и браслетами могли появиться и в области формирующихся пеньковской и колочинской культур во второй половине V–VI веков. На территории **Среднего Поднепровья и Днепровско-левобережья** обнаружено множество браслетов с расширенными концами из серебра⁶ (Свод браслетов, II.А.3; рис. 1Б).

Самые ранние экземпляры представлены здесь изделиями с гладкими слегка расширенными концами, как в погребении женщины V в. в Волобуевке (рис. 1Б, 94, 4, 1). Браслеты из серебра с гладкими окончаниями также были обнаружены в составе монетно-вещевого клада V в. из села Мощное Черниговской области (рис. 1Б, 104, 4, 2). Они также найдены вместе с двухпластинчатыми фибулами и фибулами-брошами [Мызгин и др., 2020, с. 201–202, 211–212]. Пара серебряных браслетов, которые могут быть отнесены к V в., была найдена в кладе из Больших Будков Сумской области (рис. 1Б, 102, 4, 3).

Серебряные браслеты продолжали использоваться населением Среднего Поднепровья и в более поздний период. Они встречаются в кладах, включающих элементы женского убора «мартыновского» типа, вплоть до событий, связанных с выпадением «днепровских» кладов первой группы в третьей четверти VII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 144–148].

На городищах Черниговской области были обнаружены экземпляры из серебра с гладкими утолщенными концами (по одному): в Княжей Горе (рис. 1Б,84, 4,5), в Пастерском (рис. 1Б,85, 4,8). Пары браслетов найдены в Малом Ржавце (рис. 1Б,106, 4,7), в Мартыновском кладе (рис. 1Б,83, 4,6). Двумя парами представлены браслеты из клада в Черкасской Конопельке (рис. 1Б,107).

Рассмотренные серебряные браслеты с гладкими расширенными концами с пеньковских и колочинских территорий не имеют ornamentации.

В Прибалтике находится еще одна зона, где встречаются серебряные браслеты (Свод браслетов, II.A.2; рис. 1Б). Изделия из золота данного типа для материальной культуры балтов не были характерны. В отличие от пеньковско-колочинских территорий, в древностях прибалтийских культур присутствуют браслеты с орнаментом и без. Орнамент серебряных браслетов представлен только одним видом: их концы украшены гравированными обручами. Такой декор находит аналогии среди украшений из Северного Причерноморья и Западной Европы (рис. 1, VII, 11, 89, 95).

Наиболее ранние браслеты с гладкими слегка расширенными окончаниями, найденные в Прибалтике, относятся к середине – третьей четверти V в. Они были найдены в Нижнем и Среднем Понеманье, а также в Восточной Литве в составе воинских погребений (Свод браслетов, II.A.2; рис. 1Б,49,66,69,78, 5).

Обычно в таких комплексах находится по одному браслету. Местоположение серебряного браслета из кургана 4 могильника Таурапилис не установлено (рис. 1Б,78, 5,4). Предполагается, что данное погребение, расположенное рядом с «княжеским» курганом, принадлежало знатному воину [Tautavičius, 1981, p. 34–35, fig. 38].

Единичные браслеты сопровождали мужские комплексы с конскими захоронени-

ями на могильнике Видгиряй (Свод браслетов, II.B.2; рис. 1Б,49, 5,1–2). Трудно сказать о том, как именно браслеты были надеты на руки погребенных, так как все предметы убора были обнаружены в деревянных ящиках в качестве приношений. Браслеты входили в состав убора с пятью застежками, в том числе серебряными фибулами с позолотой (рис. 5,1–2). В погребениях 2 и 30 также были найдены другие предметы престижа: шейная гривна и рог для питья, а также предметы вооружения – копьё и боевые ножи-кинжалы. В погребении 23 была выявлена перевязь для ношения меча [Šimėnas, 2006, fig. 28–29]. В мужском захоронении 279 на могильнике Плинкайгалис был найден единственный серебряный браслет с гладкими концами, который был надет на правую руку погребенного (рис. 1Б,66, 5,3).

Среднее Поочье – еще один регион на западе Восточноевропейской равнины, где серебряные браслеты были обнаружены в составе погребального инвентаря воинских комплексов V в. вместе с конским снаряжением (Свод браслетов, II.A.7; рис. 1Б,99,100, 6,1–2). Например, на могильнике Ундрих в погребении 61 середины – третьей четверти V в. браслет был найден вместе с уздечным набором, включавшим серебряные псалии с зооморфными окончаниями, денарий и бронзовую крестовидную фибулу «окского» типа. Концы браслета были украшены гравированными линиями (рис. 6,1).

В Прибалтике серебряные браслеты также встречаются и в женских комплексах V в., однако их присутствие наблюдается в меньшем объеме. Парные браслеты были обнаружены (рис. 1Б,49,69,93,103): в погребении 29 могильника Видгиряй, погребении 333 могильника Марвеле (рис. 7,1), погребении 98 могильника Вершвай и погребении 2 кургана 11 могильника Паваючио-Рекуйчай (рис. 7,2). Они обычно находятся с парами фибул прибалтийских типов и серебряными шейными гривнами (Свод браслетов, II.A.2).

На литовских территориях найдены и браслеты, контекст находок которых неизвестен, однако они связаны, как правило, с могильниками (рис. 1Б,61,65,71, 4,13–15).

Особое место принадлежит **юго-восточной** прибрежной зоне **Прибалтики**, для

убора которой в V–VI вв. браслеты с расширенными окончаниями из драгоценных металлов были не характерны.

В отличие от позднегерманского времени, в погребениях Калининградского полуострова в V в. единично встречаются бронзовые имитации северогерманских украшений с расширенными концами, которые являются одним из последних элементов, сохранившихся от самбийско-нотангийского убора. В данном случае речь идет лишь о бронзовых имитациях украшений, которые исчезают из состава этой модели на рубеже V и VI вв. [Хомякова, 2022, с. 104–105, рис. 91, 43].

В ареале формирующейся раннесредневековой культуры пруссов золотые и серебряные браслеты представлены другим типом изделий – из тордированной проволоки [Okulicz, 1973, S. 472, fig. 239f; Hilberg, 2009, S. 312–332, Abb. 9, 5–9, 20; Скворцов, 2010, с. 64–65, 87–88, табл. CCCXXVI, CDLXXX; 2023, с. 83–84, 104, рис. 61–62, 83]. Прототипами данных гривен могли служить образцы северогерманского ювелирного искусства, такие как гривны с петлевидным и/или «грушевидным» замком (подробно [Хомякова, 2022, с. 80]), и с застежками-крючками, как, например, золотая гривна из Лавиндсгорде-Мозе [Andersson, 1993, S. 27, Kat. 336, Fig. 29].

Сочетание гривны и браслета из драгоценных металлов как символа социального статуса, вероятно, было воспринято племенами Прибалтики от модели северогерманского престижного убора еще в позднегерманское время и продолжало характеризовать их костюм в V веке. Известно, что сочетание золотых шейных гривен и браслетов в погребениях германцев указывает на высокий социальный статус [Rummel, 2008, S. 361–365]. Браслеты с расширенными концами вместе с гривнами были найдены в упомянутом кладе из Клева на острове Эланд и в мужском погребении «1894» могильника Химлингой, принадлежавшем лицу высокого статуса [Lund Hansen, 1995, S. 93, 205]. Золотые шейные гривны и браслет, возможно, переделанный из гривны, были также найдены на могильниках Гомерн и Грабов (рис. 1А, 24, 26, 2, 3). В германской культурной традиции золотые украшения рук могли представлять собой как изделия с расширенными концами, так и пред-

меты других типов (литература: [Andersson, 1995, S. 67–68]). Однако стоит отметить, что влияние модели женского убора V в., характерной для «южных» групп варваров, на прибалтийский костюм также не стоит исключать [Bliujienė, Curta, 2011, S. 33–35].

В погребениях Калининградского полуострова встречаются лишь отдельные предметы, которые близки интересующей нас форме. Один из таких предметов – серебряное кольцо из погребения 118 («всадника») конца V–VI вв. могильника Митино (рис. 1Б, 54, 4, 12). Других предметов престижа данное погребение не содержало.

3. Браслеты с расширенными гранеными концами из серебра

Помимо браслетов с гладкими расширенными концами, в Прибалтике получили распространение изделия с гранеными концами (рис. 6, 3, 4, 7, 3, 4, 8, 1, 2, 4, 5). Основная их часть так же была найдена на территории **Средне-го Понеманья** в погребениях V в. (Свод браслетов, П.Б.1; рис. 1, 8). В погребении взрослой женщины (№ 320) с могильника Марвеле начала эпохи Великого переселения народов единичный браслет был надет на левую руку (рис. 1Б, 69, 7, 3). Один браслет был обнаружен и в детском погребении с могильника Паваючио-Рекуйчайи (рис. 1Б, 103, 7, 4). Единичные граненые браслеты содержали и мужские погребения 50 и 79 могильника Плинкайгалис (рис. 1Б, 66, 6, 3, 4). Четыре браслета, два из которых составляли пару, были обнаружены на могильнике Пашушвис (рис. 1Б, 65, 8, 1, 2, 4, 5). Эти браслеты отличаются более массивными окончаниями.

Большинство браслетов имели чеканный орнамент в виде круглых штампов на концах (рис. 7, 3, 8, 1, 2, 4, 5). Подобная орнаментация характерна для ювелирных изделий Северной Европы позднегерманского времени и эпохи Великого переселения народов [Åberg, 1919, S. 45. Abb. 44, 1–4; Andersson, 1995, fig. 201, 1–5]. Вероятно, в целом появление браслетов с гранеными окончаниями в Прибалтике было связано с влиянием с северогерманских территорий (рис. 1А, 8, 2, 1).

В мужских погребениях 50 и 79 могильника Плинкайгалис первой половины – сере-

дины V в. граненые браслеты найдены в таких же сочетаниях с другим предметами инвентаря и вооружением, как и изделия с гладкими концами (рис. 5,1,2, 6,3,4; Свод браслетов, II.б.1).

Граненые серебряные браслеты также были найдены в **Среднем Поднепровье**, и они также редки, как и экземпляры из Среднего Понеманья (Свод браслетов, II.Б.2; рис. 1,8). Как и на литовских территориях, они могут находиться вместе с изделиями с гладкими концами (рис. 1Б,83,85).

Высказывалась точка зрения, что эти изделия могли быть импортированы из Прибалтики [Щеглова, 1999, с. 310–311; Родинкова, 2011, с. 249]. Возможно, такое предположение верно, но относительно лишь некоторых предметов. В отличие от браслетов из Прибалтики, которые были обнаружены в погребениях V в., находки из Среднего Поднепровья (рис. 8,6–11) относятся к более позднему времени – они обнаружены вместе с предметами убора «мартыновского горизонта». Браслеты из Среднего Поднепровья отличаются и по морфологии. Как правило, они имеют нечеткие грани и не орнаментированы (рис. 8,7–11). Циркульный орнамент, похожий на прибалтийский, встречается только на украшениях рук из Козиевского (рис. 8,6) и Мартыновского (рис. 8,3) кладов. Тем не менее эти браслеты также в большой степени отличаются от рассматриваемых образцов с могильников Центральной Литвы, а браслет из Козиевского клада, судя по описанию Г.Ф. Корзухиной, мог быть изготовлен не из серебра, а из сплава.

Заключение

К началу эпохи Великого переселения народов массивные золотые браслеты с расширенными концами стали значимым атрибутом престижной культуры, олицетворяя власть вождей варварских племенных союзов в Карпато-Дунайском регионе и Галлии (рис. 1Б,IV,D,к–т).

В западной части Восточно-Европейской равнины получили распространение серебряные браслеты рассматриваемого типа. Согласно данным об их территориальном распределении, можно выделить две основные группы (рис. 1Б,VI–VIII,D,a–u).

Первая расположена на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Самые ранние экземпляры браслетов с гладкими, слегка расширенными окончаниями, появились здесь в V в. в женских погребениях и кладах, содержащих предметы женского убора. Это могло быть следствием влияния «среднедунайской» модели женского убора эпохи Великого переселения народов, и это влияние, вероятно, сохранялось долгое время. Наиболее поздние серебряные браслеты были обнаружены в «антских» кладах середины – третьей четверти VII века. От ранних они отличаются морфологически и имеют более массивные окончания.

Серебряные браслеты также присутствуют и у населения Крыма в захоронениях начиная с первых веков н.э. [Засецкая и др., 2007, с. 48–60]. Традиция их использования сохранялась здесь до VI–VII вв. и, вероятно, оказывала влияние и на убор раннеславянского населения [Щеглова, 1999, с. 307]. При этом отмечалось, что браслеты в регионе Крыма изготавливались как из серебра, так и из сплавов «под серебро» [Хайрединоva, 2000, с. 103]. Согласно последним данным, браслеты из раннеславянских кладов также могли быть изготовлены из медного сплава, покрытого слоем белого металла, как, например, предметы из Гуюво⁷ [Родинкова, 2023, с. 197].

Традиция использования серебряных браслетов с расширенными концами в женском уборе отмечается и в культурах Прибалтики, правда, в ограниченном масштабе, и не выходит за рамки V века.

Недостаточность данных не позволяет делать точные утверждения относительно использования серебряных браслетов с расширенными концами в мужской субкультуре населения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Известно, что на указанной территории в V в. были найдены престижные золотые браслеты, но они принадлежали к другим формам.

Вторая группа серебряных браслетов с расширенными концами зафиксирована в Прибалтике на памятниках бассейнов Немана и Западной Двины. На данных территориях они представлены в основном в воинских мужских комплексах середины – второй половины V в., всегда на правой руке погребенного. Как

и в древностях германских племен, они могли символизировать власть, принадлежность к дружинной культуре.

Роль балтского населения в событиях начала эпохи Великого переселения народов до конца не ясна. Предполагается, что в V в. на территории Понеманья могли сформироваться небольшие военизированные группы, которые контролировали стратегически важные «перекрестки» путей, связывавших в V–VI вв. сообщества Скандинавии и Юго-Восточной Прибалтики с расположенными восточнее территориями лесной зоны [Šimėnas, 2006, p. 99–101; Bliujienė, 2013, p. 510, 520]. Изменение культурного ландшафта в лесной зоне Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов также считается следствием усиления некоей (военной?) активности (более ранняя литература [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 170–171]). Существует и идея о продвижении носителей разных культур в VI–VII вв. в Верхнее Поднепровье [Кренке и др. 2021, с. 114–115]. В то же самое время отмечается возможность непосредственных контактов населения (элит?) Центральной и Восточной Литвы со среднедунайским регионом во второй половине V в. [Bliujienė, Curta, 2011, p. 48–52; Bliujienė, Butkus, 2009, p. 160, tab. 1], в результате которых в материальной культуре прото-литовских племен появились престижные предметы убора и вооружения. находки серебряных браслетов, сделанные в культурных слоях городищ Поднепровья, на территории Нижнедунайской низменности, Побужья (рис. 1Б, 64, 72, 73, 77, 87, 105) могут свидетельствовать о высокой мобильности социальных групп и контактах между ними.

Данные процессы и влияния, вероятно, достигли Среднего Поочья, где серебряные браслеты также найдены в погребениях с престижными предметами воинского убора, вооружением и конским снаряжением.

В комплексах с территории культур лесной зоны, помимо браслетов, также можно наблюдать ряд аналогий в составе погребального инвентаря, на что независимо друг от друга указывают их исследователи. Например, на территории Поочья и в Северном Причерноморье находят аналогии псалии из погребений 18, 23 могильника Видгирай [Šimėnas, 2006, p. 53; Антипенко, 2016, с. 94–

95]. К близким формам в Восточной Литве и Поочье относятся проушные топоры, которые также присутствуют в мужских погребениях с браслетами с расширенными концами, причем, как с серебряными (рис. 5, 1), так и с их бронзовыми имитациями [Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 17–18].

Все это можно рассматривать как одно из свидетельств активных контактов между культурами западной части Восточно-Европейской равнины в V–VI вв., о значимости территорий между Понеманьем и Подвиньем и Верхним Поднепровьем и Поочьем в контексте миграционных процессов и торговых связей и о возможном формировании на данных территориях (родственных?) воинских союзов. Использование таких знаковых типов украшений, как браслеты с расширенными концами, свидетельствует о стремлении их предводителей подражать статусу и богатству глав варварских королевств.

Отсутствие изделий из золота в Прибалтике и культурах лесной и лесостепной зон Восточной Европы можно объяснить общим характером материальной культуры восточноевропейских племен, которые имели ограниченный доступ к золоту. Некоторые исследователи связывают появление серебряных изделий у позднекиевского и раннеколичинского населения с влиянием черняховской культуры и аккумуляцией ее «запасов» серебра после распада данной культурной общности в начале эпохи Великого переселения народов [Мызгин и др., 2020, с. 215]. В прибалтийских культурах более высокий социальный статус обычно отображался также в основном наличии изделий из серебра в погребальном инвентаре [Banytė-Rowell, 2019, p. 13–15; Przybyła, 2021, s. 45–48, fig. 32].

Итак, появление «ранних» серебряных браслетов с гладкими концами в раннеславянском ареале не обязательно связано исключительно с северогерманским влиянием через культуры Прибалтики, но, скорее, со среднедунайской модой эпохи Великого переселения народов на отображение высокого социального статуса. Во второй половине V в. под влиянием событий, связанных с распадом гуннской державы, данная традиция была воспринята и представителями элит восточноевропейских культур. Но, в отличие от глав дунай-

ских и франкских королевств, восточноевропейские сообщества использовали серебро для изготовления своих украшений. Как видно, влияние этой моды сохранялось на протяжении длительного периода до середины – третьей четверти VII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

The article is prepared as part of the research work of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the topic “Panorama of historical and cultural processes on the territory of Eastern Europe in Roman and the Great Migration period according to archaeological data (I–VII centuries)” (No. NIOKTR 122011200267-0).

² Здесь и далее – подробная информация о составе комплексов, в которых найдены обсуждае-

мые в статье браслеты, содержится в приложении «Свод браслетов с расширенными концами из драгоценных металлов с территорий Европы» (при ссылке в тексте – Свод браслетов).

³ По схеме У. Лунд Хансен [Lund Hansen, 1987, fig. 10].

⁴ Благодарю И.О. Гавритухина за помощь и консультации в процессе работы со статьей.

⁵ Исследование массива браслетов с территории Крыма является отдельной и обширной темой, выходящей за рамки данной работы.

⁶ Информация о материале, из которого изготовлены рассматриваемые в статье браслеты, взята из источников. Среди браслетов и украшений из кладов типа Мартыновского с территории Поднепровья в целом присутствуют как изделия собственно серебряные, так и из сплавов под серебро.

⁷ Данные химического анализа металла изделий из раннеславянских кладов I группы указывают преимущественно на «южное» влияние в появлении данной категории украшений. Серебро, использовавшееся в их изготовлении, было добыто на территории Карпатской рудной провинции, в том числе еще в римское время [Сапрыкина и др., 2017, с. 50, 52].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Свод браслетов с расширенными концами из драгоценных металлов с территорий Европы

І. Золотые браслеты с расширенными концами

1. Браслеты I–II вв.

1. Динская станица, Ростовская обл., РФ (рис. 1А,97): погребение 9 в одиночном кургане бронзового века (мужское): браслет, железный нож с бронзовым перекрестием, наконечники стрел; золотые пронизи; бронзовая фибула с золотой пластиной [Lund Hansen, 1995, S. 206; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 126].

2. Керчь, Крым, РФ (рис. 1А,92): случайная находка 1857 г. [Засецкая и др., 2007, с. 55, рис. 19,4].

3. Никольское, Астраханская обл. (рис. 1А,101): могильник, мужское погребение в кургане 12. Золотой браслет на правом запястье, предметы вооружения и конского снаряжения: меч с ножами, копье, удила, бронзовая и керамическая посуда, пряжки и поясные накладки [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996a, S. 361–363, Abb. 232; 1996b, s. 264; Lau, 2012, S. 126; Засецкая и др., 2007, с. 55–56, рис. 19,2].

4. Пороги, Винницкая обл., Украина (рис. 1А,80): погребение, впущенное в курган эпохи бронзы. Золотой браслет, расположенный на запястье левой руки. Помимо браслета, погребение содержало золотые гривну, поясные и портупейные пластины и бляхи, накладки ножен кинжала, серебряные – пряжки, кубок с тамгами сарматского царя Инисмея [Lund Hansen, 1995, S. 206; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996a, S. 361, Abb. 231; Lau, 2012, S. 127; Засецкая и др., 2007, с. 56, рис. 19,3].

5. Тбилисская (Тифлисская) станица, Краснодарский край, РФ (рис. 1А,98): погребение (мужское) в кургане 15, раскопки Н.И. Веселовского. В погребении обнаружены золотые: браслет, расположенный на запястье правой руки, шейная гривна, цепь, серебряная и бронзовая посуда, оружие и предметы конского снаряжения [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 265; Lau, 2012, S. 126; Засецкая и др., 2007, с. 54–55, рис. 19,1].

2. Браслеты III–IV вв.

6. Авалдснес / Avaldsnes, Норвегия (рис. 1А,5): погребение, находка 1835 года. Браслет весом 590 г, в погребении также находились бронзовые сосуды (4 экз.), серебряные – сосуд, зеркало, оковки рога для питья, заклепка; предметы вооружения – меч, копье, наконечник стрелы; стеклянные игральные фишки [Andersson, 1993, S. 158, Kat. 856; Quast, 2009, fig. 3,2; Lau, 2012, S. 126].

7. Асарве / Asarve, Готланд, Швеция (рис. 1А,48): клад, находка 1925 года. Браслет весом 120 г обнаружен вместе с золотым браслетом со змеевидными окончаниями [Andersson, 1993, S. 214, Kat. 1174a; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 126].

8. Бендstrup / Bendstrup, Дания (рис. 1А,29): клад, находка 1841 года. Браслеты (5 экз.) [Andersson, 1993, S. 108, Kat. 546a–e; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 125].

9. Боларве / Bolarve, Готланд, Швеция (рис. 1А,50): клад, находка 1919 года. Браслет весом 284 г найден вместе с золотым браслетом со змеевидными окончаниями [Andersson, 1993, S. 209, Kat. 1138a; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 126].

10. Вроцлав-Закшув / Wrocław-Zakrzów, Польша (рис. 1А,44): камерные погребения, найденные в 1887–1888 годах. Браслеты (2 экз.) найдены по одному в двух погребениях. Погребение 1 (мужское) также содержало арбалетовидные фибулы (4 экз.), золотые – гривну, кольцо, ременные накладки, римские импортные сосуды – бронзовые (3 экз.), стеклянную чашу и другие находки. Погребение 3 (подростка). Вместе с браслетом найдены серебряные с позолотой фибулы (3 экз.), ременная накладка, ложка, золотые – гривна, кольцо, подвеска, монета-ауреус Клавдия II Готского (268–270 гг.), римский импортный бронзовый сосуд, стеклянная чаша [Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 265; Becker, 2007, S. 361, Abb. 2; Lau, 2012, S. 126].

11. Гоммерн / Gommern, Германия (рис. 1А,26, 2,3): «княжеское» камерное погребение (мужское), обнаруженное в 1990 году. Кольцо с расширенными концами (гривна) весом 504 г, золотые – кольцо, фибулы, монета [Becker, 2007, S. 359–360, Abb. 1; Lau, 2012, S. 125].

12. Грабов / Grabow, Германия (рис. 1А,24): погребение (мужское). Фрагмент шейной гривны, переделанный в браслет весом 140 г, серебряная фибула, шпоры (2 экз.), бронзовые импортные римские сосуды (3 экз.), стеклянный кубок [Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 125].

13. Клева / Kleva, Эланд, Швеция (рис. 1А,37): клад, место находки 4, находки 1881–1951 годов. Браслет весом 90 г найден вместе с золотой гривной с грушевидным / восьмерковидным замком, кольцом со змее-

видным окончанием [Andersson, 1993, S. 199, Kat. 1071a; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263–264; Lau, 2012, S. 127].

14. Котбус / Cottbus, Германия (рис. 1А,34): *клад*. Браслеты с расширенными (3 экз.), змеевидными (1 экз.) окончаниями, гривна с грушевидной / восьмерковидной застежкой [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 125; Becker, 2007, S. 362, Abb. 4].

15. Ленгерих / Lengerich, Германия (рис. 1А,8, 2,1): *клад*, находка 1847 г. Браслеты (2 экз.), один из которых с гладкими, другой – с гранеными концами, с ними найдены золотые – фибула с луковичными навершиями, заклепки (4 экз.), кольца (2 экз.), солиды Константина I (306–337 гг.) и II (337–340 гг.) [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 125].

16. Лилла Рифтес / Lilla Ryftes, Готланд, Швеция (рис. 1А,2, 2,5): *клад*, находки 1873–1912 годов. Браслет весом 178 г, найден вместе с золотыми браслетами со змеевидными окончаниями (2 экз.) [Andersson, 1993, S. 208, Fig. 87, Kat. 1134a; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 265; Lau, 2012, S. 126].

17. Луггавы / Luggavi, Швеция (рис. 1А,36, 2,5): *клад*, находка 1856 года. Браслет найден вместе с другим золотым браслетом со змеевидными окончаниями [Andersson, 1993, S. 230, Kat. No. 1303a; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].

18. Островяны / Ostrovany, Словакия (рис. 1А,56): *погребение 2* (мужское). Браслет весом 185 г, золотые – фибула, ауреус Гереннии Этрусциллы (248–251 гг.), гривна, кольца (2 экз.), серебряные – фибулы (2 экз.), стрелена (2 экз.), кольцо, бронзовые – пряжка, нож, ведро из дерева с бронзовыми накладками, костяной гребень [Werner, 1980, S. 15; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].

19. Пиелгжимово / Pielgrzymowo, Польша (рис. 1А,53, 2,6): *курган 1, погребение*, кремация (мужское), раскопки 1937–1938 годов. Браслет весом 235 г найден вместе с серебряными – арбалетовидной фибулой, пряжками (2 экз.), бронзовыми – пряжкой, кольцом, римскими монетами-сестерциями Адриана (117–138 гг.) (2 экз.), стеклянными игральными фишками, римской стеклянной чашей, деревянными сосудами (2 экз.), остатками дерева, текстиля, керамики [Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 55–60].

20. Скедштад / Skedstad, Эланд, Швеция (рис. 1А,40): *клад*. Браслет (3 фрагмента) весом 34 г найден вместе с золотыми – браслетом со змеевидными окончаниями, кольцом, спиралями (6 экз.), фрагментами золота (20 экз.) [Andersson, 1993, S. 189–190, Kat. 1004j–l; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].

21. Томмеруп / Tommerup, Дания (рис. 1А,17): *клад*, находка 1892 года. Браслеты (2 экз.) весом 90 г [Andersson, 1993, S. 23, Kat. 44a; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 265; Lau, 2012, S. 126].

22. Химлингой / Himlingøje, Дания (рис. 1А,28), *могильник: погребение «1894»* (антропологически – мужчина 20–35 лет). Браслеты (2 экз.), один из которых с расширенными, другой – со змееголовыми окончаниями, серебряная пряжка, два костяных наконечника стрел, гребень, римские импортные сосуды – бронзовые (2 экз.), стеклянные (2 экз.). Браслет надет на правую руку. Еще один браслет рассматриваемого типа (фрагментированный) найден на могильнике как случайная находка вне комплекса [Werner, 1980, S. 10, Fig. 3; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 126].

23. Цейков / Sejkov, Словакия (рис. 1А,60): *погребение* (мужское). Браслет весом 200 г обнаружен с золотыми – гривной, поясной накладкой, кольцом, подвеской, римскими импортными сосудами – бронзовыми (3 экз.), стеклянными (2 экз.), стеклянными бусами. В погребении присутствовали керамические сосуды [Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 126].

3. Браслеты V–VI вв.

24. Апахида / Arahida, Румыния (рис. 1А,68, 2,12): *погребение 1* (мужское). Браслет весом 230 г найден вместе с золотыми – фибулой, подвесками со вставками из гранатов-альмандинов (5 экз.), кольцами (2 экз.), пряжкой со вставками из гранатов-альмандинов, накладками; серебряными сосудами (2 экз.) [Werner, 1980, S. 6, Fig. 2; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 126].

25. Берегово, Закарпатская область, Украина (рис. 1А,62, 2,19): *погребение* (женское). Браслет (1 экз.) (данные о расположении на костяке отсутствуют) найден вместе с парой пальчатых фибул и одной птицевидной, полыми серьгами с четырнадцатигранниками, перстнем, бусами из янтаря, халцедона и стекла, глиняным кувшином [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 127; Засецкая и др., 2007, с. 50, рис. 18].

26. Блущина / Blučina, Чехия (рис. 1А,39, 2,11): *погребение* (мужское, 30–40 лет). Браслет весом 227 г найден с серебряной фибулой, мечом, ножами для ношения меча, украшенными вставками из алмандинов, серебряными пряжками (2 экз.) и др. предметами [Werner, 1980, S. 3, Fig. 1; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 125].

27. Броу Эн / Brou Ain, Франция (рис. 1А,4, 2,20): *погребение* (мужское). Браслет весом 81 г [Lau, 2012, S. 126].
28. Брохольм / Broholm, Дания (рис. 1А,20): *клад*. Браслеты (2 экз.) найдены с золотыми – брактеатами (7 экз.), фибулой, гривной [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 125].
29. Вольсхайм / Wolfsheim, Германия (рис. 1А,9, 2,18): *погребение* (мужское). Браслет весом 85 г найден вместе с золотыми – солидом Валента (364–378 гг.), фибулой, пряжкой и гривной с пекторалью с альмандинами, пряжками и деталью (деталью перевязи для ношения меча), янтарной бусиной [Werner, 1980, S. 6, fig. 2; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 265; Lau, 2012, S. 125; Rummel, 2008, S. 354, Abb. 53].
30. Гросёрнер / Großröner, Германия (рис. 1А,23, 2,17): *погребение 19* (подростка). Браслет весом 42 г, вместе с которым найдены серебряные – удила, пряжка, бронзовое кольцо и другие предметы [Werner, 1980, S. 6, Fig. 2; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 125].
31. Кёльн / Köln, Германия (рис. 1А,7, 2,14): *погребение в Кёльнском соборе* (женское). Браслет весом 68 г располагался на левой руке. В захоронении также присутствовали золотые – византийские монеты, нагрудная цепь, серьги с четырнадцатигранной бусиной, четыре фибулы со вставками из альмандинов и другие предметы [Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 125].
32. Керчь, Крым, РФ (рис. 1А,92): *склепы 24 июня 1904 года*. Браслеты (3 экз.), два из которых составляют пару; погребение 145 (1 экз.) [Засецкая, 1993, с. 43, табл. 12, 20; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 127].
33. Клуж / Cluj, Румыния (рис. 1А,67): *клад*. Браслет весом 230 г найден вместе с золотыми – нагрудным украшением, украшенным альмандинами, подвеской, пряжками (2 экз.) и другими предметами [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 126].
34. Мезёберень / Mezöbereny, Венгрия (рис. 1А,55, 2,21): *погребение* (подростка). Браслет весом 32 г найден с золотыми – фибулой-цикадой со вставками из альмандинов, пряжкой и наконечником ремня, серьгами с альмандинами и другими предметами [Werner, 1980, S. 6, Fig. 2; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].
35. Морской Чулек, Ростовская обл., РФ (рис. 1А,96, 2,22): *погребение 2* (женское). Браслеты (2 экз.), не парные, находились на запястьях. В погребении также найдены пара серег-подвесок, четыре перстня, золотая нагрудная цепь, пряжка, каменный кружок [Засецкая и др., 2007, с. 48, 170, табл. III].
36. Ольвия / Ольвія, Николаевская обл., Украина (рис. 1А,86): *клад* (женское погребение?). Браслеты (2 экз.), вместе с которыми найдены золотые со вставками из альмандинов – ожерелье, серьги (4 экз.), кольца (2 экз.), игла, украшения из золотой фольги (4 экз.) [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 127].
37. Островяны / Ostrovany, Словакия (рис. 1А,56): *погребение 1* (мужское). Браслет весом 191 г [Werner, 1980, S. 15; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264].
38. Попрад-Матейовце / Poprad-Matejovce, Словакия (рис. 1А,52): «княжеское» *погребение* в двойной деревянной камере, раскопки 2006 года. Погребение, ограбленное в древности, было обнаружено в ходе строительных работ в 2005 году. Инвентарь фрагментированный: Браслет (1 экз.), серебряные – шило, пряжка; железные копье, ножи в ножнах; янтарная бусина, стеклянные игральные фишки; погребальное ложе; золотые подвески-солиды императора Валенса (375 г.), нити; серебряное зеркало, керамические сосуды, бронзовое ведро [Lau, 2012, S. 127; Lau, Pieta, 2014. S. 343–365].
39. Пуан / Pouan, Франция (рис. 1А,1, 2,13): *погребение* (мужское). Браслет весом 171 г найден с золотыми – гривной, перевязью для ношения меча, украшенными серебром и вставками из альмандинов, ножнами для меча-сакса с альмандинами, кольцом, пряжками с альмандинами (2 экз.) [Werner, 1980, S. 6, Fig. 2; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].
40. Регёли (Регей) / Regöly, Венгрия (рис. 1А,47, 2,15): *погребение 2* (женское). Браслеты (2 экз.), вместе с которыми найдены фибулы со вставками из полудрагоценных камней, серебряная пряжка, стеклянный сосуд, керамика [Werner, 1980, S. 14; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].
41. Турне / Tournai, Бельгия (рис. 1А,3, 2,10): *погребение* (мужское) («могила Хильдерика»). Браслет весом 300 г найден вместе с золотыми – кольцом-инсигнией с надписью *CHILDIRICI REGIS*, фибулой, пряжкой, накладкой поясной сумки, двумя обувными пряжками, иглой, фрагментами одежды с золотыми нитями, золотыми кулонами; вооружением – боевым топором, щитом, двумя мечами (скрамасаксом и спатой) с рукоятью и навершием, инкрустированными вставками из граната, перевязью для ношения меча; золотыми монетами-солидами (более 100), серебряными монетами (более 200), агатовым сосудом [Werner, 1980, S. 6, Fig. 2; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 265; Казанский, Перен, 2005; Lau, 2012, S. 125; Quast, 2015, S. 166–182].
42. Фюрст / Fürst, Германия (рис. 1А,30, 2,16): *погребение* (мужское). Браслет весом 69 г найден вместе с золотыми – пряжками (3 экз.), украшенными альмандинами, стеклянным сосудом [Werner, 1980, S. 6, Fig. 2; Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 125].

43. Хельгё / Helgö, Швеция (рис. 1А,46): *клад*. Браслет найден вместе с 47 солидами [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263].

44. Цепары / Сераг, Румыния (рис. 1А,74): *погребение*. Браслет найден с золотой пряжкой, солидом Феодосия II (408–450), стеклянными бусами [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 126].

4. Браслеты III–VI вв. (без узкой датировки)

45. Брендstrup / Brendstrup, Дания (рис. 1А,29): *случайная находка 1841 года*. Браслеты (4 экз.) [Andersson, 1993, S. 108, Kat. 546a; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 262; Lau, 2012, S. 125].

46. Вэбю / Väby (Швеция) (рис. 1А,32): *случайная находка (клад?) 1885 года*. Браслет весом 153 г [Andersson, 1993, S. 227, Kat. 1273; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 265; Lau, 2012, S. 126].

47. Гёсслунда / Gösslunda, Эланд, Швеция (рис. 1А,38): *случайная находка 1881 года*. Браслет весом 72 г [Andersson, 1993, S. 195, Kat. 1033; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 126].

48. Гудме / Gudme, Свенборг / Svendborg, Дания (рис. 1А,19): *случайная находка 1989 г.* [Andersson, 1993, S. 248, Kat. 1375b; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 125].

49. Девентер / Deventer, Нидерланды (рис. 1А,6): *случайная находка*. Браслет весом 43 г [Lau, 2012, S. 126].

50. Зеландия / Sjælland, Дания (рис. 1А,25): *случайная находка без точного указания места*. Браслет весом 64 г [Lau, 2012, S. 126].

51. Калуннборг / Kalundborg, Дания (рис. 1А,22): *случайная находка*. Браслеты (2 экз.) [Lau, 2012, S. 126].

52. Карлин / Karlín, Прага, Чехия (рис. 1А,35): *случайная находка (из погребения?)*. Браслет весом 161 г [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 125].

53. Кёглинге / Käglinge, Швеция (рис. 1А,31): *случайная находка 1832 года*. Браслет весом 176 г [Andersson, 1993, S. 177, Kat. 954; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 127].

54. Лётторп / Löttoorp, Эланд, Швеция (рис. 1А,43): *случайная находка 1889 года*. Браслет весом 56 г [Andersson, 1993, S. 196, Kat. 1041; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 127].

55. Мойград / Moigrad, Румыния (рис. 1А,63): *погребение (разрушенное)*. Браслет (1 экз.) [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].

56. Нёсет / Näset, Швеция (рис. 1А,27): *случайная находка 1938 года*. Браслет весом 172 г [Andersson, 1993, S. 229, Kat. 1295; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].

57. Нугёрд / Nügård, Эланд, Швеция (рис. 1А,41): *случайная находка 1848 года*. Браслет весом 77 г [Andersson, 1993, S. 199, Kat. 1069; Lau, 2012, S. 126].

58. Ньюборг / Nyborg, Дания (рис. 1А,21): *случайная находка 1869 года*. Браслет весом 72 г [Andersson, 1993, S. 286, Kat. 401; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 126].

59. Орхус / Aarhus, Дания (рис. 1А,15): *случайная находка 1872 года*. Браслет весом 12 г [Andersson, 1993, S. 111, Kat. 563; Lau, 2012, S. 126].

60. Рублевка, Полтавская обл., Украина (рис. 1А,90): *клад*. Браслет (обломок с расширенным концом) [Корзухина, 1978, с. 35, 69; Гавритухин, 2007, с. 32].

61. Черепаново, Калининградская обл., РФ (рис. 1А,51, 2,2): *случайная находка (разрушенное погребение?)*. Браслет весом около 150 г, изготовленный из золота (86 %) с примесями серебра и меди, был найден в 2022 г. [Фермер из Светлого, 2022; Скворцов, 2023, с. 241–242, рис. 191].

62. Свиштов / Svištov, Болгария (рис. 1А,76): *погребение*. Браслет весом 46 г [Lau, 2012, S. 125].

63. Стриб / Strib, Дания (рис. 1А,13): *случайная находка 1861 года*. Браслет весом 180 г [Andersson, 1993, S. 71, Kat. 329; Lau, 2012, S. 126].

64. Трансильвания, Румыния (рис. 1А,70): *случайная находка без точного указания места*. Браслет (1 экз.) [Lau, 2012, S. 126].

65. Фоборг-Миттфюн / Faaborg-Midtjyn, Дания (рис. 1А,18): *клад*. Браслет весом 42 г [Lau, 2012, S. 126].

66. Хёрлёса / Hörlösa, Эланд, Швеция (рис. 1А,42): *случайная находка 1848 года*. Браслет весом 77 г [Andersson, 1993, S. 199, Kat. 1069; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 126].

67. Хрушованы / Hrusovany, Чехия (рис. 1А,33): *погребение (труположение?)*. Браслет из разрушенного комплекса [Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 125].

68. Эссельборн / Esselborn, Германия (рис. 1А,10): *случайная находка*. Браслет (1 экз.) [Lau, 2012, S. 125].

5. Браслеты с расширенными концами с основой из бронзы, обтянутой золотой фольгой

69. Иллеруп Адаль / Illerup Adal, Сканненборг, Дания (рис. 1А,14, 2,8,9): место жертвоприношения [Andersson, 1993, S. 112, Kat. 572b; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996a, Abb. 182, 184, 1996b, S. 263; Lau, 2012, S. 126].

70. Керчь, Крым (рис. 1А,92, 2,7): случайная находка, браслет [Засецкая, 1993, с. 53, кат. 83].

II. Серебряные браслеты с расширенными концами

А. Браслеты с гладкими концами

1. Браслеты с территории Подунавья (пункты, упоминаемые в статье)

1. Бёккинген / Heilbronn-Böckingen, Германия, могильник (рис. 1Б,12): *погребение 1*. Браслет, серебряные – гривна, пряжка с овальной рамкой, бронзовая чаша [Koch, 1968, S. 21].

2. Братей / Brateiu, Румыния, могильник (рис. 1Б,75, 3,8): *погребение 1/1964* (женское). Браслеты (2 экз.), расположенные на запястьях, иглы с полиэрическими окончаниями (2 экз.), пряжки (2 экз.), кольцо, серьги с четырнадцатигранными бусинами (2 экз.), гребень [Quast, 2005, S. 263, Abb. 20].

3. Виминациум / Viminacium, Сербия, могильник (рис. 1Б,58, 3,1,3): *погребение 29* (женское). Единичный браслет, надетый на запястье правой руки, арбалетовидные фибулы (2 экз.), зеркало. Ожерелье из стеклянных бус, браслет бронзовый, гребень костяной, пряслице, нож [Ivanisevic et al., 2006, p. 145–146, pl. 5,5].

4. Големаново-кале / Golemanovo Kale, Болгария, крепость (рис. 1Б,73): *случайная находка*. Браслет (1 экз.) [Ivanisevic et al., 2006, p. 27].

5. Емона, Болгария, могильник (рис. 1Б,79): *погребение 867* (женское). Браслет (1 экз.) [Ivanisevic et al., 2006, p. 27].

6. Каполч / Karolcs, Венгрия, могильник (рис. 1Б,45, 3,7): *погребение 1* (женское). Браслеты (2 экз.), надетые на запястья. В погребении также находились серьга с четырнадцатигранником, зеркало, булавка с полиэрическим окончанием, кольца, ожерелье из бус и подвесок, сосуд керамический [Quast, 2005, S. 267, Abb. 22].

7. Кёльн / Köln, Германия (рис. 1Б,7, 3,2): *погребение 217* (женское). Браслет (1 экз.) [Lund Hansen, 1995, S. 205; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996b, S. 264; Lau, 2012, S. 125].

8. Нове, Болгария, крепость (рис. 1Б,77): *случайная находка*. Браслет (1 экз.) [Ivanisevic et al., 2006, p. 27].

9. Садовско-кале, Болгария, крепость (рис. 1Б,72): *случайная находка*. Браслет (1 экз.) [Ivanisevic et al., 2006, p. 27].

10. Тисалёк / Tiszalök, Венгрия, могильник (рис. 1Б,59, 3,4,5): *погребение* (женское). Браслеты (2 экз.) надетые на запястья рук, фибулы (3 экз.), серьги с четырнадцатигранными бусинами, пряжка [Quast, 2009, fig. 8].

11. Ульпиана / Ulpianë, Сербия, могильник (рис. 1Б,57): *погребение* (женское). Браслеты (2 экз.), в погребении также содержались парные фибулы на плечах, и фибула в области подбородка, а также другие предметы [Quast, 2005, S. 263, Abb. 36].

12. Эшборн / Eschborn, Германия, могильник (рис. 1Б,11): *погребение 9* (мужское). Единичный браслет, найден вместе с пряжкой с овальной рамкой и прямоугольный обоймицей, предметами вооружения (скрамасаксами) и двумя сосудами [Ахмедов, Казанский, 2004, рис. 18].

2. Браслеты с территории Прибалтики

13. Вилкушкяй / Vilkyškiai (Willkischken, Kr. Tilsit), Литва, могильник (рис. 1Б,61, 4,15): *случайная находка*. Браслет размерами 7,1 × 6,4 см, концы диаметром 1,2 см, массой 30,7 г [Blūcijienė et al., 2018, p. 346].

14. Видгирай / Vidgīriai, Литва, могильник (рис. 1Б,49): *погребение 2* (мужское) (рис. 5,1): браслет (1 экз.), серебряные – шейная гривна, арбалетовидные фибулы (5 экз.), железные – шпора, косарь, топор проушной, ножи-кинжалы (2 экз.), копья (2 экз.). *Погребение 23* (мужское): браслет (1 экз.), ожерелье из янтарных бус, бронзовые – фибулы арбалетовидные (2 экз.), кольцо, перевязь для ношения меча, удила кольчатые, пряжки (2 экз.), наконечник ремня. *Погребение 29* (женское?): браслет (2 экз.), серебряная гривна, другие предметы (?). *Погребение 30* (мужское) (рис. 5, 2): браслет (1 экз.), серебряные – арбалетовидные фибулы (с позолотой) (5 экз.), гривна, костяные – подвески, рог для питья с серебряной оковкой. Предметы из рассматриваемых погребений, совершенных по обряду кремации, найдены в качестве приношений [Šimėnas, 2006, p. 54, 59, 65, 68, fig. 23, 29, 41, 45].

15. Вершвай / Veršvai, Литва, могильник (рис. 1Б,93): *погребение 98* (женское): браслеты (2 экз.), серебряные – гривна, кольца, нагрудное ожерелье с крестовидными окончаниями и цепью. Данных о расположении браслетов нет [Volkaitė-Kulikauskienė, 2001, p. 119, fig. 33a].

16. Литва, место находки неизвестно (рис. 1Б,71, 4,14): *случайная находка*. Браслет диаметром 4,4 см, сечение 0,6 см [Tautavičiene, 1981, p. 16, kat. 138 (77)].

17. Марвелё / Marvelė, Литва, могильник (рис. 1Б,69): *погребение 333* (женское, adultus) (рис. 7,1): браслеты (2 экз.), надетые на запястья, серебряные – гривна, фибула, бронзовая с серебряной фольгой фибула [Bertašius, 2005, S. 86, Taf. CLV, CLX, CXCII].

18. Митино, Калининградская обл., РФ, могильник (рис. 1Б,54, 4,12): *погребение 118* (мужское, 25–39 лет). Браслет (1 экз.), окончания слабо расширены / не имеют расширения (диаметр 5 см, сечение 0,3 см, вес 11 г). В погребении также содержался керамический сосуд. Браслет был расположен на скоплении костей, следов вторичного обжига не имел [Скворцов, 2010, с. 60–61, табл. ССVI: 1–1а].

19. Паваючио-Рекуйчай / Rėkučių-Pavajuonio, Литва, курганный могильник (рис. 1Б,103): *курган 11, погребение 2* (женское, adultus) (рис. 7,2): браслеты (2 экз.), серебряные – гривна, фибула, кольца (3 экз.), ожерелье из многочисленных стеклянных и янтарных бус. Общий вес серебряных украшений из погребения – 161 г [Bliujienė, 2013, fig. 372,4,7; Bliujienė, Curta, 2011, p. 33–35, fig. 2].

20. Пашушвис / Pašušvys, Литва, могильник (рис. 1Б,65, 4,13): случайные находки. Браслеты (2 экз.), диам. 5,8–6,8 см и 6–7,4 см, сечение 0,5–1 см [Tautavičiene, 1981, p. 16, kat. 126–127 (71)].

21. Плинкайгалис / Plinkaigalis, Литва, могильник (рис. 1Б,66, 5,3): *погребение 279* (мужское, 45–50 лет): Браслет (1 экз.), диам. 5,7 см, сечение 0,8–0,9 см, надет на правую руку, бронзовая фибула, железные – пряжка, топор [Kazakevičius, 1993, p. 118, 144, 147, 162, fig. 189].

22. Таурапилис / Taurapilis, Литва, курганный могильник (рис. 1Б,78, 5,4): *курган 4, погребение* (мужское). Браслет (1 экз.), железный умбон щита, погребение сопровождалось конским захоронением [Tautavičius, 1981, p. 34–35, fig. 38].

3. Браслеты с территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья *

23. Большие Будки, Сумская обл., Украина, городище (рис. 1Б,102, 4,3): *Находки*. Браслеты (2 экз.) (в качестве материала изготовления указано серебро) найдены вместе с фрагментом серебряной дунайской пальчатой фибулы [Обломский, 2016, с. 52, рис. 10,4–5].

24. Волобуевка, Харьковская обл., Украина (рис. 1Б,94, 4,1): *погребение* (женское). Браслет (1 экз.) (в качестве материала изготовления указано серебро), бронзовые – пластинчатые фибулы (2 экз.), ожерелье из бус и золотых пронизей [Гавритухин, 2004, с. 208; 2007, с. 30, рис. 22,23–27].

25. Княжа Гора, Черкасская обл., Украина, городище (рис. 1Б,84, 4,5): *случайная находка*. Браслет массивный, с круглым сечением (в качестве материала изготовления указано серебро). Концы браслета немного утолщены и обрублены [Корзухина, 1996, с. 355, табл. 90,2].

26. Малый Ржавец, Черкасская обл., Украина (рис. 1Б,49, 4,7): *клад* (найден в 1889 г.). Браслеты (2 экз.) с утолщенными, круглыми в сечении концами. В качестве материала изготовления указано серебро. Вместе с ними обнаружены: шейные гривны с бронзовой основой, обтянутой серебром (2 экз.), серебряные – височные кольца (6 экз.), пластины (2 экз.) [Корзухина, 1996, с. 359, табл. 4,1–2].

27. Мартыновка, Черкасская обл., Украина (рис. 1Б,83, 4,6): *клад* (найден в 1907 г.). Браслеты (2 экз.), указано, что изготовлены из серебра. Также найдены: серебряные – чаша с клеймом Юстиниана II (565–578 гг.), чаша, блюдо, ложка, антропоморфные и зооморфные фигурки, пластины, антропологоморфные фибулы (2 экз.), височные кольца, двухспиральные кольца, бронзовая с позолотой пальчатая фибула, шейные гривны с бронзовой основой, обтянутой серебром (более 3 экз.), оковка и детали ножен, обкладка, наконечники ремня, накладки на пояс, пряжка, бляшки [Корзухина, 1996, с. 362, табл. 14,1–2].

28. Мощное, Черниговская обл., Украина (рис. 1Б,104, 4,2): *клад* (найден в 2013 г.). Браслеты (5 экз.), окончания слабо расширены / не имеют расширения. Указано, что они изготовлены из серебра. Также указано, что в кладе содержался и еще один предмет, который мог быть браслетом, изготовленный из белого металла (сплава). Вместе с ними в состав клада входило не менее 85 предметов, среди которых серебряные – двухпластинчатые фибулы, фибулы-броши, гривна, пластинчатые гривны (венчики), головной обод с подвесками, пластинчатые лунницы, римские монеты-денарии ведековидные подвески, бронзовые браслеты с расширенными концами [Мызгин и др., 2020, с. 201–202, рис. 2, 4].

29. Пастерское, Черкасская обл., Украина, городище (рис. 1Б,85, 4,8): *случайная находка* Б.И. Ханенко 1908 года. Браслет (1 экз.), в качестве материала изготовления указано серебро [Корзухина 1996, с. 391, табл. 39,2].

30. Среднее Поднепровье, Киевская обл., Украина (рис. 1Б,81): *случайная находка без точного указания места*. Браслет (1 экз.) массивный с расширенными концами. В качестве материала изготовления указано серебро [Корзухина, 1996, с. 413, табл. 90,1].

31. Черкасская Конопелька, Курская обл., РФ (рис. 1Б,108): *клад* (найден в 2012 г.). Браслеты (4 экз.) фрагментированы, скреплены между собой, с расширенными, неправильно-округлыми в сечении и неорнаментированными концами. В качестве материала изготовления указано серебро. В состав клада также входило

* В тексте каталога сделаны уточнения относительно материала изготовления браслетов. Также см. примечание 6.

ли изделия из сплавов – пальчатые фибулы, височные кольца, цепочки, подвески (умбоновидные, пластинчатые), фрагменты янтаря [Родинкова, 2023, с. 195, рис. 2].

4. Браслеты с территории Побужья (пункт, упоминаемый в статье)

32. Хачки / Haczki, Польша (рис. 1Б,64): находки. Браслеты (2 экз.) (информация И.О. Гавритухина).

5. Северное Причерноморье (пункты, упоминаемые в статье)

33. Дюрсо, Краснодарский край, РФ, могильник (рис. 1Б,95): погребение 244 (женское, антропологически – 30–39 лет). Браслет (1 экз.) со слабо расширенными концами, без орнамента. Был надет на левую руку. В погребении присутствовали серебряные – сережки, бронзовые – браслет (надетый на правую руку), пряжка, железный нож, керамический кувшин, ожерелье из стеклянных бус. Погребение 259 (женское, антропологически – жен., adultus) браслеты (3 экз.), два из которых с орнаментом были надеты на правую руку, один – на левую. Найдены вместе с серебряными – двухпластинчатыми фибулами, серьгой, гривной, пряжками; красноглиняными кувшином, блюдом, керамическим пряслицем, стеклянными бокалом и миской; бусами – янтарными и стеклянными, костяной иглой, бронзовым зеркалом с петлей, железным ножом [Могильник Дюрсо, 2021, с. 371–372, 389–390, рис. 284,5, 301,12, 302,12, 301,13–14, 302,13–14].

34. Керчь, Крым, РФ (рис. 1Б,92, 3,6): находки из погребений (двойное погребение. Госпитальный, гробница 11 (Раскопки Думберга 1899 г.)). Браслеты (2 экз.) диаметром 4,2 и 4,4 см [Засецкая, 1993, с. 41, 43, 53].

35. Лучистое, Крым, РФ, могильник (рис. 1Б,89): погребение 1 (женское): браслеты (2 экз.) на костях предплечий обеих рук, железные – игла, пряжка, бусы. Погребение 3 (женское): браслеты (2 экз.) на костях предплечий обеих рук, серебряные – серьги, пряжка, бусы, керамическая кружка [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 51, рис. 26, 21, табл. 176,8,9, 177,13,14, 244,5,6, табл. 176,12,13, 177,10].

6. Браслеты с территории Верхнего Поднепровья

36. Акатово, Смоленская обл., РФ, могильник (рис. 1Б,82, 4,9): находки из погребений? (отсутствует информация). Миниатюрные браслеты (2 экз.) с расширенными концами (височные кольца). В качестве материала изготовления указано серебро [Шмидт, 2003, таб. 22,13,18].

37. Близнаки, Смоленская обл., РФ, городище (рис. 1Б,87, 4,11): случайная находка (раскопки Е.А. Шмидта). Браслет (1 экз.). В качестве материала изготовления указано серебро [Шмидт, 2003, с. 82, табл. 20,13; Обломский, 2016, с. 53, рис. 41,9; Кренке и др. 2021, рис. 5,23]

38. Демидовка, Смоленская обл., РФ, городище (рис. 1Б,105, 4,10): находки. Браслеты (2 экз.) со слабо расширенными концами миниатюрные (височные кольца). В качестве материала изготовления указано серебро [Шмидт, 2003, табл. 21,8–9; Обломский, 2016, с. 53, рис. 44,4,5].

7. Браслеты с территории Среднего Поочья (пункты, упоминаемые в статье)

39. Ундрих, Рязанская обл., РФ, могильник (рис. 1Б,100, 6,1): погребение 61 (мужское). Браслет (1 экз.) позолота (?). Бронзовая – крестовидная фибула, бронзовые с железом – стержневидные псалии, зажимы для ремней, серебряный денарий Антонина Пия (86–161 гг.) Комплекс разрушен [Ахмедов, 2022, с. 302–304, рис. 11,2].

40. Шатрище, Рязанская обл., РФ, могильник (рис. 1Б,99, 6,2): погребение 91 (мужское). Браслет (1 экз.). В качестве материала изготовления указано серебро [Ахмедов, Казанский, 2004, рис. 7,8].

Б. Браслеты с гранеными концами

1. Браслеты с территории Прибалтики

1. Марвеле / Marvelė, Литва, могильник (рис. 1Б,69, 7,3): погребение 320 (женское, adultus): браслет (1 экз.), шестигранные концы орнаментированы круглым штампом, бронзовые – арбалетовидные фибулы (2 экз.), спиральный перстень, железный нож. Браслет был надет на левую руку. Орнаментирован круглым штампом [Bertašius, 2005, S. 82, Taf. CLV, CLVI].

2. Пашушвис / Pašušvys, Литва, могильник (рис. 1Б,65): случайные находки. Браслеты (2 экз.), пара № 72, диам. 5,8–6,8 см и 6,2–7,6 см, сечение 1,4 см [Tautavičienė, 1981, p. 16, 128–129] (рис. 8,1). Браслет № 73, массив-

ный, 5,8–7,1 см, сечение 1,3 см [Tautavičiene, p. 16, 128–129] (рис. 8,4). Браслет № 74, массивный 6–7,6 см, сечение 1,35 см [Tautavičiene, p. 16, 128–129] (рис. 8,5). Браслет № 75, массивный 5,8–6,9 см, сечение 1,3 см [Tautavičiene, p. 16, 128–129] (рис. 8,2). Все браслеты орнаментированы точками и циркульным штампом.

3. Паваючио-Рекуйчай / Rėkušičų-Pavajuopio, Литва, курганный могильник (рис. 1Б,103, 7,4): курган 11, погребение 7 (детское): браслет с подгранеными концами, серебряные – гривны (3 экз.), пронизи (2 экз.), пряжка с овальной рамкой, янтарные бусы, в том числе «грибовидная» подвеска (4 экз.). Общий вес серебряных украшений из погребения – 177 г [Bliujienė, Curta, 2011, p. 33–35, fig. 3].

4. Плинкайгалис / Plinkaigalis, Литва, могильник (рис. 1Б,66): погребение 50 (мужское) (рис. 6,3): браслет без орнамента № 134 (78) (1 экз.), серебряная гривна, бронзовые – арбалетовидные фибулы (2 экз.), в том числе вариант воинской Т-образной с рифленой спинкой, оковка рога для питья, пряжки (2 экз.), наконечники ремня (3 экз.) – детали портупей, наконечник ремня, шпоры (2 экз.), кресало, железные – нож-кинжал, втульчатый топор, нож [Tautavičiene, 1981, p. 16, kat. 134; Kazakevičius, 1993, p. 118, 144, 147, 162, fig. 137]. Погребение 79 (мужское) (рис. 6,4): браслет (1 экз.), железные – шпоры (2 экз.), топор проушной, нож-кинжал, удила конские [Tautavičiene, 1981, p. 16, kat. 133; Kazakevičius, 1993, p. 144, 147, 162, fig. 131].

2. Браслеты с территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья

5. Блажки, Полтавская обл., Украина (рис. 1Б,88, 8,10): клад (найден в 1903 г.). Браслет (1 экз.). В качестве материала изготовления указано серебро. В состав клада также входили серебряные – фибула антропозооморфная, пряжка, заклепка [Корзухина, 1996, с. 394, табл. 43,3].

6. Козиевка, Харьковская обл., Украина (рис. 1Б,91, 8,6): клад (найден в 1920 г.). Браслет (1 экз.) с граненым концом, орнаментированным циркульным орнаментом. Серебро в качестве материала изготовления указано под вопросом, то есть, возможно, сплав. В состав клада также входили серебряные наконечники ремня, поясные бляшки, пряжки, трубочки; бронзовые – пальчатые фибулы, шейные гривны, височные кольца, браслеты с расширенными концами, подвески (квадратные, круглые, в виде лунниц, трапецевидные, колокольчики), цепочки с подвесками, детали поясного набора – бляшки и др. предметы, янтарные, стеклянные бусы (более 50 экз.) [Корзухина, 1996, с. 398, табл. 50,17].

7. Мартыновка, Черкасская обл., Украина (рис. 1Б,83, 8,3,7–9): клад (найден в 1907 г.). Браслеты (4 экз.): два с утолщенными, слегка гранеными концами, один фрагментированный с сильно утолщенными граненым концом, украшенным гравированным циркульным орнаментом. В качестве материала изготовления указано серебро (описание состава клада см. выше. – О. Х.) [Корзухина, 1996, с. 362, табл. 14,2,3, 15,3,4].

8. Пастерское (Черкасская обл., Украина) городище (рис. 1Б,85, 8,11): случайная находка. Браслет (1 экз.). В качестве материала изготовления указано серебро [Корзухина, 1996, с. 391, табл. 39,1].

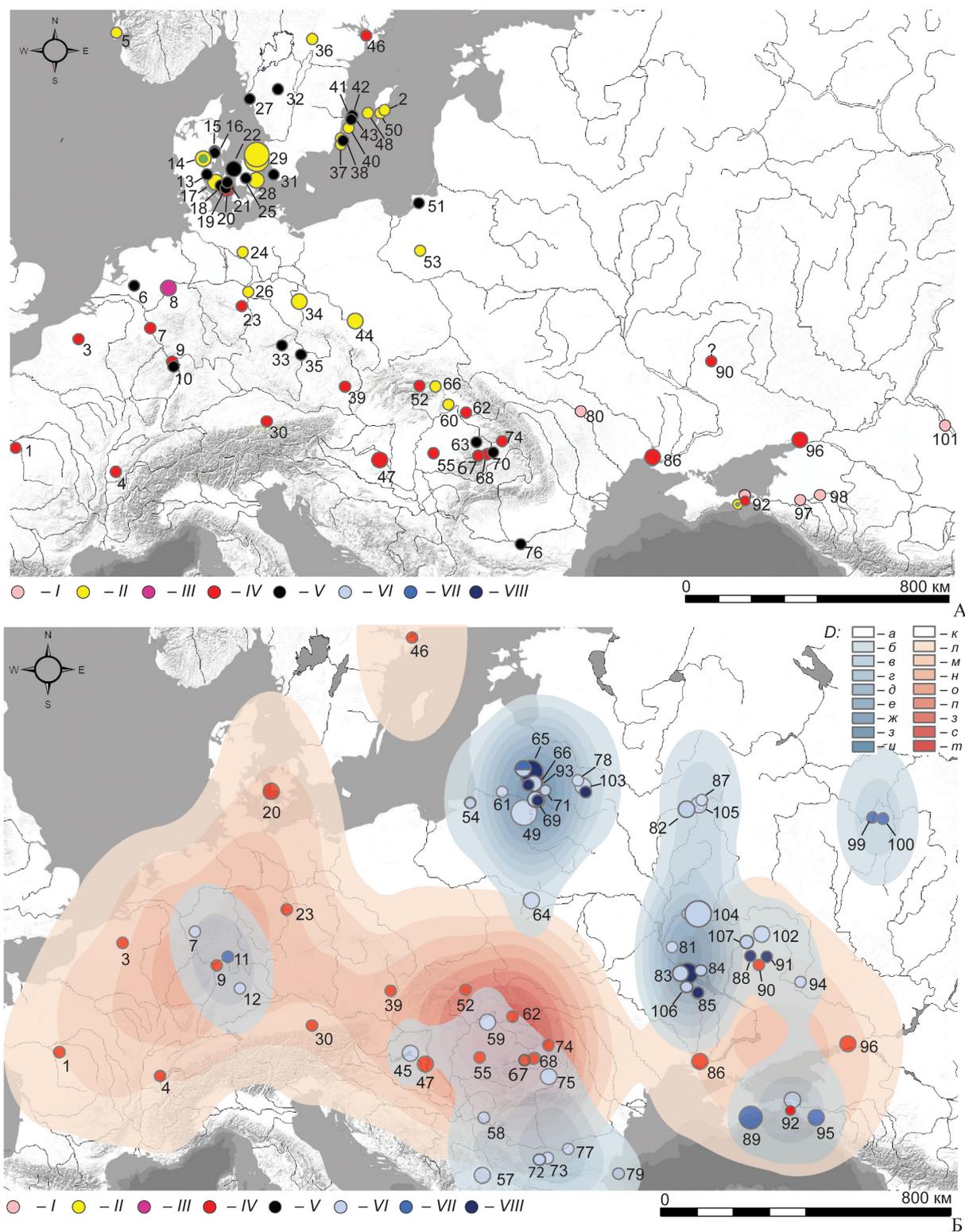

Рис. 1. Распространение и основные концентрации браслетов из драгоценных металлов:

А – золото; Б – золото, серебро V–VII вв.

I–V – золотые браслеты (I – браслеты I–II вв.; II – браслеты с гладкими концами III–IV вв.;

III – браслеты с гранеными концами III–IV вв.; IV – браслеты с гладкими концами V–VI вв.; V – браслеты III–VI вв. (без узкой датировки); VI–VIII – серебряные браслеты (VI – браслеты с гладкими концами без орнамента V–VII вв.;

VII – браслеты с гладкими концами с орнаментом V–VII вв.; VIII – браслеты с гранеными концами V–VII вв.).

Плотность: а-и – серебряные браслеты; *к-т* – золотые браслеты
(плотность рассчитана при помощи ядерного метода вычисления (kernel density) с радиусом 30 км, с учетом количества находок браслетов в каждом пункте).

Места находок: 1 – Пуан; 2 – Лилла Рифтес; 3 – Турне; 4 – Броу Эн; 5 – Авалдснес; 6 – Девертер; 7 – Кёльн; 8 – Ленгерих; 9 – Вольсхайм; 10 – Эссельборн; 11 – Эшборн; 12 – Бёккинген; 13 – Стриб; 14 – Иллеруп Адаль; 15 – Орхус; 16 – Брендstrup; 17 – Томмеруп; 18 – Фоборг-Миттфюн; 19 – Гудме-Свенборг; 20 – Брохольм; 21 – Нюборг; 22 – Калуннборг; 23 – Гросёрнер; 24 – Грабов; 25 – Зеландия; 26 – Гоммерн; 27 – Нёсет; 28 – Химлинггой; 29 – Бендstrup; 30 – Фюрст; 31 – Кёглинге; 32 – Вэбю; 33 – Хрушованы; 34 – Котбус; 35 – Карлин; 36 – Луггавы; 37 – Клева; 38 – Гёсслунда; 39 – Блучина; 40 – Скедштад; 41 – Нугёрд; 42 – Хёрлеса; 43 – Лётторп; 44 – Вроцлав-Закшув; 45 – Каполч; 46 – Хельгё; 47 – Регёли (Регей); 48 – Асарве; 49 – Видгирай; 50 – Боларве; 51 – Черепаново; 52 – Попрад-Матейовце; 53 – Пиелгжимова; 54 – Митино; 55 – Мезёберень; 56 – Островяны; 57 – Ульпиана; 58 – Виминациум; 59 – Тисалёк; 60 – Цейков; 61 – Вилкушкой; 62 – Берегово; 63 – Мойград; 64 – Хачки; 65 – Пашушвис; 66 – Плинкайгалис; 67 – Клуж; 68 – Апахида; 69 – Марвеле; 70 – Трансильвания; 71 – территория Литвы; 72 – Садовско-кале; 73 – Големаново-кале; 74 – Цепары; 75 – Братей; 76 – Свиштов; 77 – Нове; 78 – Таурапилис; 79 – Емона; 80 – Пороги; 81 – Среднее Поднепровье; 82 – Акатово; 83 – Мартыновка; 84 – Княжа Гора; 85 – Пастерское; 86 – Ольвия; 87 – Близнаки; 88 – Блажки; 89 – Лучистое; 90 – Рублевка; 91 – Козиевка; 92 – Керчь; 93 – Вершвай; 94 – Волобуевка; 95 – Дюрсо; 96 – Морской Чулек; 97 – Динская; 98 – Тбилисская; 99 – Шагрише; 100 – Ундрих; 101 – Никольское; 102 – Большие Будки; 103 – Паваючю-Рекуйчай; 104 – Мощное; 105 – Демидовка; 106 – Малый Ржавец; 107 – Черкасская Конопелька

Fig. 1. Distribution and main location of bracelets made from precious metals:

A – gold; *B* – gold, silver of the 5th – 7th centuries.

I-V – gold bracelets (*I* – bracelets of the 1st – 2nd centuries; *II* – bracelets with smooth ends of the 3rd – 4th centuries; *III* – bracelets with faceted ends of the 3rd – 4th centuries; *IV* – bracelets with smooth ends of the 5th – 6th centuries; *V* – bracelets without date (3rd – 4th centuries)); *VI-VIII* – silver bracelets (*VI* – bracelets with smooth ends without ornament of 5th – 7th centuries; *VII* – bracelets with smooth ends with ornament 5th – 7th centuries; *VIII* – bracelets with faceted ends 5th – 7th centuries).

Density: а-и – silver bracelets; *к-т* – gold bracelets (the density was calculated using a kernel density estimation method with a radius of 30 kilometers, taking into account the number of bracelet finds in each location).

Locations of finds: 1 – Puan; 2 – Lilla Ryftes; 3 – Tournai; 4 – Brou; 5 – Avaldsnes; 6 – Deventer; 7 – Köln; 8 – Lengerich; 9 – Wolfsheim; 10 – Esselborn; 11 – Eschborn; 12 – Bökkingen; 13 – Strib; 14 – Illerup Adal; 15 – Aarhus; 16 – Brendstrup; 17 – Tommerup; 18 – Faaborg-Midtfyn; 19 – Gudme-Svendborg; 20 – Broholm; 21 – Nyborg; 22 – Kalundborg; 23 – Grosörner; 24 – Grabow; 25 – Sjælland; 26 – Gommern; 27 – Näset; 28 – Himlingøje; 29 – Bendstrup; 30 – Fürst; 31 – Köglinge; 32 – Väby; 33 – Hrusovany; 34 – Cottbus; 35 – Karlin; 36 – Luggawy; 37 – Klewa; 38 – Gössslunda; 39 – Blucina; 40 – Skedstad; 41 – Nugerd; 42 – Hörlösa; 43 – Löttorp; 44 – Wroclaw-Zakszów; 45 – Kapolcz; 46 – Helgö; 47 – Regoli (Regej); 48 – Asarve; 49 – Vidgiriai; 50 – Bolarve; 51 – Cherepanovo; 52 – Poprad-Matejovce; 53 – Pielgrzymowo; 54 – Mitino; 55 – Mezöbereny; 56 – Ostrovany; 57 – Ulpianë; 58 – Viminacium; 59 – Tiszalök; 60 – Cejzkov; 61 – Vilkyškiai; 62 – Beregovo; 63 – Moigrad; 64 – Haczk; 65 – Pašušvys; 66 – Plinkaigalis; 67 – Cluj; 68 – Apahida; 69 – Marvelë; 70 – Transylvania; 71 – territory of Lithuania; 72 – Sadovsko-kale; 73 – Golemanovo-kale; 74 – Čepari; 75 – Brateiu; 76 – Svishtov; 77 – Nove; 78 – Taurapilis; 79 – Emona; 80 – Porogi; 81 – Middle Dnieper region; 82 – Akatovo; 83 – Martynovka; 84 – Knyazha Gora; 85 – Pasterskoye; 86 – Olvia; 87 – Bliznaki; 88 – Blazhki; 89 – Luchistoje; 90 – Rublyovka; 91 – Kozievka; 92 – Kerch; 93 – Veršvai; 94 – Volobuevka; 95 – Durso; 96 – Morskoj Chulek; 97 – Dinskaya; 98 – Tbilisskaya; 99 – Shatrishche; 100 – Undrikh; 101 – Nikolskoye; 102 – Bolshie Budki; 103 – Rëkučią-Pavajuonio; 104 – Moshchnoe; 105 – Demidovka; 106 – Maly Rzhavets; 107 – Cherkasy Konopelka

Рис. 2. Браслеты с расширенными концами из золота (здесь и далее данные об источнике иллюстраций содержатся в каталоге, прорисовки браслетов сделаны автором статьи):

1–9 – браслеты III–IV вв. (1 – Ленгерих; 2 – Черепаново; 3 – Гоммерн; 4 – Луггавы; 5 – Клева; 6 – Пиелгжимово; 7 – Керчь; 8,9 – Иллеруп Адаль); 10–22 – браслеты V–VI вв. (10 – Турне; 11 – Блучина; 12 – Апахида; 13 – Пуан; 14 – Кёльн; 15 – Регёли (Регей); 16 – Фюрст; 17 – Гроссорнер; 18 – Вольсхайм; 19 – Берегово; 20 – Броу; 21 – Мезёберень; 22 – Морской Чулек)

Fig. 2. Bracelets with widened ends made from gold (here and below the information about the source of illustrations is contained in the catalogue; the drawings of bracelets were made by the author):

1–9 – bracelets of the 3rd – 4th centuries (1 – Lengerich; 2 – Cherepanovo; 3 – Gommern; 4 – Luggawy; 5 – Klewa; 6 – Piелgrzymowo; 7 – Kerch; 8,9 – Illerup Adal); 10–22 – bracelets of the 5th – 6th centuries (10 – Tournai; 11 – Bluchina; 12 – Apahida; 13 – Puan; 14 – Köln; 15 – Regeli; 16 – Fürst; 17 – Grosörner; 18 – Wolfsheim; 19 – Beregovo; 20 – Brow; 21 – Mezöbereny; 22 – Morskoj Chulek)

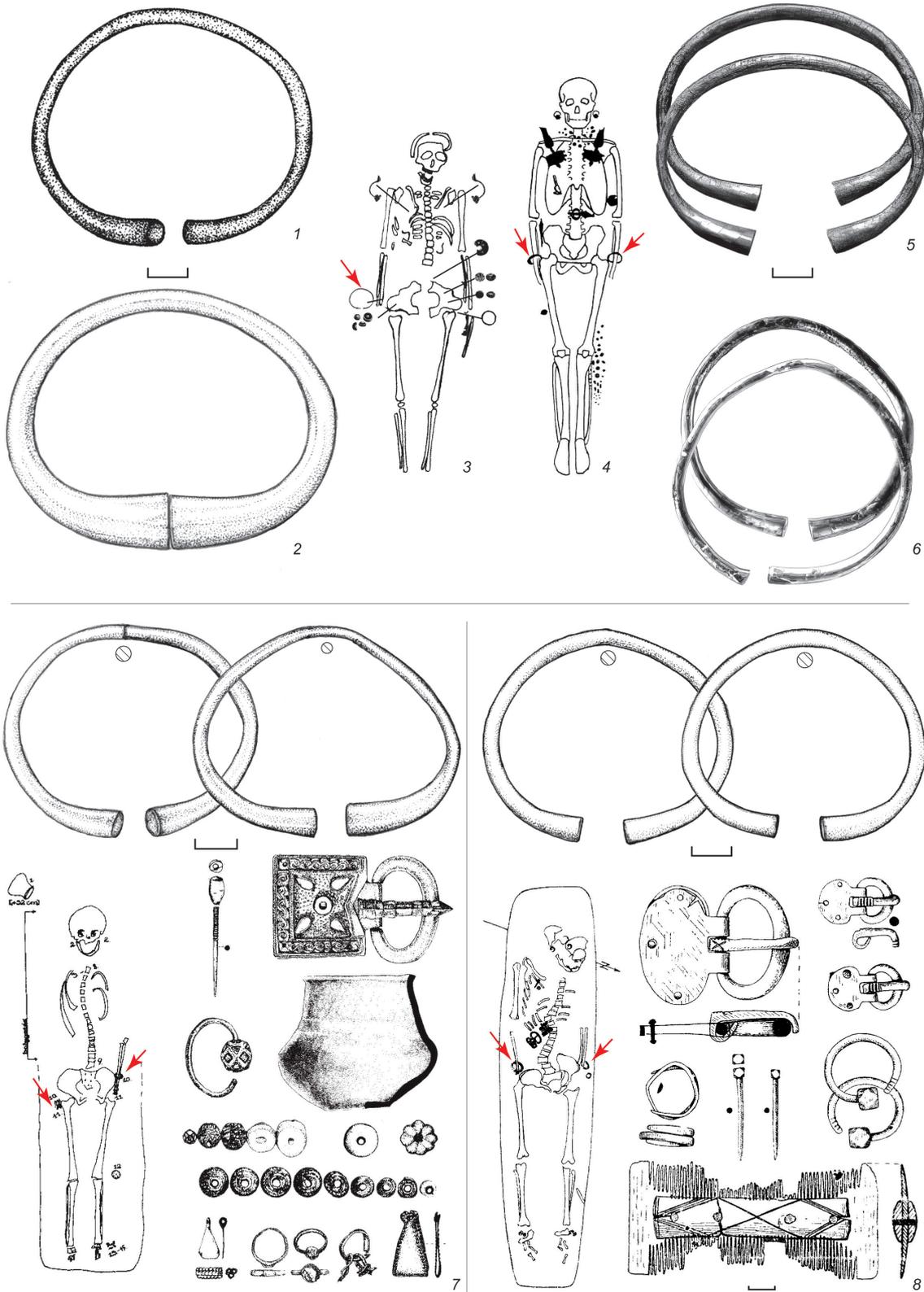

Рис. 3. Браслеты с гладкими расширенными концами из серебра с территории Западной Европы:

1, 3 – Виминациум; 2 – Кёльн, погребение 217; 4, 5 – Тисалёк; 6 – Керчь, гробница 11; 7 – Каполч;
8 – Братей, погребение 1/1964

Fig. 3. Bracelets with smooth, widened ends made from silver from Western Europe:

1, 3 – Viminacium; 2 – Köln, burial 217; 4, 5 – Tiszalök; 6 – Kerch, tomb 11; 7 – Kapolcz; 8 – Brateiu, burial 1/1964

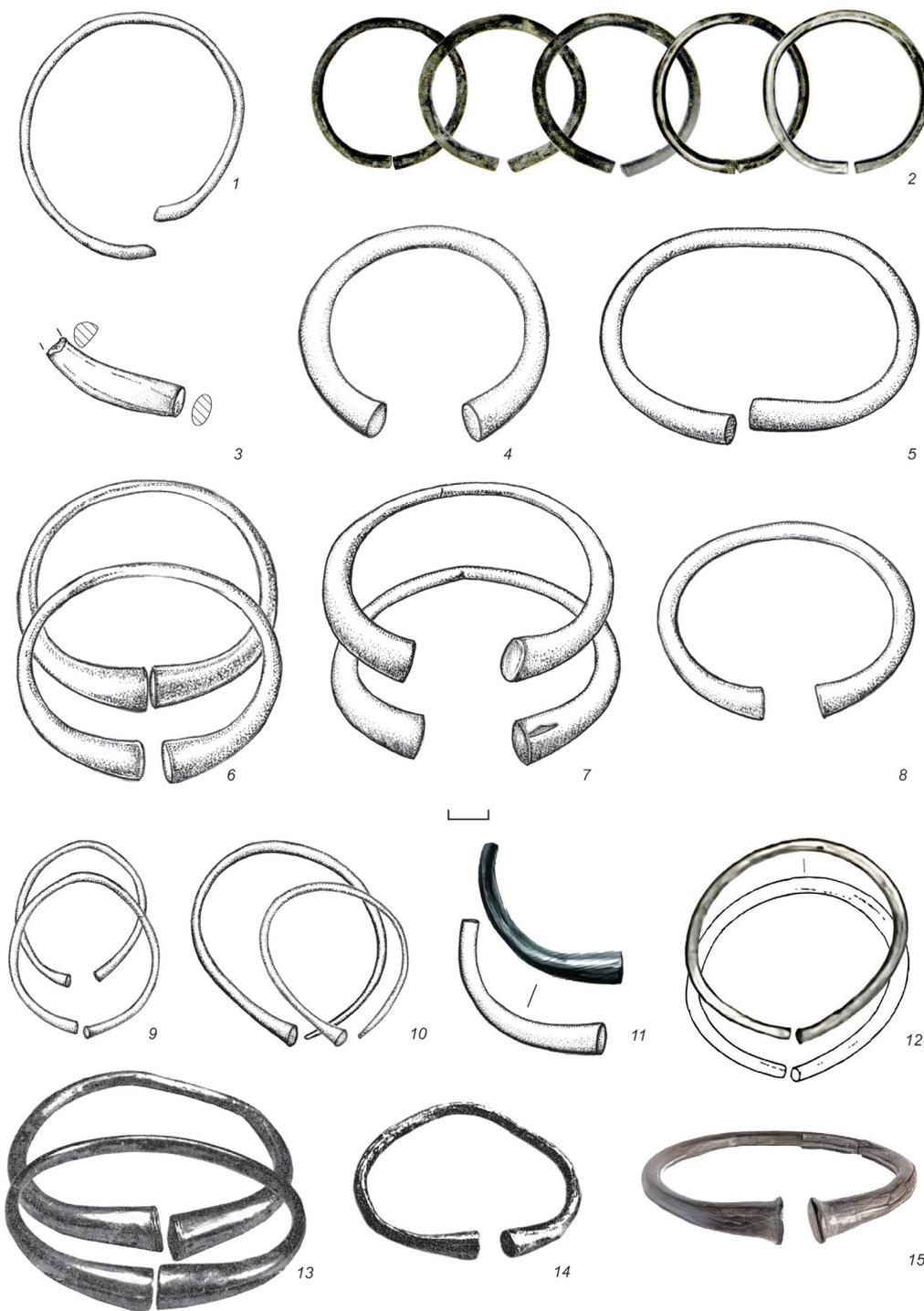

Рис. 4. Браслеты с гладкими расширенными концами из серебра:

1–8 – Среднее Поднепровье (1 – Волобуевка; 2 – Мощное; 3 – Большие Будки; 4 – Среднее Поднепровье, случайная находка; 5 – Княжа Гора; 6 – Мартыновка; 7 – Малый Ржавец; 8 – Пастерское);
 9–11 – Верхнее Поднепровье (9 – Акатово; 10 – Демидовка; 11 – Близнаки);
 12–15 – Прибалтика (12 – Митино; 13 – Паšuшвис; 14 – Литва, случайная находка; 15 – Вилкушкiai)

Fig. 4. Bracelets with smooth, widened ends made from silver:

1–8 – Middle Dnieper region (1 – Volobuevka; 2 – Moshchnoe; 3 – Bolshiye Budki; 4 – Middle Dnieper, accidental find;
 5 – Knyazha Gora; 6 – Martynovka; 7 – Maly Rzhavets; 8 – Pasterskoe);
 9–11 – Upper Dnieper region (9 – Akatovo; 10 – Demidovka; 11 – Bliznaki);
 12–15 – Baltic region (12 – Mitino; 13 – Pašušvys; 14 – Lithuania, accidental find; 15 – Vilkyškiai)

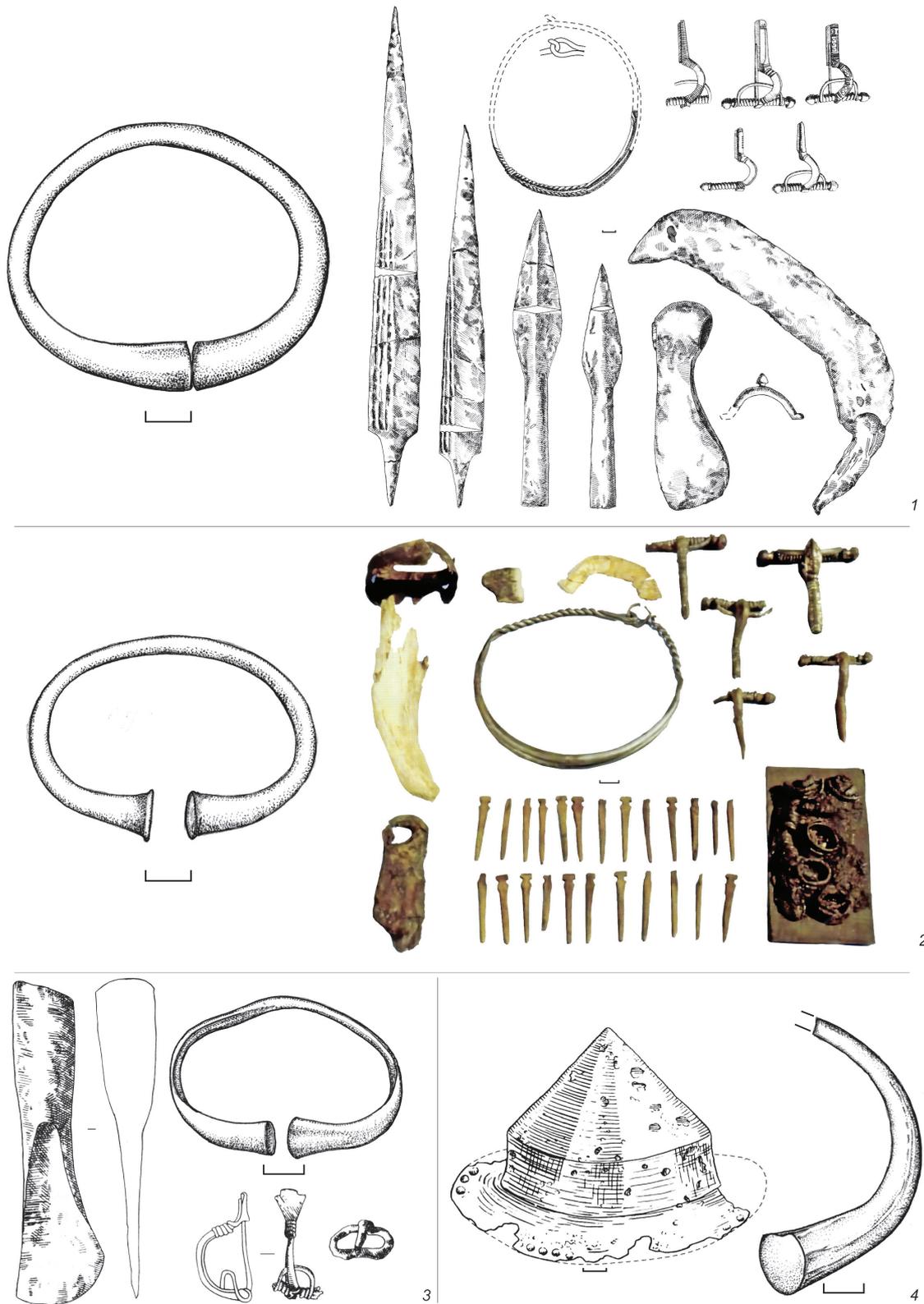

Рис. 5. Воинские комплексы с браслетами с гладкими концами с территории Прибалтики:
 1 – Видгирай, погребение 2; 2 – Видгирай, погребение 30; 3 – Плинкайгалис, погребение 279;
 4 – Таурапилис, курган 4

Fig. 5. Warrior burials with bracelets with smooth ends from the East Baltics:
 1 – Vidgiriai, burial 2; 2 – Vidgiriai, burial 30; 3 – Plinkaigalis, burial 279; 4 – Taurapilis, mound 4

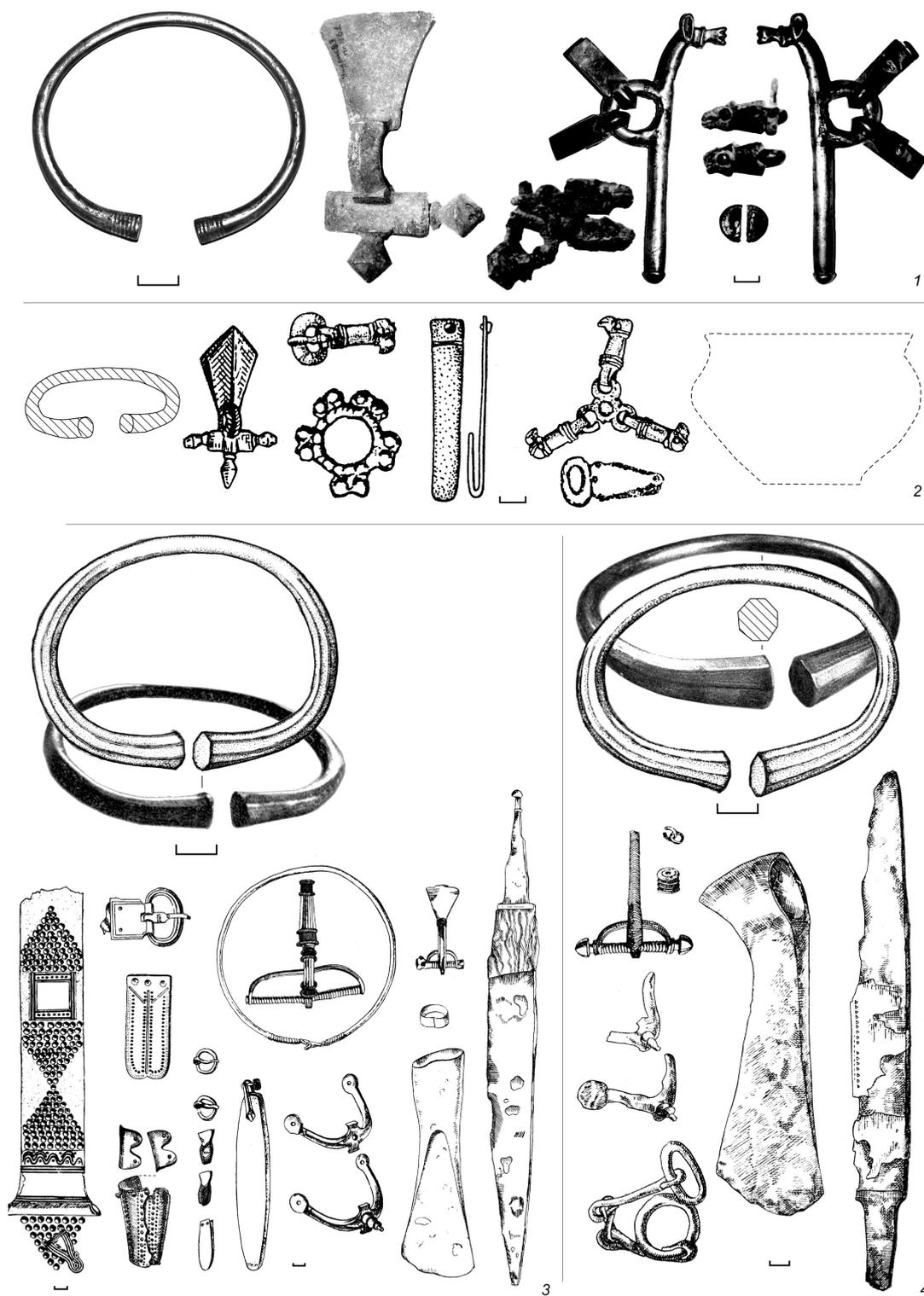

Рис. 6. Воинские комплексы с браслетами с гладкими и гранеными концами с территории Прибалтики и Среднего Поочья:

1 – Ундрих, погребение 61; 2 – Шатрише, погребение 91; 3 – Плинкайгалис, погребение 50;
4 – Плинкайгалис, погребение 79

Fig. 6. Warrior burials with bracelets with smooth and faceted ends from the territory of the East Baltic territory and the Middle Oka region:

1 – Undrich, burial 61; 2 – Shatrishche, burial 91; 3 – Plinkaigalis, burial 50; 4 – Plinkaigalis, burial 79

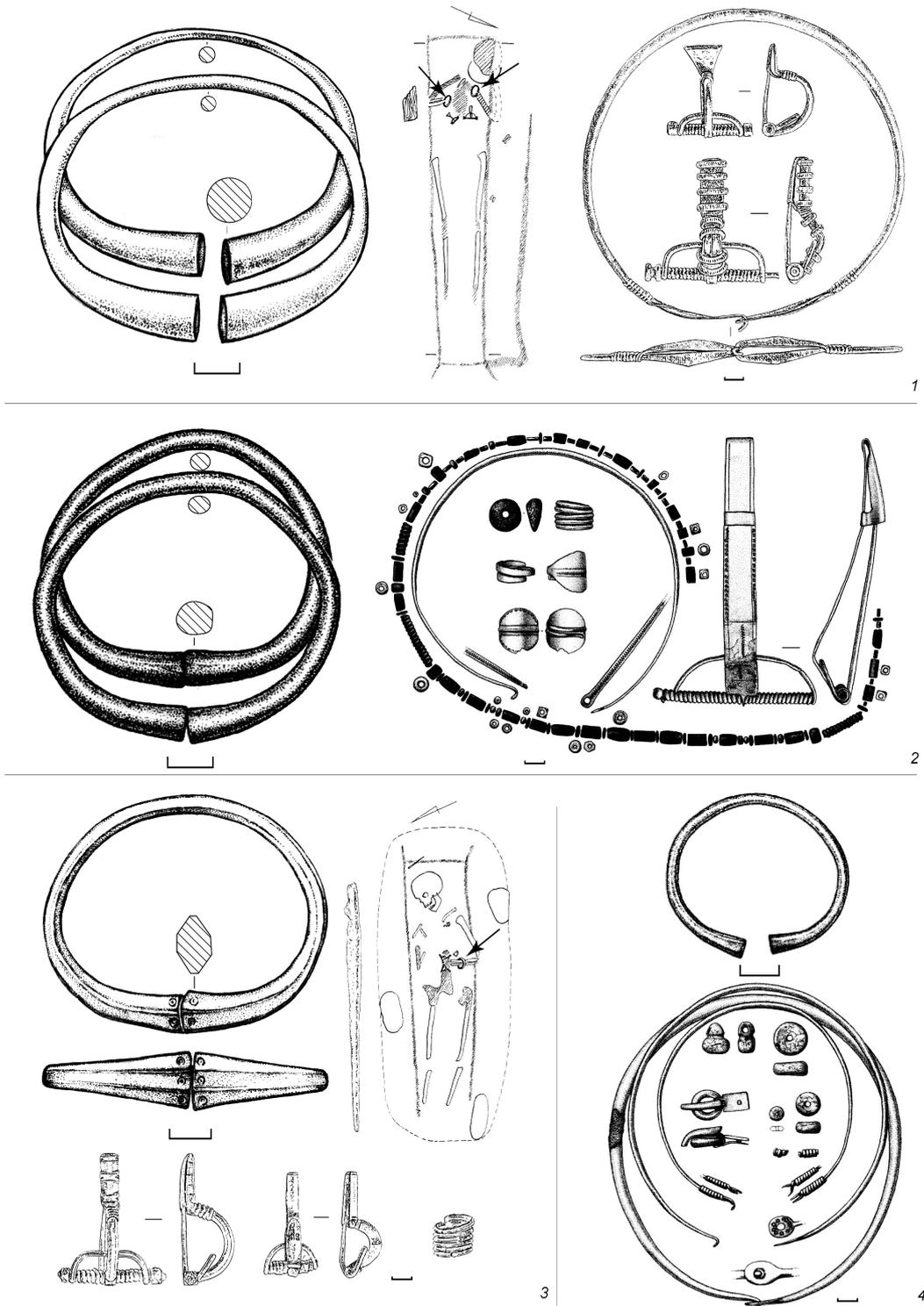

Рис. 7. Женские и детские комплексы с браслетами с гладкими и гранеными концами с территории Прибалтики:

1 – Марвелё, погребение 333; 2 – Паваючио-Рекуйчай, курган 11, погребение 2;
3 – Марвелё, погребение 320; 4 – Паваючио-Рекуйчай, курган 11, погребение 7

Fig. 7. Women's and children's burial complexes with bracelets with smooth and faceted ends from the Baltic countries:

1 – Marvelė, burial 333; 2 – Rėkučių-Pavajuonio, mound 11, burial 2;
3 – Marvelė, burial 320; 4 – Rėkučių-Pavajuonio, mound 11, burial 7

Рис. 8. Браслеты с гранеными концами с территории Прибалтики и Среднего Поднепровья:

1, 2, 4, 5 – Пашушвис, могильник, случайные находки; 3, 7–9 – Мартыновка;

6 – Козиевка; 10 – Блажки; 11 – Пастерское

Fig. 8. Bracelets with faceted ends from the East Baltic and Middle Dnieper regions:

1, 2, 4, 5 – Pašušvys, accidental finds; 3, 7–9 – Martynovka; 6 – Kozievka; 10 – Blazhki; 11 – Pasterskoe

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2008. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь ; Керчь : АДФУ-Украина. 336 с.
- Антипенко А. В., 2016. Типология псалий I–IV вв. н. э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XI. С. 84–109.
- Ахмедов И. Р., 2022. О некоторых «дунайских» элементах в культурах окских финнов во второй половине V в. // *Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и эпоху Средневековья : материалы II рос.-серб. археол. конф. «Славяне в мире Балкан и Восточной Европы: историко-археологическая панорама» (14–21 мая 2017, г. Москва)*. М. : ИА РАН, Музей Воеводины. С. 289–317.
- Ахмедов И. Р., Воронцов А. М., 2012. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3*. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 9–54.
- Ахмедов И. Р., Казанский М. М., 2004. После Атиллы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье*. СПб. : Петерб. Востоковедение. С. 168–202.
- Гавритухин И. О., 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V – VI в. // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье*. СПб. : Петерб. Востоковедение. С. 208–220.
- Гавритухин И. О., 2007. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени // *Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Археология славян и их соседей. Раннеславянский мир*. Вып. 9. М. : ИА РАН. С. 30–38.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир*. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 140–148.
- Засецкая И. П., 1993. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб. : Эллипс Лтд. 224 с.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек : Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб. : Эрмитаж. 209 с.
- Казанский М. М., 2011. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // *Scripta Antiqua*. Вып. 1. С. 27–58.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В., 2014. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье : материалы Междунар. археол. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар : Традиция. С. 97–108.
- Казанский М. М., Перен П., 2005. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // *Краткие сообщения Института археологии*. № 218. С. 24–42.
- Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Свод археологических источников. Вып. E1-43. Л. : Наука. 123 с.
- Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «Древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // *Материалы и исследования по истории и археологии Таврии*. Вып. 5. С. 352–435, 586–705.
- Кренке Н. А., Казанский М. М., Лопатин Н. В., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Ершова Е. Г., Модестов Ф. Э., Раева В. А., 2021. Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // *Российская археология*. № 1. С. 102–121.
- Левада М. Е., 2010. Сухоносивка // *Terra barbarica: studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. Monumenta archaeologica barbarica: Series gemina*, Т. II. Warszawa ; Łódź : Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. P. 557–594.
- Мастыкова А. В., Казанский М. М., 2005. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II *Городцовские чтения : материалы науч. конф.*, посвящ.

- 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Апрель 2003 г. Труды ГИМ. Вып. 145. М. : Гос. ист. музей. С. 265–268.
- Михайлова Е. Р., 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing. 247 с.
- Могильник Дюрсо, 2021. Каталог. Ч. 1. Некрополи Черноморья. Вып. V. М. : ИА РАН. 448 с.
- Мызгин К. В., Радюш О. А., Любичев М. В., 2020. Новые данные к вопросу о поздней дате вещей круга «выемчатых эмалей» на территории Поднепровья // Германия – Сарматия. III : сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 198–219.
- Обломский А. М., 2016. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Раннеславянский мир. Вып. 17. М. : ИА РАН. 456 с.
- Родинкова В. Е., 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов : современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. Материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 г. М. : ИА РАН. С. 239–265.
- Родинкова В. Е., 2023. Раннеславянские клады Верхнего Псла // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций : сб. ст. в честь 70-летия Михаила Казанского. Симферополь : ООО «Антиква». С. 193–209.
- Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М. : Наука. 177 с.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Пельгунова Л. А., Родинкова В. Е., Столярова Д. А., 2017. К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи-Замостья) // Stratum plus. № 5. С. 41–55.
- Скворцов К. Н., 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). Материалы исследований 2008 г. // Материалы охранных археологических исследований. Т. 15. Ч. 2. М. : ИА РАН. 806 с.
- Скворцов К. Н., 2023. Элитные погребения эстиев в эпоху Великого переселения народов. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 29. М. : ИА РАН. 476 с.
- Хайрединова Э. А., 2000. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. С. 91–133.
- Хомякова О. А., 2022. Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. Германия-Сарматия. Вып. 1. М. : ИА РАН. 320 с.
- Шмидт Е. А., 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск : [б. и.]. 295 с.
- Щеглова О. А., 1999. Женский убор из кладов «древностей антов» : готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. № 5. С. 287–312.
- Фермер из Светлого отдал государству уникальный браслет из золота, 2022. URL: <https://ruwest.ru/news/121141>
- Åberg N., 1919. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig : Almqvist & Wiksells Boktryckeri-A.-D. 175 S.
- Andersson K., 1993. Romartida guldsmede i Norden. Katalog. Aun. Bd. 17. Uppsala : Societas archaeologica Upsaliensis. 292 S.
- Andersson K., 1995. Romartida guldsmede i Norden. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper. Aun. Bd. 21. Uppsala : Uppsala University. 243 S.
- Banytë-Rowell R., 2019. Connections Between the West Balts and Their Neighbors in the Roman and Migration Periods: the Northern Direction // Interacting Barbarians : Contacts, Exchange and Migrations in the First Millennium AD : 65. International Sachsensymposium, Institute of Archaeology. University of Warsaw, 13–17 September 2014. Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 9. Warszawa : Uniwersytet Warszawski. S. 11–20.
- Becker M., 2007. Männer und Krieger, Frauen und Knaben. Ein Diskussionsbeitrag zu den goldenen Halsringen der spätrömischen Kaiserzeit und der Spätantike // Terra praehistorica. Festschrift für Klaus-Dieter Jäger zum 70. Geburtstag, Neue Ausgrabungen und Funde in Thüringen. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Vol. 48. Langenweißbach. S. 359–365.
- Bertašius M., 2005. Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. Bd. I: Vidurio Lietuvos auk štaičiu II–XII a. kapinynas. Kaunas : Kaunas Technologijos Univ. 294 S.
- Bliujienė A., 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai // Lietuvos archeologija. T. III. Klaipėda : Klaipėdos universiteto leidykla. 752 p.

- Bliujienė A., Budvydas U., Butkus D., Jahn C., Masiulienė I., Nabažaitė R., Papariga D., Petrauskas G., Songailaitė R., Užgalis M., 2018. Katalogas // Klaipėdos (Memel) kraštas: nuo ištakų iki XVII amžiaus. Vilnius : Mažosios Lietuvos istorijos muziejus. P. 306–408.
- Bliujienė A., Butkus D., 2009. Burials with Horses and Equestrian Equipment on the Lithuanian and Latvian Littorals and Hinterlands (from the Fifth to the Eighth Centuries) // *Archaeologia Baltica*. Vol. 11. P. 149–163.
- Bliujienė A., Curta F., 2011. Exotic Lands, Quixotic Friends: Eastern Lithuania and the Carpathian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages (AD c 380 to c 620) // *Medieval Archaeology*. Vol. 55 (1). P. 29–65.
- Carnap-Bornheim C. von, Ilkjaer J., 1996a. Ilerup Ådal : Die Prachtausrüstungen. Jutland Archaeological Society Publications. Bd. XXV, vol. 5. Aarhus : Aarhus University Press. 486 S.
- Carnap-Bornheim C. von, Ilkjaer J., 1996b. Ilerup Ådal: Ilerup Ådal: Die Prachtausrüstungen. Jutland Archaeological Society Publications. Bd. XXV, vol. 6. Aarhus : Aarhus University Press. 322 S.
- Hilberg F., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren // *Schriften des Archäologischen Landesmuseum*. Vol. 9. Neumünster : Wachholtz. 616 S.
- Ivanisevic V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les Necropoles de Viminacium a l'Epoque Des Grandes Migrations. Monographies 22. Centre de Recherche D'Histoire Et Civilisati. Paris : Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance. 351 p.
- Kazakevičius V., 1993. Plinkaigalio kapinynas // *Lietuvos archeologija*. Vol. 10. P. 3–181.
- Kleeman O., 1951. Die Kolbenarmringe in der Kulturbeziehungen der Völkerwanderungszeit // *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*. Bd. 35. S. 102–143.
- Koch U., 1968. Die Grabfunde der Merowingerzeit aus dem Donautal um Regensburg. Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Serie A. Bd. 10. Berlin : De Gruyter. 273 S.
- Lau N., 2012. Pilgramsdorf / Pielgrzymowo Ein Fundplatz der römischen Kaiserzeit in Nordmasowien. Eine Studie zu Archivalien, Grabsitten und Fundbestand. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 11. Neumünster : Wachholtz-Verlag. 224 S.
- Lau N., Pieta K., 2014. Das Grab von Poprad-Matejovce in der Slowakei – Anlage, Konstruktion und Ausstattung eines frühvölkerwanderungszeitlichen Kammergrabes // *Kammergräber im Barbaricum – Zu Einflüssen und Übergangsphänomenen von der vorrömischen Eisenzeit bis in die Völkerwanderungszeit*. Internationale Tagung, Schleswig, 25–27 November, 2010. Schriften des Archäologischen Landesmuseums Ergänzungsreihe. Bd. 9, Neumünster, Hamburg : Wachholtz Verlag. S. 343–364.
- Lund Hansen U., 1987. Römische Import im Norden. Nordische Fortminder. Serie B. Bd. 10. København : Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 487 S.
- Lund Hansen U., 1995. Himlingøje – Seeland – Europa. Ein Gräberfeld der jüngeren römischen Kaiserzeit auf Seeland, seine Bedeutung und internationalen Beziehungen. Nordiske Fortidsminder, Bd. 13. København : Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab. 576 S.
- Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VI w. n.e. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 S.
- Quast D., 2005. Völkerwanderungszeitliche frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Bd. 52 (2). Mainz : Römisch-Germanischen Zentralmuseums. S. 237–315.
- Quast D., 2009. Communication, Migration, Mobility and Trade. Explanatory Models for Exchange Processes from the Roman Iron Age to the Viking Age // *Foreigners in Early Medieval Europe : Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility*. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz. Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte, Bd. 78. Mainz : Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. S. 1–27.
- Quast D., 2015. Das Grab des fränkischen Königs Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. Römisch Germanisches Zentralmuseum. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 129. Mainz : Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 528 S.
- Raddatz K., 1957. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Offa. Bd. 13. Neumünster : Wachholtz. 158 S.
- Przybyła M., 2021. Lords of the Rings: Some Considerations About the Classification of Gold Scandinavian Snake Rings from the Late Roman Period and its Interpretational Implications // *Wiadomości Archeologiczne*. Vol. 72, S. 3–91.

- Rummel F., 2008. *Habitus barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 55.* 492 S.
- Šimėnas V., 2006. *Etnokultūriniai procesai. Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje.* Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla. 138 p.
- Tautavičiene B., 1981. *III–XVI a. sidabriniai ir sidabru puosti dirbiniai: katalogas; lietuvos TSR istorijos ir etnografijos muziejus, Vilnius : Muzej Istorii i Ėtnografii Litovskoj SSR Vilnius.* 41 p.
- Tautavičius A., 1981. *Taurapilio “kunigaikščio” kapas // Lietuvos archeologija. Vol. 2. P. 18–43.*
- Volkaitė-Kulikauskienė R., 2001. *Lietuva valstybės priešaušriu.* Vilnius : Vaga. 471 p.
- Werner J., 1980. *Der goldene Armband des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 14. S. 1–41.*

REFERENCES

- Aibabin A.I., Haidedinova E.A., 2008. *Mogil'nik u sela Luchistoe. Tom 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the Village of Luchistoye. Vol. 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol', Kerch', ADEF-Ukraina Publ. 336 p.
- Antipenko A.V., 2016. *Tipologiya psaliy I–IV vv. n.e. (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya)* [Typology of Cheekpieces of the 1st–4th Centuries. n. e. (Based on Materials from Funerary Monuments of the Northern Black Sea Region)]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XI, pp. 84–109.
- Ahmedov I.R., 2022. *O nekotorykh “dunayskiykh” elementakh v kul'turakh okskiykh finnov vo vtoroy polovine V v.* [About Some “Danube” Elements in the Cultures of the Oka Finns in the Second Half of the 5th Century]. *Balkany, Podunav'e i Vostochnaya Evropa v rimskoe vremya i epohu Srednevekov'ya: Materialy II rossiysko-serbskoy arheologicheskoy konferentsii «Slav'ane v mire Balkan i Vostochnoy Evropy: istoriko-arheologicheskaya panorama» (14-21 maya 2017, g. Moskva)* [Balkans, Danube and Eastern Europe in Roman Times and the Middle Ages: Materials of the II Russian-Serbian Archaeological Conference “Slavs in the World of the Balkans and Eastern Europe: Historical and Archaeological Panorama” (May 14–21, 2017, Moscow)]. Moscow, IA RAS, Voevodina Museum, pp. 289–317.
- Ahmedov I.R., Vorontsov A.M., 2012. *Uzkolezviynye proushnyye topory rimskogo vremeni i epohi Velikogo pereseleniya narodov s territorii Verhnego i Srednego Pooch'ya* [Narrow-Edged Eared Axes from Roman Times and the Era of the Great Migration of Peoples from the Territory of the Upper and Middle Poochye]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskiy vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration. Conference 3]. Tula, Museum-Reserve «Kulikovo pole», pp. 9–54.
- Ahmedov I.R., Kazanskiy M.M., 2004. *Posle Atily. Kievskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst* [After Attila. Kyiv Treasure and its Cultural and Historical Context]. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e* [Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of Roman Times and in the Early Middle Ages]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., pp. 168–202.
- Gavrituhin I.O., 2004. *Srednedneprovskie ingumatsii vtoroy poloviny V – VI v. Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e* [Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of Roman Times and in the Early Middle Ages]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., pp. 208–220.
- Gavrituhin I.O., 2007. *Ingumatsii, sv'azannye s kul'turoy osedlogo naseleniya, i otdel'nye nahodki postgunnskogo vremeni* [Middle Dnieper Inhumations of the Second Half of the 5th – 6th Centuries.]. *Vostochnaya Evropa v sereдинe I tys. n.e. Arheologiya slav'an i ih sosedey.* [Eastern Europe in the Middle of the 1st Millennium AD. Archaeology of the Slavs and their Neighbors]. Ranneslav'anskiy mir, iss. 9. Moscow, IA RAS, pp. 30–38.
- Gavrituhin I.O., Oblomskiy A.M., 1996. *Dneprovskoe Levoberezh'e na zare srednevekov'ya: dinamika istoriko-kul'turnykh processov i klady* [Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst]. Ranneslavjanskij mir, iss. 3. Moscow, IARAN. S. 140–148.
- Zasetskaya I.P., 1993. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskiykh stepey v gunnskuyu epohu (konets IV–V vv.)* [Culture of the Nomads of the Southern Russian Steppes in the Hunnic Era (End of the 4th – 5th Centuries)]. Saint Petersburg, Ellips Ltd Publ. 224 p.

- Zasetskaya I.P., Kazanskiy M.M., Ahmedov I.R., Minas'an R.S., 2007. *Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazovya i ih mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epohu* [Morskoy Chulek: Burials of the Nobility from the Azov Region and Their Place in the History of the Tribes of the Northern Black Sea Region in the Post-Hunnic Era]. Saint Petersburg, Hermitage. 209 p.
- Kazanskiy M.M., 2011. Drevnosti postgunnskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy i angiskiry [Antiquities of the Post-Hunnic Time in the South of Eastern Europe and Angiscira]. *Scripta Antiqua*, iss. 1, pp. 27-58.
- Kazanskiy M.M., Mastykova A.V., 2014. Zhenskie mogily znati postgunnskogo vremeni v pontiyskikh step'ah i konstantinopol'skaya moda [Women's Graves of the post-Hunnic Nobility in the Pontic Steppes and Constantinople Fashion]. *IV «Anfimovskie chteniya» po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyy Kavkaz v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v drevnosti i srednevekov'e: materialy Mezhdunar. arheol. konf. (g. Krasnodar, 28–30 maya 2014 g.)* [IV “Anfimov Readings” on the Archeology of the Western Caucasus. Western Caucasus in the Context of International Relations in Antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International Archaeological Conference (Krasnodar, May 28–30, 2014)]. Krasnodar, Traditsiya Publ., pp. 97-108.
- Kazanskiy M.M., Peren P., 2005. Mogila Hil'derika (481/482 g.): sostoyanie issledovaniy [Childeric's Tomb (481/482): State of Research]. *Kratkie soobshheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], no. 218, pp. 24-42.
- Korzuhina G.F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi jemaljami V – pervoy poloviny VI v. n.e. v Srednem Podneprov'e. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of Archaeological Sources], iss. E1-43. Leningrad, Nauka Publ. 123 p.
- Korzuhina G.F., 1996. Klady i sluchaynye nahodki veshhey kruga «Drevnostey antov» v Srednem Podneprov'e. Katalog pam'atnikov [Hoards and Random Finds of Things from the Circle of “Antiquities” in the Middle Dnieper Region. Catalog of Monuments]. *Materialy i issledovaniya po istorii i arheologii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. 5, pp. 352-435, 586-705.
- Krenke N.A., Kazanskiy M.M., Lopatin N.V., Ganichev K.A., Ershov I.N., Ershova E.G., Modestov F.E., Raeva V.A., 2021. Gorodishha Demidovka i V'azoven'ki na Smolenshhine: ob ierarhii, hronologii i kul'turnoy atributsii [The Fortified Settlements of Demidovka and Vyazovenki in Smolensk Land: Hierarchy, Chronology and Cultural Attribution]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 102-121.
- Levada M.E., 2010. Suhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra barbarica: studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. Monumenta archaeologica barbarica: Series gemina*, tom II. Warszawa, Łódź, Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, pp. 557-594.
- Mastykova A.V., Kazanskiy M.M., 2005. O proishozhdenii «kn'azheskogo» zhenskogo kostuma varvarov gunnskogo vremeni (gorizont Unterzibenbrunn) [On the Origin of the “Princely” Women's Costume of the Barbarians of the Hunnic time (Untersiebenbrunn Horizon)]. *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauch. konf., posv'ashh. 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIME. April' 2003 g. Trudy GIM.* [II Gorodtsov Readings: Scientific Materials. Conf., Dedicated 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the State Historical Museum. April 2003], vol. 145. Moscow, SHM, pp. 265-268.
- Mihaylova E.R., 2014. *Veshhevoy kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov: tipologiya i hronologiya* [The Artifact Complex of the Pskov Long Mound Culture: Typology and Chronology]. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing. 247 p.
- Mogil'nik Durso*, 2021. *Katalog*. [Durso Cemetery. Catalogue]. Part 1. Nekropoli Chernomor'ya, vol. V. Moscow, IA RAS. 448 p.
- Myzgin K.V., Radush O.A., Lubichev M.V., 2020. Novye dannye k voprosu o pozney date veshhey kruga «vyemchatyh emaley» na territorii Podneprov'ya [New Data on the Question of the Later Date of Things in the Circle of “Champlevé Enamels” on the Territory of the Dnieper Region]. *Germania – Sarmatia. III: sb. nauch. st. po arheologii narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy* [Germany – Sarmatia. III: Collection of Scientific Articles On the Archeology of the Peoples of Central and Eastern Europe], vol. III. Moscow, IA RAS, pp. 198-219.
- Oblomskiy A.M., 2016. *Kolochinskaya kul'tura. Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.)* [Kolochin Culture. Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe (V–VII Cent.)]. *Ranneslavanskiy mir*, iss. 17. Moscow, IA RAS. 456 p.
- Rodinkova V.E., 2011. Zhenskiy kostum dneprovskikh plemen v epohu Velikogo pereseleniya narodov: sovremennoe sostoyanie issledovaniy [Women's Costume of the Dnieper Tribes During the Era of the Great Migration of

- Peoples: Current State of Research]. *Novye issledovaniya po arheologii stran SNG i Baltii. Materialy Shkoly molodyh arheologov. Kirillov, 3–12 sentyabrya 2011 g.* [New Research on the Archaeology of the CIS and Baltic Countries. Materials of the School of Young Archaeologists. Kirillov, September 3–12, 2011]. Moscow, IA RAS, pp. 239-265.
- Rodinkova V.E., 2023. Ranneslav’anskije klady Verhnego Psla [The Early Slavic Hoards in the Upper Psel Area]. *Imperium et Barbaricum: vzaimodeystvie tsivilizatsiy: sb. st. v chest’ 70-letiya Mihaila Kazanskogo* [Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations : Papers Collected in Honour of Michel Kazanski’s 70th Birthday]. Simferopol’, Antikva Publ., pp. 193-209.
- Rozenfel’dt I.G., 1982. *Drevnosti zapadnoy chasti Volgo-Okskogo mezhdurech’ya v VI–IX vv.* [Antiquities of the Western Part of the Volga-Oka Interfluvium in the VI–IX Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 177 p.
- Saprykina I.A., Chugaev A.V., Pel’gunova L.A., Rodinkova V.E., Stolarova D.A., 2017. K probleme istochnikov postupleniya serebra na territoriyu Podneprov’ya v rannesrednevekovoe vrem’ya (po materialam klada iz Sudzhi-Zamost’ya) [On Sources of Silver Imports into the Dnieper Region in the Early Middle Ages (By Materials of Sudzha-Zamostie Hoard)]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 41-55.
- Skvortsov K.N., 2010. Mogil’nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast’) [Mitino Burial Ground V–XIV Centuries (Kaliningrad Region)]. *Materialy issledovaniy 2008 g.* [Mitino Burial Ground V–XIV Centuries (Kaliningrad Region). Research Materials 2008]. *Materialy ohrannyh arheologicheskikh issledovaniy* [Materials of Protective Archaeological Researches], vol. 15 (2). Moscow, IA RAS. 806 p.
- Skvortsov K.N., 2023. Elitnye pogrebeniya estiev v epohu Velikogo pereseleniya narodov [Elite Burials of the Aestians During the Era of the Great Migration]. *Materialy spasatel’nyh arheologicheskikh issledovaniy* [Materials of Protective Archaeological Researches], vol. 29. Moscow, IA RAS. 476 p.
- Hayredinova E. A., 2000. Zhenskiy kostum s uzhnokrymskimi orlnogolovymi pr’azhkami [Women’s Costume with South Crimean Eagle-Headed Buckles]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. VII, pp. 91-133.
- Hom’akova O.A., 2022. Zhenski ubor sambijsko-natangiyskoj kul’tury I–IV vv. Analiz komponentov i hronologiya [Women’s Clothing of the Sambian-Natangian Culture of the Period of Roman Influence of the 1st–4th Centuries AD (Component Analysis and Chronology)]. *Germaniya-Sarmatiya*, vol. 1. Moscow, IA RAS. 320 p.
- Shmidt E.A., 2003. *Verhnee Podneprov’e i Podvin’e v III–VII vv. n.je. Tushemlinskaja kul’tura* [Upper Dnieper and Podvinia in the III–VII centuries. AD Tushemlinskaya culture]. Smolensk, [s. 1.]. 295 S.
- Shheglova O.A., 1999. Zhenskiy ubor iz kladov «drevnostey antov»: gotskoe vliyanie ili gotskoe nasledie? [Women’s Attire from the Treasures of the “Antiquities of the Antes”: Gothic Influence or Gothic Heritage?]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 287-312.
- Fermer iz Svetlogo otdal gosudarstvu unikal’nyy braslet iz zolota* [A Farmer from Svetly Gave to the State a Unique Gold Bracelet], 2022. URL: <https://ruwest.ru/news/121141>
- Åberg N., 1919. *Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit.* Uppsala-Leipzig, Almqvist & Wiksells Boktryckeri-A.-D. 175 S.
- Andersson K., 1993. *Romartida guldsmede i Norden. Katalog.* Aun, bd. 17. Uppsala, Societas archaeologica Upsaliensis. 292 S.
- Andersson K., 1995. *Romartida guldsmede i Norden. Ovriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper.* Aun, bd. 21. Uppsala, Uppsala University. 243 S.
- Banytè-Rowell R., 2019. Connections Between the West Balts and Their Neighbours in the Roman and Migration Periods: The Northern Direction. *Interacting Barbarians: Contacts, Exchange and Migrations in the First Millennium AD: 65. International Sachsensymposium, Institute of Archaeology. University of Warsaw, 13–17 September 2014. Neue Studien zur Sachsenforschung*, bd. 9. Warszawa, Uniwersytet Warszawski, pp. 11-20.
- Becker M., 2007. Männer und Krieger, Frauen und Knaben. Ein Diskussionsbeitrag zu den goldenen Halsringen der spätrömischen Kaiserzeit und der Spätantike. *Terra praehistorica. Festschrift für Klaus-Dieter Jäger zum 70. Geburtstag, Neue Ausgrabungen und Funde in Thüringen. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas*, vol. 48, Langenweißbach, S. 359-365.
- Bertašius M., 2005. *Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens.* Bd. I: Vidurio Lietuvos aukštaičiu II–XII a. kapinynas. Kaunas, Kaunas Technologijos Univ. 294 S.
- Bliujienė A., 2013. *Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai.* Lietuvos archeologija, t. III. Klaipėda, Klaipėdos universiteto leidykla. 752 p.

- Bliujienė A., Budvydas U., Butkus D., Jahn C., Masiulienė I., Nabazaite R., Papariga D., Petrauskas G., Songailaitė R., Uzgalis M., 2018. *Archeologines vertybės nudiesios Europoje: duoklė praeiciai ir žvilgsnis į ateitį. Klaipėdos (Memel) krastas: nuo istaku iki XVII amžiaus*. Vilnius, Mazosios Lietuvos istorijos muziejus, pp. 306-408.
- Bliujienė A., Butkus D., 2009. Burials with Horses and Equestrian Equipment on the Lithuanian and Latvian Littorals and Hinterlands (from the Fifth to the Eighth Centuries). *Archaeologia Baltica*, vol. 11, pp. 149-163.
- Bliujienė A., Curta F., 2011. Exotic Lands, Quixotic Friends: Eastern Lithuania and the Carpathian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages (AD c 380 to c 620). *Medieval Archaeology*, vol. 55(1), pp. 29-65.
- Carnap-Bornheim C. von, Ilkjaer J., 1996a. *Ilerup Ådal: Die Prachtausrüstungen*. Jutland Archaeological Society Publications. Bd. XXV, vol. 5. Aarhus, Aarhus University Press. 486 S.
- Carnap-Bornheim C. von, Ilkjaer J., 1996b. *Ilerup Ådal: Ilerup Ådal: Die Prachtausrüstungen*. Jutland Archaeological Society Publications. Bd. XXV, vol. 6. Aarhus, Aarhus University Press. 322 S.
- Hilberg F., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. *Schriften des Archäologischen Landesmuseum*, vol. 9. Neumünster, Wachholtz. 616 S.
- Ivanisevic V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. *Les Necropoles de Viminacium a l'Epoque Des Grandes Migrations*. Monographies 22. Centre de Recherche D'Histoire Et Civilisati. Paris, Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance. 351 p.
- Kazakevičius V., 1993. Plinkaigalio kapinynas. *Lietuvos archeologija*, t. 10, pp. 3-181.
- Kleeman O., 1951. Die Kolbenarmringe in der Kulturbeziehungen der Völkerwanderungszeit. *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*, Bd. 35, S. 102-143.
- Koch U., 1968. *Die Grabfunde der Merowingerzeit aus dem Donautal um Regensburg*. Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Serie A, Bd. 10. Berlin, De Gruyter Publ. 273 S.
- Lau N., 2012. *Pilgramsdorf / Pielgrzymowo Ein Fundplatz der römischen Kaiserzeit in Nordmasowien. Eine Studie zu Archivalien, Grabsitten und Fundbestand*. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete, Bd. 11. Neumünster, Wachholtz-Verlag Publ. 224 S.
- Lau N., Pieta K., 2014. Das Grab von Poprad-Matejovce in der Slowakei – Anlage, Konstruktion und Ausstattung eines frühvölkerwanderungszeitlichen Kammergrabes // Kammergräber im Barbaricum – Zu Einflüssen und Übergangsphänomenen von der vorrömischen Eisenzeit bis in die Völkerwanderungszeit. Internationale Tagung, Schleswig, 25–27 November 2010. *Schriften des Archäologischen Landesmuseums Ergänzungsreihe*. Bd. 9, Neumünster, Hamburg, Wachholtz Verlag, S. 343-364.
- Lund Hansen U., 1987. *Römische Import im Norden*. Nordische Fortminder. Serie B, bd. 10. København, Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 487 S.
- Lund Hansen U., 1995. *Himlingøje – Seeland – Europa. Ein Gräberfeld der jüngeren römischen Kaiserzeit auf Seeland, seine Bedeutung und internationalen Beziehungen*. Nordiske Fortidsminder, bd. 13. København, Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab. 576 S.
- Okulicz J., 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VI w. n.e.* Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 S.
- Quast D., 2005. Völkerwanderungszeitliche frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, Bd. 52 (2). Mainz, Römisch-Germanischen Zentralmuseums, S. 237-315.
- Quast D., 2009. Communication, Migration, Mobility and Trade. Explanatory Models for Exchange Processes from the Roman Iron Age to the Viking Age. *Foreigners in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility. Monographien (Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz. Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte*, Bd. 78. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, S. 1-27.
- Quast D., 2015. Das Grab des fränkischen Königs Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. *Römisch Germanisches Zentralmuseum. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, Bd. 129. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 528 S.
- Raddatz K., 1957. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. *Offa*, Bd. 13. Neumünster, Wachholtz Publ. 158 S.
- Przybyła M., 2021. Lords of the Rings: Some Considerations About the Classification of Gold Scandinavian Snake Rings from the Late Roman Period and its Interpretational Implications. *Wiadomości Archeologiczne*, vol. 72, s. 3-91.

- Rummel F., 2008. *Habitus barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*, Bd. 55. 492 S.
- Šimėnas V., 2006. *Etnokultūriniai procesai. Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje*. Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla. 138 p.
- Tautavičiene B., 1981. *III–XVI a. sidabriniai ir sidabru puosti dirbiniai: katalogas; liuvos TSR istorijos ir etnografijos muziejus*. Vilnius, Muzej Istorii i Ėtnografii Litovskoj SSR Vilnjus. 41 p.
- Tautavičius A., 1981. Taurapilio “kunigaikščio” kapas. *Lietuvos archeologija*, vol. 2, pp. 18-43.
- Volkaitė-Kulikauskienė R., 2001. *Lietuva valstybės priešaušriu* [Lithuania at the Dawn of the State]. Vilnius, Vaga Publ. 471 p.
- Werner J., 1980. Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit. *Frühmittelalterliche Studien*, Bd. 14, S. 1-41.

Information About the Author

Olga A. Khomiakova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Archeology of the Great Migration and the Early Medieval Periods, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, olga.homiakova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-8034-2671>

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Хомякова, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, olga.homiakova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-8034-2671>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.7>

UDC 902.26(653)
LBC 63.444(235)

Submitted: 06.10.2023
Accepted: 16.01.2024

ETHNOCULTURAL SITUATION ON THE TERRITORY OF THE UPPER OKA IN THE “PRE-ROMEN” PERIOD (LATE 7th TO 8th CENTURIES)

Aleksandr M. Kolokolov

Kulikovo Pole State Museum and Reserve, Tula, Russian Federation

Abstract. The study is devoted to the identification of a group of antiquities of the late 7th – 8th centuries of the Upper Oka region. On the territory of the region, the sites of the Moshchin culture, which had existed from the middle of the 3rd century, practically disappeared around the middle of the 7th century. The end of the Late Dyakovo culture in the Moscow basin and the disappearance of the main part of the Ryazan-Osk sites in the Middle Oka region belong to the same time. Since the 9th century, numerous sites correlating with the antiquities of the Romensk culture have appeared in the territory of the region. The ethnocultural situation of the Upper Oka in the “pre-romensky” period has not been clearly presented until recently. To date, an array of archaeological material has been accumulated that is characteristic of the period. It is represented by finds of ceramic vessels, jewelry and belt details from the hill forts of Supruty, Petrovskoe, Nikulino, Muravlevo, as well as from the settlements of Kamenka-1, B. Triznovo-3, Torhovo-3, Utkino-1. Based on the analysis of the finds, it can be assumed that the main population of the Upper Oka region in the period of the 2nd half of the 7th – 8th centuries was the bearers of sakhnovka-volyntsevo type antiquities. Finds of vessels of the Moshchin tradition in the complexes of the 9th – 10th centuries of the Supruty ancient hillfort and the Kamenka-1 settlement testify to the existence in the pre-romensky and romensky periods of the remnants of the population that lived in the region from the middle of the 3rd to the middle of the 7th centuries. The study of a unique memorial complex near the village of Gora Uslan allows us to assume participation in the formation of the ethnocultural situation in the Upper Oka region in the late 7th – 8th centuries of the steppe of cultures representatives of the early Khazar Kaganate era.

Key words: Upper Oka region, late 7th – 8th centuries, antiquities of the “Sakhnovka-Volyntsevo” type, Moschinsky culture, ceramics, belt set details, earrings of the “pastyrsky” type, memorial complex.

Citation. Kolokolov A.M., 2024. Etnokul'turnaya situatsiya na territorii Verhnego Pooch'ya v «predromenskiy» period (2-ya pol. VII – VIII v.) [Ethnocultural Situation on the Territory of the Upper Oka in the “Pre-Romen” Period (Late 7th to 8th Centuries)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 136-156. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.7>

УДК 902.26(653)
ББК 63.444(235)

Дата поступления статьи: 06.10.2023
Дата принятия статьи: 16.01.2024

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ В «ПРЕДРОМЕНСКИЙ» ПЕРИОД (2-Я ПОЛ. VII – VIII В.)

Александр Михайлович Колоколов

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»,
г. Тула, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено выделению группы древностей 2-й пол. VII – VIII в. Верхнего Пooчья. На территории региона памятники мощинской культуры, бытовавшие с середины III в., практически исчезают около середины VII века. К этому же времени относится финал позднедьяковской культуры в бассейне р. Москвы и исчезновение основной части рязано-окских памятников в Среднем Пooчье. Начиная с IX в. на Верхней Оке возникают многочисленные памятники, соотносимые с древностями роменской культуры. Об этнокультурной картине региона в «предроменский» период до недавнего времени не имелось четкого представления. На сегодняшний день накоплен массив археологического материала, характерного для этого периода. Он представлен находками керамических сосудов, украшений и деталей поясного набора,

которые происходят с городищ Супруты, Петровское, Никулино, Муравлево, а также с селищ Каменка-1, Б. Тризново-3, Торхово-3, Уткино-1. На основании анализа находок можно предположить, что основным населением Верхнего Поочья в период 2-й пол. VII – VIII в. являлись носители древностей типа сахновки-волынцево. Находки сосудов мощинской традиции в комплексах IX–X вв. городища Супруты и поселения Каменка-1 свидетельствуют о существовании в предроменский и роменский периоды остатков населения, бытовавшего на территории региона с середины III по середину VII века. Изучение уникального поминального комплекса у деревни Гора Услань позволяет предполагать участие в сложении этнокультурной картины Верхнего Поочья во 2-й пол. VII – VIII в. представителей степного круга культур эпохи раннего Хазарского каганата.

Ключевые слова: Верхнее Поочье, 2-я пол. VII – VIII в., древности типа Сахновки-Волынцево, мощинская культура, керамика, элементы поясной гарнитуры, серьги пастырского типа, поминальный комплекс.

Цитирование. Колоколов А. М., 2024. Этнокультурная ситуация на территории Верхнего Поочья в «предроменский» период (2-я пол. VII – VIII в.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 136–156. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.7>

Освоение славянами Верхнего Поочья – часть этнокультурного процесса, происходившего на территории Днепро-Донского междуречья в последней трети I тыс. н.э. Значительную роль при этом играют древности роменской археологической культуры, сложившейся на территории Днепровского лесостепного левобережья в IX в. и далее распространившейся на Окско-Донской водораздел. Этап, предшествующий массовому заселению берегов Верхней Оки и ее притоков носителями древностей роменского типа, до недавнего времени был белым пятном на хронологической шкале региона. Он охватывает 2-ю пол. VII – VIII век. К сер. VII в. прекращают существование наиболее поздние памятники мощинской культуры, бытовавшие на территории региона с сер. III в. [Воронцов, 2022, с. 142–154]. Примерно этим же временем датируется финал позднедьяковской культуры в бассейне Москвы [Кренке, 2016] и исчезновение основной части рязано-окских памятников в среднем течении Оки [Ахмедов, 2010, с. 16]. Не выходят за рамки сер. VII в. и материалы колочинской культуры, обнаруженные в верховьях Оки в последние годы [Радюш, 2018, с. 87; Никитина, Дударев, 2019, с. 181]. На сегодняшний день накоплен определенный массив археологического материала, который позволяет сформировать предварительную этнокультурную картину региона в «предроменский» период.

Памятники с материалами этого времени, расположенные в верховьях Оки – это городище у д. Муравлево (рис. 1,3) и селище 3 у д. Сеножатное (рис. 1,5). Они локализируются в среднем течении реки Цон (левый при-

ток Оки). На городище Муравлево горизонт 2-й пол. VII – VIII в. маркируется находкой бронзовой подвески с псевдозернью, форма щитка которой схожа со звездчатыми серьгами из состава днепровских кладов 2-й группы (рис. 4,5) [Никитина, Дударев, 2019, с. 178, рис. 3]. Однако, в отличие от основной массы изделий, именуемых в литературе «серьги Пастырского типа» [Айбабин, 1973], изделие с Муравлево не имеет дужки, вместо которой в верхней части щитка расположена петля для подвешивания. Украшений полностью аналогичной конструкции найти пока не удалось. На селище Сеножатное-3 древности VIII в. представлены находками керамики волынцевского типа, собранными с поверхности памятника [Желудков и др., 2019, с. 176–177].

Значительно ниже по течению от упомянутых памятников (в 125 км) находится поселение Каменка-1 (рис. 1,2), где комплексы этого времени на территории региона впервые были изучены раскопками. Памятник многослойный и, помимо материалов интересующего нас периода, на нем представлены древности эпохи бронзы, IX–X вв. и позднего средневековья. В ходе многолетних раскопок на селище, помимо прочего, были исследованы две хозяйственные ямы (II и XLIX) с материалами сахновского типа [Екимов, Колоколов, 2023, рис. 14–16]. Памятники типа сахновки широко распространены на территории лесостепной зоны Днепровского правобережья и бассейна Северского Донца во 2-й пол. – кон. VII – VIII в. (рис. 8) [Казанский, 2014, с. 45–137; Обломский, Родинкова, 2014]. Из заполнения ям происходят три толстостенных лепных горшка с округлобким туловом и высо-

ким S-видным венчиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 2,1–3). Они имеют хорошо заглаженную поверхность, плотное тесто с примесью песка и мелкофракционного шамота. По профилировке они относятся к подтипу 1 типа I сахновской керамики по О.М. Приходнюку [Приходнюк, 1980, с. 49, рис. 27]. Также из ямы II происходит горшок с высоким прямым венчиком и четырьмя рядами пальцевых вдавлений – по срезу венчика, по шейке, плечу и тулову (рис. 2,4). Близкие по форме сосуды известны в волынцевских древностях VIII в., они относятся к типу 3 по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко [Смиленко, Юренко, 1990, с. 280, рис. 59,8]. В материалах того же круга известна и сходная орнаментация керамики. В частности, подобным образом украшены сосуды из культурного слоя волынцевского поселения Обмачев на р. Сейм [Майко, 2004, с. 50, рис. 2,4,5]. На сегодняшний день это единственное селище в бассейне Верхней Оки, где зафиксированы комплексы с материалами сахновского типа.

С этим же кругом древностей можно связать материалы постройки 3 XXVIII раскопа на городище Супруты (рис. 1,6). Стратиграфически эта постройка относится к наиболее раннему этапу славянского поселения на памятнике [Григорьев, 2008; Колоколов, 2011, с. 53, рис. 1], существовавшего вплоть до сер. X века. Из нее происходят два лепных сосуда (рис. 3,2,3), морфологически и орнаментально близкие горшкам из хозяйственных ям поселения Каменка-1, а также лепной горшок с округлыми плечиками и вертикальным венчиком (рис. 3,1), относящийся к волынцевским древностям VIII в. [Воронцов, 2006, рис. 28, 29; 2007, рис. 56,1]. Он близок к типу V волынцевской лепной керамики по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко [Смиленко, Юренко, 1990, с. 280, рис. 59,4]. Вещевых находок заполнения постройки не содержало.

Кроме материалов постройки 3, существование горизонта 2-й пол. VII – VIII в. на городище Супруты подтверждается двумя вещевыми находками с разрушенной части памятника. Одна из них – пятиугольная бронзовая поясная накладка. На лицевую часть изделия нанесен орнамент из трех вдавленных полушарий, вписанных в треугольник (рис. 4,8) [Колоколов, 2023а, с. 271, рис. 2,2]. Такой орнамент

характерен для предметов поясного набора типа Арадац-Фенлак, среди которых встречаются и накладки аналогичной формы. Эти предметы бытуют в середине – 2-й пол. VII в., в I среднеаварский период [Гавритухин, 2001, с. 111, 158, рис. 38]. Предметы этого типа известны также в составе Хорошевскогоклада сер. VIII в., обнаруженного на территории Подонцовья [Аксенов, 2022, с. 159, рис. 4,2].

Вторая находка – нашивка в форме песочных часов с рельефным сложносоставным орнаментом на внешней стороне [Григорьев, 2005, с. 77, рис. 30,16] (рис. 4,7). Подобные находки характерны для древностей среднего Поднепровья VII–VIII вв. [Щеглова, 2009, с. 39–66]. В частности, набор схожих изделий (26 экз.) происходит из клада с поселения Великие Будки, время сокрытия которого датируется рубежом VII–VIII – началом VIII в. [Горюнова, Родинкова, 1999, с. 188, 214, рис. 47,4].

Помимо этих находок и материалов постройки 3, к горизонту 2-й пол. VII – VIII в. на памятнике относится находка гончарного сосуда волынцевского типа из раскопа XIX 1973 года. Это округлободкий горшок с высоким вертикальным венчиком, украшенный линейным и волнистым орнаментом (рис. 3,4) [Колоколов, 2022, с. 218, рис. 19,5]. Схожие гончарные сосуды с лощением происходят с селищ Торхово-3 (рис. 1,8), из заполнения ям 36 и 65 раскопа IV (рис. 3,5,6) [Григорьев, 1997, рис. 27,1; 1998, рис. 33; 2005, с. 126, рис. 52,1,2] и Уткино-1 (рис. 1,10), из заполнения ямы 37 раскопа III (рис. 3,7) [Смирнова, 1989, с. 74–79]. Все они относятся к типу II волынцевской гончарной керамики по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко [Смиленко, Юренко, 1990, с. 283, рис. 60,4]. А.В. Григорьев связывал эти находки с финальным этапом существования волынцевских древностей, которые, по его мнению, продолжают существовать в бассейне Верхней Оки после 1-й четверти IX в. [Григорьев, 2004]. Однако, учитывая материалы сахновского типа, выявленные на территории региона, а также вещи 2-й пол. VII – VIII в., обнаруженные в комплексе городища Супруты, находки гончарной волынцевской керамики допустимо связывать с предроменским периодом освоения Верхней Оки. Сахновские памятники тесно связаны с материалами типа волынцево и отличаются от них в основном

отсутствием в их комплексе характерных гончарных сосудов с лощением. В литературе обозначение «древности типа сахновки-волынцево» применяется для характеристики культурной принадлежности памятников Левобережья Днепра и бассейна Северского Донца 2-й пол. – кон. VII – VIII в. [Казанский, 2014; Обломский, Родинкова, 2014].

Отдельные вещевые находки этого времени происходят еще с нескольких памятников бассейна Верхней Оки. Это элементы поясного набора и украшения, обнаруженные в процессе археологических разведок или переданные в фонды музея жителями близлежащих к памятникам населенных пунктов.

Одна из них происходит с городища у д. Никулино на р. Вашана (левый приток Оки) (рис. 1,4) Там, в процессе разведочных работ 2000 г. была обнаружена овальнорамчатая пряжка с фигурным щитком (рис. 4,9) [Колоколов, 2023а, с. 275, рис. 3,4]. Она относится к типу 25 по В.Б. Ковалевской и по материалам Северного Кавказа датируется VIII в. [Ковалевская, 1979, с. 30, табл. XIII,1]. Аналогичная пряжка происходит из катакомбы VII аланского могильника Чми, время сооружения которой А.К. Амброз относит к VIII в. [Амброз, 1971, рис. 13,19, с. 130]. С городищем у д. Никулино связан еще один комплекс находок, относящихся к несколько более раннему периоду. В 2020 г. в фонды музея были переданы детали ременной гарнитуры от поясов неволинского и агафоновского типов 2-й пол. VII – нач. VIII в.: 6 накладок и пряжка, выполненные из бронзы. По словам находчиков, предметы были обнаружены ими в осыпи ЮВ склона городища. Ими же были переданы 9 византийских фоллисов 20–40-х гг. VII в. (Иракий и Константин II), по сообщению найденные неподалеку от предметов ременной гарнитуры [Грибков, 2020, т. 1, с. 108–109, 169–177; т. 3, с. 41, рис. 261, с. 42, рис. 262]. На сегодняшний день городище у д. Никулино является наиболее северным памятником с материалами 2-й пол. VII – VIII века.

В ходе раскопок на городище Петровское на р. Упе в 2015 г. (рис. 1,7) был обследован западный склон городища. В числе прочего там была обнаружена находка, относящаяся к периоду 2-й пол. VII – VIII в., – фрагмент бронзового браслета прямоугольного

сечения с расширяющимися полыми концами, украшенными по кругу несколькими рядами пуансонного орнамента (рис. 4,6) [Простяков, 2015, рис. 197,3]. Такие браслеты характерны для днепровских кладов II группы, набор украшений из которых бытовал в период кон. VII – сер. VIII в. [Щеглова, 1990, с. 162–204; Родинкова, 2011, с. 247]. В частности, аналогичные изделия входят в состав Киевского клада 1892 г., Пастырского клада 1898 г. [Гавритухин, Щеглова, 1996, с. 240, рис. 61,20,22] и Зайцевского клада [Приходнюк, 2005, с. 172, рис. 67,8]. Находки подобных браслетов массово содержатся в материалах Пастырского городища, где, очевидно, осуществлялось их производство [Приходнюк, 2005, с. 45–47, 161, рис. 56, 1,2, 162, рис. 57,1,2, 163, рис. 58,3,4 и т. д.].

Объектов 2-й пол. VII – VIII в. в площади раскопа выявлено не было. Керамики типа сахновки-волынцево, характерной для синхронных памятников региона, в материалах памятника также не зафиксировано. В связи с этим встает вопрос о принадлежности находки к одному из горизонтов, представленных на городище. Хронологически ближайшие комплексы, изученные на памятнике, относятся к древностям мощинской и роменской культур.

Связь данной находки с горизонтом мощинской культуры маловероятна, так как материалов позднего ее этапа (VI – 1-я пол. VII в.) на городище не зафиксировано. Соотнесение браслета с материалами роменского периода существования памятника (IX–X вв.) возможно только при наличии аналогичных вещей из хронологически близких комплексов.

Единственная такая находка происходит с территории лесной зоны и связана с материалами культуры смоленских длинных курганов. Браслет был найден в погребении 1 кургана 2 могильника Цурковка [Седов, 1974, табл. 26,21]. Он изготовлен из бронзы и имеет прямоугольное сечение дужки, так же как и браслет с Петровского. Предмет был неоднократно и всесторонне рассмотрен в научной литературе. В целом исследователи сходятся во мнении, что погребение, из которого он происходит, можно датировать временем не ранее сер. VIII в. [Гавритухин, 1997, с. 49–50; Нефедов, 2000, с. 196]. При этом А.Д. Мачинская при рассмотрении материалов данно-

го захоронения № 1 и синхронного ему № 2, совершенного в том же кургане, приводит аналогии прочим вещам из них в слое сер. VIII – сер. IX в. Старой Ладogi [Мачинская, 1990, с. 57]. Это дает возможность предположить, что находка браслета на городище Петровское могла быть связана с наиболее ранним этапом заселения площадки городища носителями роменской культуры в IX веке.

Однако не стоит исключать, что находка относится к горизонту сахновки-волынцево, материалы которого не вошли в створ раскопа, площадь которого составила всего 54 кв. м. Ситуация же, когда на памятнике горизонт VIII в. непосредственно предшествует поселению роменской культуры, отмечается на всех перечисленных выше памятниках: городища Супруты и Никулино, селищах Торхово-3, Уткино-1 и Каменка-1.

Памятник, с которого происходит наиболее представительный набор вещей «предроменского» периода, – селище 3 у д. Б. Тризново. Поселение расположено на берегу безымянного оврага, впадающего в Упу, в 5,5 км к юго-западу от городища у с. Супруты (рис. 1,9). Раскопок на памятнике не проводилось. Поверхность его много лет распаивается, благодаря чему был собран представительный подъемный материал. Коллекция керамики состоит из маловыразительных стенок лепных сосудов с включениями дресвы и шамота в тесте [Столярова, 2017, рис. 298]. Кроме этого, в ходе обследований памятника в 2017 и 2022 гг.¹ были найдены четыре изделия из бронзы, относящиеся к интересующему нас периоду [Столярова, 2017, рис. 299]. Среди них – подковообразная поясная накладка с растительным орнаментом, принадлежащая к кругу древностей типа Врп-Ерсеке (рис. 4,4) [Колоколов, 2023а, с. 271, рис. 2,1]. Наиболее близкие аналогии ей происходят из эпонимных кладов 2-й пол. VII – нач. VIII в., обнаруженных на территории Балкан [Тотев, Пелевина, 2005, рис. 8,5–10, с. 90]. Схожие изделия входят в состав раннесалтовских наборных поясов VIII в. [Комар, 2001, с. 109–110].

Еще три находки представляют собой цельнолитые звездчатые подвески, имитирующие украшения, получившие в литературе наименование «серьги пастырского типа» [Айбабин, 1973].

Одна из них – крупная подвеска, с утратой большей части дужки. Сохранившаяся часть украшена канавкой по центру, а также подтреугольным выступом с насечками, грубо имитирующими зернь (рис. 4,2). Тремя идентичными выступами снабжен щиток серьги – круглой формы с полусферическим выступом в центре и рельефным бордюром по кругу. Данное изделие следует рассматривать в качестве упрощенной имитации украшений типа I-5 по А.И. Айбабину [Айбабин, 1973, с. 65, рис. 2,5]. Серьги этого типа массово представлены в комплексе Пастырского городища (тип 1-а по О.М. Приходнюку) [Приходнюк, 2005, с. 41–42, рис. 33,5, 45,9, 51,1–3,5,7, 52,1,5,7]. Прототипы находке с Б. Тризново-3 содержатся и в составе днепровских кладов II группы, в частности, в Киевском кладе 1892 г. [Гавритухин, Щеглова, 1996, с. 240, рис. 71,10]. Оттуда же происходит браслет, аналогичный находке с городища Петровское, рассмотренной выше (рис. 4,6). Более упрощенный вариант такой серьги входит в комплекс Хорошевского клада сер. VIII в. с территории Подонцовья, уже упоминавшегося при рассмотрении поясной накладки с Супрут [Аксенов, 2022, с. 159, рис. 4,2].

Вторая подвеска с селища имитирует украшения того же типа, однако отличается более грубым исполнением (рис. 4,3). По сути, это изделие лишь повторяет контур серег типа I-5, детали практически отсутствуют. Кроме того, оно имеет уменьшенный размер – почти в 2 раза по сравнению с первой подвеской и ее прототипами.

Третья подвеска, обнаруженная на памятнике, имеет в качестве прототипа украшения типа I-2 по А.И. Айбабину [Айбабин, 1973, с. 65, рис. 2,5] (рис. 4,1). Щиток изделия, помимо полусферического выступа в центре, окруженного нечетко оформленным орнаментом, также снабжен пятью гладкими подтреугольными лучами. Они подразумевают под собой пирамидки зерни, расположенные в том же порядке на украшениях-прототипах. В верхней части щитка расположен фрагмент простой дуги круглого сечения. Качество изделия низкое, на поверхности видны множественные литейные раковины. По оформлению лучей на щитке, форме дужки и размеру данное изделие схоже с подвеской из

состава Зайцевского клада, относящегося ко II группе днепровских кладов [Приходнюк, 2005, рис. 67,5].

Украшения, послужившие прототипами изделий с селища 3 у д. Б. Тризново, в основном изготовлены из серебра и, как уже упоминалось, массово встречаются в составе днепровских кладов II группы, а также в комплексе Пастырского городища. Наибольшее распространение они получают в период кон. VII – 1-й пол. VIII в. [Щеглова, 1990; Родинкова, 2011, с. 247; Рябцева, 2011, с. 255].

Таким образом, находки литых бронзовых подвесок, имитирующих пастырские серьги, в совокупности с лепной керамикой типа сахновки-волынцево маркируют наиболее ранний этап освоения региона представителями культур славянского круга.

В то же время есть косвенные основания полагать, что на территории Верхней Оки во 2-й пол. VII – VIII в., а возможно и позднее, продолжали существование носители мощинских культурных традиций. Говорить об этом позволяют отдельные находки керамических сосудов мощинских типов в жилых постройках IX–X веков. Таких комплексов на сегодняшний день известно всего два. Один из них – постройка XXII на селище Каменка-1 [Екимов, Колоколов, 2023, рис. 8–11]. От нее сохранился котлован подпрямоугольной формы, в северо-западном углу которого располагались остатки «печки-каменки» – отопительного устройства, типичного для славянских древностей региона IX–X веков. Под развалом печи было *in situ* зафиксировано скопление фрагментов груболепных роменских сосудов, среди которых был обнаружен неполный развал чернолощеной мощинской миски (рис. 5,3) типа V по А.М. Воронцову (рис. 5,4) [Воронцов, 2013, с. 90, рис. 10]. Условия обнаружения миски дают основания говорить о синхронности бытования керамики обеих традиций в контексте данного сооружения.

Второй объект, где зафиксировано одновременное существование посуды роменской и мощинской традиций, – постройка 1 раскопа XXVII на городище Супруты, в заполнении которой, наряду с множественными фрагментами и формами сосудов роменского типа, был *in situ* зафиксирован развал мощинского горшка (рис. 5,1) [Григорьев, 2002, рис. 59,1; Коло-

колов, 2011, с. 52, рис. 1] типа VI по А.М. Воронцову (рис. 5,4) [Воронцов, 2013, с. 90, рис. 10]. В отличие от объекта на селище Каменка-1, данная постройка имеет более точные хронологические рамки. Согласно внутренней периодизации памятника, разработанной А.В. Григорьевым, она относится к IV этапу существования славянского поселения, который непосредственно предшествует его гибели [Григорьев, 2008, с. 95–99]. По мнению автора данной статьи, гибель славянского поселения на площадке Супрутского городища наступила не ранее середины X в. [Колоколов, 2023в, с. 29].

Кроме того, в керамическом комплексе поселения IX–X вв. Супрутского городища имеется сосуд, демонстрирующий яркие черты смешения роменской и мощинской керамических традиций (рис. 5,2) [Колоколов, 2011, с. 52–53, рис. 1]. Он происходит из постройки 2 раскопа XXV [Григорьев, 2002, рис. 32]. Сама постройка относится к тому же периоду, что и постройка 1 раскопа XXVII, упомянутая выше [Григорьев, 2008, с. 95–99]. Ее *terminus post quem* определяет находка дирхема, отчеканенного в Самарканде при Аббасиде Ал-Му'тазз в 867 г. (определение А.В. Фомина) [Григорьев, 2002, с. 14]. Коническая форма сосуда, крупнофракционные примеси в тесте и грубая фактура поверхности соответствуют роменской керамической традиции. Оформление же верхней части горшка, а именно высокий, слегка отогнутый наружу венчик и дополнительный уступ, полученный путем увеличения толщины профиля на переходе от венчика к плечу, характерно для типа V мощинской посуды по А.М. Воронцову (рис. 5,4) [Воронцов, 2013, с. 90, рис. 10].

Следов мощинских традиций в материалах интересующего нас периода пока не известно, что, возможно, связано с крайней немногочисленностью изученных комплексов этого времени. Однако существование роменских построек, содержащих развалы сосудов мощинской культуры, подразумевает наличие связи между населением, появившимся на территории региона в IX в., и существовавшим на Верхней Оке до сер. VII века. Это возможно только при условии продолжения обитания определенной части носителей мощинских культурных традиций в период 2-й пол. VII – VIII века.

Наиболее ярко сложность этнокультурной ситуации на территории Верхнего Поочья в период, предшествующий массовой славянской колонизации, демонстрирует уникальный поминальный комплекс, исследованный в 2021 г. на площадке городища у д. Гора Услань на р. Упе (рис. 1,1). Он представлял собой округлое в плане и усеченно-коническое в профиле сооружение, сложенное из необработанных камней (рис. 6,6,7), под которым обнаружены остатки кострища, содержащего набор вещей: железный нож (рис. 6,3), миниатюрный лепной кувшин (рис. 6,5) и бронзовая пряжка (рис. 6,2), являющаяся датирующей находкой для данного комплекса. Аналогичные ей предметы содержатся в комплексах 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII в. мордовских могильников среднего и нижнего Поочья [Колоколов, 2023б, с. 181]. Еще две пряжки того же типа были обнаружены на площадке городища (рис. 7,2,3). У подножья сооружения был зафиксирован развал груболепного сосуда сахновского типа (рис. 6,1). К этому же кругу древностей относятся фрагмент лепного горшка из нижней части каменной насыпи (рис. 6,4), и профили сосудов, обнаруженные на площадке городища (рис. 7,4,5). На памятнике также был найден фрагмент зеркала (рис. 7,1), соотносимый с материалами VII – 1-й пол. VIII в. [Колоколов, 2023б, с. 183]. Изученный комплекс демонстрирует этнокультурный эклектизм: лепные сосуды, связанные с сооружением, относятся к материалам типа сахновки, пряжка из кострища под каменным сооружением встречает аналогии в мордовских древностях, находка же миниатюрного лепного кувшина и сама традиция сооружения подобных мемориальных комплексов имеют явное степное происхождение [Колоколов, 2023б, с. 184].

Таким образом, на основании имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных и разнородных материалов мы можем предварительно представить этнокультурную ситуацию, сложившуюся на территории Верхнего Поочья во 2-й пол. VII – VIII века. Основную роль в ее сложении играли древности типа сахновки-волынцево. С этим пластом древностей связаны находки бронзовых подвесок, имитирующих серьги пастырского типа, браслета с полыми окончаниями, предметов поясного набора, а также лепных и гончарных сосудов сахновского и

волынцевского типов. Географически ближайший памятник в сопредельном Деснинском регионе, на котором зафиксирован комплекс материалов типа сахновки – поселение Железное городище (рис. 8,3), расположенное в верховье р. Навля (лев. приток Десны). В 2014 г. в одном из раскопов на памятнике был исследован котлован жилой постройки подквадратной формы с глинобитной печью в углу. В заполнении постройки содержались фрагменты толстостенных лепных сосудов, которые были отнесены исследователями к древностям типа сахновки [Столяров, 2014, с. 20]. Конструкция жилища также характерна для памятников этого типа [Приходнюк, 1980, с. 26, рис. 7]. Ближайший к поселению Железное городище памятник Деснинского бассейна с древностями того же круга – поселение Новоямское-3, на р. Сев (лев. приток Неруссы, лев. приток Десны) (рис. 8,14). В 2015 г. на нем был исследован комплекс с материалами сахновки-волынцево, датированный нач. – 1-й пол. VIII в. [Обломский, 2016, с. 103–108]. С соседнего памятника – поселения Новоямское-1 – происходят ближайшие к нашему региону находки звездчатых подвесок пастырского типа [Шинаков и др., 2013, с. 89, рис. 4,3,4]. Географическое расположение этих поселений и ближайших к ним памятников Окского бассейна (городища Муравлево и селища Сеножатное-3) демонстрирует вектор проникновения населения на верхнюю Оку по речным капиллярам Окско-Деснинского водораздела.

Помимо древностей сахновки-волынцево, есть основания предполагать существование в предроменский и роменский периоды остатков населения, бытовавшего на территории региона с сер. III по сер. VII века. Подтверждением этому служат находки сосудов мощинской традиции в комплексах IX–X веков. Материалы поминального комплекса на городище Гора Услань указывают на участие в сложении этнокультурной картины региона во 2-й пол. VII – VIII в. представителей степного круга культур эпохи раннего Хазарского каганата.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Простяков И. С. Отчет об археологических разведках на территории г. Тулы, Белевского, Дубенского и Щекинского районов Тульской области в 2022 году. Отчет находится на стадии подготовки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

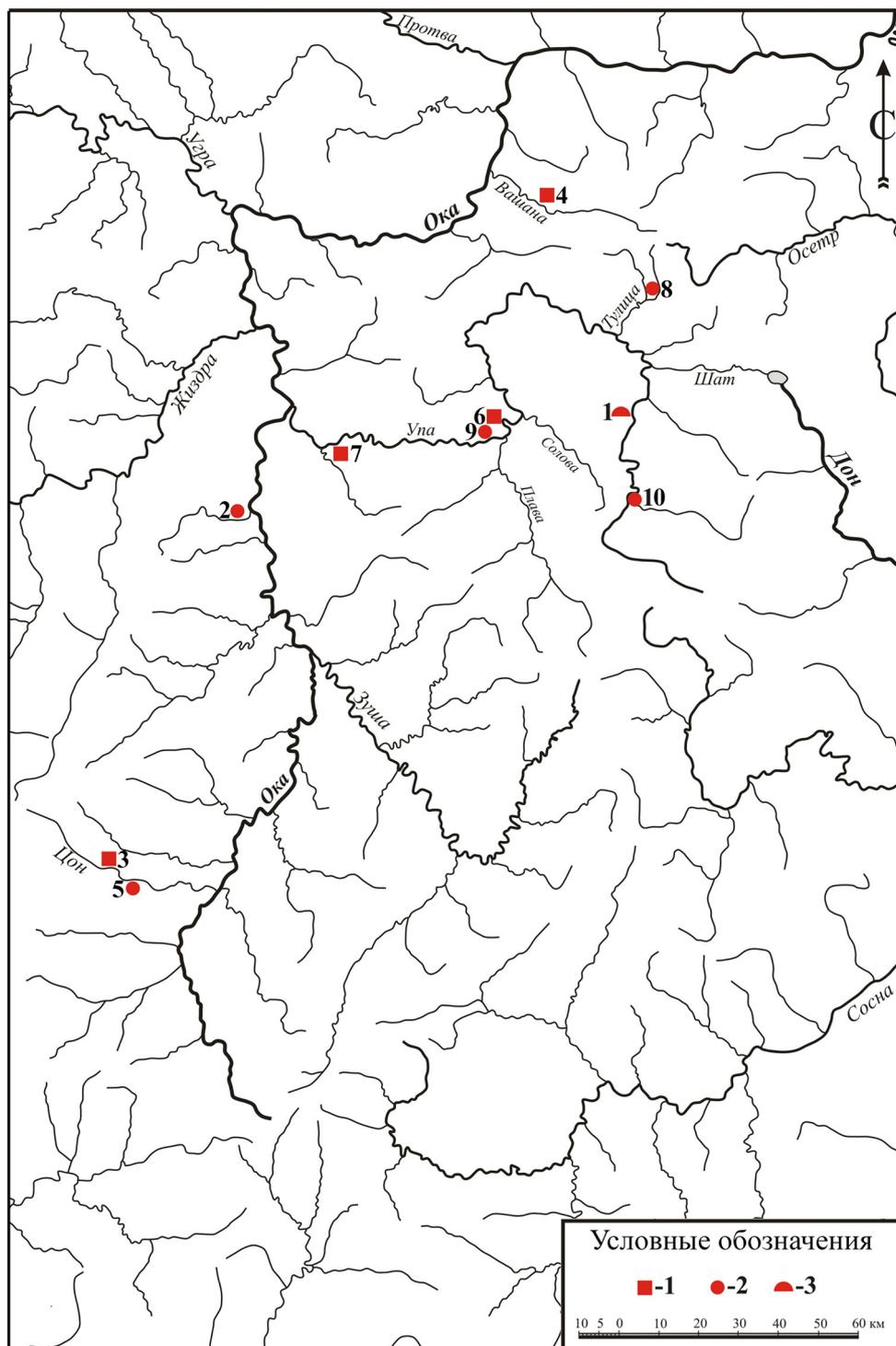

Рис. 1. Находки древностей 2-й пол. VII – VIII в. на территории Верхнего Поочья:

1 – Гора Услань; 2 – Каменка-1; 3 – Муравлево; 4 – Никулино; 5 – Сеножатное-3; 6 – Супруты;
7 – Петровское; 8 – Торхово-3; 9 – Б. Тризново-3; 10 – Уткино-1.

Условные обозначения: 1 – городище; 2 – селище; 3 – поминальный комплекс

Fig. 1. Finds of antiquities of the late 7th – 8th centuries in the Upper Oka region:

1 – Gora Uslan; 2 – Kamenka-1; 3 – Muravlevo; 4 – Nikulino; 5 – Senozhatnoe-3; 6 – Supruty;
7 – Petrovskoe; 8 – Torxovo-3; 9 – B. Triznovo-3; 10 – Utkino-1.

Legend: 1 – hillfort; 2 – settlement; 3 – memorial complex

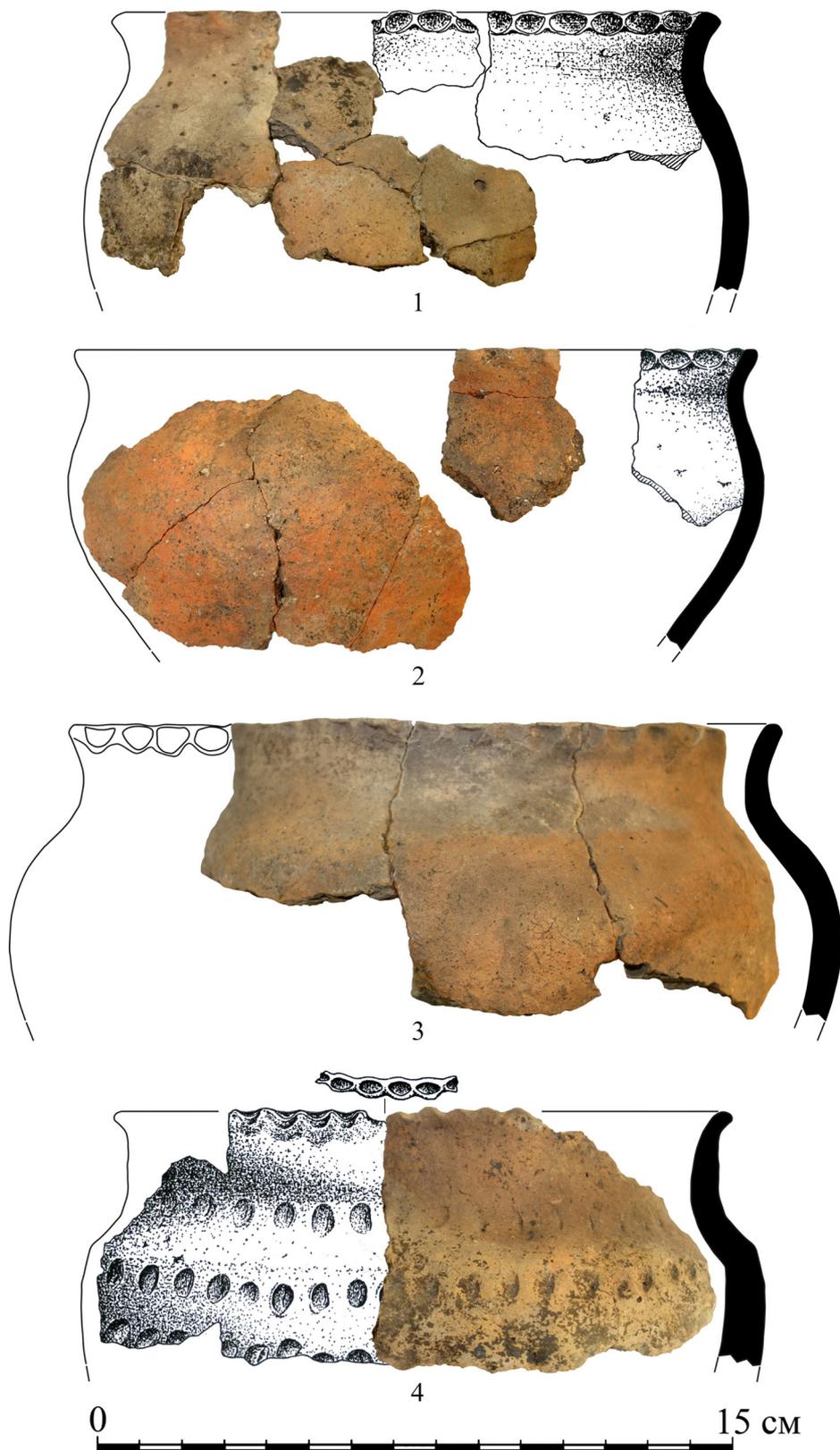

Рис. 2. Лепная керамика типа сахновки-волынцево с селища Каменка-1:

1, 2, 4 – яма II; 3 – яма XLIX

Fig. 2. Molded ceramics of the Sakhnovka-Volyntsevo type from the Kamenka-1 settlement:

1, 2, 4 – pit II; 3 – pit XLIX

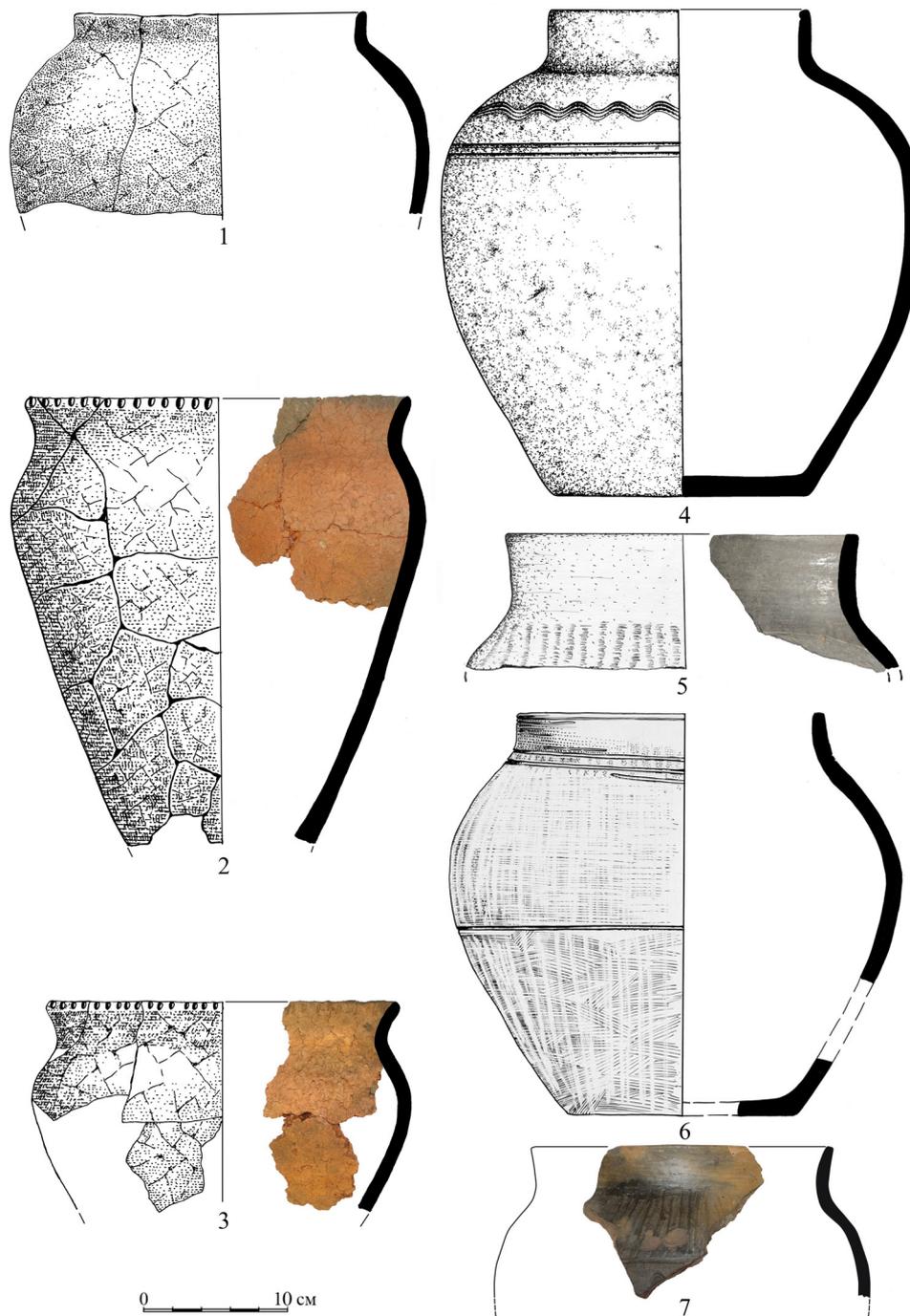

Рис. 3. Лепная керамика типа сахновки-волынцево и круговая керамика типа волынцево с памятников Верхнего Поочья:

1, 4-7 – керамика волынцевского типа; 2, 3 – керамика сахновского типа.

1-3 – лепные сосуды; 4-7 – круговые сосуды.

1-3 – городище Супруты (раскоп XXVIII, постройка 3); 4 – городище Супруты (раскоп XIX, Кв. 465, Пл. 5);
5, 6 – селище Торхово-3 (раскоп IV: 5 – яма 36; 6 – яма 65); 7 – селище Уткино-1 (раскоп III, яма 37)

Fig. 3. Molded ceramics of the Sakhnovka-Volyntsevo type and pottery vessels of the Volyntsevo type from the Upper Oka region sites:

1, 4-7 – ceramics of the Volyntsev type; 2, 3 – ceramics of the Sakhnovka type;

1-3 – handmade vessels; 4-7 – pottery vessels.

1-3 – Suprut hillfort (excavation XXVIII, building 3); 4 – Suprut hillfort, (excavation XIX, square 465, stratum 5);
5, 6 – Torhovo-3 settlement, excavation IV (5 – pit 36; 6 – pit 65); 7 – Utキノ-1 settlement (excavation III, pit 37)

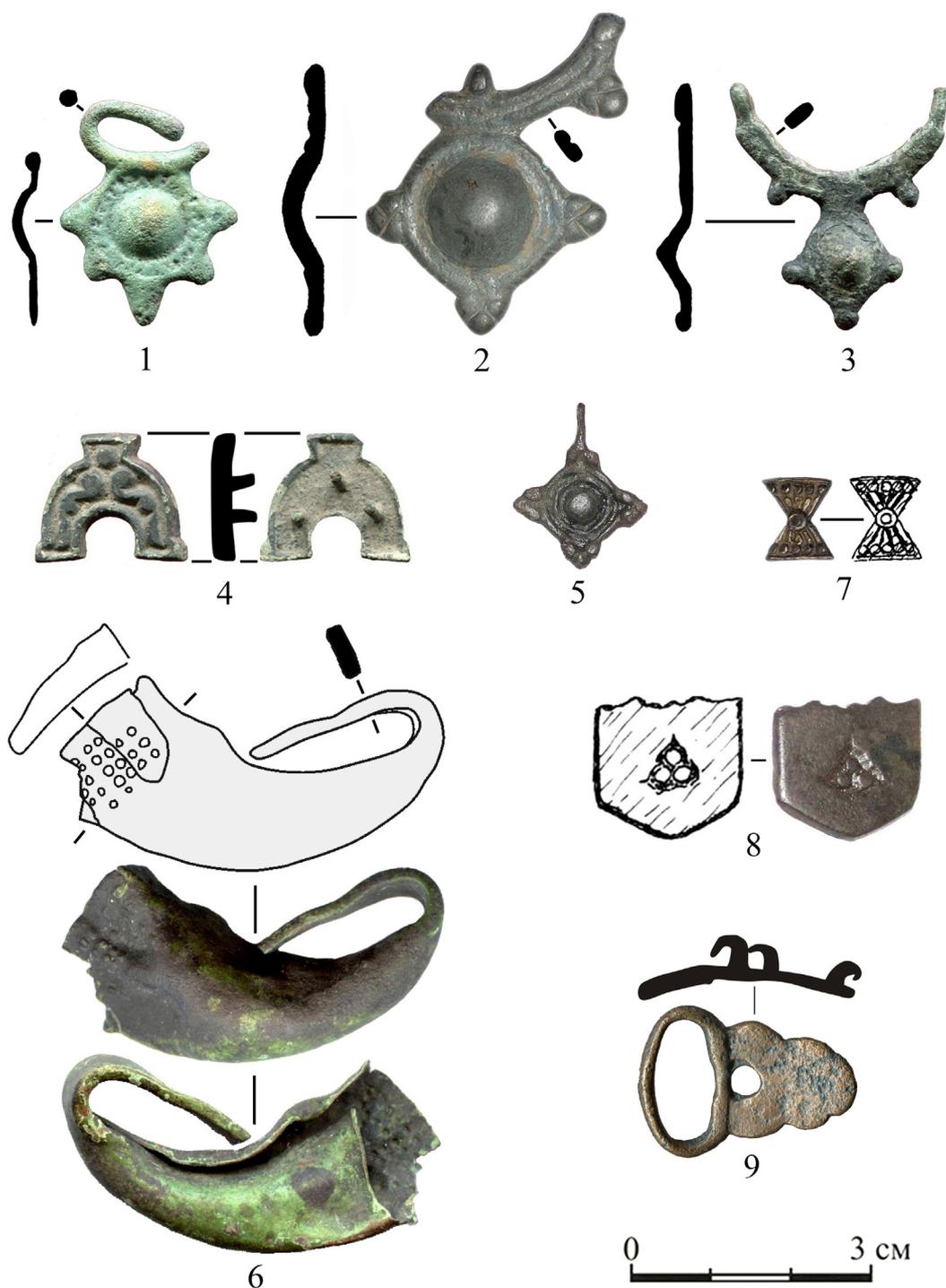

Рис. 4. Бронзовые вещевые находки 2-й пол. VII – VIII в. с памятников Верхнего Поочья (подъемный материал):

1–3, 5 – звездчатые подвески; 4, 8 – поясные накладки; 6 – фрагмент браслета; 7 – нашивка; 9 – пряжка.
 1–4 – селище 3 у д. Б. Тризново; 5 – городище у д. Муравлево; 6 – городище у с. Петровское;
 7, 8 – городище у д. Супруты; 9 – городище у с. Никулино

Fig. 4. Bronze finds of the late 7th – 8th centuries from sites of the Upper Oka region (finds from the surface of an archaeological site):

1–3, 5 – star pendants; 4, 8 – belt plates; 6 – bracelet fragment; 7 – patch; 9 – buckle.
 1–4 – settlement 3 near the village of B. Tryznovo; 5 – hillfort near the village of Muravlevo; 6 – hillfort near Petrovskoye village;
 7, 8 – hillfort near Supruty village; 9 – hillfort in the village of Nikulino

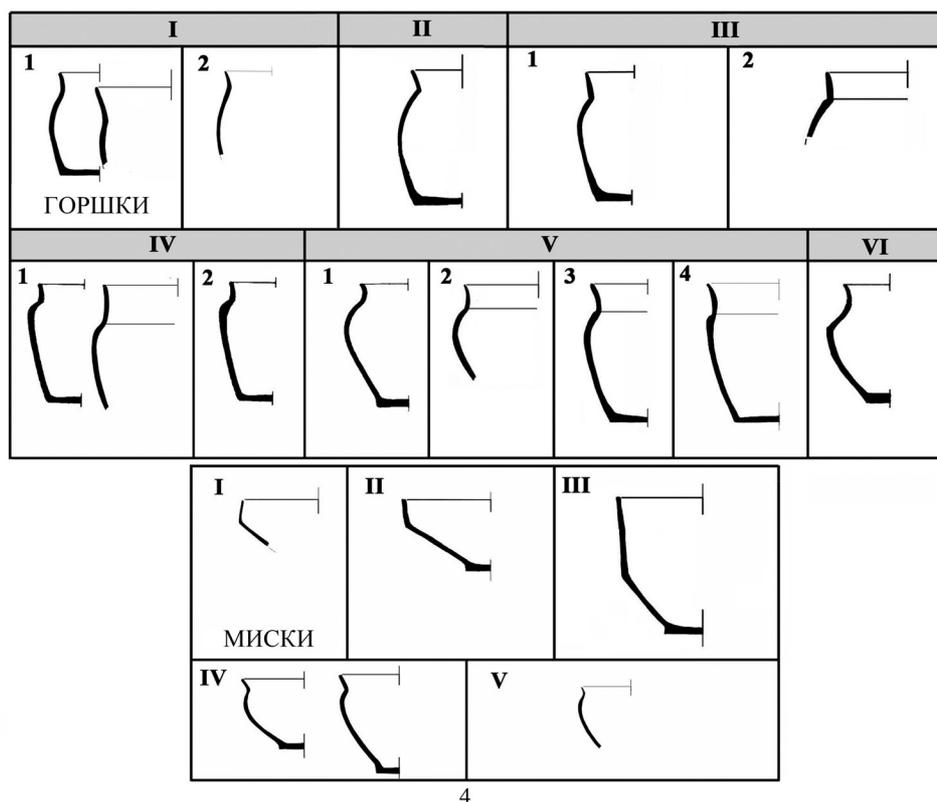
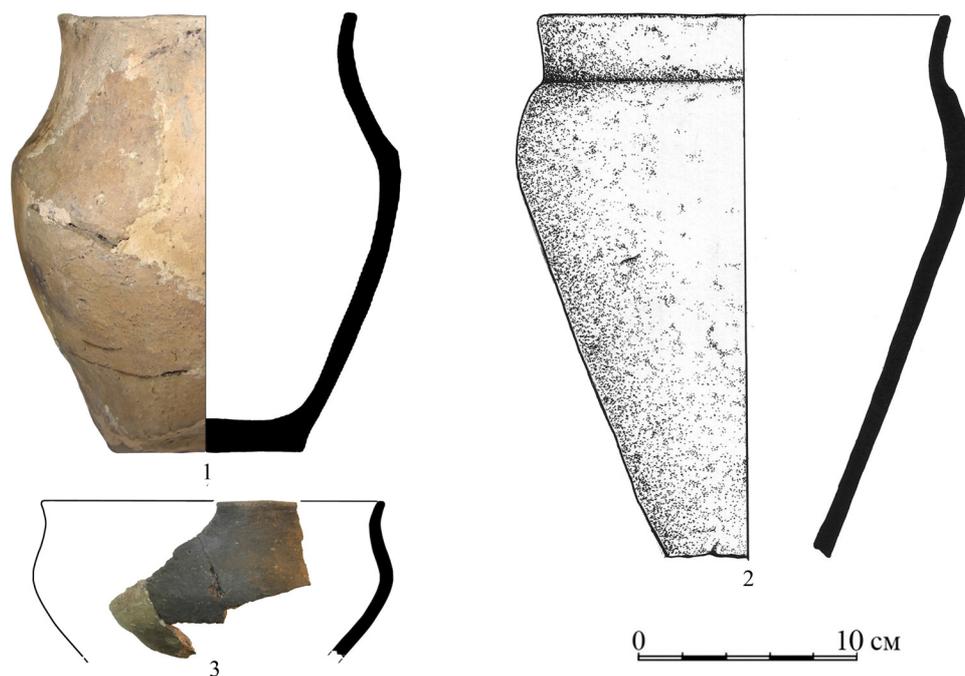

Рис. 5. Находки сосудов мощинской традиции в комплексах IX–X вв.:

1, 2 – городище у с. Супруты (1 – раскоп XXVII, постройка 1; 2 – раскоп XXV, постройка 2);
3 – селище Каменка-1 (постройка XXII); 4 – типология керамики мощинской культуры А.М. Воронцова

Fig. 5. Finds of vessels of the Moshchinsky tradition in the complexes of the 9th – 10th centuries:

1, 2 – hillfort near Supruty village (1 – excavation XXVII, building 1; 2 – excavation XXV, building 2);
3 – Kamenka-1 settlement (building XXII); 4 – typology of pottery of the Moshchinsky culture by A.M. Vorontsov

Рис. 6. Поминальный комплекс 2-й пол. VII – VIII в. на городище у д. Гора Услань:

1–5 – находки из поминального комплекса; 6 – поминальный комплекс после расчистки каменной насыпи;
7 – стратиграфический профиль каменной насыпи.

1 – лепной сосуд; 2 – пряжка; 3 – нож; 4 – фрагмент лепного горшка; 5 – миниатюрный лепной кувшин.

1 – подножье каменной насыпи; 2, 4 – кострище; 3 – 20 см. к СЗ от кострища; 5 – нижняя часть насыпи над кострищем.

1, 4, 5 – керамика; 2 – бронза; 3 – железо. Условные обозначения: а – темно-серый суглинок; б – камень;
в – древесный уголь; г – обожженная глина; д – зола; е – фрагмент керамики

Fig. 6. Memorial complex of the late 7th – 8th centuries on the hillfort near the Gora Uslan village:

1–5 – finds from the memorial assemblage; 6 – memorial assemblage after clearing the stone mound;
7 – stratigraphic profile of the stone mound.

1 – hand-made vessel; 2 – buckle; 3 – knife; 4 – fragment of hand-made pot; 5 – miniature hand-made jug.

1 – foot of a stone mound; 2, 4 – fireplace; 3 – 20 cm to the NW of the fireplace; 5 – lower part of the mound above the fireplace.

1, 4, 5 – ceramics; 2 – bronze; 3 – iron. Legend: a – dark grey loam; б – stone;
в – charcoal; г – burnt clay; д – ash; e – pottery fragment

Рис. 7. Находки с площадки и склонов городища у д. Гора Услань:

1 – фрагмент зеркала; 2, 3 – пряжки; 4, 5 – фрагменты лепных сосудов.
1–4 – склоны городища; 5 – раскоп 3, слой 0 (1–3 – бронза; 4, 5 – керамика)

Fig. 7. Finds from the site and slopes of the hillfort near Gora Uslan village:

1 – a mirror fragment; 2, 3 – buckles; 4, 5 – hand-made vessels fragments.
1–4 – hillfort slopes; 5 – excavation 3, layer 0 (1–3 – bronze; 4, 5 – pottery)

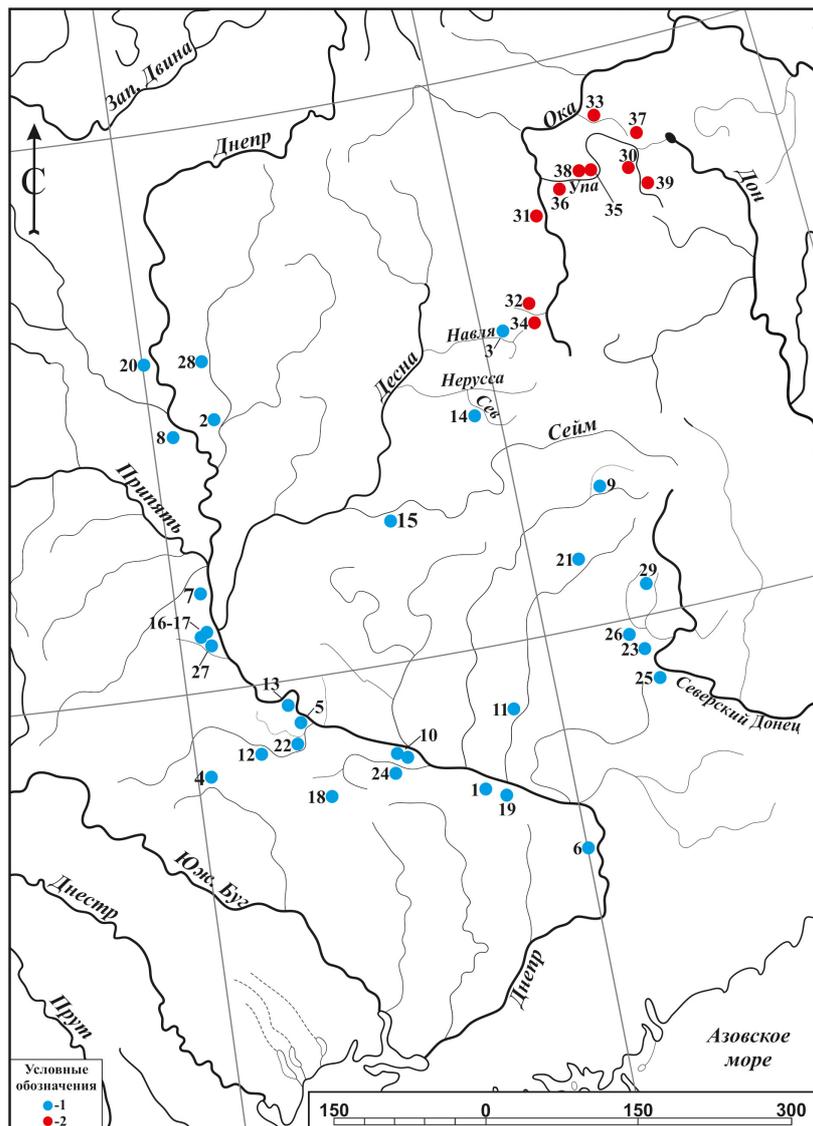

Рис. 8. Карта распространения памятников содержащих материалы сахновского типа на территории Поднепровья, Подесенья и Бассейна Северского Донца и памятников с материалами 2-й пол. VII – VIII в. в Верхнем Поочье:

- 1 – Б. Андрусовка; 2 – Гомель; 3 – Железное городище; 4 – Журавка Ольшанская; 5 – Канев; 6 – Канцерка; 7 – Киев; 8 – Колочин; 9 – Куриловка-2; 10 – Луг-1-2; 11 – Махучи; 12 – Момоты; 13 – Монастырек; 14 – Новоямское-2,3; 15 – Обмачев; 16 – Обухов-2; 17 – Обухов-7; 18 – Пастырское; 19 – Пеньковка; 20 – Проскурни; 21 – Рябовка; 22 – Сахновка; 23 – Соколово; 24 – Стецовка; 25 – Сухая Гомольша; 26 – Таранцево; 27 – Ходосовка; 28 – Черчерск; 29 – Шоссейное; 30 – Гора Услань; 31 – Каменка-1; 32 – Муравлево; 33 – Никулино; 34 – Сеножатное-3; 35 – Супруты; 36 – Петровское; 37 – Торхово-3; 38 – Б. Тризново-3; 39 – Уткино-1.

Условные обозначения: 1 – памятники, содержащие материалы сахновского типа на территории Поднепровья, Подесенья и бассейна Северского Донца; 2 – памятники с материалами 2-й пол. VII – VIII в. в Верхнем Поочье

Fig. 8. Map of the sites distribution containing the Sakhnov type materials in the territory of Dnieper, Desna and Seversky Donets regions and sites with materials of the late 7th – 8th centuries in the Upper Oka region:

- 1 – B. Andrusovka; 2 – Gomel'; 3 – Zheleznoe gorodishhe; 4 – Zhuravka Ol'shanskaya; 5 – Kanev; 6 – Kancerka; 7 – Kiev; 8 – Kolochin; 9 – Kurilovka-2; 10 – Lug-1-2; 11 – Maxuchi; 12 – Momoty'; 13 – Monasty'rek; 14 – Novoyamskoe-2,3; 15 – Obmachev; 16 – Obukhov-2; 17 – Obukhov-7; 18 – Pasty'rsкое; 19 – Pen'kovka; 20 – Proskurni; 21 – Ryabovka; 22 – Sakhnovka; 23 – Sokolovo; 24 – Steczovka; 25 – Suxaya Gomol'sha; 26 – Tarancevo; 27 – Hodosovka; 28 – Cherchersk; 29 – Shossejnoe; 30 – Gora Uslan'; 31 – Kamenka-1; 32 – Muravlevo; 33 – Nikulino; 34 – Senozhatnoe-3; 35 – Supruty'; 36 – Petrovskoe; 37 – Torkhovo-3; 38 – B. Triznovo-3; 39 – Utkino-1.

Legend: 1 – sites containing materials of the Sakhnov type in the territory of the Dnieper, Desna and Seversky Donets regions; 2 – sites with materials from the late 7th – 8th centuries in the Upper Oka region

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., 1973. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // Советская археология. № 3. С. 62–72.
- Аксенов В. С., 2022. Клад кузнеца-ювелира середины VIII в. с территории Харьковщины // Российская археология. № 1. С. 153–165.
- Амброз А. К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть II // Советская археология. № 3. С. 106–134.
- Ахмедов И. Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13. М. : ИА РАН. С. 7–34.
- Воронцов А. М., 2006. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2006 году. Том 1 // Архив ИА РАН. № Р-1. 36010.
- Воронцов А. М., 2007. Отчет о раскопках на городище Супруты и разведках на поселении Слободка у с. Супруты Щекинского района Тульской области в 2007 году. Том 1 // Архив ИА РАН. № Р-1. 42640.
- Воронцов А. М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.
- Воронцов А. М., 2022. Позднеримское время и эпоха Великого переселения народов (конец II–VII в.) // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 142–184.
- Гавритухин И. О., 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна – археалагічны зборнік. Вып. 12. Мінск : Інстытут гісторыі НАН Беларусі. С. 44–58.
- Гавритухин И. О., 2001. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк : Донец. нац. ун-т. С. 45–162.
- Гавритухин И. О., Щеглова О. А., 1996. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 53–57.
- Грибков А. В., 2020. Отчет о разведочных археологических исследованиях на территории Дубенского, Киреевского, Кимовского, Алексинского и Заокского районов Тульской области в 2020 году // Архив ИА РАН. № Р-1.
- Григорьев А. В., 1997. Отчет о раскопках на территории 3-го Городищенского завода у дер. Торхово Ленинского района Тульской области в 1997 году // Архив ИА РАН. № Р-1. №23152.
- Григорьев А. В., 1998. Отчет о работах на территории Дубенского и Ленинского районов Тульской области в 1998 году // Архив ИА РАН. № Р-1. № 21371.
- Григорьев А. В., 2002. Отчет о раскопках городища у с. Супруты Щекинского р-на Тульской обл. в 2002 году // Архив ИА РАН. № Р-1. № 47073.
- Григорьев А. В., 2004. О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ : КОРВІНПРЕСС. С. 23–25.
- Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 207 с.
- Григорьев А. В., 2008. О возможности внутренней периодизации Супрутского городища // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень : Тріада. С. 95–99.
- Горюнова В. М., Родинкова В. Е., 1999. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. № 4. С. 167–219.
- Екимов Ю. Г., Колоколов А. М., 2023. Материалы VIII–X вв. поселения Каменка-1 в меридиональном течении Верхней Оки // Куликово поле : история и археология. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 208–235.
- Желудков А. С., Акимова Е. Н., Смольянинов Р. В., 2019. Исследования в Хотынецком и Урицком районах // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. Липецк ; Воронеж : Новый взгляд. С. 176–177.

- Казанский М. М., 2014. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 15. М. : ИА РАН. С. 45–137.
- Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. Свод археологических источников. Вып. Е 1-2. М. : Наука. 58 с.
- Колоколов А. М., 2011. Лепная керамика роменского типа с городища Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Том II. СПб. ; М. ; В. Новгород : ИИМК РАН. С. 52–53.
- Колоколов А. М., 2022. Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 185–221.
- Колоколов А. М., 2023а. Элементы поясной гарнитуры с памятников VIII–X веков Окско-Донского водораздела // Археология Евразийских степей. № 3. С. 268–281.
- Колоколов А. М., 2023б. Поминальный комплекс 2-й половины VII–VIII в. у д. Гора Услань // Поволжская археология. № 2 (44). С. 173–188.
- Колоколов А. М., 2023в. Хронология памятников X века на территории Окско-Донского водораздела // Историко-географический журнал. Т. 2, № 1. С. 24–43.
- Комар А. В., 2001. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Т. 2. Самара : СОИКМ им. П.В. Алабина. С. 103–117.
- Кренке Н. А., 2016. Позднеладьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Раннеславянский мир. Вып. 17. М. : ИА РАН. С. 261–332.
- Майко В. В., 2004. Нова пам'ятка Волинцевської культури в Чернігівському Посеймі // Археологія. № 3. С. 48–54.
- Мачинская А. Д., 1990. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // Новгород и новгородская земля : история и археология. Т. 3. В. Новгород : РИО Упрполиграфиздат. С. 56–57.
- Нефедов В. С., 2000. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного Семинара 1996–1999. Псков : Псков. гос. объедин. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник. С. 191–199.
- Никитина А. В., Дударев В. А., 2019. Обследование городища Муравлёво-1 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. Липецк, Воронеж : Новый взгляд. С. 178–181.
- Обломский А. М., 2016. Материалы раннего средневековья на поселении Новоямское-3 // Русский сборник. Вып. 8. Брянск : РИО БГУ. С. 103–108.
- Обломский А. М., Родинкова В. Е., 2014. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 235. С. 381–403.
- Приходнюк О. М., 2005. Пастирське городище. Київ ; Чернівці : Зелена буковина. 244 с.
- Приходнюк О. М., 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ : Наукова думка. 152 с.
- Простяков И. С., 2015. Отчет об археологических раскопках на городище у с. Петровское в Одоевском районе Тульской области в 2015 году // Архив ИА РАН. № Р-1. 57410.
- Радюш О. А., 2018. Работы Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. Липецк, Воронеж : Новый взгляд. С. 83–87.
- Родинкова В. Е., 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху великого переселения народов: современное состояние исследований. // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии : материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 года. М. : ИА РАН. С. 239–265.
- Рябцева С. С., 2011. О находках украшений византийско-дунайских типов VIII–X вв. на территории Поднепровья и Поднестровья // Древности Восточной Европы : сб. науч. тр. к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков : Харьков. нац. ун-т им. В.Н. Каразина. С. 252–262.
- Седов В. В., 1974. Длинные курганы кривичей. Свод археологических источников. Вып. Е1-8/2. М. : Наука. 68 с.
- Смиленко А. Т., Юренко С. П., 1990. Керамика // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев : Наукова думка. С. 279–290.
- Смирнова М. Е., 1989. Отчет о работе Тульского отряда ДЭ ИААН СССР на селище Уткино Киреевского района Тульской области в 1989 году // Архив ИА РАН. № Р-1. 13613.

- Столяров Е. В., 2014. Отчет об археологических исследованиях на поселении Железное городище 1 в Шаблыкинском районе Орловской области в 2014 году // Архив ИА РАН. № Р-1. 48637.
- Столярова К. А., 2017. Отчет об археологической разведке в Щекинском районе Тульской области в 2017 г. Т. 1, 2 // Архив ИА РАН. № Р-1. 57923, 57924.
- Тотев Б., Пелевина О., 2005. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. Вып. 36. С. 85–103.
- Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Чубур А. А., 2013. Археологические исследования в Брянске и области в 2012 г. // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2012 г. № 1 (4). Брянск : Изд-во БГУ. С. 85–92.
- Щеглова О. А., 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск : Курский областной краеведческий музей. С. 162–204.
- Щеглова О. А., 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. XLIX. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 39–65.

REFERENCES

- Aybabin A.I., 1973. K voprosu o proishozhdenii serezhkek pastyr'skogo tipa [On the Origin of Pastyrskoye Type Earrings]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 62-72.
- Aksenov V.S., 2022. Klad kuznetsza-yuvelira serediny' VIII v. s territorii Khar'kovshhiny' [The Hoard of a Blacksmith-Jeweler of the Middle 8th Century from Kharkiv Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 153-165.
- Ambroz A.K., 1971. Problemy' rannesrednevekovoy khronologii Vostochnoy Evropy'. Chast' II [Problems of Early Medieval Chronology of Eastern Europe. Part 2]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 106-134.
- Akhmedov I. R., 1993. Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa) [The Problem of the “Final” Period of Ryazan-Oka Finnish Culture (About the Current State of the Topic)]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii n. e. Problemy i materialy* [Archaeology of Eastern Europe in the Mid – 1st Millennium AD. Problems and Materials]. Ranneslavyanskiy mir. Vyp. 13. Moscow, IARAS, pp. 7-16.
- Vorontsov A.M., 2006. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na gorodishhe Supruty' Shchekinskogo rayona Tul'skoy oblasti v 2006 godu. Tom 1 [Report on Archaeological Research at the Supruty Hillfort of Shchekinsky District, Tula Region in 2006. Vol. 1]. *Arkhir IA RAN*, no. P-1. 36010.
- Vorontsov A.M., 2007. Otchet o raskopkakh na gorodishhe Supruty' i razvedkakh na poselenii Slobodka u s. Supruty' Shchekinskogo rayona Tul'skoy oblasti v 2007 godu. Tom 1 [Report on Archaeological Research in Shchekinsky, Plavsky, Chernsky and Zaoksky Districts of Tula Region in 2007. Vol. 1]. *Arkhir IA RAN*, no. P-1. 42641.
- Vorontsov A.M., 2013. *Kul'turno-khronologicheskie gorizonty' pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela* [Cultural and Chronological Horizons of the Sites of the II–V Centuries on the territory of the Oka-Don Watershed]. Tula, “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve. 173 p.
- Vorontsov A.M., 2022. Pozdnerimskoe vremya i epoha Velikogo pereseleniya narodov (konets II–VII vek) [Late Roman Times and the Great Migration (Late 2nd to 7th centuries)]. *Arkheologiya Oksko-Donskogo vodorazdela. Kniga 1. S drevneyshikh vremen do Srednevekov'ya* [Archaeology of the Oka-Don Watershed. Book 1. From Ancient Times to the Middle Ages]. Tula, “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, pp. 142-184.
- Gavritukhin I.O., 1997. Malen'kie trapetsievидnye podveski s poloskoy iz pressovannykh tochek po nizhnemu krayu [Small Trapezoidal Pendants with a Band of Pressed Dots along the Bottom Edge]. *Historychna-arkhealohichny zbornik* [Historical-Archaeological Compilation], iss. 12. Minsk, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, pp. 44-58.
- Gavritukhin I.O., 2001. Khronologiya «sredneavarskogo» perioda [Chronology of the “Middle Avar” Period]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Europe in the Middle Ages], vol. 2. Donetsk, DonNU, pp. 45-162.
- Gavritukhin I.O., Scheglova O.A., 1996. Gruppy' dneprovskikh rannesrednevekovy'h kladov [Groups of Dnieper Early Medieval Hoards]. *Gavritukhin I.O., Oblomsky A.M. Gaponovskii klad i ego kulturno-istoricheskii*

- kontekst* [Gaponovo Hoard and its Cultural and Historical Context]. *Rannelslavianskiy mir. Arkheologiya slav'an i ikh sosedei*. Iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 53-57.
- Gribkov A.V., 2020. Otchet o razvedochnykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Dubenskogo, Kireevskogo, Kimovskogo, Aleksinskogo i Zaokskogo rayonov Tul'skoy oblasti v 2020 godu [Report on Exploratory Archaeological Research on the Territory of Dubenskiy, Kireevskiy, Kimovskiy, Aleksinskiy and Zaokskiy Districts of the Tula Region in 2020]. Vol. 1. *Arkhib IA RAN*, no. P-1, un-numbered.
- Gribkov A.V., 2020. Otchet o razvedochnykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Dubenskogo, Kireevskogo, Kimovskogo, Aleksinskogo i Zaokskogo rayonov Tul'skoy oblasti v 2020 godu [Report on Exploratory Archaeological Research on the Territory of Dubenskiy, Kireevskiy, Kimovskiy, Aleksinskiy and Zaokskiy Districts of the Tula Region in 2020]. Vol. 3. *Arkhib IA RAN*, no. P-1.
- Grigor'ev A.V., 1997. Otchet o raskopkakh na territorii 3-go Gorodishenskogo zavoda u der. Torkhovo Leninskogo rayona Tul'skoy oblasti v 1997 godu [Report on the Excavations at the 3rd Gorodishenskiy Plant Near the Torhovo Village, Leninsky District, Tula Region, 1997]. *Arkhib IA RAN*, no. P-1, 23152.
- Grigor'ev A.V., 1998. Otchet o rabotah na territorii Dubenskogo i Leninskogo rayonov Tul'skoy oblasti v 1998 godu [Report on Works on the Territory of Dubno and Lenin Districts of Tula Region in 1998]. *Arkhib IA RAN*, no. P-1, 21371.
- Grigor'ev A.V., 2002. Otchet o raskopkakh gorodishha u s. Supruty' Shhekinskogo r-na Tul'skoy obl. v 2002 godu [Report on Excavations of the Settlement near Supruty Village, Shchekinsky District, Tula Region, 2002]. *Arkhib IA RAN*, no. P-1, 47073.
- Grigor'ev A.V., 2004. O final'nom etape volyntsevskikh drevnostey [About the Final Stage of Volyntsovskiy Antiquities]. *Starodavniy Iskorosten' i slov'yanski gradi VIII–X st.* [Ancient Iskorosten and Slavic Castles of the 8th and 9th Centuries]. Kyiv, KORVIN PRESS Publ., pp. 23-25.
- Grigor'ev A.V., 2005. *Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I – nachale II tys. n.e.* [The Slavic Population of the Oka and Don Watershed at the End of the 1st – Beginning of the 2nd Millennium AD]. Tula, “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve. 207 p.
- Grigor'ev A.V., 2008. O vozmozhnosti vnutrenney periodizatsii Suprutskego gorodishha [On the Possibility of Internal Periodisation of the Suprut Hillfort]. *Starodavniy Iskorosten' i slov'yanski gradi, tom 1* [Ancient Iskorosten and Slavic Castles, vol. 1]. Korosten, Triada Publ., pp. 95-99.
- Goryunova V.M., Rodinkova V.E., 1999. Rannelslavianskoe poselenie Velikie Budki (Khutor) [The Early Slavic Settlement Velikiye Budki (Khutor)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 167-219.
- Ekimov Yu.G., Kolokolov A.M., 2023. Materialy' VIII–X vv. poseleniya Kamenka-1 v meridional'nom techenii Verkhney Oki [Materials from the 8th – 10th Centuries of the Kamenka-1 Settlement in the Meridional Course of the Upper Oka]. *Kulikovo Pole: istoriya i arkheologiya* [Kulikovo Field: History and Archaeology]. Tula, “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve Publ., pp. 208-235.
- Zheludkov A.S., Akimova E.N., Smol'yaninov R.V., 2019. Issledovaniya v Khotynetskom i Uritskom rayonah [Studies in Khotynets and Uritskiy Districts]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e 2018* [Archaeological Research in the Central Blackearth Region 2018]. Lipetsk, Voronezh, Novyy vzglyad Publ., pp. 176-177.
- Kazanski M.M., 2014. Arkheologicheskaya situatsiya v Srednem Podneprov'e v VII v. [Archaeological Situation in the Middle Podneprovye in the 7th Century]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [Interaction Between Eastern European Populations During the Great Migrations]. *Rannelslavianskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei*. Vyp. 15 Moscow, IA RAS, pp. 45-137.
- Kovalevskaya V.B., 1979. *Poyasnye nabory Evrazii IV–IX vv. Pryazhki* [Belt Sets of Eurasia of the 4th – 9th Centuries. Buckles]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov SSSR*. Vyp. E1-2. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 58 p.
- Kolokolov A.M., 2011. Lepnaya keramika romenskogo tipa s gorodishha Supruty' [Romenskiy-Type Moulded Ceramics from the Supruty Hillfort]. *Trudy' III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. II. Moscow, Saint Petersburg, Veliky Novgorod, IHMC, pp. 52-53.
- Kolokolov A.M., 2022. Epoha formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The Era of the Formation of the Old Russian State]. *Arkheologiya Oksko-Donskogo vodorazdela. Kniga 1. S drevneyshikh vremen do Srednevekovyaya* [Archaeology of the Oka-Don Watershed. Book 1. From Ancient Times to the Middle Ages]. Tula, “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, pp. 184-202.

- Kolokolov A.M., 2023a. Elementy pojasnoy garnitury s pamyatnikov VIII–X vekov Oksko-Donskogo vodorazdela [Belt Set Details from Archaeological Sites of the VIIIth – Xth Centuries from Oka and Don Watershed]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of Eurasian Steppes], no. 3, pp. 268-281.
- Kolokolov A.M., 2023b. Pominal'nyy kompleks 2-y poloviny VII – VIII vv. u d. Gora Uslan' [Memorial Complex of the Second Half of the 7th – 8th Centuries at the Hillfort Near the Village of Gora Uslan]. *Povolzhskaya Arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (44), pp. 173-188.
- Kolokolov, A.M., 2023v. Hronologiya pamyatnikov X veka na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Chronology of the 10th Century Archaeological Sites in the Territory of the Oka-Don Watershed]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], vol. 2, no. 1, pp. 24-43.
- Komar A.V., 2001. Proiskhozhdenie pojasnyh naborov rannesaltovskogo tipa [Origin of Belt Sets of the Early Saltov Type]. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (iz istorii kostyuma)* [Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of the 1st Millennium AD (Excerpts on the History of Costume)], vol. 2. Samara, Samara Regional Museum of Local Lore named after P.V. Alabin, pp. 103-117.
- Krenke N.A., 2016. Pozdnyakovskaya kultura na territorii basseyna Moskvy-reki [Late Dyakovo Culture on the Territory of the Moscow River Basin]. *Rannesrednevekovy'e drevnosti lesnoy zony 'Vostochnoy Evropy' (V–VII vv.)* [Early Medieval Antiquities of the Forest Zone of Eastern Europe (5th – 7th Centuries)]. *Ranneslavyanskiy mir*. Iss. 17. Moscow, IA RAS, pp. 261-332.
- Mayko V.V., 2004. Nova pamyatka Volintsevskoy kultury v Chernigivskomu Posejmyu [A New Site of Volyns'ke Culture in Chernihiv's Poseyemye]. *Arkheologiya* [Archaeology], no. 3, pp. 48-54.
- Machinskaya A.D., 1990. Ladoga i kul'tura smolenskih dlennykh kurganov: problemy khronologii [Ladoga and the Culture of Smolensk Long Barrows: Problems of Chronology]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya: istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod Land: History and Archaeology], vol. 3. Veliky Novgorod, RIO Uprpoligrafizdat Publ., pp. 56-57.
- Nefedov V.S., 2000. O vremeni vozniknoveniya kul'tury smolensko-polotskih dlennykh kurganov [On the Time of Emergence of the Smolensk-Polotsk Long Barrows Culture]. *Arkheologi i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Materialy' nauchnogo Seminara 1996–1999* [Archaeologists and History of Pskov and Pskov Land. Materials of the Scientific Seminar 1996–1999]. Pskov, Pskov State United Historical, Architectural and Art Museum Reserve, pp. 191-199.
- Nikitina A.V., Dudarev V.A., 2019. Obsledovanie gorodishha Muravlyovo-1 [Study of the Hillfort of Muravlevo-1]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e 2018* [Archaeological Research in the Central Blackearth Region 2018]. Lipetsk, Voronezh, Novyy vzglyad Publ., pp. 178-181.
- Oblomsky A.M., 2016. Materialy rannego srednevekovya na poselenii Novoyamskoe-3 [Early Medieval Materials from the Novoyamskoye-3 Settlement]. *Russkiy sbornik* [Russian Collection], iss. 8. Bryansk, Editorial and Publishing Department of Bryansk State University, pp. 103-108.
- Oblomsky A.M., Rodinkova V.E., 2014. Etnokul'turnyy perelom v Podneprov'e v VII v. n.e. Khronologiya sobytiy [The Ethno-Cultural Watershed in the Dnieper valley in VII c. AD. Sequence of Events]. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 235, pp. 381-403.
- Prikhodnyuk O.M., 2005. *Pastirs'ke gorodishhe* [Pastirsk Hillfort]. Kyiv, Chernivci, Zelena Bukovina Publ. 244 p.
- Prikhodnyuk O.M., 1980. *Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Pridniprov'ya VI–IX st. n.e.* [Archaeological Sites of the Middle Dnieper Region of the 6th – 9th Centuries AD]. Kyiv, Naukova Dumka Publ. 152 p.
- Prostyakov I.S., 2015. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gorodishhe u s. Petrovskoe v Odoevskom rayone Tul'skoy oblasti v 2015 godu [Report on Archaeological Excavations at the Hillfort Near the Village of Petrovskoye in Odoyevsky District, Tula Region, 2015]. *Arkhiv IA RAN*, no. P-1, 57410.
- Radyush O.A., 2018. Raboty' Seyminsko-Sudzhinskoy ekspeditsii IA RAN [Works of the Seiminsko-Sudzha Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentralnom Chernozem'e 2017* [Archaeological Research in the Central Blackearth Region 2017]. Lipetsk, Voronezh, Novyy vzglyad Publ., pp. 83-87.
- Rodynkova V.E., 2011. Zhenskiy kostyum dneprovskih plemen v epohu velikogo pereseleniya narodov: sovremennoe sostoyanie issledovaniy [Women's Costume of the Dnieper Tribes in the Epoch of the Great Migration: Current State of Research]. *Novye issledovaniya po arkheologii stran SNG i Baltii: materialy Shkoly molodykh arkheologov. Kirillov, 3–12 sentyabrya 2011 goda* [New Research on Archaeology of the CIS and Baltic States: Materials of the School of Young Archaeologists. Kirillov, 3-12 September 2011]. Moscow, IA RAS, pp. 239-265.

- Ryabtseva S.S., 2011. O nakhodkakh ukrasheniy vizantiysko-dunayskikh tipov VIII–X vv. na territorii Podneprovya i Podnestrovyia [Findings of Ornaments of the Byzantine-Danubian Types from the 8th – 10th Centuries in the Dnieper and Dniester Regions]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy: sb. nauch. tr. k 90-letiyu B.A. Shramko* [Antiquities of Eastern Europe: Collected Papers for the 90th Anniversary of B.A. Shramko]. Khar'kov, Khar'kov. nats. un-t im. V.N. Karazina, pp. 252-262.
- Sedov V.V., 1974. *Dlinnye kurgany krivichey* [Long Barrows of Krivichi]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov. Vyp. E1-8/2. Moscow, Nauka Publ. 68 p.
- Smilenko A.T., Yurenko S.P., 1990. Keramika [Ceramics]. *Slavyane yugo-vostochnoy Evropy v predgosudarstvennyy period* [Slavs of South-Eastern Europe in the Pre-State Period]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., pp. 279-290.
- Smirnova M.E., 1989. Otchet o rabote Tul'skogo otryada DE IAAN SSSR na selishhe Utkino Kireevskogo rayona Tul'skoy oblasti v 1989 godu [Report on the Work of the Tula Team of the Desninsky Archaeological Expedition of the Institute Archeology of Academy of Sciences of the USSR at the Utkino Settlement, Kireevsk District, Tula Region, 1989]. *Arkhiv IA RAN*, no. P-1, 13613.
- Stolyarov E.V., 2014. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na poselenii Zheleznoye gorodishhe 1 v Shablykinskom rayone Orlovskoy oblasti v 2014 godu [Report on Archaeological Research at the Settlement Zheleznoye Gorodishche 1 in Shablykinskiy District, Orel Region in 2014]. *Arkhiv IA RAN*, no. P-1, 48637.
- Stolyarova K.A., 2017. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Schekinskom rayone Tul'skoy oblasti v 2017 g. Tom 1, 2 [Report on Archaeological Reconnaissance in the Shchekinskiy District of the Tula Region in 2017. Vol. 1, 2]. *Arkhiv IA RAN*, no. P-1, 57923, 57924.
- Totev B., Pelevina O., 2005. Novye dannye o rannesrednevekovykh poyasakh dunayskikh bolgar [New Data on Early Medieval Belts of the Danube Bulgarians]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], iss. 36, pp. 85-103.
- Shinakov E.A., Gur'yanov V.N., Chubur A.A., 2013. Arkheologicheskie issledovaniya v Bryanske i oblasti v 2012 godu [Archaeological Research in Bryansk and the Region in 2012]. *Ezhegodnik NII fundamental'nyh i prikladnyh issledovaniy za 2012 god* [Yearbook of the Scientific Research Institute of Fundamental and Applied Research for 2012], no. 1 (4). Bryansk, BSU, pp. 85-92.
- Shcheglova O.A., 1990. O dvuh gruppakh «drevnostey antes» v Srednem Podneprov'e [Two Groups of “Antiquities of the Antes” in the Middle Dnieper Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya* [Materials and Research on the Archaeology of the Dnieper Left Bank]. Kursk, Kursk Regional Museum of Local Lore, pp. 162-205.
- Shcheglova O.A., 2009. Volny rasprostraneniya veshchey iz Podunavya na severo-vostok v VI–VIII vv. kak otrazhenie migratsii ili kul'turnykh vliyaniy [Waves of the Spread of Things from the Danube Region to the Northeast in the 6th – 8th Centuries as a Reflection of Migrations or Cultural Influences]. *Slozhenie Russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednyevyevoy istorii Starogo Sveta* [The Formation of Russian Statehood in the Context of the Early Medieval History of the Old World]. Transactions of the State Hermitage. Vol. XLIX. Saint Petersburg, State Hermitage Museum, pp. 39-65.

Information About the Author

Aleksandr M. Kolokolov, Researcher, Kulikovo Pole State Museum and Reserve, Prosp. Lenina, 47, 300041 Tula, Russian Federation, kolokoloff.sasha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6099-6319>

Информация об авторе

Александр Михайлович Колоколов, научный сотрудник, Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», просп. Ленина, 47, 300041 г. Тула, Российская Федерация, kolokoloff.sasha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6099-6319>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.8>

UDC 551.89
LBC 26.339

Submitted: 01.09.2023
Accepted: 10.11.2023

APPLICATION OF MICROBIOMORPHIC AND TOTAL PHOSPHORUS ANALYSES TO THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE SREDNY ZELENCHUK TEMPLE, NIZHNY ARKHYZ HILLFORT

Inga A. Druzhinina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Olga A. Druzhinina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandra A. Golyeva

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Victor N. Chkhaidze

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the first geoarchaeological study of the materials of Christian burials identified in the interior of the Middle Zelenchuk temple of the 10th century in the Nizhne-Arkhyz ancient settlement (Republic of Karachay-Cherkessia). The results of microbiomorphic (phytolith) and total phosphorus content analyses allowed us to reveal previously unknown features of the funeral rites of the multicultural and multi-ethnic Christian population of one of the largest cities of the North Caucasus in the Middle Ages. The differences in funerary practices between the 11th and 13th centuries became evident when studying even a small group of funerary complexes in which people of the same social group – representatives of the social elite of Western Alania – were buried. The geoarchaeological study showed an abundance of plant and animal organic matter in the burials. The complex analysis of archaeological materials and data obtained during the microbiomorphic study allowed us to conclude that members of the urban Christian community had several burial traditions: in stone boxes (tombs), in wooden frames, and a mixed ritual when a wooden structure was placed in a stone box. The presence of wooden bark particles in the burials seems to be related not so much to the material from which the burial structures were made as to the presence in the graves of bark or bast objects (bast caskets or boxes, birch bark amulets, toys, etc.). The tradition known from pagan Alanian burials of placing the head of the deceased on a “stone cushion” (more typical for male burials) was preserved in early Christian burials. In one of the four women’s graves studied, the analysis showed the presence of a “hay pillow.” Probably, before the burial, a ritual of washing the deceased was performed, as evidenced by the presence of diatoms and sponge spicules in the samples.

Key words: microbiomorphs, phytoliths, total phosphorus, Alania, Northern Caucasus, Early Christianity.

Citation. Druzhinina I.A., Druzhinina O.A., Golyeva A.A., Chkhaidze V.N., 2024. Kompleksnoe izuchenie pogrebeniy iz Srednego Zelenchukskogo hrama na gorodishche Nizhniy Arhyz: rezul'taty analiza mikrobiomorfnykh spektrov i valovogo fosfora [Application of Microbiomorphic and Total Phosphorus Analyses to the Archaeological Study of the Sredny Zelenchuk Temple, Nizhny Arkhyz Hillfort]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 157-173. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.8>

**КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ
ИЗ СРЕДНЕГО ЗЕЛЕНЧУКСКОГО ХРАМА НА ГОРОДИЩЕ НИЖНИЙ АРХЫЗ:
РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА МИКРОБИОМОРФНЫХ СПЕКТРОВ
И ВАЛОВОГО ФОСФОРА**

Инга Александровна Дружинина

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Ольга Александровна Дружинина

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Александра Амуриевна Гольева

Институт географии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Виктор Николаевич Чхаидзе

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты первого геоархеологического изучения материалов христианских погребений, выявленных в интерьере Среднего Зеленчукского храма X в. Нижне-Архызского городища (Республика Карачаево-Черкесия). Результаты microbiomorphic (фитолитного) анализа и анализа содержания валового фосфора позволили выявить ранее неизвестные особенности погребальных обрядов поликультурного и полиэтничного христианского населения одного из крупнейших городов Северного Кавказа в эпоху Средневековья. Различия бытовавших здесь в XI–XIII вв. погребальных практик стали очевидны при изучении даже небольшой группы погребальных комплексов, в которых были похоронены люди одной социальной группы – представители социальной элиты Западной Алании. Геоархеологическое исследование показало обилие растительного и животного органического вещества в погребениях. Комплексный анализ археологических материалов и данных, полученных в ходе microbiomorphic исследования, позволил сделать вывод, что у членов городской христианской общины бытовало несколько традиций захоронения: в каменных ящиках (гробницах), деревянных рамах и смешанный ритуал, когда деревянная конструкция помещалась в каменный ящик. Присутствие в погребениях частиц древесной коры, по-видимому, связано не столько с материалом, из которого изготовлены погребальные конструкции, сколько с находением в могилах предметов из коры или луба (лубяные шкатулки или коробочки, берестяные амулеты, игрушки). Известная еще по материалам языческих аланских захоронений традиция укладывать голову покойного на «каменную подушку» (более характерная для мужских захоронений) сохранилась и в раннехристианских погребальных практиках, при этом анализ материалов четырех женских погребений позволил сделать вывод о наличии «сенной подушки» только в одном случае. Одним из возможных объяснений наличия в некоторых образцах диатомовых водорослей и спикул губок может быть использование воды в ритуале омовения покойного перед погребением.

Ключевые слова: microbiomorфы, фитолиты, валовый фосфор, Алания, Северный Кавказ, раннее христианство.

Цитирование. Дружинина И. А., Дружинина О. А., Гольева А. А., Чхаидзе В. Н., 2024. Комплексное изучение погребений из Среднего Зеленчукского храма на городище Нижний Архыз: результаты анализа microbiomorphic спектров и валового фосфора // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 157–173. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.8>

Введение

Одним из ключевых событий средневековой истории Северного Кавказа, на столетия определившим основные векторы разви-

тия народов и племен региона, стало принятие в начале X в. Аланией – единственным сложившимся на территории Северо-Западного и Центрального Предкавказья централизованным государством – христианства от Ви-

зантийской империи. Центром христианской Алании стал специально созданный митрополичий город в среднем течении реки Большой Зеленчук, на месте которого ныне расположено Нижне-Архызское городище (Республика Карачаево-Черкесия, Россия). В границах памятника, помимо фундаментов средневековых жилых и хозяйственных построек, сохранились возведенные в X в. греческими мастерами три храма – Северный, Средний и Южный Зеленчукские. После монгольского нашествия в первой трети XIII в. город пришел в упадок. Его древнее название до сих пор остается не известным.

Изучение Нижне-Архызского городища продолжается более 150 лет. При этом большая часть изысканий на памятнике проводилась историками архитектуры, в центре внимания которых оказывались три сохранных храма – Северный, Средний и Южный Зеленчукские, возведенные греческими зодчими в X веке. Археологические раскопки на городище проводились В.А. Кузнецовым (1960–1964, 1968–1969, 1971, 1978–1980 гг.), У.Ю. Элькановым (1979–1985, 1989–1990, 1992, 1995, 2001 гг.). С 2018 г. городище исследуется совместной Нижне-Архызской археологической экспедицией Института археологии РАН, Института востоковедения РАН, НИУ Высшая школа экономики и Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (руководитель экспедиции – В.Н. Чхаидзе).

Одним из основных объектов изучения является Средний Зеленчукский храм. Его исследование началось в 1867 г., когда Н.А. Нарышкин организовал небольшие любительские раскопки в центральной апсиде, в ходе которых был обнаружен престол (?) и выложенный плитами древний цемянковый пол. В 1965 и 1980 гг. под руководством В.А. Кузнецова на отдельных участках храма была проведена шурфовка (в центральной апсиде выявлен трехступенчатый цоколь высотой 1 м, с внешней стороны у северной стены храма, прослежен строительный шов между кладками).

В 1980–1984 гг. значительная площадь храма оказалась перекопана в ходе архитектурно-обмерных работ, осуществлявшихся Проектным институтом по реставрации памятников истории и культуры: внутри и снаружи храма было заложено 27 шурфов.

В 2001 г. экспедицией Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника под руководством У.Ю. Эльканова раскопаны семь погребений в каменных ящиках с южной стороны храма [Чхаидзе, Виноградов, 2020, с. 165–166].

С 2018 г. Нижне-Архызская археологическая экспедиция проводит на памятнике комплексные научные работы, нацеленные на установление хронологии его строительства, выявление функциональной структуры и архитектурных особенностей. Отдельное направление научно-исследовательских работ связано с изучением некрополя Среднего Зеленчукского храма – обширного христианского могильника с погребениями в каменных гробницах снаружи храма и группы захоронений, выявленных в его внутреннем пространстве. Материалы раскопок некрополя изучаются по программе, включающей серию палеоантропологических исследований (многофакторная половозрастная диагностика погребенных, изучение палеопатологий и индикаторов физиологического стресса, в том числе с помощью микрофокусной цифровой рентгенографии, изотопный анализ мобильности, отбор образцов на палео-ДНК, реконструкция лица по черепу), которыми руководит доктор исторических наук, профессор М.Б. Медникова, а также комплекс анализов естественнонаучных дисциплин (микробиоморфный анализ, валовый фосфор, NPP). Такая программа исследований проводится на памятнике впервые, что, в свою очередь, позволяет ставить и решать широкий спектр вопросов, таких как реконструкция демографического, этнокультурного, конфессионального, профессионального портрета жителей города X – начала XIII в., установление качества и уровня жизни горожан, выявление особенностей распространения христианства в различных социальных слоях и группах городского населения [Чхаидзе и др., 2022, с. 296–298].

За 2018–2023 гг. раскопок Нижне-Архызской археологической экспедицией было исследовано все внутреннее пространство храма (рис. 1). Погребения сохранились только в его западной части, а также в притворе. Настоящая публикация посвящена результатам естественнонаучных исследований образцов грунта из погребений аланской знати, вы-

явленных в 2019 г. в западном рукаве Среднего Зеленчукского храма (раскоп I). Также к анализу привлекаются некоторые результаты изучения синхронных погребений (погр. 8 и 9) из некрополя у внешней стороны стен храма (раскоп 3). Образцы грунта исследовались методом микробиоморфного анализа, а также на содержание валового фосфора.

Изучение комплекса микробиоморфа (микробиоморфного спектра) – фитолитов, растительного детрита, кутикулярных слепков растений, микроостатков почвенной фауны и т. д. – предоставляет широкие возможности для палеоэкологического анализа. Данная методика была разработана относительно недавно российскими исследователями [Гольева, 2008] как усовершенствованное продолжение фитолитного анализа [Гольева, 2001; Piperno, 2006]. Фитолиты – это кремневые слепки растительных клеток, формируемые растениями, произраставшими или использовавшимися на определенной территории. В отличие от органики, фитолиты устойчивы к разрушению и могут сохраняться в почве или культурном слое тысячи и десятки тысяч лет [Yost et al., 2018].

Материалы и методы

Нижне-Архызское городище располагается в среднем течении реки Большой Зеленчук, на ее правом берегу. Городище имеет неправильную форму, располагается вдоль реки и занимает преимущественно две террасы, верхнюю и нижнюю. С двух сторон городище ограничено рекой и хребтом Ужум, с двух других четких естественных границ нет. Искусственных укреплений город не имел. Вдоль реки городище вытянуто в длину примерно на 2,5 км, ширина памятника – 300–500 м, общая площадь – до 65 га. Территорию городища пересекают балки речек Подорванная, Церковная и Бандитская [Кузнецов, 1993, с. 12–13].

Средний Зеленчукский храм располагается в центральной части городища. Первоначально – это купольный храм типа полусвободного латинского креста с восточными пастьфориями и тремя апсидами; после перестройки в конце XIX в. – купольный храм типа вписанного креста простого извода без сво-

бодно стоящих опор, с тремя апсидами [Кузнецов, 1986, с. 237–247, рис. 1–6; Белецкий, Виноградов, 2011, с. 94–131, рис. 55–91].

В 2019 г. в ходе плановых раскопок, проводимых Нижне-Архызской археологической экспедицией, в западном рукаве храма были выявлены 6 погребений (5 – основных и индивидуальных, 1 – переотложенное, содержащее кости двух скелетов – мужчины и женщины). Погребения совершены по обряду ингумации, умершие уложены вытянуто на спине, головой на запад. Три из пяти основных захоронений совершены в каменных гробницах, два погребения открыты в деревянных конструкциях. Захоронения выявлены на различной глубине (рис. 2). Только в двух случаях были обнаружены предметы погребального инвентаря: на запястье левой руки взрослой женщины в плитовом ящике I находился витой серебряный браслет; в детском погребении 2 были обнаружены 10 бусин в районе черепа и бронзовое зеркало в районе пояса, справа. Все основные погребения – женские, и их местонахождение указывает на то, что все они принадлежат членам семей высшей знати Алании. Подчеркнем, погребения внутри храма располагались в один ярус, тогда как в притворе храма выявлено 6 уровней захоронений, а на некрополе снаружи стен храма – 3–4 уровня, что, в свою очередь, указывает на привилегированный, особый статус погребенных в центральной части храма.

Даже на материалах этой небольшой выборки, включающей захоронения представителей одной социальной группы населения, археологически были зафиксированы отличия в использовании разных видов погребальных сооружений – более дорогих и монументальных каменных гробниц, составленных из массивных обработанных каменных плит, и более экономичных деревянных конструкций, которые фиксировались лишь по железным гвоздям, выявленным по периметру не сохранившихся гробовищ. Однако выбор погребального сооружения вряд ли был обусловлен причинами «экономического порядка». Погребение в плитовой гробнице I находилось в непосредственной близости и в одном ряду с погребениями в деревянных конструкциях, причем в одном из самых престижных с точки зрения места их расположения участков

храма – почти в самом его центре. Все три погребения могут быть датированы XI веком. Между захоронением в каменной гробнице I и погребениями в деревянных конструкциях (погр. 1 и 2) особенности стратиграфии фиксируют хронологический разрыв, погребения в деревянных конструкциях совершены одновременно. При этом выбор погребальной конструкции и глубина могил не определялись также и архитектурными условиями места захоронения: при устройстве всех трех погребений была пробита южная часть основания для опор каменных хор. Такая археологическая картина поставила несколько методических вопросов. Во-первых, необходимо было установить особенности конструкции деревянных сооружений. Во-вторых, выяснить, были ли другие отличия в погребальном обряде, не фиксируемые археологически. И, в-третьих, выяснить возможную причину использования различных видов погребальных конструкций представителями городской элиты Нижнего Архыза. Отдельной исследовательской задачей стало выявление следов органики от не сохранившихся вещей, помещенных в могилы вместе с умершими. Для решения данных вопросов взяты образцы грунта из различных частей погребений, которые были исследованы в лаборатории методом микробиоморфного анализа и на содержание валового фосфора.

Проанализирован 21 образец весом по 5 г. Подготовка образцов на микробиоморфный анализ проводилась в соответствии со стандартными протоколами [Гольева, 2001; 2008]. Образцы обрабатывались горячим 30%-м раствором H_2O_2 , отделялись от песка и глины, а затем подвергались флотации в тяжелой жидкости с удельным весом около 2,3 г/см³. Микробиоморфы исследовались под оптическим и сканирующим электронным микроскопом при увеличениях от 200 до 900 раз (Nikon Eclipse E200, JEOL 6610LV). Подсчитывались все морфотипы, обнаруженные на одном слайде. Идентификация фитолитов проведена согласно Международному коду по фитолитной номенклатуре [International Code..., 2019]. Фитолиты также были разделены на несколько биоценологических групп, таких как лесные травы, влажные луга, сухие луга, культурные злаки и т. д. в соответствии с экологической интерпретацией [Гольева, 2001; 2008].

Измерение валового фосфора включало сжигание пробы с концентрированной серной кислотой. Фосфаты в экстракте определяли калориметрически на спектрофотометре SPECOL 211 и методом синего молибдата аммония с аскорбиновой кислотой в качестве восстановителя [Воробьева, 2006].

Результаты и обсуждение

Микробиоморфный анализ позволил выделить несколько категорий микробиоморф: детрит, аморфное органическое вещество, спикулы губок, панцири диатомовых водорослей, фитолиты, пыльцу и споры растений и другие частицы (табл. 1). Рассмотрим основные из них.

Детрит и фрагменты древесной коры.

Содержание детрита (растительных остатков) во всех образцах, взятых в погребениях внутри храма, невелико. Образец 2 из центральной части нижнего стратиграфического уровня женского погребения 1 практически не содержит растительных частиц, даже в минимальных количествах, что определенно указывает на специфическую конструкцию использованного при захоронении погребального сооружения, зафиксированного в ходе раскопок по находкам гвоздей, располагавшихся по периметру могилы. Несколько больше растительных частиц над головой и у шеи покойной (образец 3). Древесный детрит в образце 5 (погр. 2, детское) содержится в среднем количестве и представлен в виде мелких и средних частиц коры. При том что по периметру и этого погребения были выявлены гвозди, частицы собственно древесины в отобранных образцах грунта обнаружены не были. Фрагменты древесной коры встречаются также в образце 15 (плит. ящ. III), взятом под черепом погребенной, в области подбородка, что указывает, вероятно, на нахождение в этом месте изделия, при изготовлении которого использовалась кора. В пробах 19–21 из погребений 8, 9, расположенных снаружи храма, напротив, растительные частицы присутствуют в большом количестве, при этом древесный детрит преобладает. Крупные частицы, содержащиеся в образце 19, позволили идентифицировать древесину хвойных пород деревьев.

Спикулы губок и/или диатомовые водоросли. Эти микробиоморфы, как индикаторы повышенного гидроморфизма территории (застойного или проточного водного режима) или использования воды, обнаружены в 7 образцах из 21: № 4 (погр. 2), 13 (плит. ящ. II), 16 (плит. ящ. III), 17–18 (погр. 8), 20 и 21 (погр. 9).

Фитолиты. Количество фитолитов в образцах № 1 (погр. 1), 7–10 (плит. ящ. I), 15 (плит. ящ. III) незначительно; максимальное количество фитолитов выявлено в образцах 13 (плит. ящ. II), 18 (погр. 8), 20, 21 (погр. 9). Большинство же образцов содержат их среднее количество. Преобладание форм, характерных для луговых трав, отмечено во всех образцах, которые содержат более 15 фитолитов (табл. 1, 2, рис. 3).

Все образцы обогащены валовым фосфором (рис. 4). Все полученные значения превышают фоновые почвенные показатели (ниже 0,2 %), что означает обогащение проб животной или растительной органикой. Под животной органикой в данном случае понимаются разложившиеся ткани самого человека, а также остатки одежды, обуви и аксессуаров (например, пояса), сделанных не только из кожи, но и из шерсти или войлока, поскольку фосфор также входит в компонентный состав волоса [Агаджанян и др., 2016]. Образцы 2 (погр. 1), 7 (плит. ящ. I), 11 (плит. ящ. II), 20 (погр. 9) – это грунт из области желудка. Содержание валового фосфора в них высокое и относительно одинаковое, варьирующееся от 0,96 до 1,55. Поскольку приведенные значения представляются характерными для образцов такого типа, они были использованы в качестве эталонных для разложившихся тканей человека. Исключение составляет образец 16 (плит. ящ. III), также взятый в области желудка, который содержит в два раза больше фосфора (2,72 %). Обращают на себя внимание образец 15 (5,42 %) с аномально высоким количеством фосфора из того же погребения, отобранный в области подбородка умершей, а также образец 10 (2,32 %), представлявший собой тлен под браслетом, надетым на левую руку погребенной из плитового ящика I. В образцах 3 (погр. 1), 12 (плит. ящ. II) и 14 (плит. ящ. III) концентрация фосфора низкая (до 0,45 %). Остальные образцы обогащены фосфором, но их значения промежуточны.

Таким образом, применение методов микробиоморфного анализа и анализа валового фосфора выявило обилие растительного и животного органического вещества в погребениях. Результаты этих анализов позволяют уточнить особенности погребальных практик населения столицы Западной Алании, прежде всего, элитарной прослойки горожан.

По итогам проведенных комплексных геоархеологических исследований в погребениях, выявленных в западном рукаве Среднего Зеленчукского храма, было зафиксировано два вида погребальных конструкций. Первый – подпрямоугольные в плане каменные гробницы, составленные из плит, установленных на ребро, имеющие перекрытие и в некоторых случаях дно из плит, уложенных плашмя. Сооружение подобных каменных конструкций характерно как для древних (еще эпохи бронзы) традиционных погребальных практик представителей различных культур Кавказа, так и для христианского погребального обряда эпохи Средневековья. Погребальные конструкции второго вида зафиксированы в двух грунтовых погребениях (погребении 1 – женском и погребении 2 – детском) археологически по находкам гвоздей, выявленных по периметру могил. Полное отсутствие растительной массы в образцах из центра и небольшое их присутствие в изголовье погребения 1, а также небольшие объемы растительной органики в образце, взятом непосредственно под гвоздем, и практически аналогичная ситуация с составом и местонахождением растительных остатков в погребении 2 указывают на использование в обоих случаях конструкций не типа закрытого гроба, а деревянной рамы без дна и, возможно, без перекрытия. При этом установлено, что выбор вида погребального сооружения не был связан с архитектурными условиями участка храма, использованного как место под захоронение, так как во всех случаях при устройстве погребений и в каменных гробницах, и в деревянных рамах разбиралась часть кладок фундамента. С другой стороны, погребения с обоими видами конструкций занимали одинаково престижное место расположения в храме – почти в центре под куполом. Кроме того, в этих погребениях были выявлены останки женщин трех возрастных категорий – 5-летней девочки,

20–24-летней женщины, 40–44-летней женщины. Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что выбор погребальной конструкции не был обусловлен и половозрастными различиями. Наиболее вероятное объяснение использованию различных погребальных сооружений мы усматриваем в принадлежности представительниц христианской светской знати, захороненных в Среднем Зеленчукском храме, различным этнокультурным группам населения крупного столичного города.

В данной связи обращает внимание практика захоронения умерших в деревянных рамах, распространенная в IX–X вв. и связываемая с болгарской этнической средой, являвшейся одним из основных (наряду с аланским населением) этнических компонентов салтово-маяцкой археологической культуры. Такие конструкции зафиксированы, например, в Волоконовском могильнике конца IX – X века. Они представляли собой прямоугольную раму, сложенную из четырех плах. Высота и толщина таких конструкций зависела от размеров плах – 15–65 и до 8 см. На концах длинных боковых плах вырезались пазы, куда вставлялись поперечные. Дно устилалось камышом или слоем древесного угля. Перекрытия сооружались из одной-двух уложенных вдоль досок [Плетнева, Николаенко, 1976, с. 281–282, рис. 2, 1, 3]. Известны деревянные рамы и в средневековых погребальных памятниках Северного Кавказа [Дружинина, 2018, с. 172–173].

Судя по образцам древесного детрита из погребения 2 (детское, inf 5 лет), можно предположить, что в качестве материала погребальной конструкции использовалась кора, а не древесина. В Центральном Предкавказье известны редкие средневековые погребения, где умерший был обложен древесной корой или лубом (могильник у селения Эльхотово) [Дружинина, 2018, с. 403]. Однако в случае захоронения ребенка в Среднем Зеленчукском храме, особенно при наличии гвоздей по периметру погребения, представляется более вероятным использование рамы, сбитой из досок. А обнаружение древесной коры может быть объяснено нахождением в погребении лубяных шкатулок [Иерусалимская, 2012, с. 338, ил. 211], амулетов или детских игрушек, изготавлива-

шихся из коры, встречающихся в погребениях дохристианского периода различных народов Кавказа (адыгов, осетин, дагестанцев и др.) [Иерусалимская, 2012, с. 56, 62, 70–71, 75, 78 и др.]. Здесь отметим интересную особенность – отсутствие крестов и других предметов личного благочестия в погребениях христианских некрополей Алании. Это общая тенденция, зафиксированная по материалам и других христианских могильников [Кузнецов, 1993], которая еще требует своего объяснения (возможно, в погребения помещали деревянные кресты), хотя находки металлических крестов с территории Алании представлены в значительном количестве [Чхaidзе, 2021].

Применение фитолитного анализа выявило высокое содержание аморфного органического вещества (табл. 1) – вероятно, следов одежды и погребальных покровов. В мужских и женских погребениях скального могильника Мошевая Балка VIII–IX вв., где в условиях высокогорных районов Алании дохристианского периода великолепно сохранилась органика, в том числе мумифицированные тела умерших, прослежены травяные подстилки и шерстяные коврики, последние – как местного изготовления, так и привозные; в ряде женских погребений выявлены подушки, сшитые из льняного полотна, набитые травой, а в мужских – валики, свернутые из полотна (в одном случае – из шелка) и набитые шерстью [Иерусалимская, 2012, с. 40–41]. С практикой помещения специальных подстилок и подушек в погребения могут быть связаны результаты анализа образцов из погребений 8 и 9, исследованные снаружи Среднего Зеленчукского храма, а также из детского погребения 2 и каменных гробниц II и III во внутреннем пространстве храма.

В образцах 5 (погр. 2), 13 (плит. ящ. II), 14, 16 (плит. ящ. III), 17–19 (погр. 8), 21 (погр. 9) встречены формы, типичные для культурных злаков. Особенно много их (как в количественном, так и процентном соотношении) в образце 21, отобранном под черепом умершей (погр. 9, снаружи храма). Здесь отметим, что обнаружение значительного присутствия следов культурных злаков сразу в нескольких погребениях одного могильника стало возможным именно в результате применения фито-

литного анализа. Для культурной или обрядовой интерпретации характера их использования в погребальной практике потребуются результаты, полученные на более представительной выборке. Пока же укажем на ближайшую аналогию – находку зерен культурных злаков на дне небольшого кувшинчика из языческого по своему характеру аланского погребения IX в. могильника Подорванная балка¹. Также в погребении девочки на могильнике у городища Гиляч было выявлено деревянное блюдо с зернами проса [Минаева, 1969, с. 123].

Фитолитный анализ образцов почвы из-под черепов погребенных показал интересные результаты. В трех из четырех случаев анализ не выявил наличия сенных подушек под головами женщин, так как количество фитолитов, обнаруженных в образцах, минимально и, скорее всего, связано со случайным попаданием фитолитов в почву. В одном случае (погребение 9 снаружи храма) наличие сенной подушки можно было бы предположить по очень высокому содержанию фитолитов, при этом под головой покойной находились сложенные один на другой три камня-плитняка размерами 0,18 × 0,15 × 0,03 м, 0,25 × 0,12 × 0,02 м, 0,30 × 0,15 × 0,03 м, которые составляли так называемую «каменную подушку». Сама традиция укладывать человека на «каменную подушку» прослежена в раннехристианских погребениях Нижнего Архыза: так, подобные подкладки из камней под черепами умерших, помимо погребения 9, были обнаружены и в других исследованных могилах на раскопе (погр. 7/1 и 13) снаружи Среднего Зеленчукского храма.

Обращает на себя внимание наличие в части исследованных образцов диатомовых водорослей и спикул губок, что может свидетельствовать об использовании речной воды в погребальном ритуале. Поскольку максимальное количество этих микробиоморф в подавляющем большинстве было обнаружено в нижних частях останков, одним из возможных объяснений может быть ритуал омоложения покойного перед погребением.

Важные результаты были получены при анализе содержания валового фосфора. У черепа ребенка из погребения 2 находилось ожерелье из 10 бусин (стекло, паста, кость) и брон-

зовое зеркало в остатках кожаного чехла. Содержание валового фосфора в образце грунта под ожерельем показало наличие животной органики – вероятно, остатков шапочки (например, из кожи или других материалов). В образце грунта из плитового ящика III, отобранном в области подбородка погребенной женщины 40–49 лет, обнаружена аномально высокая концентрация фосфора (5,42 %), что однозначно свидетельствует о наличии больших объемов животной органики. На левой руке погребенной женщины 40–44 лет в плитовом ящике I находился серебряный витой браслет. Образец грунта из-под браслета также выявил высокую концентрацию фосфора (2,32 %), что, вероятно, указывает на наличие изделия из кожи или других материалов.

Заключение

Применение методов микробиоморфного анализа и анализа валового фосфора позволило выявить следы растительной и животной органики в христианских средневековых захоронениях, совершенных в интерьере и снаружи Среднего Зеленчукского храма. Наличие в исследованных образцах частиц древесного детрита позволило сделать вывод, что внутри храма погребения производились не только в плитовых ящиках, но и деревянных рамах². Обнаружение частиц древесной коры в погребениях связано, видимо, не с материалом изготовления погребального сооружения, а с нахождением в могилах предметов из коры или луба, часто встречающихся в аланских захоронениях языческого периода – лубяных шкатулок или коробочек, амулетов из коры и не обработанных палочек различных пород деревьев, прежде всего лещины. В этой связи, а также с учетом нахождения в погребении пятилетней христианки (раскоп I, погр. 2) зеркала в кожаном чехле, шапочки, расшитой бусинами, имеющими апотропеическое значение, следы коры, позволяющие проводить параллели с языческими амулетами населения дохристианской Алании, по-видимому, указывают на переходный от язычества к христианству характер верований членов семьи ребенка и косвенно подтверждают раннюю дату погребения – XI век. На материалах погребений, раскопанных снаружи храма, была

прослежена традиция укладывать голову умершего на «каменную подушку», известная у алан с дохристианского времени, при этом остатки «сенной подушки» удалось зафиксировать только в одной женской могиле (раскоп 3, погр. 9) из четырех исследованных. Наличие в определенных образцах панцирей диатомовых водорослей и спикул губок как индикаторов использования воды может свидетельствовать о том, что перед погребением проводился ритуал омовения покойного.

Таким образом, результаты микробиоморфного анализа и анализа валового фосфора позволили уточнить целый ряд особенностей погребальных обрядов, практиковавшихся у представителей поликультурного и полиэтничного населения одного из самых крупных городов Северного Кавказа эпохи Средневеко-

вья. Различия в погребальных обрядах удалось проследить даже на материалах небольшой выборки погребений, принадлежавших представителям одной социальной прослойки – светской элиты столицы Западной Алании, к тому же христианизированной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Инвентарный номер кувшинчика с зернами 1136, хранение МБУК «Зеленчукский районный краеведческий музей им. С.Ф. Варченко». Авторы благодарят за информацию о данной находке сотрудницу музея В.В. Городовую.

² Отметим также, что результаты проведенного микробиоморфного анализа образцов из погребений 8 и 9 (см. табл. 1 и 2) позволяют сделать вывод, что часть захоронений снаружи храма совершена в деревянных конструкциях, помещавшихся в каменные гробницы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф

Table 1. Comparative semi-quantitative content of microbiomorphs

№ п/п	№ по-гребення	Образец	Детрит	Аморф. орг.	Спикулы	Диатомовые водоросли	Фитолиты	Пыльца и споры	Другие частицы
1	Погр. 1	Под черепом и в области шеи	++	+	–	–	+	Ед.	–
2	Погр. 1	Из области желудка	+	+	–	–	–	–	–
3	Погр. 1	Под гвоздем	+	+++	–	–	+	Ед.	–
4	Погр. 2	Между бедренных костей	++	+++	–	Ед.	+++	Ед.	–
5	Погр. 2	У левой ключицы	++	++	–	–	++	–	Кора
6	Погр. 2	У черепа (шапочка ?)	++	+++	–	–	+	Ед.	–
7	Плит. ящ. I	Из области желудка	+	+++	–	–	+	–	–
8	Плит. ящ. I	Под левым предплечьем	+	++	–	–	+	–	–
9	Плит. ящ. I	Тлен под черепом	++	+++	–	–	+	–	–
10	Плит. ящ. I	Тлен под браслетом	+++	+++	–	–	+	–	–
11	Плит. ящ. II	Из области желудка	++	++	–	–	++	–	–
12	Плит. ящ. II	Под перекрытием	++	+	–	–	++	–	–
13	Плит. ящ. II	Под правой голенью	++	+++	Ед.	+	+++	+	–
14	Плит. ящ. III	Под перекрытием	++	+++	–	–	+	++	–
15	Плит. ящ. III	Под черепом, в области подбородка	+	+++	–	–	+	–	Кора
16	Плит. ящ. III	Из области желудка	+	+++	–	+	+++	Ед.	–
17	Погр. 8	Справа от правой бедренной кости	++	+++	–	+	+++	–	–
18	Погр. 8	Между бедренных костей	++	+++	Ед.	+	+++	–	–
19	Погр. 8	Под правой берцовой костью	++ (хвойные)	++	–	–	+++	–	–
20	Погр. 9	Из области желудка	+++	+	Ед.	–	+++	–	–
21	Погр. 9	Под черепом	+++	+	–	Ед.	++	–	–

Примечание. Знаком + показано сравнительное содержание микробиоморф: +++ много; ++ средне; + мало; Ед. – единично; – отсутствуют.

Note. The + sign shows the comparative content of microbiomorphs: +++ a lot; ++ average; + little; Ед. – singularly; – absent.

Таблица 2. Содержание кремниевых микробиоморф в образцах (шт.)

Table 2. Content of silicon microbiomorphs in samples (in pieces)

№ п/п	№ погребения	Образец	Спикулы	Диатомовые водоросли	Фитолиты
1	Погр. 1	Под черепом и в области шеи	–	–	13
2	Погр. 1	В области желудка	–	–	–
3	Погр. 1	Под гвоздем	–	–	42
4	Погр. 2	Между бедренных костей	–	1	108
5	Погр. 2	У левой ключицы	–	–	68
6	Погр. 2	У черепа (шапочка ?)	–	–	32
7	Плит. ящ. I	Из области желудка	–	–	13
8	Плит. ящ. I	Под левым предплечьем	–	–	5
9	Плит. ящ. I	Тлен под черепом	–	–	17
10	Плит. ящ. I	Тлен под браслетом	–	–	6
11	Плит. ящ. II	Из области желудка	–	–	62
12	Плит. ящ. II	Под перекрытием	–	–	67
13	Плит. ящ. II	Под правой голенью	2	5	328
14	Плит. ящ. III	Под перекрытием	–	–	44
15	Плит. ящ. III	Под черепом, в области подбородка	–	–	10
16	Плит. ящ. III	Из области желудка	–	4	145
17	Погр. 8	Справа от правой бедренной кости	–	5	121
18	Погр. 8	Между бедренных костей	1	4	756
19	Погр. 8	Под правой берцовой костью	–	–	122
20	Погр. 9	Из области желудка	1	–	339
21	Погр. 9	Под черепом	–	2	426

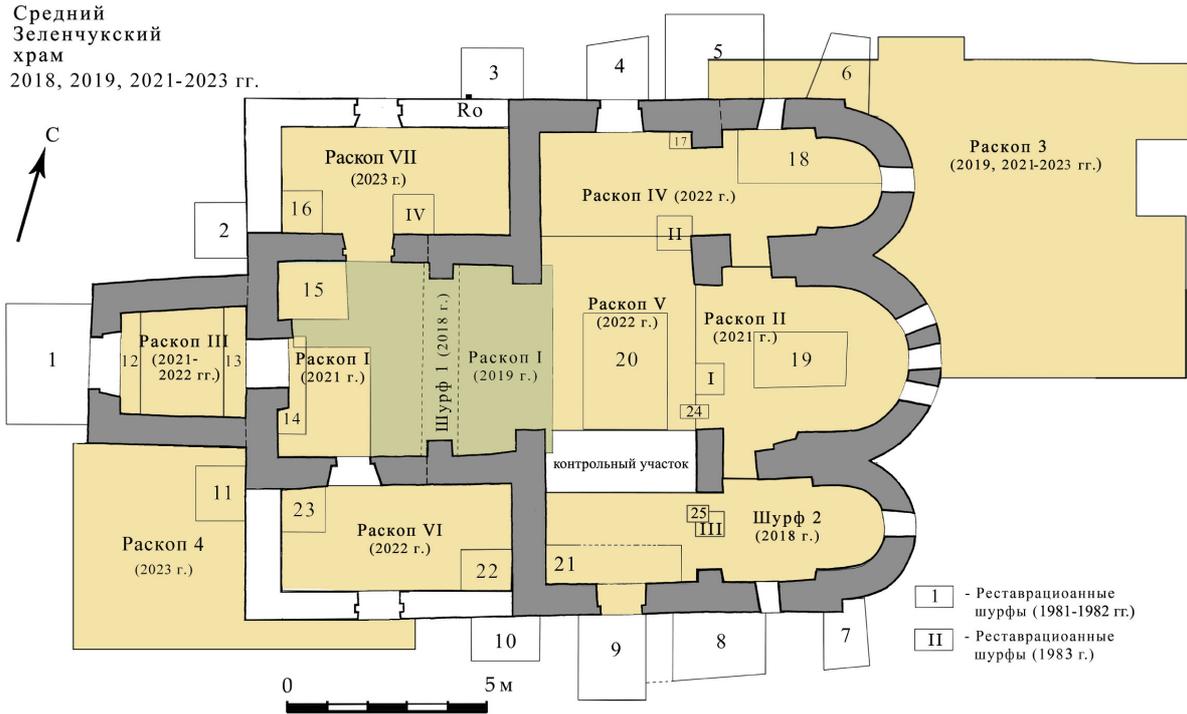

Рис. 1. Средний Зеленчукский храм. Схема раскопов
Fig. 1. The Middle Zelenchuk temple. Map of the excavations

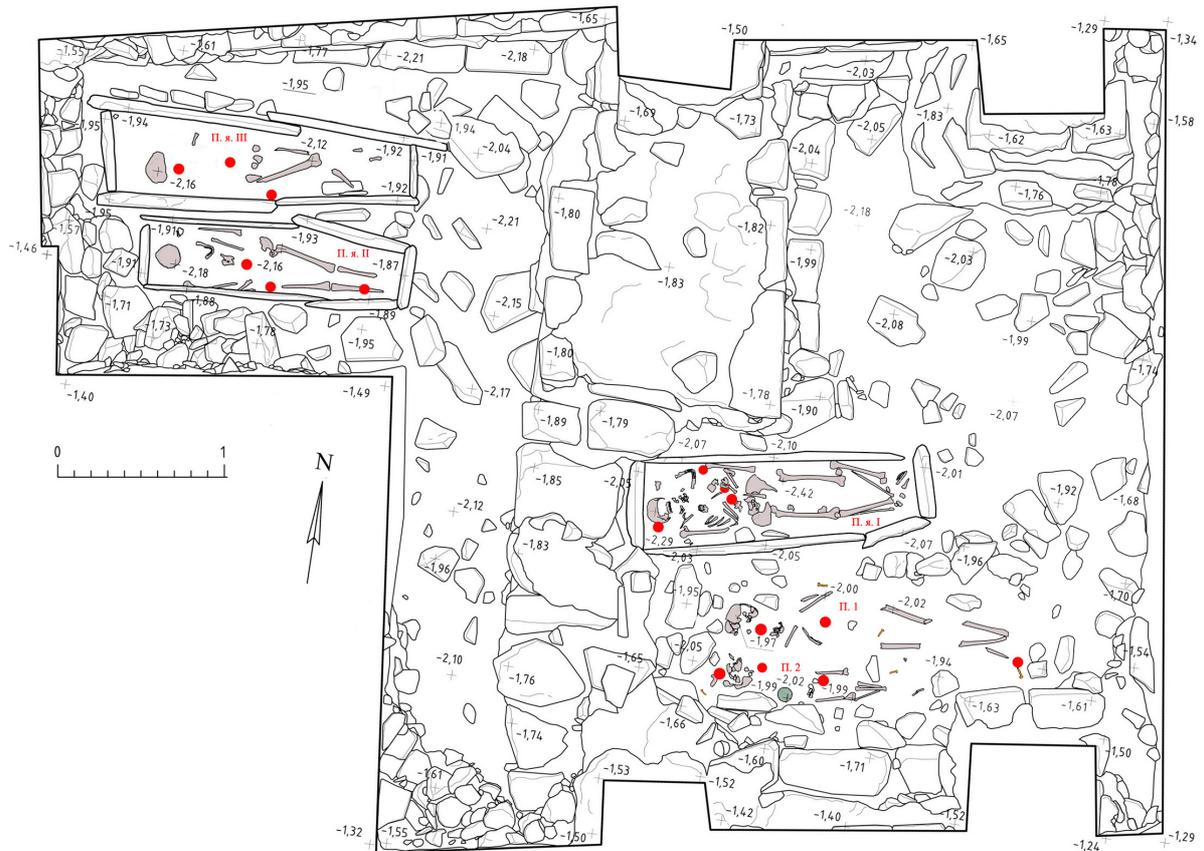

Рис. 2. Раскоп I (2019) и расположение образцов (П. – погребение; П. я. – плитовый ящик)
Fig. 2. Excavation I (2019) and location of the samples (П. – grave; П. я. – stone box)

Распределение отдельных групп фитолитов (%)

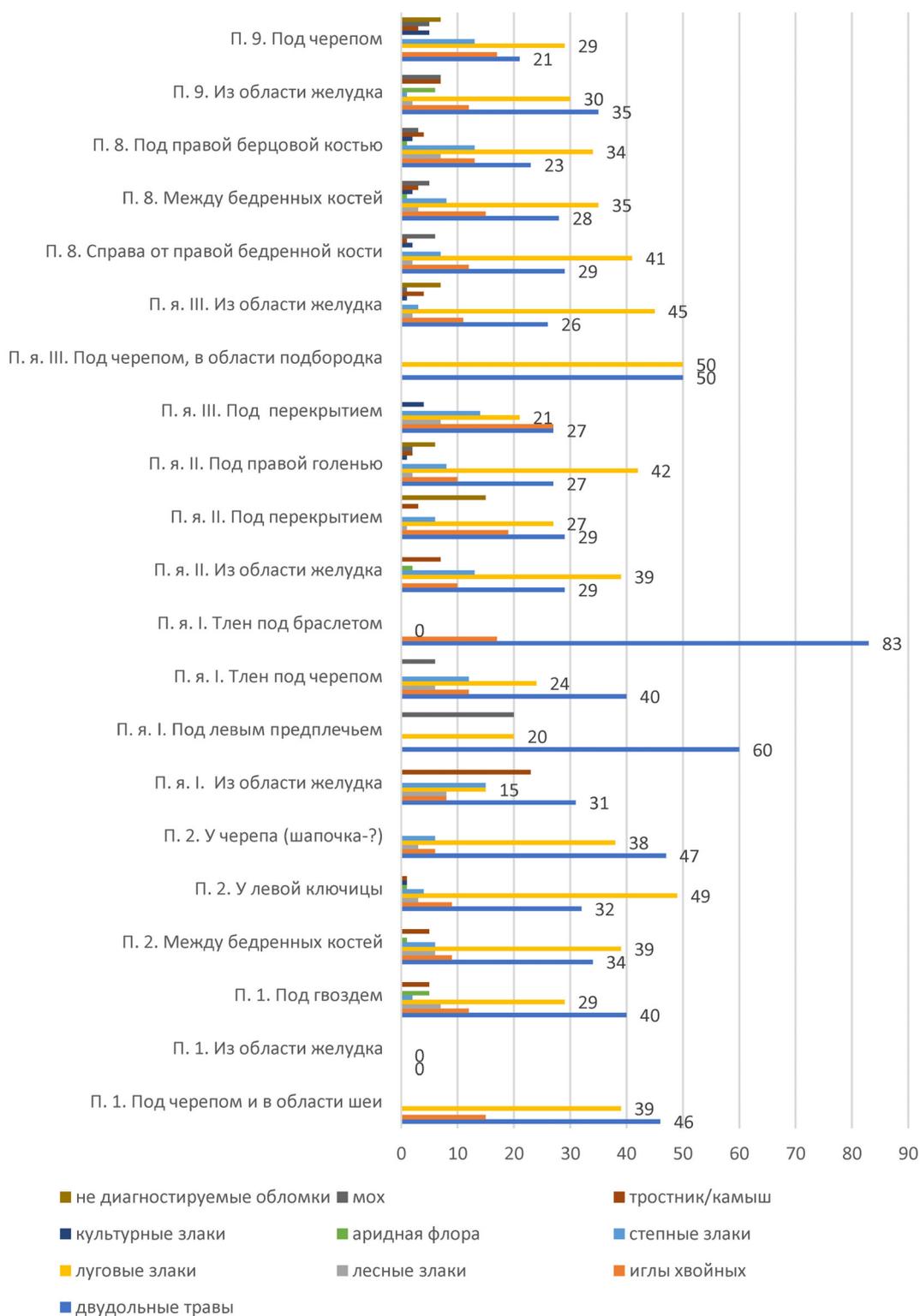

Рис. 3. Распределение отдельных групп фитолитов, % (П. – погребение; П. я. – плитовый ящик)

Fig. 3. Distribution of the phytoliths group, % (П. – grave; П. я. – stone box)

СОДЕРЖАНИЕ ВАЛОВОГО ФОСФОРА В ОБРАЗЦАХ, %

Рис. 4. Содержание валового фосфора в образцах, % (П. – погребение; П. я. – плитовый ящик)

Fig. 4. Total phosphorus content per sample, % (П. – grave; П. я. – stone box)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанян Н. А., Скальный А. В., Березкина Е. С., Демидов В. А., Грабеклис А. Р., Скальная М. Г., 2016. Референтные значения содержания химических элементов в волосах взрослых жителей республики Татарстан // *Экология человека*. № 4. С. 38–44.
- Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю., 2011. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М. : Индрик. 392 с.
- Воробьева Л. А., 2006. Теория и практика химического анализа почв. М. : ГЕОС. 418 с.
- Гольева А. А., 2001. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М.; Сыктывкар : Элиста. 120 с. + LXXXIV табл.
- Гольева А. А., 2008. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов : Генезис, география, информационная роль. М. : ЛКИ. 240 с.
- Дружинина И. А., 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов : дис. ... канд. ист. наук. М. 622 с.
- Иерусалимская А. А., 2012. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 384 с.
- Кузнецов В. А., 1986. Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследования) // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М. : Наука. С. 230–247.
- Кузнецов В. А., 1993. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь : Кавказская библиотека. 464 с.
- Минаева Т. М., 1969. Раскопки городища Гиляч // *Археологические открытия 1968 года*. М. : Наука. С. 123–124.
- Плетнева С. А., Николаенко А. Г., 1976. Волоконовский древнеболгарский могильник // *Советская археология*. № 3. С. 279–298.
- Чхаидзе В. Н., 2021. Кресты Алании (X–XIII вв.) // Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. М. : Таус. С. 282–298.
- Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю., 2020. Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг. // *Христианство в археологических и письменных источниках : материалы IX Междунар. науч. конф. по церковной археологии*. Симферополь : Антиква. С. 164–168.
- Чхаидзе В. Н., Бабенко А. Н., Гольева А. А., Дружинина И. А., Медникова М. Б., 2022. Некрополь Среднего Зеленчукского храма: результаты комплексных исследований материалов раскопок 2019 г. // *Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации*. XXXII Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп : Качество. С. 296–298.
- International Code for Phytolith Nomenclature (ICPN) 2.0, 2019 // *Annals of Botany*. № 124 (2). P. 189–199. DOI: 10.1093/aob/mcz064
- Piperno D., 2006. *Phytoliths. A Comprehensive Guide for Archaeologists and Paleocologists*. Lanham, New York, Toronto, Oxford : AltaMira Press (Rowman & Littlefield). 238 p.
- Yost C., Jackson L. J., Stone J. R., Cohen A. S., 2018. Subdecadal Phytolith and Charcoal Records from Lake Malawi, East Africa Imply Minimal Effects on Human Evolution from the ~74 ka Toba Supereruption // *Journal of Human Evolution*. Vol. 116. P. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2017.11.005>

REFERENCES

- Agadzhanian N.A., Skalny A.V., Berezkina E.S., Demidov V.A., Grabeklis A.R., Skalnaya M.G., 2016. Referentnye znacheniya soderzhaniya khimicheskikh elementov v volosakh vzroslykh zhiteley respubliky Tatarstan [Reference Values for the Content of Chemical Elements in the Hair of Adult Residents of the Republic of Tatarstan]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], no. 4, pp. 38–44.
- Beletskii D.V., Vinogradov A.Iu., 2011. *Nizhniy Arkhыз i Senty – drevneishie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Nizhny Arkhыз and Senty are the Oldest Temples in Russia. Problems of Christian Art in Alanya and the North-West Caucasus]. Moscow, Indrik Publ. 392 p.

- Vorob'eva L.A., 2006. *Teoriya i praktika himicheskogo analiza pochv* [Theory and Practice of the Chemical Analysis of Soils]. Moscow, GEOS Publ. 418 p.
- Gol'eva A.A., 2001. *Fitolity i ih informatsionnaya rol' v izuchenii prirodnyh i arheologicheskikh obyektov* [Phytoliths and their Informative Role in the Study of Natural and Archaeological Sites]. Moscow, Syktyvkar, Elista Publ. 120 p. + LXXXIV tabl.
- Gol'eva A.A., 2008. *Mikrobiomorfnye komplekсы prirodnyh i antropogennyh landshaftov: Genezis, geografiya, informatsionnaya rol'* [Microbiomorphic Complexes of Natural and Anthropogenic Landscapes. Genesis, Geography, Informative Capacity]. Moscow, LKI Publ. 240 p.
- Druzhinina I.A., 2018. *Pogrebal'nye pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza XIII–XVIII vv. kak istochnik po istorii adygskih narodov: dis. ... kand. ist. nauk* [Burial Monuments of the North-Eastern Black Sea and North Caucasus in the XIII–XVIII Centuries as a Source for the History of the Adyghe Peoples. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 622 p.
- Ierusalimskaya A.A., 2012. *Moshchevaya Balka. Neobychnyy arheologicheskyy pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti* [Moshevaya Balka. An Unusual Archaeological Site at the North Caucasus Silk Road]. Saint Petersburg, State Hermitage. 384 p.
- Kuznetsov V.A., 1986. Nizhne-Arkhyzskoe gorodishche X–XII vv. – rannefeodal'nyy gorod Alanii (istoriko-geograficheskaya kharakteristika i nekotorye itogi issledovaniya) [Nizhne-Arkhyz Settlement of the Tenth–Twelfth Centuries – Early Feudal City of Alania (Historical and Geographical Characteristics and Some Results of the Study)]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 230-247.
- Kuznetsov V.A., 1993. *Nizhnii Arkhyz v X–XII vekakh. K istorii srednevekovykh gorodov Severnogo Kavkaza* [Nizhny Arkhyz in the Tenth–Twelfth Centuries. On the History of Medieval Cities of the North Caucasus]. Stavropol, Kavkazskaya biblioteka Publ. 464 p.
- Minaeva T.M., 1969. Raskopki gorodishcha Gilyach [Excavations of the Gilyach Settlement]. *Arheologicheskie otkrytiya 1968 goda* [Archaeological Discoveries of 1968]. Moscow, Nauka Publ., pp. 123-124.
- Pletneva S.A., Nikolaenko A.G., 1976. Volokonovskiy drevnebolgarskiy mogil'nik [Volokonovsky Ancient Bulgarian Burial Ground]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 279-298.
- Chkhaidze V.N., 2021. Kresty Alanii (X–XIII vv.) [Crosses of Alania (X–XIII centuries)]. *Beletskii D.V., Vinogradov A. Yu. Istoriya i iskusstvo hristianskoy Alanii* [History and Art of Christian Alania]. Moscow, TAUS Publ., pp. 282-298.
- Chkhaidze V.N., Vinogradov A.Iu., 2020. Sredniy Zelenchukskiy khram na Nizhne-Arkhyzskom gorodishche. Raskopki 2018–2019 gg. [The Middle Zelenchuk Temple on the Nizhne-Arkhyz Settlement. Excavations 2018–2019]. *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. po tserkovnoy arkheologii* [Christianity in Archaeological and Written Sources: Proceeding of the IX International Scientific Conference on Church Archaeology]. Simferopol, Antikva Publ., pp. 164-168.
- Chkhaidze V.N., Babenko A.N., Gol'eva A.A., Druzhinina I.A., Mednikova M.B., 2022. Nekropol' Srednego Zelenchukskogo khrama: rezul'taty kompleksnykh issledovaniy materialov raskopok 2019 g. [Necropolis of the Middle Zelenchuk Temple: Results of Complex Studies of Excavation Materials 2019]. *Drevnie i srednevekovye kul'tury Kavkaza: otkrytiya, gipotezy, interpretatsii. XXXII Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. po arkheologii Severnogo Kavkaza, posviashch. 125-letiyu raskopok Maikopskogo kurgana* [XXXII Krupnov' Readings "Ancient and Medieval Cultures of the Caucasus: Discoveries, Hypotheses, Interpretations": Proceeding of the International Scientific Conference on the Archeology of the North Caucasus Dedicated to the 125th Anniversary of the Excavations of the Maykop Kurgan]. Maykop, Kachestvo Publ., pp. 296-298.
- International Code for Phytolith Nomenclature (ICPN) 2.0, 2019. *Annals of Botany*, no. 124 (2), pp. 189-199. DOI: 10.1093/aob/mcz064
- Piperno D., 2006. *Phytoliths. A Comprehensive Guide for Archaeologists and Paleoecologists*. Lanham, New York, Toronto, Oxford, AltaMira Press (Rowman & Littlefield). 238 p.
- Yost C., Jackson L.J., Stone J.R., Cohen A.S., 2018. Subdecadal Phytolith and Charcoal Records from Lake Malawi, East Africa Imply Minimal Effects on Human Evolution from the ~74 ka Toba Supereruption. *Journal of Human Evolution*, vol. 116, pp. 75-94. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2017.11.005>

Information About the Authors

Inga A. Druzhinina, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Centre for Byzantine and Caucasian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, inga_druzh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3180-7697>

Olga A. Druzhinina, Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Laboratory of Geoarchaeology and Palaeoecology, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, olga.alex.druzhinina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4326-6792>

Alexandra A. Golyeva, Doctor of Sciences (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy Lane, 29/s.4, 119017 Moscow, Russian Federation, golyevaaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1162-3321>

Victor N. Chkhaidze, Candidate of Sciences (History), Head of the Centre for Byzantine and Caucasian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, chkhaidze.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2478-8926>

Информация об авторах

Инга Александровна Дружинина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, inga_druzh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3180-7697>

Ольга Александровна Дружинина, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией геоархеологии и палеоэкологии, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, olga.alex.druzhinina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4326-6792>

Александра Амуриевна Гольева, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии РАН, Старомонетный переулок, 29/с.4, 119017 г. Москва, Российская Федерация, golyevaaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1162-3321>

Виктор Николаевич Чхаидзе, кандидат исторических наук, заведующий Центром византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, chkhaidze.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2478-8926>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.9>

UDC 903'1(47+57):726.823
LBC 63.442(2)-427

Submitted: 24.03.2023
Accepted: 16.01.2024

THIRD CENTURY AD BURIAL VAULTS FROM THE CEMETERY OF OPUSHKI

Igor N. Khrapunov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. There was some important event taking place in the Crimea in the third century AD or a little bit earlier that was probably reflected by the appearance of burial vaults of a special design that had not been previously known in Crimea. These vaults comprised an entrance pit and a burial chamber with a short (0.4–0.8 m long) underground corridor (*dromos*) dug in between them; the funerals in the burial chamber were made on the floor in one tier. Until recently, only a few short-*dromos* burial vaults from the third century AD were known in the Crimea. The situation has substantively changed as a result of the cemetery of Opushki excavations, which uncovered 17 burial vaults from the third century AD; every structure contained burials from the first half of the said century, with some burials probably dating back even earlier. This paper publishes some results of these excavations. It has been discovered that the first short-*dromos* burial vaults appeared in the Crimea much earlier than they were considered before, i.e., in the end or second half of the second century. Initially, *dromos* was not an inalienable element of the burial structure. The earliest burial structures under analysis obviously kept the Late Scythian traditions, such as many tiers of burials and moving aside the bones of those who were buried earlier. The combination of the burial vault construction, which was new in Crimea, and the traditional burial rites can hardly be explained otherwise than by physical contacts between the migrants and the autochthons. The origin of the migration of people who brought short-*dromos* burial vaults to Crimea was searched for in the North Caucasus. Among the stable specific rites documented in the third-century burials, there was charcoal bedding on the floor of the burial structure and beads embroidering the hem of gowns. These rites are typical of not only burials in vaults but also in undercut and simple pit graves. The core of the grave goods in the period in question is formed by a quite specific set of artefacts. Precisely the same goods were unearthed in the undercut and pit graves synchronous to the burial vaults.

Key words: Crimea, cemeteries, burial vaults, funeral rites, grave goods.

Citation. Khrapunov I.N., 2024. Sklepy III v. n.e. iz mogil'nika Opushki [Third Century AD Burial Vaults from the Cemetery of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 174–204. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.9>

УДК 903'1(47+57):726.823
ББК 63.442(2)-427

Дата поступления статьи: 24.03.2023
Дата принятия статьи: 16.01.2024

СКЛЕПЫ III в. н.э. ИЗ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ

Игорь Николаевич Храпунов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Какое-то важное событие, произошедшее в Крыму в III в. н.э. или несколько раньше, вероятно, отражает появление склепов особой, неизвестной до этого в Крыму конструкции. Они состояли из входной ямы и погребальной камеры, между ними выкапывался короткий (0,4–0,8 м) подземный коридор-

дромос, захоронения в погребальной камере совершались на полу в один ярус. До недавнего времени склепов с короткими дромосами, датирующихся III в. н.э., в Крыму было известно буквально единицы. Положение дел существенно изменилось в результате раскопок могильника Опушки. Там раскопано 17 склепов III в. н.э., причем в каждом из них хоронили в первой половине столетия, а в некоторых, вероятно, и раньше. В статье публикуются отдельные результаты их раскопок. Установлено, что первые склепы с короткими дромосами появились в Крыму значительно раньше, чем принято было думать, а именно в конце или во второй половине II века. Дромос поначалу не был обязательным элементом конструкции погребального сооружения. В самых ранних из обсуждаемых погребальных сооружений очевидно сохранение позднескифских традиций, что выражается в многоярусности погребений и в сдвигении костей погребенных ранее. Сочетание новой для Крыма конструкции склепа и традиционных погребальных обрядов трудно объяснить иначе, чем физическими контактами мигрантов и автохтонов. Истоки миграции людей, принесших в Крым традицию сооружения склепов с короткими дромосами, искали на Северном Кавказе. Из устойчивых специфических обычаев, зафиксированных в захоронениях III в., следует отметить посыпание пола погребального сооружения углем и обшивку подола платьев бусами. Причем они характерны не только для погребений в склепах, но и в подбойных, и в грунтовых могилах. Основу погребального инвентаря в рассматриваемое время составляет вполне определенный набор вещей. Точно такие же вещи обнаружены и в синхронных склепам подбойных и грунтовых могилах.

Ключевые слова: Крым, могильники, склепы, погребальные обряды, погребальный инвентарь.

Цитирование. Храпунов И. Н., 2024. Склепы III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 174–204. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.9>

В Крыму III в. н.э. отмечен важными событиями. Некоторые из них зафиксированы письменными источниками, в том числе важнейшее – вторжение германцев в середине столетия (Zos. I, XXI; Zon. An., 21). Другие улавливаются благодаря результатам археологических раскопок. Так, например, с высокой степенью вероятности удалось установить, что отдельные группы германцев появились в Крыму существенно раньше середины III в. н.э. [Васильев, 2005а; Khrapunov, 2005; Шаров, 2010]. Какое-то важное событие, вероятно, отражает появление склепов особой, неизвестной до этого в Крыму конструкции. До их появления крымские варвары, именуемые поздними скифами, тоже хоронили в склепах. Погребальные сооружения выкапывались в земле. Они состояли из входной ямы и погребальной камеры. Вход в погребальную камеру выкапывался в узкой стене прямоугольной в плане входной ямы. Погребения совершались в несколько ярусов, кости ранее погребенных и погребальный инвентарь сдвигались. Если погребения заполняли погребальную камеру, иногда продолжали хоронить и во входной яме. Обычно в склепе совершалось несколько десятков, в некоторых случаях и более 100 погребений. После совершения последнего погребения входная яма чаще всего заполнялась камнями. Позднескифские склепы перестали сооружать в середине II в. н.э.

[Сымонович, 1983; Высотская, 1994, с. 47–192; Пуздровский, 2007, с. 15–60, 89–126; Храпунов и др., 2009; Пуздровский, Труфанов, 2016; 2017а; 2017б; Пуздровский и др., 2021; Труфанов, 2022].

Склепы, появившиеся в предгорном Крыму позже, кардинально отличались от позднескифских. Они тоже состояли из входной ямы и погребальной камеры, но между ними выкапывался короткий (0,4–0,8 м) подземный коридор-дромос, захоронения в погребальной камере совершались только на полу в один ярус, входная яма камнями не заполнялась. Время появления в Крыму склепов с короткими дромосами, их генезис или причины появления, динамика распространения по крымским предгорьям, материальная культура хоронивших в склепах людей – все эти и другие вопросы в той или иной мере обсуждались и даже дискутировались. Релевантность обсуждаемого материала во многом зависит от его количества, в особенности если речь идет о самых ранних погребальных сооружениях. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что в IV в. н.э. в склепах с короткими дромосами совершалось подавляющее большинство погребений в крымских варварских могильниках. Раскопаны сотни склепов этого времени. Склепов предшествующего столетия до недавнего времени было известно буквально единицы [Дашевская, 1951; Храпунов, Мульд,

2004]. Положение дел существенно изменилось в результате раскопок могильника Опушки. Памятник расположен в самом центре крымских предгорий. Его раскопки ведутся с перерывами начиная с 2003 года. За это время изучено 399 погребальных сооружений разных типов, относящихся к разным культурным традициям [Храпунов, 2021a]. В их числе 17 склепов III в. н.э., причем в каждом из них хоронили в первой половине столетия, а в некоторых, вероятно, и раньше (рис. 1). Многие склепы разграблены в недавнее время. Тем не менее они дали представительный материал, позволяющий судить о различных аспектах истории населения Крыма.

Полностью опубликовать результаты раскопок 17 склепов в одной статье невозможно. В целом можно сказать, что на полу погребальной камеры совершали обычно четыре – шесть захоронений в вытянутом положении на спине, головами к входу или в противоположную сторону. Иногда использовались гробы. Ниже упоминаются наиболее характерные черты конструкции и погребальных обрядов, зафиксированные в каждом из склепов. Из погребального инвентаря выбраны вещи, встречающиеся чаще других и информативные в хронологическом отношении.

Склеп № 7 (рис. 2,1). Ограблен. С дромосом. Угольная подсыпка.

Инвентарь. Монета бронзовая, потерянная, с отверстием. Сестерций Котиса II (123–133 гг.)¹. Фибула «инкерманского» типа [Амброс, 1966, с. 52]. Современные исследователи датировали такие фибулы преимущественно первой половиной III века. В.В. Кропотов отнес их к «периоду повсеместного господства позднесарматской культуры» [Кропотов, 2010, с. 135, 136, форма 1]. И.О. Гавритухин по материалам могильника Фронтное 3 выделил среди «инкерманских» фибул несколько вариантов. Наш экземпляр относится к варианту 2-1-Г, горизонту ФЛ-3 и датируется второй четвертью – второй половиной II в., с пиком во второй четверти – середине этого столетия [Гавритухин, 2022, с. 24, 30–32] (рис. 2,4). Пряжка с прямоугольной рамкой, язычок фрагментирован (рис. 2,11). Дата и ареал у таких пряжек широкие, но в могильнике Нейзац все пряжки с прямоугольными рамками найдены в комплексах III в. [Храпунов,

2016, с. 101]. Пряжка пельговидная (рис. 2,10). Подтип А2 по классификации Д.А. Костромичева. Северопричерноморские комплексы с такими пряжками датируются в пределах второй четверти – середины II – середины III в. [Костромичев, 2015, с. 315–318, 331]. Нижняя часть амфоры, тип Зеест 72 (?). Датируется III–IV вв. [Иванова, 2013, с. 97–110] (рис. 2,12). Тарелка краснолаковая ESB2 (тип Hayes, form 60). Вторая половина I – первая половина II в. [Журавлев, 2010, с. 26, 27] (рис. 2,3). Тарелка краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 4.2. II – первая половина III в. [Журавлев, 2010, с. 46, 47] (рис. 2,5). Миска краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 14. I – первая половина II в. [Журавлев, 2010, с. 54] (рис. 2,2). Миска краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 17. I – середина III в. [Журавлев, 2010, с. 55, 56] (рис. 2,6). Колесовидный псалий (рис. 2,7). Такой тип псалиев был широко распространен с I в. до н.э. или с рубежа эр до середины III в. [Марченко, 1996, с. 75, 76; Малашев, 2000, с. 210; 2016, с. 14; Пуздровский, 2007, с. 142; Антипенко, 2016, с. 88–90]. Зеркало типа Хазанов IX (рис. 2,9). Общепризнанная дата зеркал-подвесок с орнаментом на оборотной стороне – II–III вв. [Хазанов, 1963, с. 66, 67; Абрамова, 1971, с. 129–131; Скрипкин, 1984, с. 47; Труфанов, 2007, с. 176–179]. Кольцо с «шишечками» (рис. 2,8). Об изделиях этого типа существует обширная литература (обзор см.: [Журавлев, 2014]). Не вдаваясь в различные дискуссионные, связанные с ними вопросы, можно отметить, что это массовый материал во всех крымских могильниках I–III веков. В IV в. они полностью не исчезают, но встречаются несравненно реже, чем в предшествующие столетия.

Судя по сохранившемуся инвентарю, в склепе хоронили в первой половине III в., но очень вероятно, что первые погребения совершили во II веке.

Склеп № 38 (рис. 3,1). Не ограблен. Без дромоса. Восемь погребенных. В двух случаях одно погребение совершено непосредственно на другом. Бусы в ногах².

Инвентарь. Фибулы «инкерманского» типа (2 экз.). Датируются второй половиной II – первой половиной III в.³ (рис. 3,2,3). Пряжка железная с прогнутым, выступающим за

край рамки язычком (рис. 3,5). Не существует удовлетворительной классификации железных пряжек. Прогнутость язычка и выступающий за рамку его конец вполне соответствуют признакам бронзовых и серебряных пряжек III в. [Малашев, 2000, с. 195, 196, 199, 200, 209; Храпунов, 2016, с. 99]. Наконечник ремня соответствует типу П/1а наконечников ремней из могильника Нейзац [Храпунов, 2008, с. 65]. Его нельзя датировать точнее, чем III–IV вв. (рис. 3,6). Колокольчик соответствует типу 34г подвесок из могильника Нейзац. Датируются такие колокольчики преимущественно II – первой половиной III в. (рис. 3,4). Колокольчики усеченно-конические (3 экз.). Приблизительно соответствуют типу 34а или 34в подвесок из могильника Нейзац, но с горизонтально отогнутыми краями. I–III вв. [Стоянова, 2016, с. 141, 142]. Кольцо с «шишечками» (рис. 3,7)⁴. Тарелка краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 4.2. II – первая половина III в.⁵ Миска краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 17. I – середина III века⁶.

Бедный инвентарь этого склепа датируется первой половиной III века.

Склеп № 58 (рис. 3,14). Ограблен. Склеп необычной конструкции. Подбой во входной яме. С дромосом. Погребальная камера треугольная в плане. Один погребенный и обломки нескольких костей от второго. Бусы в ногах.

Инвентарь. Краснолаковая кружка в подбое. Форма 1. Датируется I–III вв., наибольшее распространение во II в. [Журавлев, 2010, с. 91, 92] (рис. 3,8). Миска краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 16. Датируется I–IV/V вв. [Журавлев, 2010, с. 55] (рис. 3,12). Пряжка пельговидная. Датируется Второй четвертью – серединой II – серединой III в.⁷ (рис. 3,13). Наконечники ремней с секировидными подвесками (рис. 3,9,11). Такая же подвеска у наконечников типа X,4 из могильника Нейзац. Наконечники с секировидными подвесками датируются первой половиной III в. [Малашев, Обломский, 2002, с. 115–119; Васильев, 2005б, с. 283–285; Храпунов, 2008, с. 69]. Фибула фрагментированная со сплошным пластинчатым приемником, заканчивающимся кнопкой (рис. 3,10). Соответствует группе 9, варианту 2 по классификации В.В. Кропотова. Датируется II в. [Кропотов, 2010, с. 212–213].

По наконечникам ремней склеп датируется первой половиной III века. Все остальные находки вполне могут датироваться II веком. Судя по фибуле, погребение совершено не позже начала III века.

Склеп № 59 (рис. 4,1). Ограблен. Склеп необычной конструкции, но его стены разрушены современной ямой. С дромосом. Угольная подсыпка. Кости от трех пар ног, из них две пары одна на другой. В ногах бусы. По бусам датируется второй половиной II – первой половиной III века.

Склеп № 75 (рис. 4,2). Частично ограблен. С дромосом. Угольная подсыпка. Более четырех погребенных. Ребенок похоронен на взрослом. Бусы в ногах.

Инвентарь. Фибула «инкерманского» типа с широким пластинчатым корпусом [Амброз, 1966, с. 52]. По классификации В.В. Кропотова относится к группе 4, серии II, варианту 4, форме 4 «периода повсеместного господства позднесарматской культуры». Изредка такие застежки использовались и после середины III в. [Кропотов, 2010, с. 135–136] (рис. 4,4). По классификации И.О. Гавритухина относится к блоку вариантов 2-3, варианту Г, горизонту ФЛ-4 застежек из могильника Фронтное 3 с датой вторая половина II – середина / третья четверть III в. [Гавритухин, 2022, с. 26, 32–34]. Фибула лучковая подвязная со сплошной обмоткой спинки варианта 5 Амброза [Амброз, 1966, с. 50–51]. Относится к группе 4, серии I, варианту 4 по классификации В.В. Кропотова «периода повсеместного господства позднесарматской культуры» [Кропотов, 2010, с. 77–80]. И.О. Гавритухин включил аналогичные застежки из могильника Фронтное 3 в блок вариантов 1-2, вариант Б, горизонта ФЛ-4 с датой вторая половина II – середина / третья четверть III в. [Гавритухин, 2022, с. 24, 32–34] (рис. 4,3). Тарелка краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 4.2. Датируется II – первой половиной III века⁸. Миска краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 17. I – середина III века⁹. Кувшин краснолаковый (рис. 4,11). Приблизительно соответствует форме 20 краснолаковой керамики из юго-западного Крыма с датой II – первая половина III в. [Журавлев, 2010, с. 83–84]. Кружка краснолаковая. Форма 1. I–III вв., наибольшее распространение во II веке¹⁰.

Зеркало типа Хазанов IX. Такие зеркала датируются II–III вв.¹¹ (рис. 4,5). Браслеты с концами в виде змеиных головок (рис. 4,9,10). Браслеты с концами в виде змеиных головок – это массовый материал II – первой половины III в. н.э. во всем Северном Причерноморье и за его пределами, но особенно в Крыму. Публикуемые находки соответствуют типу VI в классификации А.А. Труфанова [Труфанов, 2001, с. 75–76]. Едва ли не самый поздний браслет с концами в виде змеиных головок найден в могиле № 139 могильника Нейзац. Он датируется второй половиной III в. [Храпунов, 2004, с. 300]. Детали шкатулки, вроде публикуемых (рис. 4,6,7), представляют собой обычную находку в женских и детских погребениях крымских варваров второй половины I – первой половины III в. (обзор см.: [Труфанов, 2020]). Изделие из железных колец (рис. 4,8). Исследователи обычно предполагают, что из железных колец были сплетены кольчуги. Это предположение представляется сомнительным, но очевиден тот факт, что изделия из железных колец найдены в Крыму в нескольких женских погребениях II – первой половины III в. [Храпунов, 2010, с. 551–552].

Фибулы указывают на датировку склепа первой половиной III века. Остальные находки этой дате не противоречат.

Склеп № 77 (рис. 5,1). Частично ограблен. С дромосом. Не менее семи погребенных. Бусы в ногах.

Инвентарь. Фибула лучковая подвижная с обмоткой спинки варианта 4 Амброза [Амброз, 1966, с. 50, 51] (рис. 5,4). Группа 4, вариант 4 по классификации В.В. Кропотова, с датой в пределах заключительной части II – первой половины III в. [Кропотов, 2010, с. 77–80]. Фибула лучковая подвижная варианта 4 Амброза с обмоткой спинки, сочетающей кольцевую обмотку и серпантин (рис. 5,5). По нижнедонским материалам датируется концом II – ранней частью III в. [Безуглов, Нидзельницкая, 2020, с. 245–248]. Фрагментированная фибула со сплошным приемником, верхней тетивой, ленточной, сужающейся к ножке спинкой, украшенной пуансонным орнаментом. На конце приемника, вероятно, имелась кнопка. Соответствует застежкам группы 9, варианта 2 по классификации В.В. Кро-

потова. Датируется II в. [Кропотов, 2010, с. 209–213] (рис. 5,2). Тарелка краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 4.2. Датируется II – первой половиной III века¹². Браслет с концами в виде змеиных головок. Датируется II – первой половиной III века¹³. Детали шкатулки (рис. 5,9–13). Датируются второй половиной I – первой половиной III века¹⁴. Зеркало типа Хазанов IX (рис. 5,6). Датируется II–III веками¹⁵. Кольца с «шишечками» (рис. 5,7,8). Датируются I–III веками¹⁶.

Последние погребения совершили в первой половине или в начале III в., первые – вероятно, во II веке.

Склеп № 96 (рис. 5,14). Ограблен. Без дромоса.

Инвентарь. Тарелка краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 4.2. II – первая половина III века¹⁷.

Склеп № 134 (рис. 6,1). Не ограблен. Без дромоса. Четыре погребенных. В углу сдвинутые кости. Бусы в ногах. Яичная скорлупа (единственный случай в комплексах III в., в IV в. яйца станут почти неизменной заупокойной пищей).

Инвентарь. Денарий Юлии Домны (211–217 гг.)¹⁸. Фибулы «инкерманского» типа (4 экз.) (рис. 6,5,6,8)¹⁹. Кружка краснолаковая. Форма 1. I–III вв., наибольшее распространение во II веке²⁰. Бронзовые пряжки с прямоугольными щитками и с язычками, концы которых не заходят за край рамки (рис. 6,7,9). Соответствуют пряжками типа П1 по классификации В.Ю. Малашева с датой «середина – вторая половина II в. с некоторым захождением в первую половину III в.» [Малашев, 2000, с. 198, 199, 209]. Соответствуют также пряжкам разновидности 3б из могильника Нейзац, где все подобные пряжки найдены в комплексах III в. [Храпунов, 2016, с. 99]. Зеркало типа Хазанов IX (рис. 6,10). Датируется II–III веками²¹. Колокольчик усеченно-конический (рис. 6,2). Соответствует типу 34а подвесок из могильника Нейзац. Датируется I–III вв. [Стоянова, 2016, с. 141]. Лунницы (рис. 6,3,4) приблизительно соответствуют подвескам типа 28а из могильника Нейзац, но они меньших размеров. Дата крупных лунниц – III в. (возможно, первая половина и середина) [Стоянова, 2016, с. 135].

Склеп датируется первой половиной III века. Первые погребения, возможно, совершены в конце II века.

Склеп № 158 (рис. 6,16)²². Ограблен частично. Подбой во входной яме. Дромос разрушен грабителями. Угольная подсыпка. Более 20 погребенных в четыре яруса. Сдвинутые кости. Бусы в ногах.

Инвентарь. Денарий Септимия Севера 204 года²³. Фибула лучковая подвязная варианта 4 Амброза (рис. 6,12). Фибула лучковая подвязная с фигурной обмоткой спинки (рис. 6,11) варианта 4 Амброза. Фибула лучковая подвязная варианта 5 Амброза (рис. 6,14). Фибула «инкерманского» типа (рис. 6,13). Все фибулы датируются в пределах второй половины II – первой половины III века²⁴. Тарелки краснолаковые (2 экз.) (рис. 7,1,2). Понтийская сигиллата А. Форма 4.2. Датируются II – первой половиной III века²⁵. Кувшин краснолаковый (рис. 6,15). Соответствует типу 2 краснолаковой керамики из могильника Чатыр-Даг [Шаров, 2007, с. 46–49] и форме 39 кувшинов из юго-западного Крыма [Журавлев, 2010, с. 89–90]. Датируется III–IV веками. Гривна (рис. 7,3) соответствует типу 86 по классификации А.А. Стояновой. Датируется III в. [Стоянова, 2011, с. 121, 122].

Монета находилась во втором ярусе погребенных, если считать сверху. Ниже ее располагались еще два яруса. Хоронить в склепе начали не позже самых первых лет III в., а скорее всего, во второй половине или в конце II века. Фибулы и краснолаковая керамика этой дате не противоречат. Склеп № 158 самый ранний из всех датированных крымских склепов с короткими дромосами.

Склеп № 164 (рис. 7,13). Ограблен частично. Подбой во входной яме. Дромос разрушен грабителями. Более четырех погребенных. Сдвинутые кости. Угольная подсыпка. Конструкция погребальной камеры показывает, что ее строили в два приема и одно погребение совершено позже остальных.

Инвентарь ранних погребений. Фибула двучленная прогнутая подвязная, украшена кольцом из проволоки (рис. 7,5). Группа 16, подгруппа II, серия III, вариант 3 (широкие с гладкими одинарными кольцами, южный вариант) по А.К. Амброзу. Он считал, что эти фибулы появились на юге Восточной Европы

после переселения готов к Черному морю, а также еще позднее с выходцами из юго-восточной Прибалтики [Амброз, 1966, с. 67]. Фибула лучковая подвязная двучленная (рис. 7,7). Относится к серии III лучковых подвязных фибул по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 52–54]. По современным данным, в подавляющем большинстве случаев такие застежки датируются второй половиной III в. [Кропотов, 2010, с. 150–154; Гавритухин, 2022, с. 34–35]. Фибулы «инкерманского» типа (2 экз.) (рис. 7,8,9). Датируются в пределах второй половины II – первой половины III века²⁶. Кувшин краснолаковый (рис. 7,14). Соответствует типу 2 краснолаковой керамики из могильника Чатыр-Даг и форме 39 кувшинов из юго-западного Крыма. Датируется III–IV веками²⁷. Кружка краснолаковая (рис. 7,15). Форма 1. Датируется I–III вв., наибольшее распространение во II веке²⁸. Браслет со змеиными головками (рис. 7,12). Подобные браслеты датируются обычно II – первой половиной III в., но форма головок в данном случае необычна²⁹. Пряжки бронзовые с прогнутыми, немного загнутым за рамку концами язычков. У одной из них язычок ступенчато срезан сзади (рис. 7,4,6). В классификации В.Ю. Малашева соответствий не находят. Аналогичны пряжкам III в. из могильника Нейзац, отнесенным к разновидности 2а. Правда, ступенчатых срезов тыльной стороны язычка у этих пряжек нет. Однако пряжки III в., в отличие от пряжек IV в., очень разнообразны. Иногда у них встречается и такой поздний признак, как ступенчатый срез тыльной стороны язычка [Храпунов, 2016, с. 99, 103]. Колокольчики усеченно-конические (рис. 7,10,11). Соответствуют типу 34а подвесок из могильника Нейзац. Датируются I–III веками³⁰.

Инвентарь позднего погребения. Фибула лучковая подвязная варианта 5 Амброза (рис. 8,1). Фибула «инкерманского» типа с надетым на нее кольцом (рис. 8,2). Обе фибулы датируются в пределах второй половины II – первой половины III века³¹. Кувшин краснолаковый (рис. 8,9). Относится к тому же типу, что и кувшин, найденный с ранними погребениями этого склепа. Датируется III–IV веками. Пряжка с прогнутым, выступающим за рамку, но не загнутым язычком. Не идентич-

на, но очень близка пряжкам, найденным с ранними погребенными в этом склепе. Колокольчики бронзовые (рис. 8,3–8) относятся к тому же типу, что и найденные с ранними погребениями в этом склепе.

Серьги полихромные (рис. 8,10,11). Украшения, изготовленные в позднеримском полихромном стиле, в том числе и найденные в могильнике Опушки, датируются второй половиной III – первой половиной IV века. Лишь отдельные из них могут относиться к более раннему времени [Храпунов, Стоянова, 2018, с. 256, 260]. В данном случае серьги найдены в одном погребении с фибулами варианта 5 и «инкерманского» типа, что указывает на их раннюю, по сравнению с другими подобными украшениями, дату, в пределах первой половины – середины III века.

Несмотря на то что одно из погребений совершили после расширения погребальной камеры, ничто не указывает на его более позднюю, по сравнению с другими погребениями, дату.

Сочетание фибул «инкерманского» типа (3 экз.), лучковой подвязной варианта 5, с одной стороны, и лучковой подвязной двучленной, прогнутой подвязной, с другой стороны, указывает на то, что погребения в склепе начали совершаться в первой половине III в. и продолжались во второй половине столетия.

Склеп № 262 (рис. 8,15). Ограблен. Дромос, если и был, то очень короткий, не более 0,2 м.

Инвентарь. Фибула лучковая подвязная двучленная (рис. 8,12). Датируется второй половиной III века³². Миска краснолаковая. Понтийская сигиллата А. Форма 17. Датируется I – серединой III века³³. Амфора краснолаковая (рис. 8,18). Форма 1. Первая половина II в. [Журавлев, 2010, с. 70]. стакан стеклянный (рис. 8,17). Наиболее близкая аналогия происходит из черняховского могильника Данчены, где датируется IV в. [Шабанов, 2020, с. 116]. стакан стеклянный (рис. 8,16). Такие сосуды были широко распространены в Крыму во второй половине III – IV в. [Шабанов, 2020, с. 116, 118]. Пряжки с прогнутыми фасетированными язычками (рис. 8,13,14). Приблизительно соответствуют пряжкам типа П26 по классификации В.Ю. Малашева (но не имеют щитков). Аналогичны пряжкам разно-

видности 1а из могильника Нейзац. Датируются первой половиной III в. [Малашев, 2000, с. 195, 196, 199, 209; Храпунов, 2016, с. 98].

Склеп, судя по стеклянным сосудам и фибуле, использовался во второй половине III в., но краснолаковые сосуды, особенно амфора, гораздо более ранние. Следует отметить почти полную разграбленность склепа, большая часть инвентаря наверняка унесена грабителями.

Склеп № 279 (рис. 9,1). Входная яма провалилась в другой склеп. Сохранились остатки костей двух погребенных.

Инвентарь. Кувшин краснолаковый (рис. 9,3). Соответствует типу 2 краснолаковой керамики из могильника Чатыр-Даг и форме 39 кувшинов из юго-западного Крыма. Датируется III–IV веками³⁴.

Пряжка с прогнутым язычком, конец за край рамки не выступает (рис. 9,2). Соответствует пряжкам разновидности 2а из могильника Нейзац. Датируются такие пряжки III веком³⁵.

Судя по пряжке, погребения совершались в III веке.

Склеп № 310 (рис. 9,7). Ограблен. С дромосом. Угольная подсыпка. Несмотря на разграбление, ясно, что погребения совершались в два яруса.

Инвентарь. Фибулы лучковые подвязные варианта 5 Амброза (рис. 9,5,6). Датируются второй половиной II – первой половиной III века³⁶. Тарелка краснолаковая (рис. 9,9). Понтийская сигиллата А. Форма 4.2. Датируется II – первой половиной III века³⁷. Чаша краснолаковая (рис. 9,8). Понтийская сигиллата А. Форма 30.3. Датируется II–III вв. [Журавлев, 2010, с. 60].

Наконечник ремня (рис. 9,4) приблизительно соответствует наконечникам типа П/1а наконечников ремней из могильника Нейзац [Храпунов, 2008, с. 65], но состоит не из двух пластин, а из одной расщепленной с тыльной стороны. Датируется III веком. Аналогичный наконечник найден в позднесарматском погребении Высочино близ г. Азова [Безуглов, 1997, рис. 2,17].

Судя по сохранившимся вещам, склеп датируется первой половиной III века.

Склеп № 320 (рис. 10,1). Ограблен. Без дромоса. Угольная подсыпка. Сохранились

кости от пяти пар ног. В ногах бусы. Во входной яме похоронена лошадь.

Инвентарь. Фибула лучковая подвижная двучленная (рис. 10,6). Датируется второй половиной III века³⁸. Стакан стеклянный (рис. 10,7). Аналогичный сосуд найден в склепе № 262. Наиболее близкая аналогия происходит из черняховского могильника Данчаны, где датируется IV в. [Шабанов, 2020, с. 116]. Браслет и кольцо с концами в виде змеиных головок (рис. 10,2,3). Датируются II – первой половиной III века³⁹. Обломок серебряного изделия, покрытого золотой фольгой в полихромном стиле позднеримского времени (рис. 10,5). Такие украшения датируются преимущественно второй половиной III – первой половиной IV века⁴⁰. Лунница (рис. 10,4) соответствует типу 28а подвесок из могильника Нейзац. Датируется III в., вероятнее всего, первой половиной и серединой этого столетия [Стоянова, 2016, с. 135, 136].

Фибула и изделие в полихромном стиле датируются второй половиной III века. Учитывая степень разграбленности склепа, украшения с концами в виде змеиных головок и лунницу, можно предположить, что в нем хоронили и в первой половине столетия. Датировку стеклянного стакана в данном случае не учитываем из-за единичности аналогии.

Склеп № 322 (рис. 10,8). Ограблен. С дромосом. Угольная подсыпка. Более девяти погребенных в два яруса. Бусы в ногах.

Инвентарь. «Смычковая» фибула (рис. 10,9). Такие фибулы датируются в основном II – первой половиной III в., но единично встречаются и позднее [Кропотов, 2010, с. 170].

Склеп можно условно датировать II–III вв. на основании находки фибулы и обрядов, распространенных в этих столетиях: обшивки подолов бусами, угольной подсыпки, многократности и двухъярусности захоронений.

Склеп № 323 (рис. 10,10). Ограблен. С дромосом. Угольная подсыпка.

Инвентарь. Чаша краснолаковая (рис. 10,11). Понтийская сигиллата А. Форма 30.3. Датируется II–III веками⁴¹. Зеркало типа Хазанов IX (рис. 10,12). Датируется II–III веками⁴². Колокольчики усеченно-конические (рис. 10,13,14). Соответствуют типу 34а подвесок из могильника Нейзац. Датируются I–III веками⁴³.

На основании остатков погребального инвентаря склеп нельзя датировать точнее, чем II–III веками.

Склеп № 346 (рис. 11,1)⁴⁴. Подбой в стене входной ямы. С дромосом. Четверо погребенных в один ярус. Кости сдвинуты. Бусы в ногах.

Инвентарь погребения I. Фибула «инкерманского» типа (рис. 11,6). Датируется второй половиной II – серединой – третьей четвертью III века⁴⁵. Серьги серебряные со стеклянными вставками (рис. 11,2,3). Соответствуют типу X/1/A по классификации Б. Полит [Polit, 2022, р. 49, 50, Pl. 6, 4–7]. Многочисленны в Крыму и за его пределами. Все известные комплексы с подобными серьгами датируются в пределах второй половины II – III в. н.э. Гривна (рис. 11,11) соответствует типу 8 по классификации А.А. Стояновой. Датируются такие гривны временем от середины III в. до эпохи Великого переселения народов [Стоянова, 2011, с. 121, 122]. Лунница (рис. 11,4) соответствует типу 28а подвесок из могильника Нейзац. Почти все находки лунниц этого типа датируются первой половиной – серединой III в. н.э. [Стоянова, 2016, с. 135, 136]⁴⁶. Кольцо с «шишечками» (рис. 11,10). Такие изделия датируются преимущественно I–III веками⁴⁷. Колокольчики (рис. 11,8,12) сочетают черты, обычно присущие изделиям разного типа. Зеркало типа Хазанов IX (рис. 11,9). Датируется II–III веками⁴⁸. Подвеска ажурная (рис. 11,7). Существует несколько работ, в которых исследуются однотипные изделия [Рыжова, 2005; Труфанов, 2011; Стоянова, 2016, с. 138–140; Гущина, Журавлев, 2016, с. 107–109]. Ажурные подвески датируются I – IV вв. н.э., в IV в. н.э. их количество резко сокращается. Вытянутая форма подвески из склепа № 346 максимально сближает ее с находками из погребений II в. н.э. № 106 и 108 могильника Бельбек IV [Гущина, Журавлев, 2016, с. 140, 141, табл. 62,8, 64,17] и склепа III в. н.э. № 200 могильника Нейзац [Стоянова, 2016, с. 138, рис. 5,6]. Браслет с концами в виде змеиных головок (рис. 11,5). Датируются II – первой половиной III века⁴⁹.

Циклы использования вещей из погребения I совпадают в первой половине III века. Исключение составляет гривна. Ранее укра-

шения этого типа не находили в погребениях, совершенных до середины III века. Вероятно, погребение I можно датировать второй четвертью III в., ближе к середине столетия.

Инвентарь между погребениями I и II. Кувшин краснолаковый (рис. 12,1). Соответствует типу 2 краснолаковой керамики из могильника Чатыр-Даг и форме 39 кувшинов из юго-западного Крыма. Датируется III–IV веками⁵⁰. Наконечники ремней (рис. 12,2–5) соответствуют типу H3a по классификации В.Ю. Малашева и типу II наконечников ремней из могильника Нейзац. Датируются преимущественно первой половиной III в. [Малашев, 2000, с. 197, 199, 207, 208; Храпунов, 2008, с. 65, 66].

Инвентарь погребения II. Браслет в полихромном стиле (рис. 12,10). Прямоугольное украшение в полихромном стиле (рис. 12,7). Датируются второй половиной III – первой половиной IV века⁵¹. Оковка футляра ножа (рис. 12,6). Ножи в деревянных футлярах с металлическими деталями найдены в нескольких крымских могильниках [Храпунов, 2002, с. 46; 2011, с. 41; Стржелецкий и др., 2003–2004, табл. 10,39; Свиридов, 2022, с. 76, рис. 5,29]. Все они датируются в пределах II – второй половины III века. Зеркало типа Хазанов IX (рис. 12,8). Датируется II–III вв., аналогично зеркалу из погребения I. Колокольчик (рис. 12,11) соответствует подвескам типа 34г из могильника Нейзац. Датируется I–III вв. [Стоянова, 2016, с. 142].

Циклы использования вещей из погребения II указывают на дату совершения погребения в пределах середины – второй половины III века.

Инвентарь погребения III. Пряжка (рис. 12,15) с прямым язычком, доходящим до края рамки, соответствует разновидности 2 пряжек из могильника Нейзац [Храпунов, 2016, с. 99].

По пряжке погребение III можно датировать III веком.

Инвентарь погребения IV. Стакан стеклянный (рис. 12,19). Датируется второй половиной III – IV веком⁵². Браслеты в полихромном стиле (рис. 12,12,13). Прямоугольное украшение в полихромном стиле (рис. 12,14). Вторая половина III – IV век. Браслеты и прямоугольное украшение сделаны в том же сти-

ле, что и украшения из погребения II. Серьги золотые с сердоликовыми вставками (рис. 12,16,17). Наиболее вероятная дата изготовления серег, судя по аналогиям [Безуглов, Захаров, 1989, с. 55, 56, рис. 2,1, 4,2; Арсеньева и др., 2001, с. 68, табл. 83,1056, 97,1143; Храпунов, 2002, с. 21, 51, рис. 108,16; Гудкова, Редина, 1999, с. 180, 188, рис. 3,3,4; Гавригунин и др., 2020, с. 104, рис. 8,1], – вторая половина III в. н.э. Лунница (рис. 12,9) соответствует типу 28а подвесок из могильника Нейзац. Датируется III в., вероятно, первой половиной и серединой столетия⁵³. Зеркало типа Хазанов IX (рис. 12,20). Датируется II–III веками. Однотипно зеркалам из погребений I и II.

Наиболее вероятная дата погребения IV – вторая половина III в., но начало IV в. тоже возможно.

Инвентарь в углу погребальной камеры. Кувшин краснолаковый (рис. 12,18). Большинство аналогий этому сосуду датируются IV в. [Храпунов, 2002, с. 59, тип X; Нессель, 2003, с. 116, 118, тип IV,2; Пуздровский и др., 2001, рис. 11,1].

Благодаря раскопкам могильника Опушки установлено, что первые склепы с короткими дромосами появились в Крыму значительно раньше, чем принято было думать, а именно в конце или во второй половине II века. Тем самым хронологический разрыв между прекращением практики погребений в позднескифских склепах и появлением склепов с короткими дромосами значительно уменьшился, но полностью не исчез. Наиболее поздним датирующим материалом из позднескифских склепов являются лучковые фибулы варианта 3 по классификации А.К. Амброза. В склепах с короткими дромосами их нет, зато многочисленны фибулы вариантов 4 и 5. Дромос поначалу не был обязательным элементом конструкции погребального сооружения. Он отсутствует в склепах № 38, 96, 134, 320, возможно, 262, то есть в 5 из 17 рассмотренных в данной работе случаев. Все эти погребальные сооружения выкопаны не позднее первой половины III века. Правда, из-за разграбленности дату склепов № 262 и 320 придется оставить под вопросом. После середины III в. склепы без дромосов ни в могильнике Опушки, ни в других некрополях не дела-

ли. В самых ранних из обсуждаемых погребальных сооружений очевидно сохранение позднескифских традиций, что выражается в многоярусности погребений и в сдвигении костей погребенных ранее. Сочетание новой для Крыма конструкции склепа и традиционных погребальных обрядов трудно объяснить иначе, чем физическими контактами мигрантов и автохтонов. Очень скоро после появления склепов с короткими дромосами позднескифские традиции исчезают, вероятно в результате ассимиляционных процессов. Истоки миграции людей, принесших в Крым склепы с короткими дромосами, искали на Северном Кавказе. Эта гипотеза вызвала критику, но альтернативного варианта никто пока предложить не смог [Храпунов, 2018].

Из устойчивых специфических обычаев, зафиксированных в захоронениях III в., следует отметить посыпание пола погребального сооружения углем и обшивку подола платьев бусами. Причем они характерны не только для погребений в склепах, но и в подбойных, и в грунтовых могилах. Основу погребального инвентаря в рассматриваемое время составляет вполне определенный набор вещей, как это видно из таблицы 1. Точно такие же вещи обнаружены и в синхронных склепам подбойных и грунтовых могилах.

Склепы с короткими дромосами продолжали сооружать до конца использования могильника Опушки. Приблизительно на рубеже III–IV вв., если судить по результатам раскопок других крымских могильников, их количество резко возрастает. К этому же времени относятся многие другие важные инновации: namного увеличивается количество оружия и лепной керамики, популярной заупокойной пищей становятся куриные яйца, заметные изменения происходят в costume, исчезают зеркала, шкатулки, колокольчики и т. д. Можно предположить, что эти изменения были спровоцированы новой миграционной волной с Северного Кавказа [Храпунов, 2021б]. В IV в. в склепах с короткими дромосами совершали подавляющее большинство погребений. Однако традиционные для Крыма подбойные и грунтовые могилы не исчезли. В них продолжали хоронить до конца использования могильников. Значит, ассимиляционные процессы так и не заверши-

лись, в крымских предгорьях продолжали жить носители старых традиций. В отличие от всех других крымских некрополей, в могильнике Опушки склепов III в. раскопано больше, чем склепов IV века. Возможно, это объясняется культурной спецификой коллектива, оставившего могильник, но также не исключено, что продолжающиеся раскопки изменяют это соотношение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определение Н.А. Алексеенко.

² Расшитые бусами подола платьев или штаны – это признак, характеризующий женские погребения II – первой половины III века.

³ О таких фибулах см. в описании находок из склепа № 7, но фибулы из этого склепа в точности не соответствуют ни одному из вариантов классификации И.О. Гавритухина.

⁴ О таких изделиях см. в описании находок из склепа № 7.

⁵ О таких тарелках см. в описании находок из склепа № 7.

⁶ О таких мисках см. в описании находок из склепа № 7.

⁷ См. о пряжке того же типа в склепе № 7.

⁸ О таких тарелках см. в описании находок из склепов № 7, 38.

⁹ О таких мисках см. в описании находок из склепов № 7, 38.

¹⁰ О таких кружках см. в описании находок из склепа № 58.

¹¹ О таких зеркалах см. в описании находок из склепа № 7.

¹² О таких тарелках см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75.

¹³ О таких браслетах см. в описании находок из склепа № 75.

¹⁴ О деталях шкатулок см. в описании находок из склепа № 75.

¹⁵ О таких зеркалах см. в описании находок из склепов № 7, 75.

¹⁶ О таких изделиях см. в описании находок из склепов № 7, 38.

¹⁷ О таких тарелках см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75, 77.

¹⁸ Определение Н.И. Храпунова.

¹⁹ О фибулах «инкерманского» типа см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75.

²⁰ О таких кружках см. в описании находок из склепов № 58, 75.

²¹ О таких зеркалах см. в описании находок из склепов № 7, 75, 77.

- ²² Опубликовано в: [Храпунов, Стоянова, 2021].
- ²³ Определение Н.И. Храпунова.
- ²⁴ О фибулах вариантов 4 и 5 А.К. Амброза см. в описании находок из склепов № 75, 77. О фибулах «инкерманского» типа см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75, 134.
- ²⁵ О таких тарелках см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75, 77.
- ²⁶ О застежках этого типа см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75, 134, 158.
- ²⁷ О таких кувшинах см. в описании находок из склепа № 158.
- ²⁸ О таких кружках см. в описании находок из склепов № 58, 75, 134.
- ²⁹ О браслетах со змеиными головками см. в описании находок из склепов № 75, 77.
- ³⁰ О таких колокольчиках см. в описании находок из склепа № 134.
- ³¹ О застежках вариантов 4 и 5 А.К. Амброза см. в описании находок из склепов № 75, 77, 158, а о фибулах «инкерманского» типа см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75, 134, 158.
- ³² О застежках этого типа см. в описании находок из склепа № 164.
- ³³ О таких мисках см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75.
- ³⁴ О таких кувшинах см. в описании находок из склепов № 158, 164.
- ³⁵ О таких пряжках см. в описании находок из склепа № 164.
- ³⁶ О таких фибулах см. в описании находок из склепов № 75, 164.
- ³⁷ О таких тарелках см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75, 77, 158.
- ³⁸ О таких фибулах см. в описании находок из склепов № 164, 262.
- ³⁹ О таких украшениях см. в описании находок из склепов № 75, 77, 164.
- ⁴⁰ Об изделиях в полихромном стиле поздне-римского времени см. в описании находок из склепа № 164.
- ⁴¹ О таких чашах см. в описании находок из склепа № 310.
- ⁴² О таких зеркалах см. в описании находок из склепов № 75, 77, 134.
- ⁴³ О таких колокольчиках см. в описании находок из склепа № 134.
- ⁴⁴ Опубликовано в: [Храпунов, Стоянова, 2022, рис. 11].
- ⁴⁵ О таких фибулах см. в описании находок из склепов № 7, 38, 75, 77, 134, 158, 164.
- ⁴⁶ О таких лунницах см. в описании находок из склепов № 134, 320.
- ⁴⁷ О таких изделиях см. в описании находок из склепов № 7, 38, 77.
- ⁴⁸ О таких зеркалах см. в описании находок из склепов № 75, 77, 134, 323.
- ⁴⁹ О таких браслетах см. в описании находок из склепов № 75, 77, 164, 320.
- ⁵⁰ О таких кувшинах см. в описании находок из склепов № 158, 164.
- ⁵¹ Об изделиях в полихромном стиле поздне-римского времени см. в описании находок из склепов № 164, 320.
- ⁵² О таких стаканах см. в описании находок из склепа № 262.
- ⁵³ О таких лунницах см. в описании находок из склепов № 134, 320.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Взаимовстречаемость погребальных обрядов и инвентаря в склепах III в. могильника Опушки

Table 1. Interoccurrence of funeral rites and grave goods in the third-century burial vaults of the cemetery of Opushki

№ склепа	Категории инвентаря																					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
7	+	+		+			+		+	+	+							+				
38			+				+			+	+							+	+			
58	+		+		+				+			+										
75	+	+	+			+	+			+	+	+				+	+			+		
77	+		+		+	+				+						+	+	+		+		
134			+	+			+					+				+			+		+	
158	+	+	+	+		+	+			+			+									
164	+	+				+	+	+				+	+					+		+		+
262	?							+			+				+							
310	+	+				+				+					+							
320		+						+							+			+			+	+
323	+	+												+		+			+			
346	+		+				+						+		+	+	+	+	+		+	+

Примечание. Шифры столбцов по вертикали: 1 – наличие дромоса; 2 – угольная подсыпка; 3 – бусы в ногах; 4 – монеты; 5 – фибулы со сплошным приемником; 6 – фибулы лучковые подвязные вариантов 4 и 5 А.К. Амброза; 7 – фибулы «инкерманского» типа; 8 – фибулы лучковые подвязные двучленные; 9 – пряжки пельтовидные; 10 – тарелки краснолаковые формы 4.2 (здесь и далее формы краснолаковой посуды по Д.В. Журавлеву); 11 – миски краснолаковые формы 17; 12 – кружки краснолаковые формы 1; 13 – кувшины краснолаковые формы 39; 14 – чаши краснолаковые формы 30.3; 15 – стаканы стеклянные; 16 – зеркала типа Хазанов IX; 17 – браслеты с концами в виде змеиных головок; 18 – кольца с «шишечками»; 19 – колокольчики; 20 – детали шкатулок; 21 – лунницы типа 28а по классификации А.А. Стояновой; 22 – изделия в полихромном стиле позднеримского времени.

Note. Column codes vertically: 1 – presence of dromos; 2 – coal bedding; 3 – beads in the legs; 4 – coins; 5 – brooches with a solid receiver; 6 – bow garter brooches (variants 4 and 5 by A.K. Ambroz); 7 – brooches of the “Inkerman” type; 8 – two-membered brooches; 9 – pelt-shaped buckles; 10 – red-slip plates of form 4.2 (hereinafter the forms of red-slip dishes according to D.V. Zhuravlev); 11 – red-slip bowls of form 17; 12 – red-slip mugs of form 1; 13 – red-slip jugs of form 39; 14 – red-slip bowls of form 30.3; 15 – glass glasses; 16 – mirrors of the Khazanov IX type; 17 – bracelets with ends in the form of snake heads; 18 – knobbed rings; 19 – bells; 20 – jewelry box fragments; 21 – lunulas of type 28a according to the classification of A.A. Stoyanova; 22 – items in the polychrome style of late Roman times.

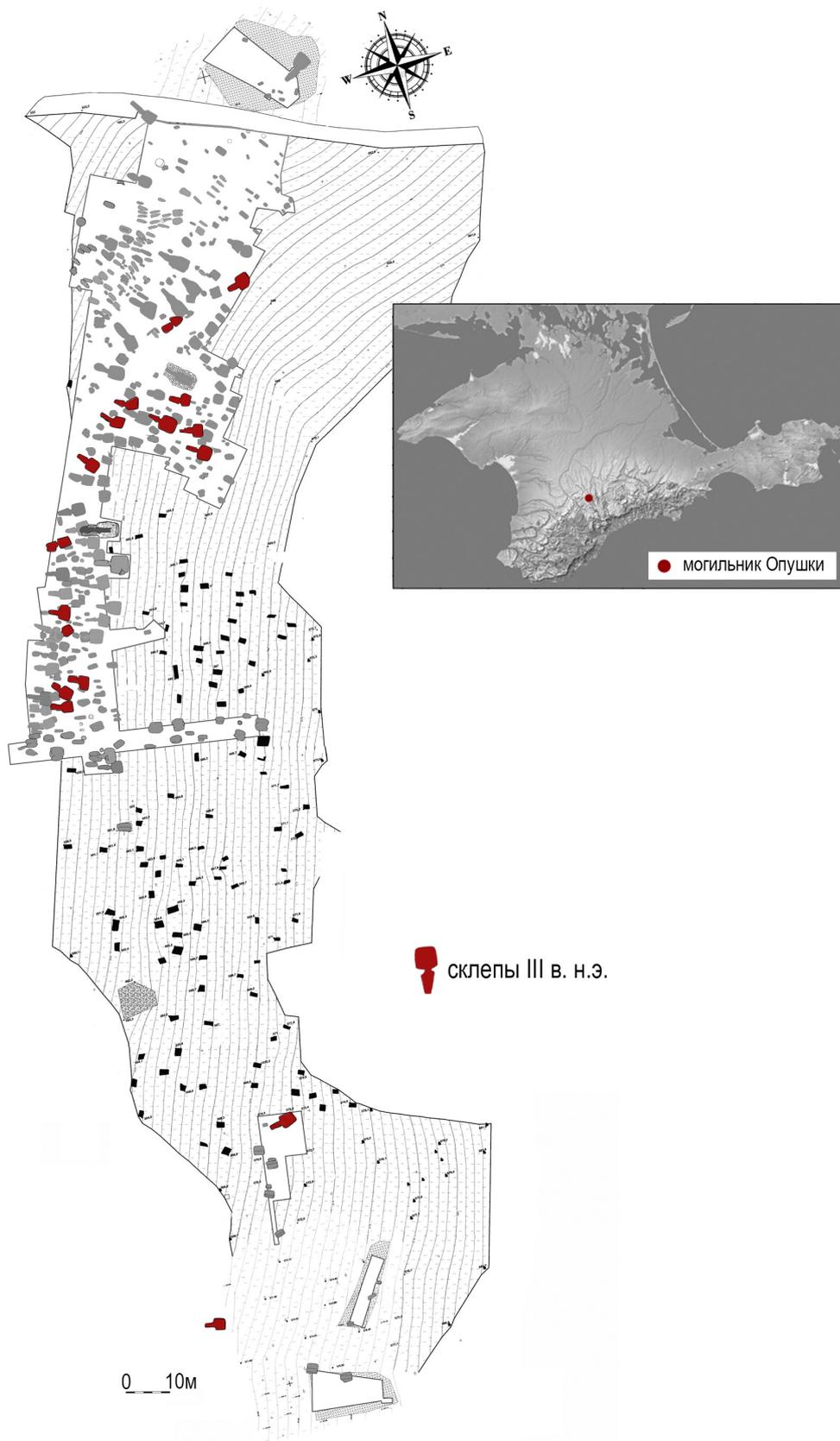

Рис. 1. Местоположение и план могильника Опушки

Fig. 1. Location and plan of the cemetery of Opushki

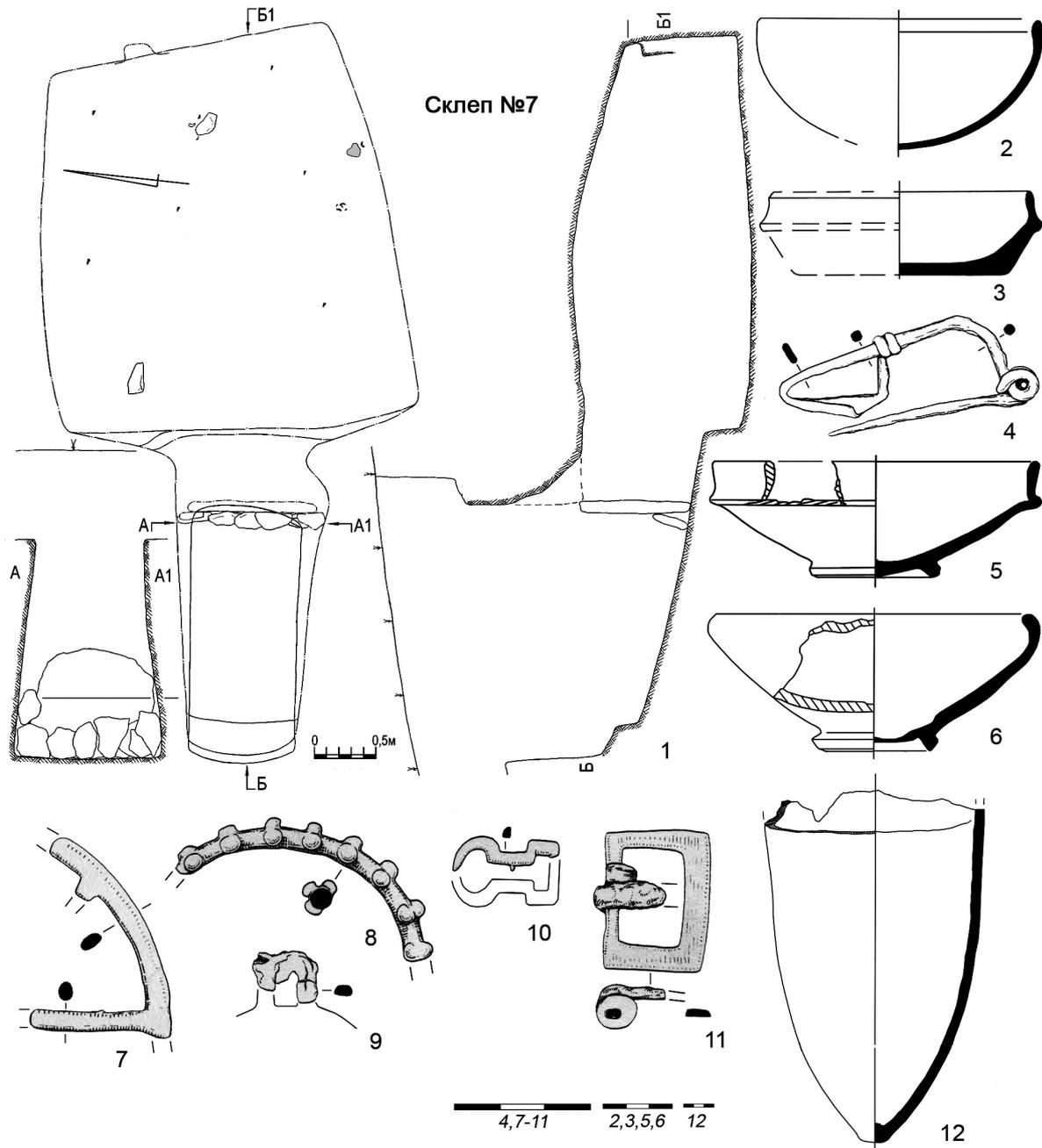

Рис. 2. Склеп № 7:

1 – план и разрезы; 2–12 – погребальный инвентарь
 (2, 3, 5, 6 – сосуды краснолаковые; 4 – фибула; 7 – челюсть фрагмент; 8 – кольца с «шишечками» фрагмент;
 9 – зеркала фрагмент; 10, 11 – пряжки; 12 – амфоры фрагмент)

Fig. 2. Burial vault no. 7:

1 – ground plan and cross-sections; 2–12 – grave goods
 (2, 3, 5, 6 – red-slip vessels; 4 – brooch; 7 – cheek-piece fragment; 8 – knobbed ring fragment;
 9 – mirror fragment; 10, 11 – buckles; 12 – amphora fragment)

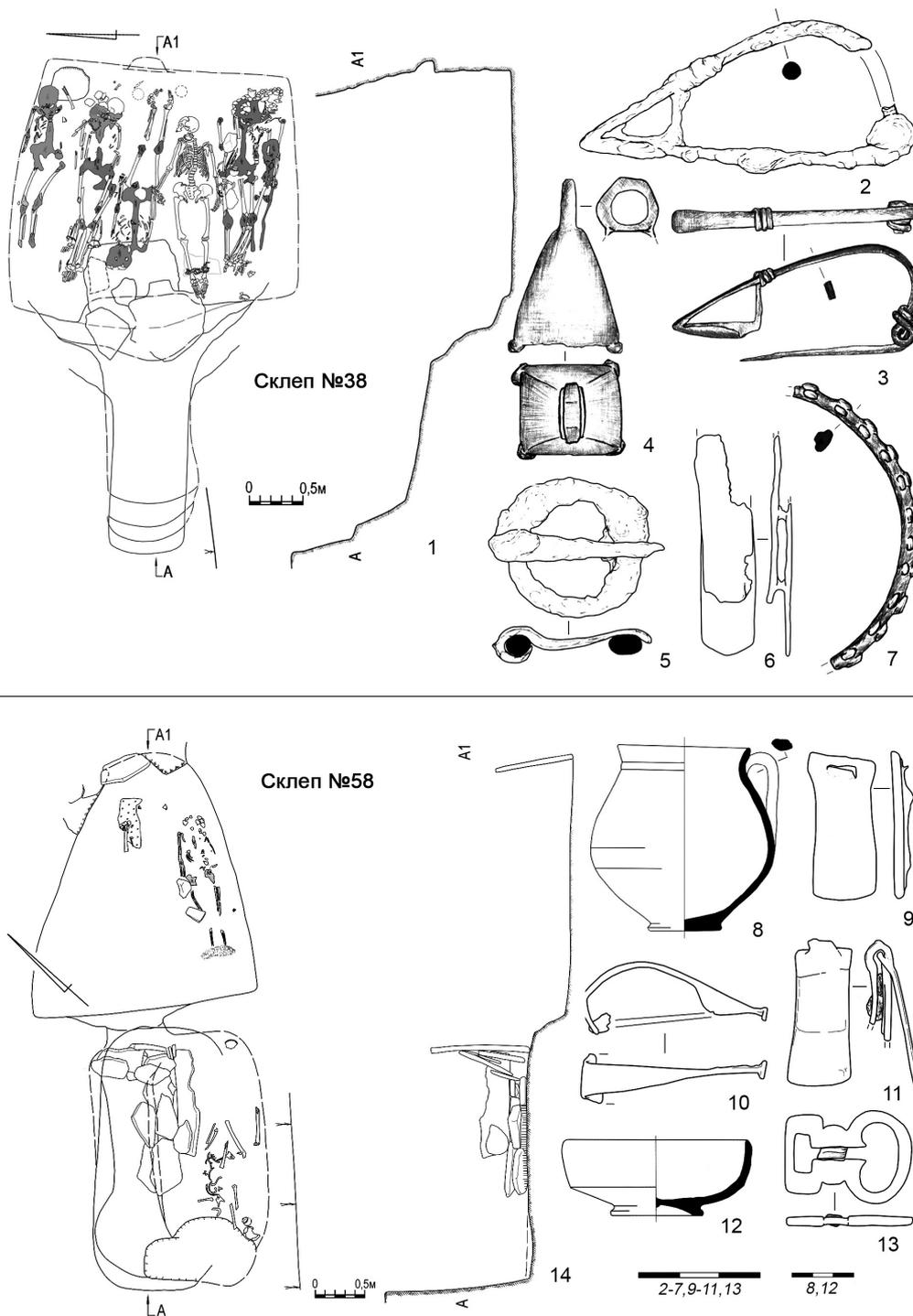

Рис. 3. Склепы № 38 и 58:

1 – склеп № 38, план и разрез; 2–7 – погребальный инвентарь склепа № 38
 (2, 3 – фибулы; 4 – колокольчик; 5 – пряжка; 6 – наконечник ремня; 7 – фрагмент кольца с «шишечками»);
 8–13 – склеп № 58, погребальный инвентарь (8, 12 – сосуды краснолаковые; 9, 11 – наконечники ремней;
 10 – фибула; 13 – пряжка); 14 – склеп № 58, план и разрез

Fig. 3. Burial vaults no. 38 and 58:

1 – ground plan and cross-section of burial vault no. 38; 2–7 – grave goods from burial vault no. 38
 (2, 3 – brooches; 4 – bell; 5 – buckle; 6 – strap-end; 7 – knobbed ring fragment);
 8–13 – grave goods from burial vault no. 58 (8, 12 – red-slip vessels; 9, 11 – strap-ends;
 10 – brooch; 13 – buckle); 14 – ground plan and cross-section of burial vault no. 58

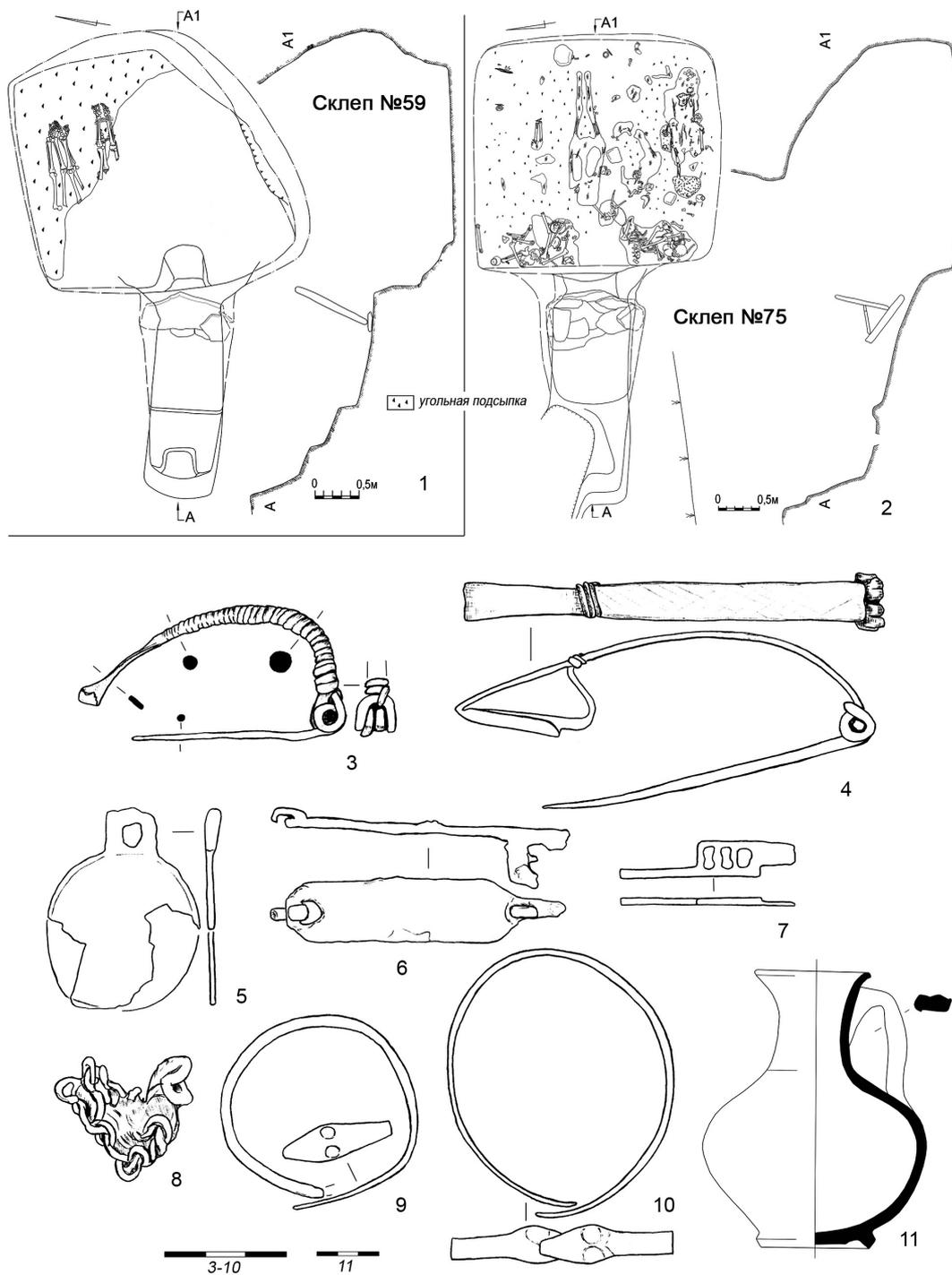

Рис. 4. Склепы № 59 и 75:

1 – склеп № 59, план и разрез; 2 – склеп № 75, план и разрез; 3–11 – склеп № 75, погребальный инвентарь (3, 4 – фибулы; 5 – зеркало; 6, 7 – детали шкатулки; 8 – изделие, сплетенное из железных колец; 9, 10 – браслеты; 11 – сосуд краснолаковый)

Fig. 4. Burial vaults no. 59 and 75:

1 – ground plan and cross-section of burial vault no. 59; 2 – ground plan and cross-section of burial vault no. 75; 3–11 – grave goods from burial vault no. 75 (3, 4 – brooches; 5 – mirror; 6, 7 – jewelry box fragments; 8 – an artefact woven of iron rings; 9, 10 – bracelets; 11 – red-slip vessel)

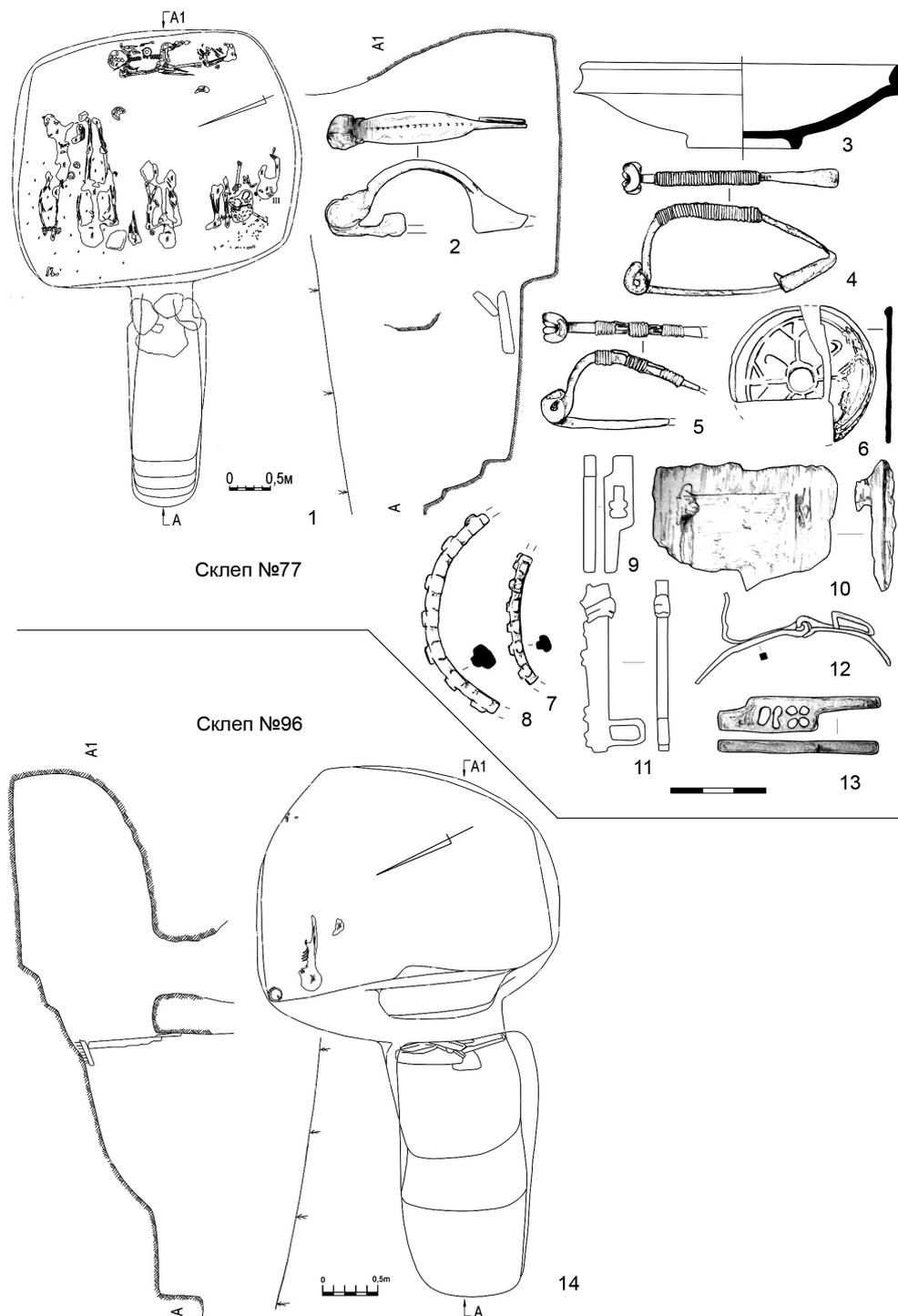

Рис. 5. Склепы № 77 и 96:

1 – склеп № 77, план и разрез; 2–13 – склеп № 77, погребальный инвентарь (2, 4, 5 – фибулы; 3 – сосуд краснолаковый; 6 – зеркало; 7, 8 – кольцо с «шишечками» фрагменты; 9–13 – шкатулки фрагменты); 14 – склеп № 96, план и разрез

Fig. 5. Burial vaults no. 77 and 96:

1 – ground plan and cross-section of burial vault no. 77; 2–13 – grave goods from burial vault no. 77 (2, 4, 5 – brooches; 3 – red-slip vessel; 6 – mirror; 7, 8 – fragments of knobbed rings; 9–13 – jewelry box fragments); 14 – ground plan and cross-section of burial vault no. 96

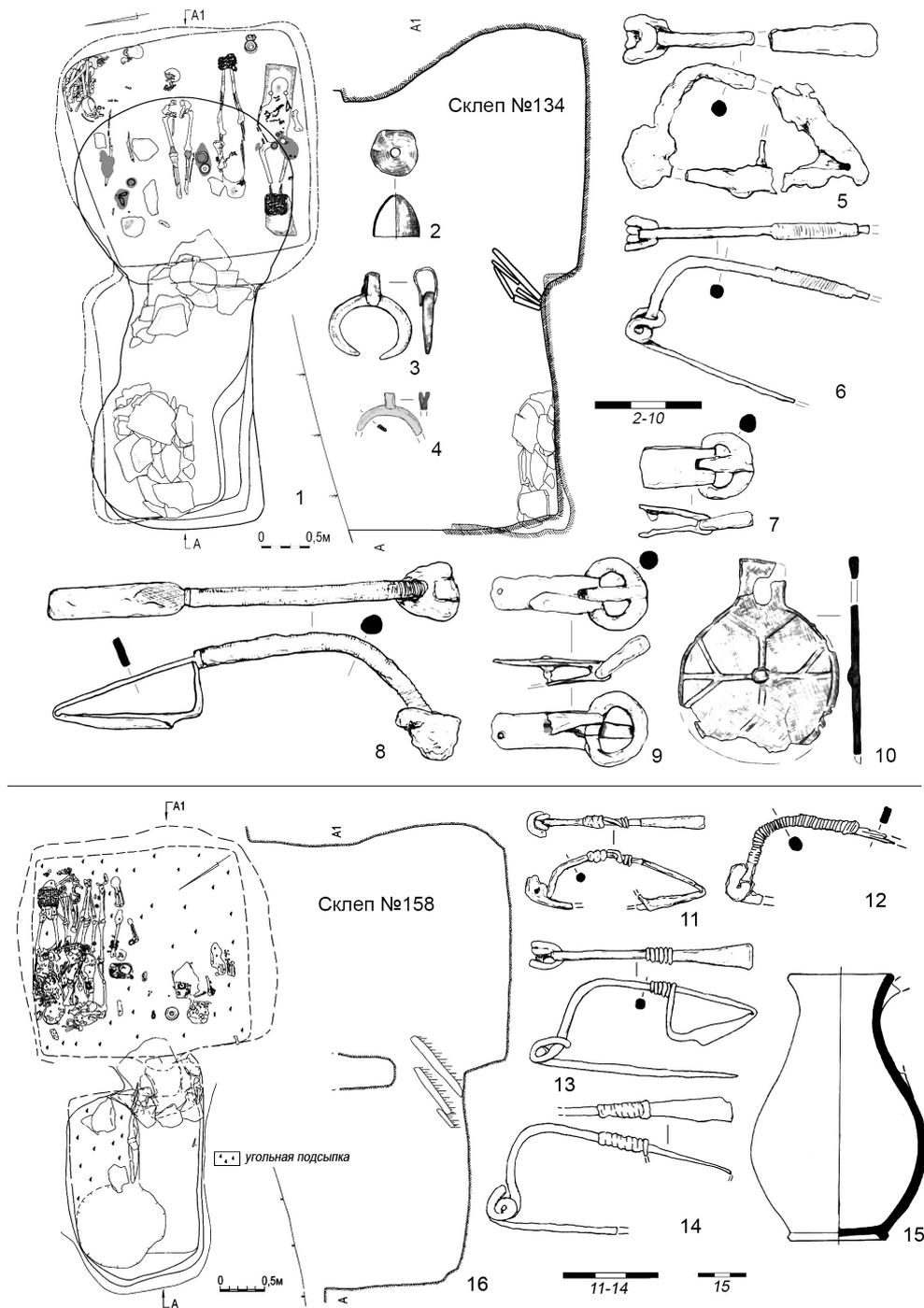

Рис. 6. Склепы № 134 и 158:

1 – склеп № 134, план и разрез; 2–10 – склеп № 134, погребальный инвентарь (2 – колокольчик; 3, 4 – подвески-лунницы; 5, 6, 8 – фибулы; 7, 9 – пряжки; 10 – зеркало); 11–15 – склеп № 158, погребальный инвентарь (11–14 – фибулы; 15 – сосуд краснолаковый); 16 – склеп № 158, план и разрез

Fig. 6. Burial vaults no. 134 and 158:

1 – ground plan and cross-section of burial vault no. 134; 2–10 – grave goods from burial vault no. 134 (2 – bell; 3, 4 – lunula pendants; 5, 6, 8 – brooches; 7, 9 – buckles; 10 – mirror); 11–15 – grave goods from burial vault no. 158 (11–14 – brooches; 15 – red-slip vessel); 16 – ground plan and cross-section of burial vault no. 158

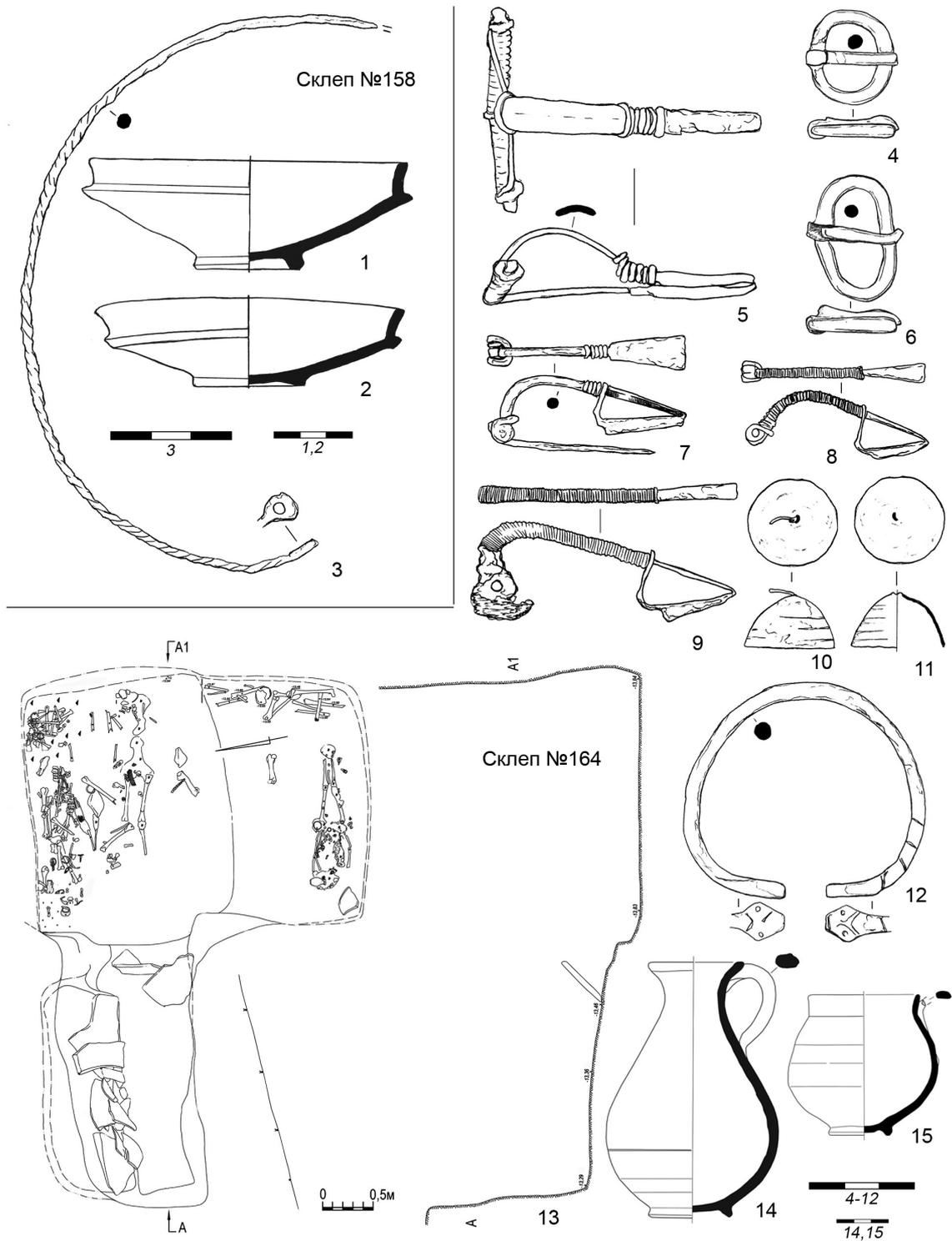

Рис. 7. Склепы № 158 и 164

1–3 – склеп № 158, погребальный инвентарь (1, 2 – сосуды краснолаковые; 3 – гривна);
 4–12, 14, 15 – склеп № 164, погребальный инвентарь (4, 6 – пряжки; 5, 7, 8, 9 – фибулы; 10, 11 – колокольчики;
 12 – браслет; 14, 15 – сосуды краснолаковые); 13 – склеп № 164, план и разрез

Fig. 7. Burial vaults no. 158 and 164:

1–3 – grave goods from burial vault no. 158 (1, 2 – red-slip vessels; 3 – neck-ring);
 4–12, 14, 15 – grave goods from burial vault no. 164 (4, 6 – buckles; 5, 7, 8, 9 – brooches; 10, 11 – bells;
 12 – bracelet; 14, 15 – red-slip vessels); 13 – ground plan and cross-section of burial vault no. 164

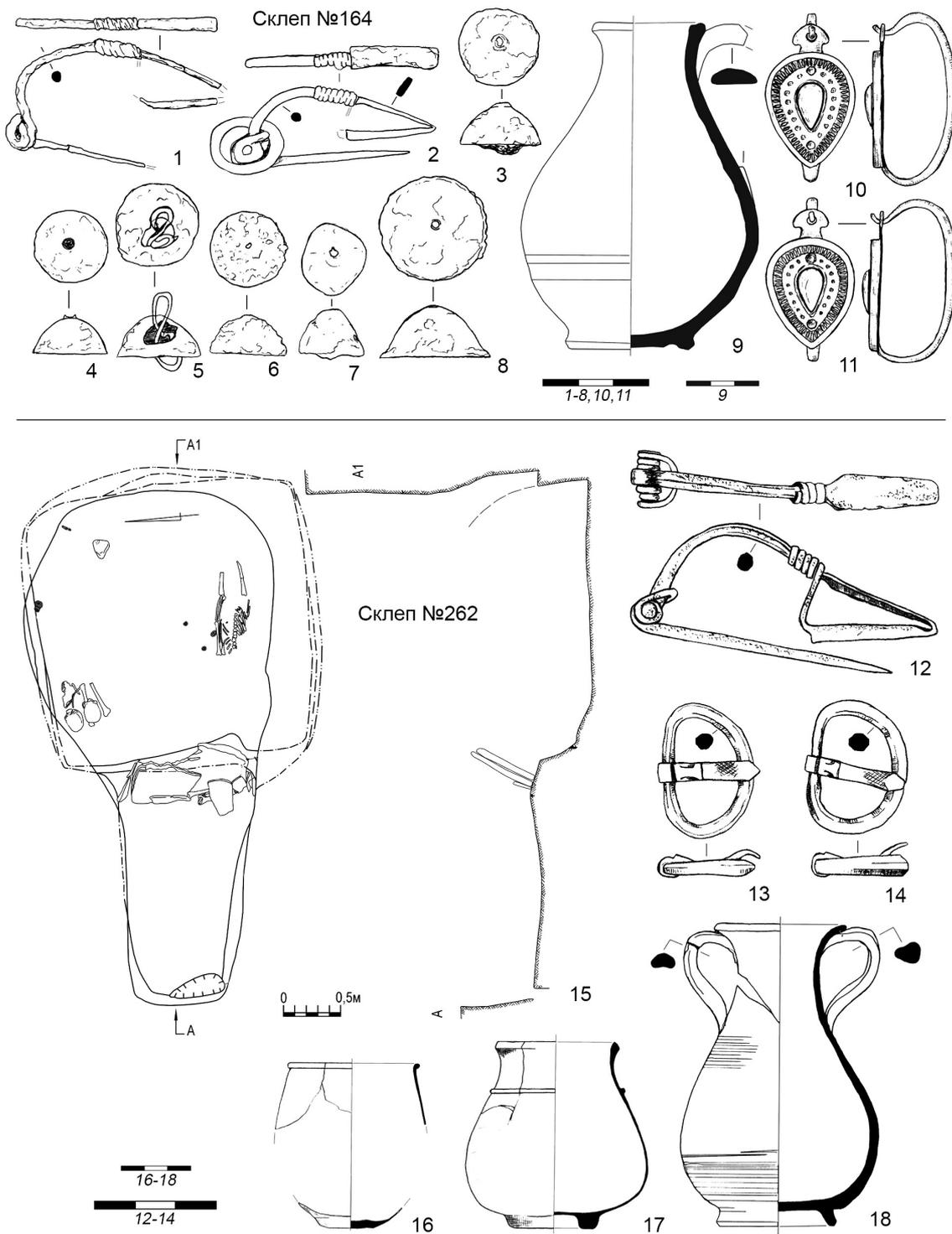

Рис. 8. Склепы № 164 и 262:

1–11 – склеп № 164, погребальный инвентарь (1, 2 – фибулы; 3–8 – колокольчики; 9 – сосуд краснолаковый; 10, 11 – серьги); 12–14, 16–18 – склеп № 262, погребальный инвентарь (12 – фибула; 13, 14 – пряжки; 16–18 – сосуды краснолаковые); 15 – склеп № 262, план и разрез

Fig. 8. Burial vaults no. 164 and 262:

1–11 – grave goods from burial vault no. 164 (1, 2 – brooches; 3–8 – bells; 9 – red-slip vessel; 10, 11 – earrings); 12–14, 16–18 – grave goods from burial vault no. 262 (12 – brooch; 13, 14 – buckles; 16–18 – red-slip vessels); 15 – ground plan and cross-section of burial vault no. 262

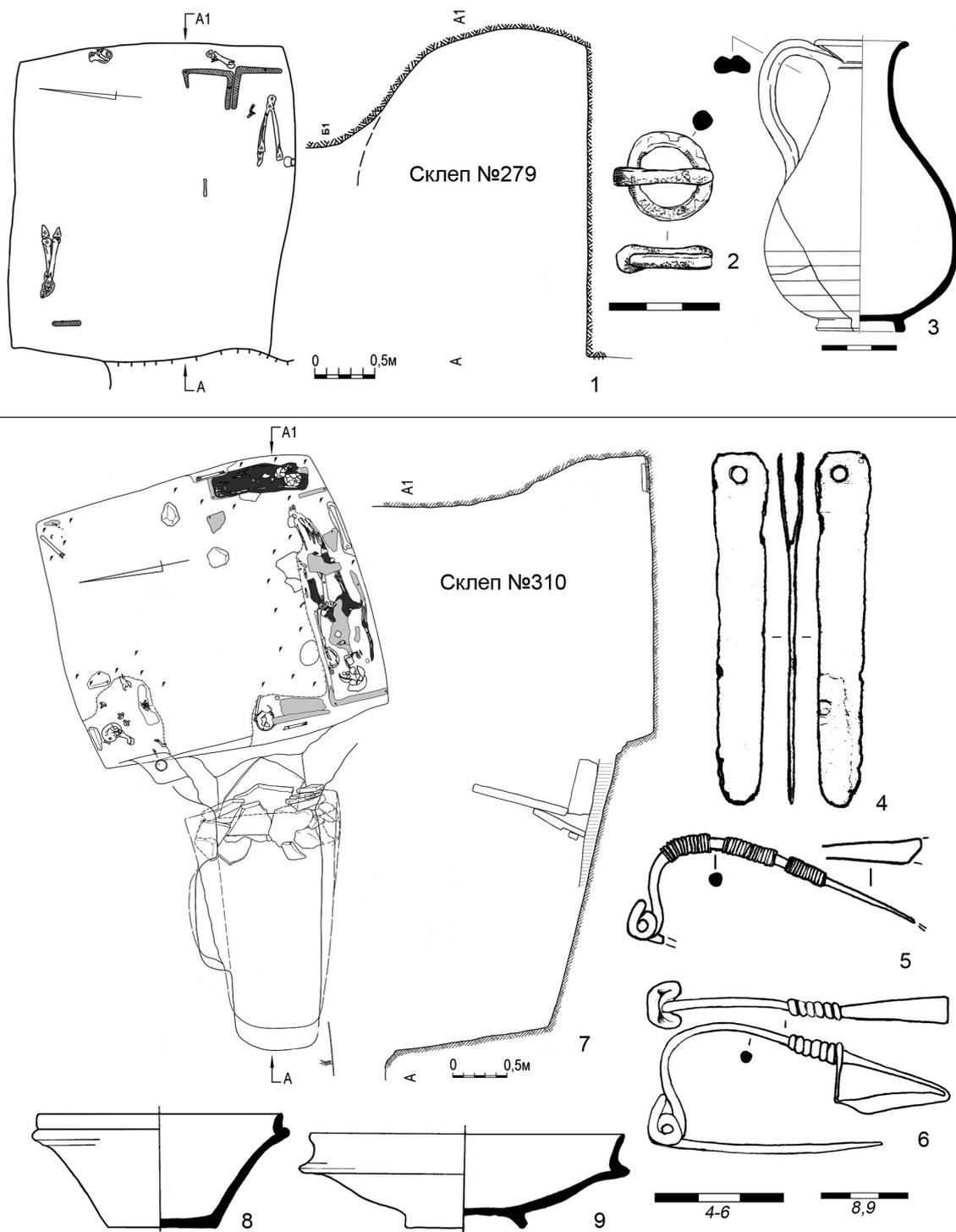

Рис. 9. Склепы № 279 и 310:

1 – склеп № 279, план и разрез; 2, 3 – склеп № 279, погребальный инвентарь
 (2 – пряжка; 3 – сосуд краснолаковый); 4–6, 8, 9 – склеп № 310, погребальный инвентарь
 (4 – наконечник ремня; 5, 6 – фибулы; 8, 9 – сосуды краснолаковые); 7 – склеп № 310, план и разрез

Fig. 9. Burial vaults no. 279 and 310:

1 – ground plan and cross-section of burial vault no. 279; 2, 3 – grave goods from burial vault no. 279
 (2 – buckle; 3 – red-slip vessel); 4–6, 8, 9 – grave goods from burial vault no. 310
 (4 – strap-end; 5, 6 – brooches; 8, 9 – red-slip vessels); 7 – ground plan and cross-section of burial vault no. 310

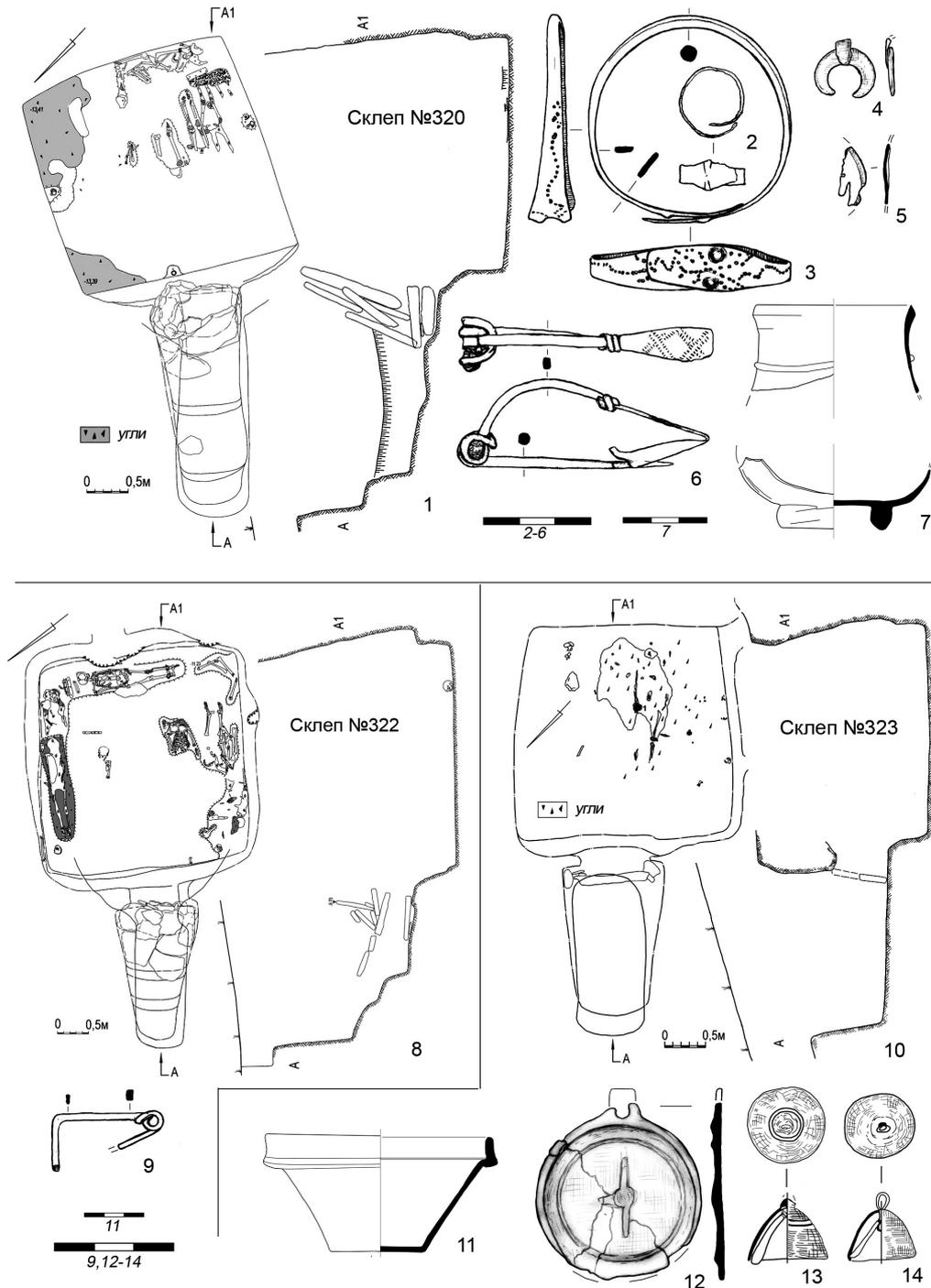

Рис. 10. Склепы № 320, 322 и 323:

1 – склеп № 320, план и разрез; 2–7 – склеп № 320, погребальный инвентарь (2 – кольцо; 3 – браслет; 4 – подвеска-лунница; 5 – обрывок фольги; 6 – фибула; 7 – сосуд стеклянный);
 8 – склеп № 322, план и разрез; 9 – фибула из склепа № 322; 10 – склеп № 323, план и разрез;
 11–14 – склеп № 323, погребальный инвентарь (11 – сосуд краснолаковый; 12 – зеркало; 13, 14 – колокольчики)

Fig. 10. Burial vaults no. 320, 322, and 323:

1 – ground plan and cross-section of burial vault no. 320; 2–7 – grave goods from burial vault no. 320 (2 – ring; 3 – bracelet; 4 – lunula pendant; 5 – patch of foil; 6 – brooch; 7 – glass vessel);
 8 – ground plan and cross-section of burial vault no. 322; 9 – brooch from burial vault no. 322;
 10 – ground plan and cross-section of burial vault no. 323; 11–14 – grave goods from burial vault no. 323 (11 – red-slip vessel; 12 – mirror; 13, 14 – bells)

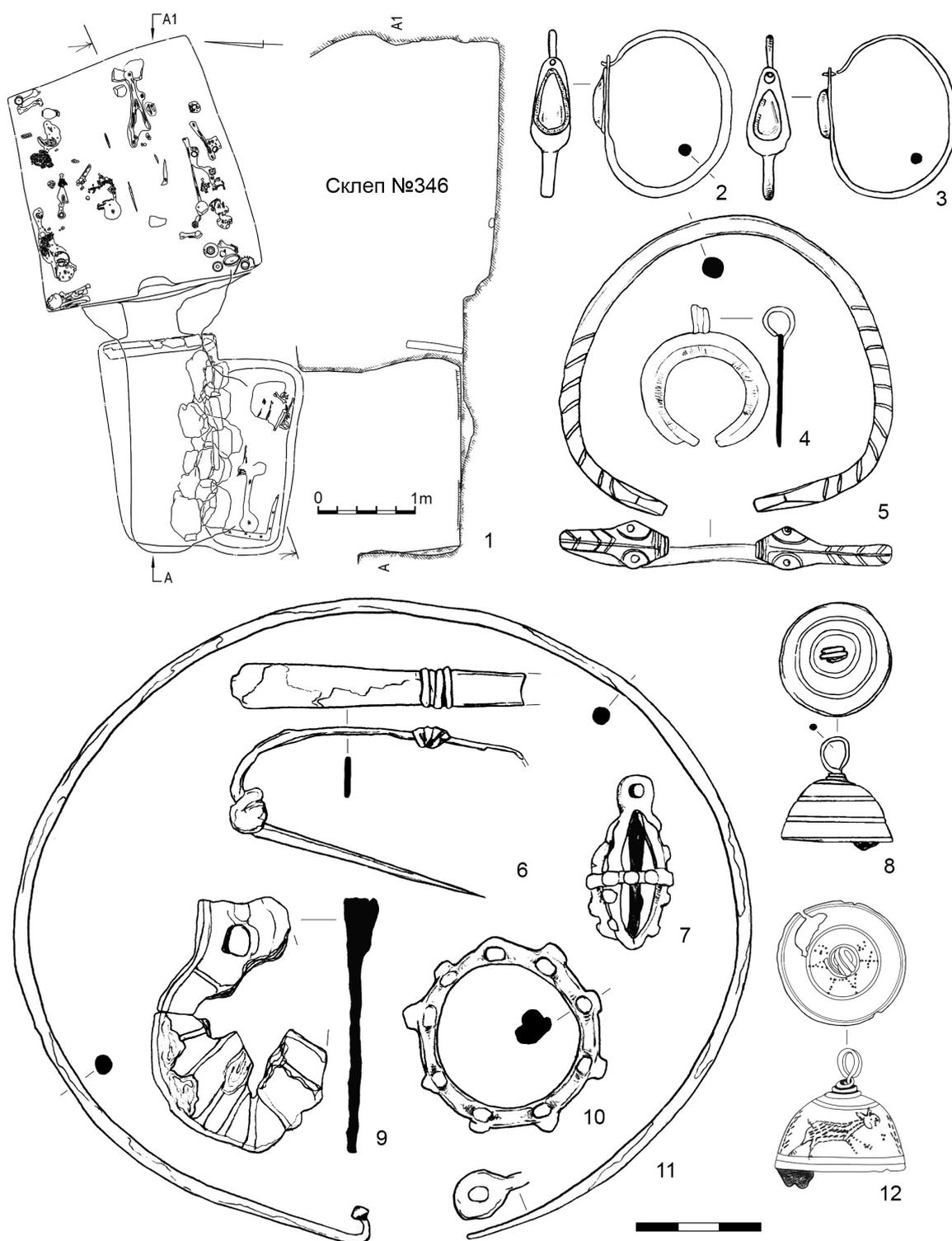

Рис. 11. Склеп № 346:

1 – план и разрез; 2–12 – погребальный инвентарь (2, 3 – серьги; 4 – подвеска-лунница; 5 – браслет; 6 – фибула; 7 – подвеска; 8, 12 – колокольчики; 9 – зеркало; 10 – кольцо с «шишечками»; 11 – гривна)

Fig. 11. Burial vault no. 346:

1 – ground plan and cross-section; 2–12 – grave goods (2, 3 – earrings; 4 – lunula pendant; 5 – bracelet; 6 – brooch; 7 – pendant; 8, 12 – bells; 9 – mirror; 10 – knobbed ring; 11 – neck-ring)

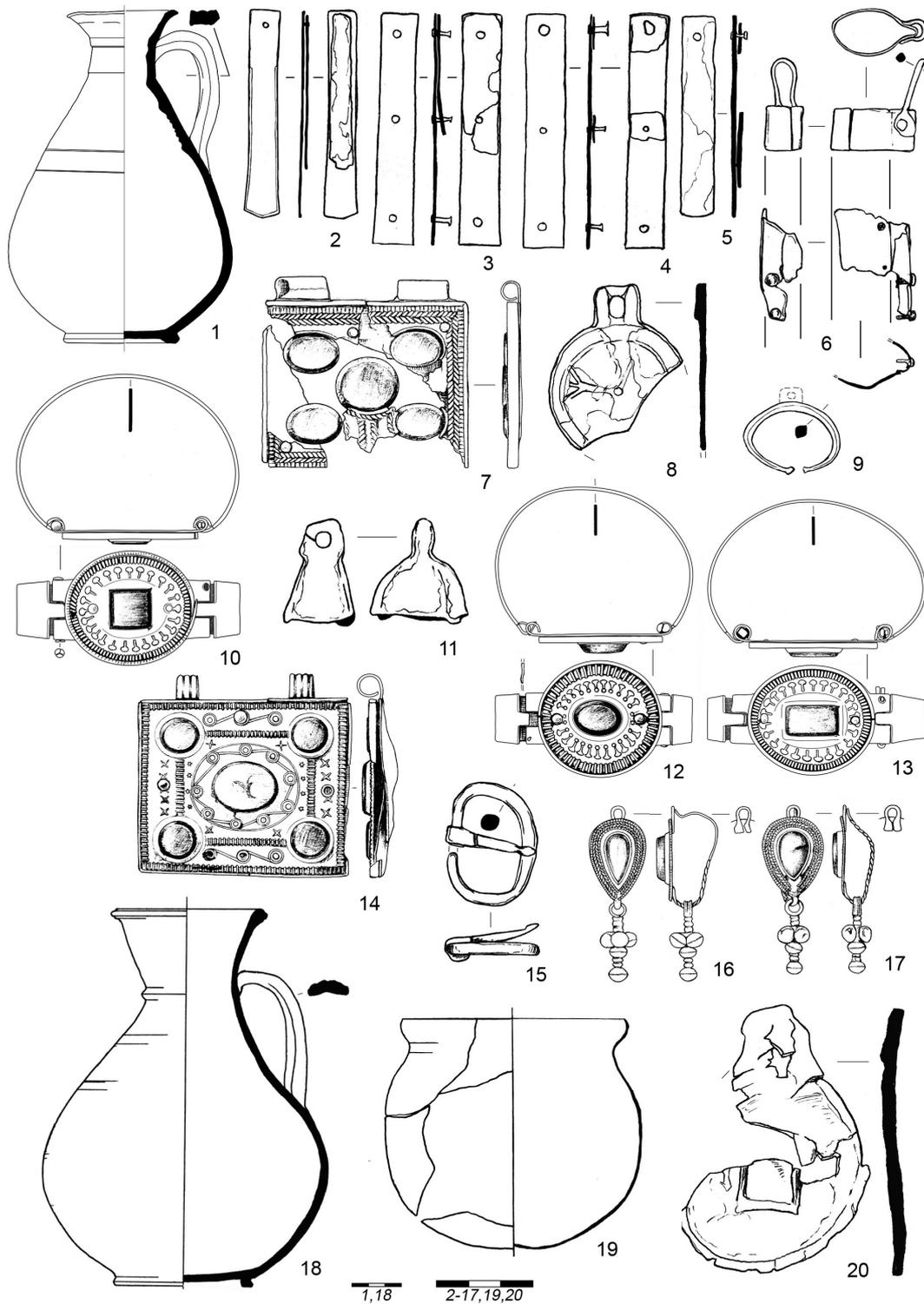

Рис. 12. Склеп № 346. Погребальный инвентарь:

1, 18 – сосуды краснолаковые; 2–5 – наконечники ремней; 6 – оковка футляра ножа; 7, 14 – украшения;
8, 20 – зеркала; 9 – подвеска-лунница; 10, 12, 13 – браслеты; 11 – колокольчик; 15 – пряжка; 16, 17 – серьги;
19 – сосуд стеклянный

Fig. 12. Burial vault no. 346. Grave goods:

1, 18 – red-slip vessels; 2–5 – strap-ends; 6 – knife-case binding plate; 7, 14 – ornaments;
8, 20 – mirrors; 9 – lunula pendant; 10, 12, 13 – bracelets; 11 – bell; 15 – buckle; 16, 17 – earrings; 19 – glass vessel

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М. : Сов. Россия. С. 121–132.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. Вып. Д1-30. М. : Наука. 111 с.
- Антипенко А. В., 2016. Типология псалий I–IV вв. н.э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI. С. 84–109.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В., 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М. : ПАЛЕОГРАФ. 274 с.
- Безуглов С. И., 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов. С. 133–142.
- Безуглов С., Захаров А., 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов н/Д : Ростов. кн. изд-во. С. 42–66.
- Безуглов С. И., Нидзельницкая Л. Ю., 2020. Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. VI. Симферополь : Салта. С. 215–259.
- Васильев А. А., 2005а. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. : ГЭ. С. 343–349.
- Васильев А. А., 2005б. Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре // Боспорские исследования. Вып. IX. Симферополь ; Керчь. С. 279–292.
- Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев : Киев. акад. Евробизнеса. 206 с.
- Гавритухин И. О., 2022. Подвязные лучковые фибулы могильника Фронтное 3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи. М. : ИА РАН. С. 22–42.
- Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.
- Гудкова А. В., Редина Е. Ф., 1999. О сарматском могильнике Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Вип. VII. С. 177–193.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 1. М. : Ист. музей. 272 с.
- Дашевская О. Д., 1951. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского // Вестник древней истории. № 2. С. 131–135.
- Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9. Симферополь. 320 с.
- Журавлев Д. В., 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1 (43). С. 59–85.
- Иванова О. С., 2013. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху. Т. I. Симферополь ; Бахчисарай : Доля. С. 93–154.
- Костромичев Д. А., 2015. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum plus. № 4. С. 299–356.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДФ-Украина. 384 с.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ремennых гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра : Гефест. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., Обломский А. М., 2002. Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья // Российская археология. № 4. С. 113–124.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани : (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар. 336 с.
- Нессель В. А., 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь. С. 107–123.

- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь : Бизнес-Информ. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. н.э. в юго-западном Крыму // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. VIII. С. 32–50.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь : ИП Бровко А. А. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017а. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь : ИП Зуева Т. В. 300 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017б. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь : ИП Бровко А. А. 372 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2021. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997–1999 гг. Симферополь : Мандарин. 408 с.
- Рыжова Л. А., 2005. Бронзовые ажурные подвески из раскопок в Юго-Западном Крыму // *Херсонесский сборник*. Вып. XIV. Севастополь : Максим. С. 283–290.
- Свиридов А. Н., 2022. Кремационные погребения могильника Фронтное 3 // *Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи*. М. : ИА РАН. С. 71–85.
- Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 149 с.
- Стоянова А. А., 2011. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XVII. С. 116–140.
- Стоянова А. А., 2016. Подвески из могильника Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 122–165.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // *Stratum plus*. № 4. С. 27–277.
- Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). Киев : Наукова Думка. 173 с.
- Труфанов А. А., 2001. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // *Поздние скифы Крыма*. Труды ГИМ. Вып. 118. М. : ГИМ. С. 71–77.
- Труфанов А. А., 2007. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // *Древняя Таврика*. Симферополь : Универсум. С. 173–186.
- Труфанов А. А., 2011. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н.э. // *Stratum plus*. № 4. С. 225–270.
- Труфанов А. А., 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I–IV вв. н.э. // *История и археология Крыма*. Вып. XII. Симферополь : Колорит. С. 163–200.
- Труфанов А. А., 2022. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2015–2017 гг. Симферополь : АРИАЛ. 248 с.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // *Советская археология*. № 4. С. 58–71.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej. 313 с.
- Храпунов И. Н., 2004. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // *Херсонесский сборник*. Вып. XIII. Севастополь. С. 297–309.
- Храпунов И. Н., 2008. Наконечники ремней из могильника Нейзац // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XIV. С. 61–79.
- Храпунов И. Н., 2010. Оружие из могильника Нейзац // *Terra Barbarica*. Lodz ; Warszawa : Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego : Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica. С. 535–555.
- Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь : Доля. С. 13–113.
- Храпунов И. Н., 2016. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 97–121.

- Храпунов И. Н., 2018. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. IV. Симферополь : ИП Бровко А. А. С. 133–145.
- Храпунов И. Н., 2021а. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. VII. Симферополь : Салта. С. 235–256.
- Храпунов И. Н., 2021б. Инновации IV в. н.э. в культуре населения крымских предгорий // Проблемы истории, филологии и культуры. № 3. С. 80–91.
- Храпунов И.Н., Мульд С. А., 2004. Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь ; Керчь. С. 299–326.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А., 2009. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь : Доля. 96 с.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2018. Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. № 4. С. 255–262.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2021. Склеп с многократными погребениями III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 217–250. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.11>
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2022. Склеп III в. н.э. с украшениями в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. VIII. Севастополь : Альбатрос. С. 268–324.
- Шабанов С. Б., 2020. Стекланные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003–2019 гг.) // Проблемы истории, филологии и культуры. № 2. С. 110–134.
- Шаров О. В., 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: хронология комплексов с римскими импортами. СПб. : Нестор-История. 208 с.
- Шаров О. В., 2010. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. № 4. С. 251–285.
- Khrapunov I. N., 2005. A New Account on the Contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (On the Materials of the Excavations on the Cemetery of Neyzats in 2001) // Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica IV. Lublin : Institut Archeologii UMCS w Lublinie : Moesgård Museum. P. 185–197.
- Polit B., 2022. Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings. Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. 425 p.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1971. Zerkala gornyx rayonov Severnogo Kavkaza [Mirrors of the Mountainous Regions of the North Caucasus]. *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy po arkheologicheskim dannym* [History and Culture of Eastern Europe According to Archaeological Data]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., pp. 121–132.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR* [Fibulae of the South of the European Part of the USSR]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 111 p.
- Antipenko A.V., 2016. Tipologiya psaliy I–IV vv. n. e. (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya) [A Typology of Cheek-Pieces of the First – the Fourth Centuries AD (According to the Materials of Funeral Sites in the Northern Black Sea Area)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XXI, pp. 84–109.
- Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V., 2001. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981–1995 gg.* [Necropolis of Tanais. Excavations of 1981–1995]. Moscow, PALEOGRAF Publ. 274 p.
- Bezuglov S.I., 1997. Voinskoe pozdnesarmatskoe pogrebenie bliz Azova [Warrior Late Sarmatian Burial in Vicinity of Azov]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [Historical and Archaeological Research in Azov and on the Lower Don], iss. 14. Azov, pp. 133–142.
- Bezuglov S., Zakharov A., 1989. Bogatoe pogrebenie pozdnerimskogo vremeni bliz Tanaisa [A Rich Grave from the Late Roman Period in Vicinity of Tanais]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Proceedings of the Rostov Regional Museum], iss. 6. Rostov-on-Don, Rostov. kn. izd-vo, pp. 42–66.
- Bezuglov S.I., Nidzel' nitskaya L. Yu., 2020. Pozdesarmatskiy kurgan u stanitsy Mariinskoy na Donu [A Late Sarmatian Barrow at Mariinskaya Cossack Village in the Don Area]. *Krym v sarmatskuyu epokhu*

- (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], vol. VI. Simferopol, Salta Publ., pp. 215-259.
- Vasil'ev A.A., 2005a. O vremeni poyavleniya germanskikh druzhin na Bospore [About the Time of Appearance of the German Fighting Squads at Bosphorus]. *Bosporskiy fenomen: problema sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov* [The Phenomenon of Bosporan Kingdom. Problems of Correlation Written and Archaeological Sources]. Saint Petersburg, State Hermitage Publ., pp. 343-349.
- Vasil'ev A.A., 2005b. Germanskie voinskie pryazhki i nakonechniki remney na Bospore [German Military Buckles and Belt Points in Bosphorus]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], iss. IX. Simferopol; Kerch, pp. 279-292.
- Vysotskaya T.N., 1994. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [Ust'-Al'ma Hillfort and Necropolis]. Kiev, Kiev. akad. Evrobiznesa Publ. 206 p.
- Gavritukhin I.O., 2022. Podvyaznye luchkovye fibuly mogil'nika Frontovoe 3 (tipologiya i khronologiya) [The Bow-Shaped Brooches with Returned Foot from the Cemetery of Frontovoe 3 (Typology and Chronology)]. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh imperii* [The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: the Barbarians on the Borders of the Empire]. Moscow, IA RAS, pp. 22-42.
- Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2020. Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (predvaritel'noe soobshchenie) [The Roman Period Cemetery Frontovoe 3 in the Southwestern Crimea (Preliminary Publication)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 91-110.
- Gudkova A.V., Redina E.F., 1999. O sarmatskom mogil'nike Gradeshka v nizov'yakh Dunaya [About the Sarmatian Cemetery Gradeshka on the Lower Danube]. *Starozhitnosti Pivnichnogo Prychornomor'ya i Krymu* [Antiquities of the Northern Black Sea region and Crimea], iss. VII, pp. 177-193.
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V., 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [Cemetery of the Roman Period Bel'bek IV in the South-Western Crimea]. In 2 Parts. Part 1. Moscow, Ist. muzey Publ. 272 p.
- Dashevskaya O.D., 1951. Zemlyanoy sklep 1949 g. v nekropole Neapolya skifskogo [The Earthen Vault of 1949 in the Cemetery of Neapolis Scythica]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 2, pp. 131-135.
- Zhuravlev D.V., 2010. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. Po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny* [Terra Sigillata of the South Western Crimea in the 1st–3rd Centuries AD (Finds from Late Scythian Cemeteries of the Bel'bek River Valley)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum 9. Simferopol.* 320 p.
- Zhuravlev D.V., 2014. “Braslety” i kol'tsa s vystupami iz pozdneskifskikh i sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernjvr'ya [Bracelets and Knobby Rings from Late- Scythian and Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Region]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], iss. 1 (43), pp. 59-85.
- Ivanova O.S., 2013. Amfory pozdnerimskogo vremeni iz raskopok Mangupa [The Amphorae from the Late Roman Period Excavated in Mangup]. *Krym v sarmatskuyu epokhu* [The Crimea in the Age of the Sarmatians], vol. I. Simferopol; Bakhchysarai, Dol'ya Publ., pp. 93-154.
- Kostromichev D.A., 2015. Azhurnye pryazhki s pel'tovidnoy ramkoy: voprosy tipologii, khronologii i proiskhozhdeniya [Openwork Buckles with Pelta-form Loop. Questions of Typology, Chronology and Origin]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 299-356.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae in the Age of the Sarmatians]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ. 384 p.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnerimskogo vremeni [The Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [The Sarmatians and Their Neighbours on the Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., Gefest Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogilnikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [Monuments of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and Their Traditions in the Burial Mounds of the North-Eastern Caucasus of the Second Half of the 2 – the Middle of the 5 AD]. Moscow, IA RAS. 208 p.
- Malashev V.Yu., Oblomskiy A.M., 2002. Poyasnaya tsentral'no-evropeyskaya garnitura rimskogo vremeni na territorii Dneprovskogo Levoberezh'ya [The Details of Central European Belt-sets of Roman Epoch on the Dnieper Left Bank Territory]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 113-124.

- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani: (Po materialam pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraces on the Kuban (Based on the Materials of the Burials of the Lower Kuban)]. Krasnodar. 336 p.
- Nessel' V.A., 2003. Krasnolakovaya keramika iz mogil'nika Kilen-Balka [Red Lacquer Ceramics from the Kilen-Balka Cemetery]. *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonese Collection], iss. XII. Sevastopol, pp. 107-123.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia 2nd century BC – 3rd century AD. Burial Monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ. 480 p.
- Puzdrovskiy A.E., Zaytsev Yu.P., Nenevolya I.I., 2001. Novye pamyatniki III–IV vv. n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu [New Sites from the Third to Fourth Century AD in the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. VIII, pp. 32-50.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2016. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2008–2014]. Simferopol, Brovko A. A. Publ. 308 p.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2017a. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2000–2003]. Simferopol, IP Zueva T. V. Publ. 300 p.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2017b. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2004–2007]. Simferopol, IP Brovko A. A. Publ. 372 p.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., Zaytsev Yu.P., Nenevolya I.I., 2021. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 1997–1999 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 1997–1999]. Simferopol, Mandarin Publ. 408 p.
- Ryzhova L.A., 2005. Bronzovye azhurnye podveski iz raskopok v Yugo-Zapadnom Krymu [Bronze Openwork Pendants from Excavations in the South-West Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonese Collection], iss. XIV. Sevastopol, Maksim Publ., pp. 283-290.
- Sviridov A.N., 2022. Krematsionnye pogrebeniya mogil'nika Frontovoe 3 [Cremation Graves in the Cemetery of Frontovoe 3]. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh imperii* [The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: the Barbarians on the Borders of the Empire]. Moscow, IA RAS, pp. 71-85.
- Skripkin A.S., 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashey ery* [The Lower Volga Region in the First Centuries AD]. Saratov, SGU. 149 p.
- Stoyanova A.A., 2011. Grivny iz pamyatnikov Kryma sarmatskogo vremeni [Grivnas from Crimean Monuments of Sarmatian Period]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XVII, pp. 116-140.
- Stoyanova A.A., 2016. Podveski iz mogil'nika Neizats [Pendants from the Cemetery of Neizats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). T. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neizats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). Vol. II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Nasledie tysiacheletiy Publ., pp. 122-165.
- Strzheletskiy S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I., 2003–2004. Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysiacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz № 10») [The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1st Millennium AD (by Materials of the Necropolis «Sovkhoz No. 10»)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 27-277.
- Simonovich E.A., 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropolia Neapolya Skifskogo)* [The Population of the Capital of the Late Scythian Kingdom (According to the Materials from the Eastern Cemetery of Scythian Neapolis)]. Kiev, Naukova dumka Publ. 173 p.
- Trufanov A.A., 2001. K voprosu o khronologii brasetov s zoomorfnyimi okonchaniyami (po materialam krymskikh mogil'nikov pozdneskifskogo vremeni) [To the Question of Chronology of Bracelets with Zoomorphic Terminals]. *Pozdnie skify Kryma* [Late Scythians of Crimea]. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya, iss. 118. Moscow, SHM, pp. 71-77.
- Trufanov A.A., 2007. Zerkala-podveski pervykh vekov n.e. iz mogil'nikov Krymskoy Skifii [Mirrors-Pendants of the First Centuries AD from the Cemeteries of the Crimean Scythia]. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, Universum Publ., pp. 173-186.
- Trufanov A.A., 2011. Metallicheskie amulety-podveski Severnogo Prichernomor'ya pervykh vekov n.e. [Metal Amulets-Pendants from Northern Black Sea Coast of the First Centuries AD]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 225-270.
- Trufanov A.A., 2020. Metallicheskie detali shkatulok iz varvarkikh pogrebeniy Kryma I–IV vv. n.e. [Metal Parts of Caskets from Barbarian Graves in the Crimea from the First to Fourth Century AD]. *Istoriia i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], iss. XII. Simferopol, Kolorit Publ., pp. 163-200.

- Trufanov A.A., 2022. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2015–2017 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2015–2017]. Simferopol, Arial Publ. 248 p.
- Khazanov A.M., 1963. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [Genesis of Sarmatian Bronze Mirrors]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 58-71.
- Khrapunov I.N., 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.)* [The Cemetery of Druzhnoe (Third and Fourth Centuries AD)]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej. 313 p.
- Khrapunov I.N., 2004. Podboynaya mogila pozdnerimskogo vremeni iz nekropolia Neyzats [Undercut Grave of Late Roman Period from the Cemetery of Neizats]. *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonese Collection], iss. XIII. Sevastopol, pp. 297-309.
- Khrapunov I.N., 2008. Nakonechniki remney iz mogil'nika Neizats [Strap-Ends from the Cemetery of Neizats]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XIV, pp. 61-79.
- Khrapunov I.N., 2010. Oruzhie iz mogil'nika Neizats [Weaponry from the Cemetery of Neizats]. *Terra Barbarica*. Lodz; Warszawa, Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, pp. 535-555.
- Khrapunov I.N., 2011. Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neizats [Some Results of the Researches of the Cemetery of Neizats]. *Issledovaniya mogil'nika Neizats* [Exploring the Cemetery of Neizats]. Simferopol, Dol'ya Publ., pp. 13-113.
- Khrapunov I.N., 2016. Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogil'nika Neyzats [Silver and Bronze Buckles from the Cemetery of Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). T. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC-AD 400). Vol. II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Nasledie tysyacheletiy Publ., pp. 97-121.
- Khrapunov I.N., 2018. Sklepy s korotkimi dromosami v Krymu i na Severnom Kavkaze [Burial Short-Corridor Vaults in the Crimea and in the North Caucasus]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], vol. IV. Simferopol, IP Brovko A. A., pp. 133-145.
- Khrapunov I.N., 2021a. Issledovaniya mogil'nika Opushki: itogi i perspektivy [The Researches of the Cemetery of Opushki: Results and Perspectives]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], vol. VII. Simferopol, Salta Publ., pp. 235-256.
- Khrapunov I.N., 2021b. Innovatsii IV v. n.e. v kul'ture naseleniya krymskikh predgoriy [The Fourth-Century AD Innovations in the Culture of the Crimean Submountain Area Population]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 3, pp. 80-91.
- Khrapunov I.N., Mul'd S.A., 2004. Sklepy s pogrebeniyami III v. n.e. iz mogil'nika Neyzats [The Vaults with the Burials of the 3rd Century AD from the Cemetery of Neyzats]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], iss. VII. Simferopol, Kerch, pp. 299-326.
- Khrapunov I.N., Mul'd S.A., Stoyanova A.A., 2009. *Pozdneskijskiy sklep iz mogil'nika Opushki* [Late Scythian Vault from the Opushki Cemetery]. Simferopol, Dol'ya Publ. 96 p.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2018. Ukrasheniya v pozdnerimskom polikhromnom stile iz mogil'nika Opushki v Krymu [Adornments of the Late Roman Polychrome Style in the Cemetery of Opushki in the Crimea]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 255-262.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2021. Sklep s mnogokratnymi pogrebeniyami III v. n.e. iz mogil'nika Opushki [A Third Century AD Burial Vault with Multiple Burials at the Cemetery of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 217-250. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.11>
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2022. Sklep III v. n.e. s ukrasheniyami v pozdnerimskom polikhromnom stile iz mogil'nika Opushki [A Third-Century AD Burial Vault Containing the Ornaments Featuring the Late Roman Polychrome Style in the Cemetery of Opushki]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], vol. VIII. Sevastopol, Al'batros Publ., pp. 268-324.
- Shabanov S.B., 2020. Steklyannye sosudy rimskogo vremeni iz mogil'nika Opushki v Krymu (po materialam raskopok 2003–2019 gg.) [Glass Vessels from the Roman Period in Opushki Cemetery, the Crimea (Excavations in 2003–2019)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 2, pp. 110-134.

- Sharov O.V., 2007. *Keramicheskiy kompleks nekropolya Chatyr-Dag: khronologiya kompleksov s rimskimi importami* [The Pottery Complex of the Cemetery of Chatyr-Dag: Chronology of Assemblages with Roman Imports]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 208 p.
- Sharov O.V., 2010. Dannye pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov o poyavlenii germantsev na Bospore (problema vydeleniya "germanskikh drevnostey na Bospore) [Appearance of the Germans in Bosphorus in the Light of the Written and Archaeological Records (The Problem of Identification of "German Antiquities" in Cimmerian Bosphorus)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 251-285.
- Khrapunov I.N., 2005. A New Account on the Contacts Between the Sarmatians and the Germans in Crimea (On the Materials of the Excavations on the Cemetery of Neyzats in 2001). *Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica IV*. Lublin, Institut Archeologii UMCS w Lublinie, Moesgård Museum, pp. 185-197.
- Polit B., 2022. *Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings*. Rzeszów, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. 425 p.

Information About the Author

Igor N. Khrapunov, Doctor of Sciences (History), Professor, Archaeology and General History Department, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

Информация об авторе

Игорь Николаевич Храпунов, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всемирной истории, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
- оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
- организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
- развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
- обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
- поддержание высокого уровня научных публикаций.

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
- present research findings to end users in the most useful way;
- create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
- develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
- review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
- maintain the high level of academic publications.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://nav.jvolsu.com> («Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.

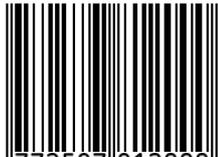
The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

ISSN 2587-8123

30>

9 772587 812000

This block contains a white rectangular area with a repeating geometric pattern. At the bottom of this area, there is a white rectangular label. The label contains the ISSN number 'ISSN 2587-8123' at the top, a standard barcode in the middle, the number '30>' to the right of the barcode, and the number '9 772587 812000' at the bottom.